

СОДЕРЖАНИЕ

Обливин А.Н. Слово главного редактора	4
Философия и экология	
Фалько В.И. Устойчивое развитие или гармонизация социоприродных систем?	5
Барковская А.В. Природный мир: презумпция красоты	11
Барлыбаев Х.А. Устойчивое развитие: миф или призыв к благоразумию	18
Коротков С.А. Теоретические проблемы устойчивости леса	26
Кочергин А.Н. Экологическая культура как фактор «устойчивого развития» общества: проблемы, возможности, реалии	33
Кузина Л.В. «Зеленая экономика» как альтернатива существующей рыночной экономике	37
Митич Л. Экологическое воспитание и образование в функции защиты природы	43
Мишаткина Т.В. Этические проблемы нанотехнологий в контексте экологии человека	49
Мухлынкина Ю.В. Сетевые экологические проекты как способ формирования экологической культуры	57
Рогожа М.М. Экологическая этика в гражданском обществе: теоретико-прикладные аспекты	64
Сенницкая Л.В. Роль образования в формировании экологической культуры	70
Фалько В.И., Лукманов Р.Р. Проблема прав и субъектности природы	75
Цырдя Т.Н. Социальная биоэтика и стратегии безопасного развития общества: теоретико-методологические конфигурации	84
Щербаков С.А. «Экология русского духа» в творчестве Николая Рубцова	91
Экологическое право	
Адаманова Э.В. Проблемы применения экологического законодательства в судебной и досудебной практике	96
Закарян Г.А. Возможности практического и законодательного закрепления пожароопасности ООПТ и ООЗТ г. Москвы	104
Майорова Е.И. Некоторые эколого-правовые проблемы Арктического региона	110
История	
Егоров В.Г. Потребительская кооперация: современный мировой опыт развития	117
Зозуля О.А. Российское государство, земства и кустари на рубеже XIX–XX вв.: формирование системы взаимоотношений	129
Лавренов С.В. О политико-идеологических основах планирования Германией войны против СССР (К 70-летию со дня победы в Великой Отечественной войне)	138
Палеолог М.В., Чистова С.М. “ <i>Itrepium Sacrum</i> ” как духовно-политическая основа российской имперской парадигмы	147
Панин Е.В., Зозуля О.А. Обучение национальных меньшинств в национальных отделениях общих вузов советской России (1920–1930-е годы)	158
Философия	
Сколяр Ю.Н. Исследование феномена свободы воли в экзистенциальной философии	163
Тихвинский П.Н. Социально-философские аспекты ксенофобии	169
Филология	
Падерина Е.Г. О первых этапах изучения драматургического творчества Гоголя и научной преемственности	175
Темнова Е.В. Некоторые аспекты использования сетевых ресурсов при обучении аудированию	183
Косарина А.А., Федотова А.Е. Политическая терминология и номенклатура в рамках непрофессионального дискурса	187
Педагогика	
Агафонова А.С. Дистанционное обучение в вузе. Методы внедрения	192
Бахтигулова Л.Б. Пятнадцать выпусков по специальности «Профессиональное обучение» в Московском государственном университете леса	199

CONTENTS

Oblivin A.N. <i>From the Editor</i>	4
Philosophy and Ecology	
Falco V.I. <i>Sustainable development and harmonization of socio-natural systems?</i>	5
Barkovskaya A.V. <i>The natural world: the presumption of Beauty</i>	11
Barlybaev H.A. <i>Sustainable Development: Myth or call for prudence</i>	18
Korotkov S.A. <i>Theoretical problems of the forest sustainability</i>	26
Kochergin A.N. <i>Ecological culture as a factor of “sustainable development” of society: challenges, opportunities and realities</i>	33
Cousina L.V. <i>«Green Economy» as an alternative to the existing market economy</i>	37
Mitich L. <i>Environmental education and education in the function of environmental protection</i>	43
Mishatkina T.V. <i>Ethical issues of nanotechnology in the context of human ecology</i>	49
Muhlynkina Y.V. <i>Network environmental projects as a way of formation of ecological culture</i>	57
Rogozha M.M. <i>Environmental Ethics in civil society: theoretical and applied aspects</i>	64
Sennitskaya L.V. <i>The role of education in the formation of ecological culture</i>	70
Falco V.I., Lukmanov R.R. <i>Rights issue and the nature of subjectivity</i>	75
Tirdea T.N. <i>Social Bioethics and safe strategy of development of society: theoretical and methodological configuration</i>	84
Shcherbakov S.A. <i>«Ecology of Russian spirit» in the writings of Nikolai Rubtsov</i>	91
Environmental Law	
Adamanova E.V. <i>Problems of implementing environmental legislation and judicial practice of pre-trial</i>	96
Zakarin G.A. <i>Features practical and legislative consolidation of protected areas and fire OOST in Moscow</i>	104
Mayorova E.I. <i>Some ecological and legal issues in the Arctic region</i>	110
History	
Egorov V.G. <i>Consumer cooperatives: a modern world experience of development</i>	117
Zozulya O.A. <i>Russian government, Zemstvos and craftsmen in the late XIX – early XX century: relationship formation</i>	129
Lavrenov S.V. <i>War On the political-ideological basis for the planning of the war against Germany, the Soviet Union (the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic)</i>	138
Paleolog M.V., Tchistova S.M. <i>“Imperium Sacrum” as a spiritual and political foundation of the Russian imperial paradigm</i>	147
Panin E.V., Zozulya O.A. <i>Education of national minorities in the national offices of general high schools of Soviet Russia (1920–1930)</i>	158
Philosophy	
Skolyar Y.N. <i>Study of the phenomenon of free will in existential philosophy</i>	163
Tikhvinskiy P.N. <i>Social-philosophical aspects of the phenomenon of xenophobia</i>	169
Philology	
Paderina E.G. <i>On the first stages of studying Gogol`s dramatic art and scientific continuity</i>	175
Temnova E.V. <i>Some aspects of network resources when teaching listening comprehension</i>	183
Kosarina A.A., Fedotova A.Ye. <i>Political terminology and nomenclature units in non-professional discourse</i>	187
Pedagogy	
Agafonova A.S. <i>Distance learning at the university. Methods of implementation</i>	192
Bahtigulova L.B. <i>Fifteen issues in the specialty “Vocational training” at the Moscow State Forest University</i>	199

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В данном номере журнала публикуются статьи по гуманитарной тематике, в том числе проблемам, связанным с экологией. В первой половине этого выпуска вниманию читателей предлагаются избранные материалы 6-й Международной научной конференции по проблемам экологического мировоззрения, проходившей 3–4 июня 2014 г. в МГУЛ. Ежегодное проведение конференций по философским и научным аспектам экологического сознания в университете стало доброй традицией, и статьи на основе докладов, сделанных на предыдущих международных форумах, публиковались в нашем журнале: 2011, № 2(78) и 2013, № 5(97). Тема конференции «ЭкоМир-6», посвященной Году культуры в России – «Экологическая культура как фактор устойчивого развития общества», привлекла внимание ученых Москвы и Подмосковья, Белоруссии и Украины, Молдавии и Сербии.

В докладах и статьях этого номера журнала рассмотрены проблемы формирования экологической культуры и дискуссионные аспекты устойчивого развития социоприродных систем. Основное внимание авторы уделяют философско-методологическим, научным и правовым проблемам охраны природной среды.

Сегодня, когда антропогенная нагрузка на природу достигла критического порога, развитие нашей цивилизации во многом определяется тем, сумеет ли человек осуществлять свои планы и действия, руководствуясь принципом гармоничного единства с окружающей средой. Ответ на вопрос: «Быть или не быть человечеству?» – зависит от того, будет ли человек оставаться покорителем природы или станет ее другом и помощником, сумеет построить с ней партнерские отношения.

А пока что в отношении человека к природе преобладает ее эксплуатация, в том числе лесозаготовка. Леса вырубаются и для того, чтобы высвободить плодородные земли, которые должны кормить растущее население, в результате чего происходит уничтожение почвенного слоя планеты. В частности, сегодня трагедия американского и латиноамериканского материков в том, что периодически идущие ливневые дожди смывают плодородный слой почвы, если там нет леса, почва перестает продуцировать. Нужны радикальные меры.

Мы не должны сбрасывать со счетов и космические проблемы. Климат Земли определяется солнечной активностью, с одной стороны, мировым океаном – с другой, криогенной системой, т. е. вечной мерзлотой и ледниками – с третьей. И все это находится в соответствующем магнитном поле Земли. Сегодня, по В.И. Вернадскому, Земля представляется как живой организм, который дышит, и это дыхание Земли связано с землетрясениями и другими катаклизмами на планете. Они происходят потому, что меняется магнитное поле Земли, меняется периодически, по циклической схеме, и угол наклона земной оси. И, конечно, глобальный климат Земли зависит не только от человеческой деятельности, которая представляет собой лишь одну из составляющих, но и от природных планетарных и космических факторов. Все это в совокупности нужно отражать в картине нашего экологического благополучия.

В номере помещены материалы, связанные с социально-гуманитарными аспектами различных сфер культуры и истории нашего общества, в том числе с проблемами развития высшего образования. Отдельные статьи посвящены не только Году культуры, но и 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Надеюсь, что материалы этого выпуска нашего «Вестника» заинтересуют не только ученых-обществоведов, но и специалистов различных областей знания, в том числе лесного и лесопромышленного комплекса.

**Главный редактор журнала,
президент МГУЛ, академик А.Н. Обливин**

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ИЛИ ГАРМОНИЗАЦИЯ СОЦИОПРИРОДНЫХ СИСТЕМ?

В.И. ФАЛЬКО, проф., зав. каф. философии МГУЛ, канд. филос. наук

vfalco@yandex.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д. 1, МГУЛ

Концепция устойчивого развития, принятая на Конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и подтвержденная в 2012 г. на Конференции Рио+20, остается предметом острых дискуссий. Обсуждение этой проблемы на Международной научной конференции «Экологическая культура как фактор устойчивого развития общества» (МГУЛ, 3–4 июня 2014 г.) и на Национальном форуме по устойчивому развитию (Москва, 23 декабря 2014 г.) выявило разнообразие точек зрения, которые представлены и в литературе. Это позиции сторонников и противников данной концепции, компромиссные точки зрения и альтернативные устойчивому развитию подходы. Примечательно, что ученые, выражающие различные точки зрения, оказываются, как правило, сторонниками одного типа экологического мировоззрения – экоцентризма, воплощающего в себе идеал гармонии общества и природы. Автор настоящей статьи считает целесообразной разработку концепции гармонизации социоприродных систем как возможной альтернативы концепции устойчивого развития. Основные идеи предлагаемого подхода: 1) переход от идеи пользы, лежащей в основе концепции устойчивого развития, к идее гармонии социоприродных систем; 2) понимание оптимального состояния системы как устойчивого неравновесия; 3) отказ от приоритета интереса в отношениях человека и природы, замена его приматом общения; 4) признание субъектности природы во взаимодействии и общении с человеком и обществом; 5) преодоление синергетической парадигмы системно-синергетической методологией, в разработке которой важную роль играет диалогика. Предложенный подход соответствует современным познавательным моделям. Он может способствовать преодолению устаревших образцов научного и философского мышления, господствующих в современной концепции устойчивого развития, и достижению качественно нового уровня экологической культуры.

Ключевые слова: устойчивое развитие, гармония, социоприродные системы, неустойчивость, устойчивое неравновесие, общение, диалогика, системно-синергетическая методология, экологическая культура.

Формирование новой экологической культуры рассматривается сегодня как один из факторов, призванных обеспечить устойчивое развитие общества и социоприродных систем. Вместе с тем, концепция устойчивого развития, принятая на Конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и подтвержденная в 2012 г. на Конференции Рио+20, остается предметом острых дискуссий.

В 2014 г. проблема устойчивого развития обсуждалась на 6-й Международной научной конференции по проблемам экологического мировоззрения «Экологическая культура как фактор устойчивого развития общества» (МГУЛ, 3–4 июня) и на Национальном форуме по устойчивому развитию (Москва, 23 декабря). В докладах и дискуссиях на этих конференциях выявились подходы, характерные для современного понимания устойчивого развития в России и некоторых других странах. Обнаружилось разнообразие подходов к концепции устойчивого развития, которые можно сгруппировать в четыре основных категории: сторонники и противники данной концепции, приверженцы компромисса между полярными позициями и искатели альтернативных подходов.

Одним из активных сторонников концепции устойчивого развития выступил

Х.А. Барлыбаев. Считая неустойчивый характер современного мирового развития угрозой существованию человечества, он дал в своем докладе «анализ концепции устойчивого развития как единственной научной доктрины и практического руководства к действию, способной обеспечить выживание современной цивилизации» [1]. Солидаризируясь, отчасти, с замечаниями в адрес термина «устойчивое развитие», докладчик отвергает его искажения и огульную критику, принимая это понятие: «Давно пора перестать спорить о словах и терминах, лучше прежде всего договориться, какое содержание в них вкладывается» [1]. Непринимаемой некоторыми авторами Концепции устойчивого развития российский философ и ученый-экономист предлагает дать название «Концепция и стратегия спасения планеты» [1].

Неожиданно для многих радикальным отрицанием концепции устойчивого развития и указанием на близость гибели человечества было выступление на конференции в МГУЛ Э.В. Гирусова. В докладе «Экологическая культура как важнейшее условие перехода к устойчивому развитию», который, к сожалению, не публикуется здесь, он заявил, что эта концепция – «миф, опирающийся на дру-

гие мифы». Первый из них общеизвестен и связан с превратным переводом английского термина *sustainable development*, означающего «поддерживающее развитие». Он может быть преодолен уточнением перевода и требованием поддерживать биосферу. «Второй миф, – говорит докладчик, – это миф о законах общественного развития. Нет таких законов! Это надуманные законы – человеком, его интересом в завышенные и постоянно растущие потребности. ...Это издевательство над природой, которая рушится под воздействием такого неконтролируемого тотального роста. И мы, конечно, очень близки к гибели. ... Надо отказаться от этой разрушительной для природы, а, в конечном счете, и для человека концепции законов устойчивого развития. ... Надо переходить на социоприродные законы, иногда я их называю «социально-экологические законы». ...Это законы сохранения и саморегуляции биосферы, но в специфической их реализации в деятельности человека».

Эти противоположные оценки концепции устойчивого развития и современной экологической ситуации объединяет, однако, близость к мировоззренческой позиции экоцентризма, заключающей в себе идеал партнерских отношений человека и природы, гармонию общества и природной среды. Так, по мнению Х.А. Барлыбаева, философия устойчивого развития «рассматривает жизнь человечества как неотъемлемую часть жизни биосферы, создает мировоззрение гармонизации отношений человека с природой» [2], что согласуется с требованием поддерживать биосферу по законам сохранения и саморегуляции биосферы.

К экоцентризму, идеалу гармонии природных и социальных систем, коэволюции общества и природы, близки и взгляды Э.В. Гирусова: «Способом сохранения общества становится не столько ориентация на тотальное изменение природы, сколько обеспечение совместимости с ней всех направлений человеческой деятельности» [3]. Это значит, что разногласия между двумя полярными точками зрения в оценке концепции устойчивого развития относятся не к декларируемым в ней идеалам и стратегическим целям, а к

конкретным путям оптимизации отношений общества и природной среды.

Достижению единства и согласованных действий спорящих сторон способствует нередко поиск «золотой середины» между крайними оценками концепции устойчивого развития. И такие взгляды тоже нередко близки к экоцентризму. Примером является позиция А.Н. Кочергина, которую он сам определяет как основанную на «принципе биоцентрического эгалитаризма» [4]. В этой позиции видится скептицизм в отношении антропоцентристского понимания теории ноосферы В.И. Вернадского, которую многие считают истоком концепции устойчивого развития: «Может быть, лучше полагаться на восточную мудрость – не покорять природу, а встраиваться в ее ритмы, принять естественный порядок вещей и не насиловать ее? Во всяком случае, трудно представить, что человек сможет по своему усмотрению управлять космическим эволюционным процессом» [4]. Но, с другой стороны, проблема достижения гармонии человека и природы остается неразрешимой не только в рамках антропоцентризма, но и на основе другой крайности – натурацентризма.

В докладе на конференции в МГУЛ известный философ и социальный эколог обращает внимание на противоречивость понятия устойчивого развития: «Представление об устойчивом развитии как лишенном противоречий разного рода утопично. ...Представлять развитие взаимодействия общества и природы как постоянно устойчивые неконструктивно. Поэтому концепция устойчивого развития основанием должна иметь принцип эволюционно обусловленного экологического развития – «устойчивым» развитием может быть только коэволюционное развитие, трактуемое как взаимонепоражающее развитие общества и природы» [4]. Идею коэволюционного развития разделяют и другие участники дискуссии об устойчивом развитии.

В позиции А.Н. Кочергина есть интересный момент, связанный с критическим взглядом на понятие устойчивости. В отличие от Х.А. Барлыбаева он не считает неустойчивость однозначно угрозой существованию человечества: «Если говорить об

устойчивости как характеристике состояния систем, то постоянно устойчивой является только неустойчивость. Термин *sustainable* означает «поддерживаемый», «поддерживающий». Но в этом значении данный термин может быть отнесен и к неустойчивому развитию. Поэтому выражение «устойчивое развитие» внутренне противоречиво, поскольку все системы в своем развитии проходят через точки бифуркации» [4].

Несмотря на различие в оценках значения устойчивости и неустойчивости для судеб человечества, представители всех трех рассмотренных подходов указывают на противоречивость самих терминов. Действительно, русскому слову «устойчивость» в английском языке соответствуют, по меньшей мере, два: *Stability* и *Sustainability*. В то же время русский термин «стабильность» не все авторы считают синонимом «устойчивости». На это указывал в докладе на конференции в МГУЛ С.А. Коротков. Это говорит о том, что значение терминов все же нужно уточнять, но не сводить к некоему единому для всех сфер стандартному определению. Феномен и понятие устойчивости интересно рассмотреть не только применительно к обществу и социоприродным системам, но и на материале естественных и точных наук.

Есть в разных областях знания общее для всех значений этого термина содержание, сохраняющееся и во времени. Так, У.Р. Эшби в книге «Введение в кибернетику» пишет: «Через все значения слова «устойчивость» проходит основная идея «инвариантности». Эта идея состоит в том, что хотя система в целом претерпевает последовательные изменения, некоторые ее свойства («инварианты») сохраняются неизменными» [5]. В этой книге Эшби рассматривает понятие устойчивости в тех значениях, которые соответствуют английскому слову *Stability*. Но и в термине *Sustainability*, несмотря на его противоречивость, акцент делается на самоподдерживающемся процессе, т. е. предполагающем инвариантность тех или иных характеристик системы, даже если этой характеристикой оказывается ее неустойчивость, о чем пишет А.Н. Кочергин.

«Инвариантная неустойчивость» необходима для развития, устойчивость должна

заключать в себе свою противоположность, ибо без этого не может возникнуть ничего нового. Именно так характеризует Эшби устойчивость системы как стабильность: преобразование системы «не порождает новых состояний» [5]. А где нет возникновения нового, там нет развития. Если система не обладает неустойчивостью, в ней нет и свободы, без которой не может быть развития, по крайней мере, человека и общества.

Поэтому термин «устойчивость», который чаще всего отождествляется со стабильностью, исключаящей неустойчивость, не является соответствующим идее развития и идеалу свободы. Об этом говорили некоторые участники конференции в МГУЛ: одно из двух – либо устойчивость, либо развитие. Видимо, традиционное, «стабильное» понимание данного термина мешает его современному использованию.

Действительно, традиционная экология ищет пути предотвращения значительных изменений в результате малых отклонений в значениях параметров путем нахождения сбалансированных решений. В этом проявляется признак классической познавательной модели, присущей еще XIX веку – статистической, если абсолютизируется устойчивость, и более ранней – механической, когда устойчивость понимается как равновесие. Как пишет Ю.В. Чайковский, «в XIX веке... стали считать реально интересными лишь те движения, которые при малых возмущениях не приводят к большим различиям в результатах. Ныне же основной интерес представляют как раз неустойчивые движения» [6].

Соглашаясь с конструктивностью учета неустойчивости, выскажу предположение, что на нынешнем этапе эта идея является перспективной, но еще не вполне обеспеченной научным аппаратом для ее реализации. Переходным к ней может быть понятие устойчивого неравновесия, впервые выдвинутое Э.С. Бауэром как определение сущности живого [7], а затем получившее разработку в синергетической парадигме современной науки применительно к неживой природе, и есть даже попытки развивать ее в применении к обществу.

Возврат к устаревшим познавательным моделям, воплощенным в идеях дарвинизма и рыночных теориях, связан с тем, что «западный мир снова провозгласил идеалы потребительского общества... Налицо **исторический откат**, начало которому положил провал всемирной конференции ООН по окружающей среде (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), где США, Великобритания и Япония заблокировали все реальные действия» [8]. «*Стержнем исторического отката*», по мнению Ю.В. Чайковского, оказываются идеалы «раннего капитализма – рынок, «разумный эгоизм» и дарвинизм» [8].

Интересно, что еще ранее мысль о провале – не самой конференции, а ее решений – высказывал и сторонник концепции устойчивого развития Х.А. Барлыбаев: «Серьезные и масштабные проблемы остаются нерешенными, главным образом, из-за обструкционистской политики США. По существу провалились **решения** Конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в 1992г. в Рио-де-Жанейро. Тогда президент США Джордж Буш-отец в ответ на критику деструктивной позиции США заявил: «Американский образ жизни обсуждению не подлежит!» [3].

Положительно оценивая идеал устойчивого развития, еще одна участница конференции в МГУЛ, экономист из Белоруссии Л.В. Кузина рассматривает «зеленую экономику» как соответствующую этой идее альтернативу существующей рыночной экономике: «Недостатки либерально-рыночной идеологии, ставшие сегодня очевидными даже для неспециалистов, приводят к заключению, что рыночный путь развития принципиально несовместим с концепцией устойчивого развития. Принятая мировым сообществом концепция «зеленой экономики» призвана обеспечить согласование трех компонентов устойчивого развития – экономического, социального и экологического. ... Устойчивое развитие отличается от экономического развития более жесткими ограничениями экологического характера» [9]. Игнорирование социальных и, особенно, экологических ориентиров неразрывно связано с «принципом ненасытности» в рыночной экономике, считает автор доклада.

Ю.В. Чайковский же не только критикует рыночный идеал, но и подчеркивает, что «рыночная экономика на Западе давно, с Великой депрессии 1930 г., отошла на задний план, и преобладает экономика корпоративная..., а рыночные термины... обслуживают идеологию отката: у них – к безоглядному потреблению, в Китае и других странах роста – к безоглядной порче природы» [8].

«Исторический откат» проявляется и в несостоявшемся рождении новой познавательной модели, приходящей на смену не только классическому, но и современному системному мышлению. «В 1980-х годах немецкий философ и социолог Юрген Хабермас предлагал миру альтернативу – сменить общественный идеал с *интереса* на *коммуникацию*, т. е. с преследования выгоды на стремление к пониманию других..., но теперь снова преобладает преследование интереса» [8].

Концепция устойчивого развития, будучи ориентированной на интересы и деятельность, а не на идеалы и взаимопонимание, направлена на стабилизацию отношений настоящего и будущего, которое не существует как наличное бытие. Хорошо известна в связи с этим данная В.И. Даниловым-Данильяном критика определения устойчивого развития, исходящего из баланса потребностей настоящего времени и будущих поколений и канонизированного в решениях Конференции Рио+20: «Оно не может быть признано конструктивным, поскольку для его операционального использования требуется соизмерение настоятельности потребностей нынешнего и достаточно удаленных будущих поколений» [10].

Как показывает анализ различий в понимании устойчивого развития, *проблема достижения устойчивого и развивающегося состояния общества и окружающей среды, либо непрерывно поддерживаемого развития пока не имеет путей решения*. Вместе с тем, в различных подходах проявляются идеи, выводящие, на наш взгляд, на возможные альтернативные пути разрешения этой проблемы.

Представляется в этой связи перспективным уже отмечавшееся выше направление, предлагающее отказаться от термина «устойчивое развитие» и апеллирующее к понятию

гармонии. В этом отношении интересны подходы, развивающие идеи А.А. Любищева.

«Главный тезис Любищева звучит для нас странно. Он таков:

Основой природы является не польза, а гармония.

Для Любищева даже «приспособление есть частный случай гармонического строения» [8]. Именно этот тезис предвосхищает смену старых познавательных моделей, лежащих в основе господствующего понимания устойчивого развития, новыми, соответствующими постнеклассической науке.

Для успешной разработки и осуществления этих идей необходим подход, сменяющий традиционный субъект-объектный взгляд на познание и практику диалогической методологией. Почему потерпели фиаско попытки Хабермаса утвердить новый общественный идеал? Полагаю, что не только в силу мощного сопротивления мирового капитала, немаловажную роль сыграл культурно-цивилизационный фактор. Коммуникация, в ее западном понимании и реальных воплощениях, представляет собой не столько межличностное общение, прикосновение друг к другу душ людей, стремящихся к взаимопониманию, сколько интерактивное взаимодействие и обмен информацией. Вследствие этого коммуникативная концепция Хабермаса предполагала замену одного вида обменных отношений, другим. Отношения и между людьми, и между обществом и природой в коммуникативной модели остаются субъект-объектными, а в условиях господства технологий – и межобъектными. А для достижения гармонии необходимы субъект-субъектные отношения и в обществе, и в социоприродных системах.

Необходима дальнейшая разработка методологических основ познания и практики, рассматривающих коммуникацию, способную вести к пониманию природы и взаимопониманию между людьми, открытых навстречу друг другу, и как общение с силами природы. Основой для этого может служить диалогика, развитая, прежде всего, в трудах П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, а также методология гуманитарных наук, разрабатываемая в синергичной философии и антропологии С.С. Хоружего.

В синергичном подходе понятие синергии понимается в изначальном смысле, полагающем духовное единение, сотрудничество, а не только согласованное действие объективных факторов, как в синергетической парадигме. В отличие от Хоружего, противопоставляющего синергичный подход системной методологии, наш поиск направлен на сближение методологий гуманитарных и объективных наук. Представляется возможным системно-синергичный подход, общий для всех наук и применимый к постановке и решению проблемы достижения гармонии в социоприродных и социальных системах.

Диалогика позволяет перейти от категорий субъект-объектных отношений к понятиям, выражающим отношения между людьми и общества с природой в личных местоимениях Я, Ты, Мы, Вы, Он (Она), Они, а также безличных Это и То. Для разработки подхода, согласно которому и природа и общество основаны на устойчивом неравновесии и гармонии, а не равновесии и пользе, представляется перспективной такая методологическая подстановка, как признание субъектности природы [11], разрабатываемая автором доклада и другими учеными. Эта идея может быть конструктивной как для объектно-субъектного, так и для диалогического, или системно-синергичного подходов.

Основные идеи предлагаемого подхода можно сформулировать следующим образом: 1) переход от идеи пользы, лежащей в основе концепции устойчивого развития, к идее гармонии социоприродных систем; 2) понимание оптимального состояния системы как устойчивого неравновесия; 3) отказ от приоритета интереса в отношениях человека и природы, замена его приматом общения; 4) признание субъектности природы во взаимодействии и общении с человеком и обществом; 5) преодоление синергетической парадигмы системно-синергичной методологией, в разработке которой важную роль играет диалогика.

Предложенный подход соответствует современным познавательным моделям. Он может способствовать преодолению устаревших образцов научного и философского мышления, господствующих в современной

концепции устойчивого развития, и достижению качественно нового уровня экологической культуры.

Библиографический список

1. Барлыбаев, Х.А. Устойчивое развитие: миф или призыв к благоразумию / Х.А. Барлыбаев // Вестник МГУЛ – Лесной вестник, 2015. – № 4. – С. 14–21.
2. Барлыбаев, Х.А. Общая теория глобализации и устойчивого развития / Х.А. Барлыбаев. – М.: Издание Государственной Думы, 2003. – 336 с.
3. Гирусов, Э.В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма // Философия и общество. – 2009. – № 4. – С. 74–92.
4. Кочергин, А.Н. Экологическая культура как фактор «устойчивого развития» общества: проблемы, возможности, реалии / А.Н. Кочергин // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 2015. – № 4. – С. 29–32.
5. Эшби, У.Р. Введение в кибернетику / У.Р. Эшби. – М.: Иностранная литература, 1959. – 432 с.
6. Чайковский, Ю.В. Диатропика, эволюция и систематика / Ю.В. Чайковский. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. – 407 с.
7. Бауэр, Э.С. Теоретическая биология / Э.С. Бауэр. – М.-Л.: ВИЭМ, 1935. – 206 с.
8. Чайковский, Ю.В. Активный связанный мир. Опыт теории эволюции жизни / Ю.В. Чайковский. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 726 с.
9. Кузина, Л.В. Зеленая экономика как альтернатива существующей рыночной экономике / Л.В. Кузина // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 2015. – № 4. – С. 33–38.
10. Данилов-Данильян, В.И. Устойчивое развитие / В.И. Данилов-Данильян // Экологическая энциклопедия: Т. 6. – М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013. – 656 с.
11. Фалько, В.И. Этические перспективы экологического сознания / В.И. Фалько // Экологические проблемы в условиях перестройки. // Сб. тр. Вып. 11. – М.: ВНИИСИ, 1991. – С. 23–29.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OR HARMONIZATION OF SOCIAL AND NATURAL SYSTEMS?

Falko V.I., Prof. MSFU, Ph.D. (Philosophy)

vfalco@yandex.ru

Moscow State Forest University, 141005, Moscow Region., Mytishchi-5, 1st Institutskaya Str. 1, MSFU

The concept of sustainable development adopted at the Earth Summit in Rio de Janeiro in 1992 and confirmed in 2012 at Rio + 20 conference, remains the subject of heated debates. The discussion of this issue at the International Scientific Conference «Ecological culture as a factor of sustainable development of society» (MSFU, 3-4 June 2014) and at the National Forum on Sustainable Development (Moscow, December 23, 2014) revealed a diversity of points of view that are presented in literature. These are positions of the supporters and opponents of this concept, compromising points of view and alternative approaches to sustainable development. It is noteworthy that scientists who stick to different points of view are usually supporters of the same type of environmental outlook the so-called ecocentrism which embodies the ideal of harmony between the society and nature. The author of the present article considers the development of the concept of harmonization of socio-natural systems as a possible alternative to the concept of sustainable development to be reasonable. The main ideas of the proposed approach are: 1) transition from the idea of usefulness which lies in the basis of the concept of sustainable development to the idea of harmony of social and natural systems, 2) understanding of the optimal state of the system as a stable disequilibrium, 3) rejection of priority of interest in the relationship between man and nature, its replacement by primacy of communication, 4) recognition of the subjectivity of nature in interaction and communication with the individuals and society, 5) overcoming of the synergetic paradigm by means of system-synergetic methodology, in the development of which dialogics plays an important role. The proposed approach is consistent with modern cognitive models. It can help to overcome the legacy of samples of scientific and philosophical thought prevailing in the modern concept of sustainable development, and to achieve a new level of environmental culture.

Keywords: sustainable development, harmony, social and natural systems, non-sustainability, sustainable imbalance, communication, dialogics, system-synergy methodology, ecological culture.

References

1. Barlybaev Kh.A. *Ustoychivoe razvitie: mif ili prizyv k blagorazumiyu* [Sustainable Development: Myth or call for prudence]. Moscow state forest university bulletin–Lesnoy vestnik. 2015. № 4. – pp. 14–21.
2. Barlybaev Kh.A. *Obshchaya teoriya globalizatsii i ustoychivogo razvitiya* [The general theory of globalization and sustainable development]. Moscow: Izdanie Gosudarstvennoy Dumy, 2003. 336 p.
3. Girusov E.V. *Ekologicheskaya kul'tura kak vysshaya forma gumanizma* [Ecological culture as the highest form of humanism]. *Filosofiya i obshchestvo*. 2009. № 4. pp. 74–92.
4. Kochergin A.N. *Ekologicheskaya kul'tura kak faktor «ustoychivogo razvitiya» obshchestva: problemy, vozmozhnosti, realii* [Ecological culture as a factor of «sustainable development» of society: Challenges, Opportunities, Realities]. Moscow state forest university bulletin–Lesnoy vestnik. 2015. № 4. pp. 29–32.
5. Eshbi U.R. *Vvedenie v kibernetiku* [Introduction to Cybernetics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1959. 432 p.
6. Chaykovskiy Yu.V. *Diatropika, evolyutsiya i sistematika* [Diatropika, evolution and systematics]. M.: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2010. 407 p.
7. Bauer, E.S. *Teoreticheskaya biologiya* [Theoretical Biology]. Moscow-Leningrad: Izd-vo VIEM, 1935. 206 p.
8. Chaykovskiy Yu.V. *Aktivnyy svyaznyy mir. Opyt teorii evolyutsii zhizni* [Activities connected world. Experience the theory of evolution of life]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2008. 726 p.
9. Kuzina L.V. *Zelenaya ekonomika kak al'ternativa sushchestvuyushchey rynochnoy ekonomike* [Green economy as an alternative to the existing market economy] Moscow state forest university bulletin–Lesnoy vestnik. 2015. № 4. pp. 33–38.
10. Danilov-Danil'yan V.I. *Ustoychivoe razvitie* [Sustainable development]. *Ekologicheskaya entsiklopediya: V 6 t. T. 6*. Moscow: ООО «Издательство Энциклопедия», 2013. 656 p.
11. Fal'ko V.I. *Eticheskie perspektivy ekologicheskogo soznaniya* [Ethical perspectives of ecological consciousness]. Moscow state forest university bulletin–Lesnoy vestnik. 2011. pp. 212–217.

ПРИРОДНЫЙ МИР: ПРЕЗУМПЦИЯ КРАСОТЫ

А.В. БАРКОВСКАЯ, доц. каф. философии и методологии науки Белорусского ГУ, канд. филос. наук

barkovskaja@inbox.ru

Белорусский государственный университет,
220050, Республика Беларусь, Минск, пр-т Независимости, 4

Красота – не только категория чистой эстетики, т. к. ее первоначальный смысл имплицирован в экологический, естественнонаучный, социальный и другие типы дискурсов. В результате словосочетания «экологическая красота», «красота природы», «красота теории», «красота слова» и т. д. широко используются в профессиональных языках. Секрет красоты в ее способности гармонизировать любой тип объекта, будь то теоретическое знание, художественное произведение, промышленное сооружение или город, что делает ее самоценной. Вместе с тем, сегодня все активнее раздаются голоса в защиту самой красоты, на место которой претендуют безобразное, дисгармоничное, выдавая себя за нее. Эстетическая симуляция особенно заметна в перепланировании столичных городов, планомерно уничтожающих естественные природные ландшафты, красота которых облагораживала и людей. В неплотно застроенное столичное пространство с его природными островками встраиваются высотные дома, заглядывающие в окна старожилы. Экономическая целесообразность новой архитектурной политики оборачивается утратой радости людей от соприкосновения с природой нашего двора, которую бесцеремонно вытеснили стекло и бетон. Архитектурная эклектика оказалась важнее природной эстетики, комфорта городской среды и климатического оазиса. Активное строительство расширяет и городские границы, наступая на леса, которые испокон веков охраняли и питали город, служили зоной отдыха, ощущения, хотя и символического, что природный мир с нами. Его природная красота служила образцом естественной эстетики для всего искусственно созданного человеком. Результат превзошел все ожидания: современные спальные районы оказались в городской пустыне, среди песка, асфальта и мусорных баков. Парадокс в том, что самые зеленые окраины города перестали быть таковыми. Итак, презумпция красоты природного мира требует нашей защиты, как, собственно, и он сам. Культура по-прежнему антропоцентрична, природа – лишь объект наших интересов, да и человек, подменив природный мир виртуальным, сделал себя объектом своих же манипуляций.

Ключевые слова: природа, человек, красота, культура, социальная практика, наука, искусство, экоэтика.

Красота самодостаточна и поэтому приобретает в культуре особый статус некоего эталона, по критериям которого маркируется все существующее. Но красота как социокультурный феномен изменчива, т. к. смена исторических эпох влечет за собой и смену своих образцов. Поэтому и наши представления о ней достаточно лабильны, но при этом, если рассуждать не о красоте вообще, а о красоте природы как «дома человеческого бытия», то, возможно, мы здесь увидим объективную красоту, которая не зависит от установок культуры, а сама репрезентирует природные объекты в качестве эталонов прекрасного естества, поражающего наше воображение? И тогда у нас появляется шанс рассматривать ее не только в качестве эстетического феномена, принципиально не влияющего на ход наших исторических предпочтений, а позволит серьезно рассчитывать на ее ресурс как активного и культурно значимого субъекта, корректирующего наши сиюминутные интересы и, главное, признанного в качестве легитимного участника философии «ненасилия». В данном контексте еще в русском космизме в его художественно-эстетической версии (Ф. Достоевский, В. Соловь-

ев, Н. Рерих, Д. Андреев и др.) предлагалась такая парадигма, в рамках которой человек и его история соотносились с вечно сущей природой, и такое космическое всеединство виделось как сфера красоты и совершенства, радости и счастья. Не случайно метафора Ф. Достоевского о том, что «красота спасет мир, если она добра» приобрела вселенский смысл и, перефразировав сентенцию о надежде, которая умирает последней, можно сказать, что и красота предстает в той же ипостаси, ибо к ней сегодня апеллируют, в первую очередь, все прикладные науки – экологическая этика, социальная экология и др.

Но дело в том, что красоту считают залогом успеха не только ее прямые апологеты – поэзия, проза, искусство и т. п., в которой они видят главный путь эстетизации повседневного бытия людей, формирования у них чувства прекрасного, что позволяет каждому человеку выйти за границы рутинного и привычного. С не меньшим пиететом к феномену красоты относится и естествознание: так, В. Гейзенберг, выступая с докладом «Значение красоты в точной науке» на заседании Баварской Академии изящных искусств в Мюнхене, резюмирует:

«в точном естествознании, как и в искусстве, главный источник распространения света и ясности заключается в красоте» [1]. Для обоснования данного вывода он реконструировал всю историко-философскую традицию и обнаружил две античные дефиниции красоты: в одном варианте – это правильное согласование частей друг с другом и целым; в другом – вечное сияние «Единого», просвечивающего в материальном явлении (Плотин). В. Гейзенберг считает, что представления о ней имели в культуре социальную и этическую стороны, поскольку красота, заложенная в исходных формах, требовала от мастеров и ремесленников действовать в духе этих форм и тем самым позволяла им точно и тщательно выполнять свою работу и, в конечном итоге, приобщаться к прекрасному всем людям. Принцип красоты, таким образом, направлял человеческую деятельность и находил отражение во всех артефактах культуры.

Данный принцип имеет серьезное значение и для современного научного знания, являясь одним из важных критериев при построении научной теории, поскольку чем проще и гармоничнее она устроена, тем эффективнее объясняет максимально широкую область явлений, а значит, дает лучшее понимание природной реальности. Согласно А. Эйнштейну, решать свои задачи теория может лишь в том случае, если она удовлетворяет двум основным критериям – «внешнему оправданию» и «внутреннему совершенству» [2], последнее требование – это требование красоты. Естествознание апеллирует к красоте как средству, позволяющему рациональному мышлению эксплицировать законы природы, и в то же время оно претендует на смену собственного имиджа, устанавливая родство науки и искусства и элиминируя традиционное заблуждение о себе как исключительно дискурсивном мышлении. В данном случае речь идет не о естественной красоте, а о красоте сконструированного теоретического мира, претендующего на некий эквивалент природного.

Однако здесь обнаруживается контраверза двух миров – естественного и искусственного, что меняет функции собственно красоты: естествознание завязано на социальную

преобразующую практику, нуждающуюся, прежде всего, в двух главных ценностях науки – инновации и истине, поэтому вопрос о презумпции природной красоты в такой ситуации не приоритетен. Соответственно европейская культура, избравшая такой путь, становится культурой обладания красотой: Э. Фромм на примере стихов Теннисона, Гете и Басе показывает различие в культурных подходах Запада и Востока – стремление сорвать цветок; понимать, что он живое существо и может погибнуть; и просто созерцать цветок, чтобы стать с ним единым целым [3]. Собственно активная и деятельностная позиция новоевропейского человека, актуализированная трансцендентально-критической философией и нашедшая воплощение в эпистемологических проектах и социальных преобразованиях Просвещения ярко выражена К. Марксом: «Я в путь отправился нехоженой тропой»/«О путник, ты куда» – «Ищу я мир иной!»/«А этот? В нем тебе чего не достает?/Взгляни вокруг: каких не сыщешь в нем красот!/Сверкают звезды в нем, шумит морской прибой...»/«Нет! Этот мир мне дан, но он не создан мной!/Земной ли камень, горный ли эфир –/Все – цепи, что на нас набросил этот мир!/Быть должен мной рожден, взращен моей рукою, /Моя мечта должна его моря разлить,/Его опорой должен дух мой быть!» (Искал). В задачи такого субъекта входит описывать, анализировать, расчленять природный мир, исследуя его по частям, конструировать (У. Вордсворт: «...чтобы расчленив, мы убиваем»), поэтому красота природы и ее значимость для субъекта определяется соответствием его требованиям.

Естественно, в европейской культуре существовали этические ограничения гуманизма. М. Монтень в «Опытах» пишет, что сложность жизни людей в том и состоит, что их «мучают не сами вещи, а представления, которые они создали себе о них», поэтому для человека «самая великая вещь на свете – это владеть собой» [4]; он прежде должен вслушаться в себя, поэтому «предмет, который я изучаю больше всякого иного, это я сам. Это моя метафизика, это моя физика», и правильно будет «созерцать свою жизнь в зеркале других жизней» [5]. Таким образом, человек может

стать тем, что он представляет собой потенциально, путем преодоления ограниченности собственного эго, достигая любви, смирения и уважения к жизни как самоценности.

Искусство как раз и есть прямая противоположность естественнонаучному сознанию, ибо воспринимает мир как некую данность, волнуемую своей первозданностью, в которой можно найти красивое и прекрасное, тем самым показывая, что интерьер природного мира может быть преобразован человеком только в меру привнесения в него красоты, удобства, совершенства форм. В такой парадигме мышления природа интерпретируется как источник впечатлений, задающий гармонию цветового решения, архитектурных и иных стилизаций, музыкальных форм и т. д. Творцы искусства, как утверждает А. Жид, стремятся «отрешиться от бренных вещей, от времени и вознестись над суетой мира», они верят, что без «Красоты нет совершенной жизни, как нет ее без Добродетели и Истины. Поэт – это человек, неустанно напоминающий людям о вечной идее красоты, рассеянной в переходящих явлениях несовершенной жизни». [6]. Поиск красоты природного мира, а не его субстанций, вопрошание о его сокровенном, а не только рациональное познание, создание «Вселенского собора», «где все прекрасное, как в чистых зеркалах» (Ш. Бодлер) – вот ближайшие задачи искусства.

В.В. Вейдле также считает, что искусство есть дело целостного прозрения и неделимой веры, а не расчленяющего знания, призванное заново творить мир, со всей необузданностью творческой фантазии по законам самой жизни, не рационально, рассудочно, а интуитивно воссоздавая прекрасный образ этого мира, постигая Божественный замысел во всей его уникальной целостности и многомерности. Вне этого пространства оно задыхается, в мире, подвластном предопределенно-арифметическому мышлению, оно уже не живет, ибо арифметика, экстраполированная на сферу иррационального, не обеспечит необходимый искусству приток воздуха [7]. Правда данной позиции подтверждается и мыслью о том, что искусство, как правило, чувственно по самой своей сути, поэтому оно и знает толь-

ко тот путь к духовным переживаниям, который пролегает через восприятие, а это значит, что, какие бы метафизические идеи оно ни пыталось воплотить, отречься от чувственности оно не может. Апелляция к истории искусства и представителям ассоциативного восприятия природы – главное тому подтверждение.

В неолитическом искусстве еще «отсутствует воспевание мощи оружия, жестокости и грубой силы» в отличие от более поздних времен. В нем нет ни «благородных воителей», ни батальных сцен», т. к. в нем функционируют иные символы – «вода и солнце, например геометрический орнамент в виде волнистой линии, так называемый меандр (символ текущей воды)... Это змеи и бабочки (символ превращений)...» [8]. Здесь главным субъектом поклонения является только природа в своем разнообразии. Поэтому чувственное мышление выделяет в природе все «живое», «соразмерное», «легкое», «проворное», «гибкое» и «привлекательное для созерцания», устанавливая в результате интимную солидарность с ней. Живя среди «ликующей» природы и воспринимая ее такой, человек пронизывает ее своими чувствами. Так, Сапфо, поэтесса с острова Лесбос, которую Платон в эпиграммах назвал десятой музой, делает природу такой же важной темой, как и любовь. Ее стихи – это гармония любви и природы, имплицитная в себе эротическую чувственность: «Я негу люблю, /Юность люблю, /Радость люблю/И солнце,/Жребий мой быть/ В солнечный свет/ И в красоту /Влюбленной». Феномен такой чувственности, как полагают, в немалой степени формировался самой природой, так как греки очень интимно ее переживали, были тесно связаны с ней, ощущали глубинную потребность понять всю безграничность затаенного в ней мира чувств и красоты. В идиллиях Феокрита даются пространные описания природы: рассказывается о красивых деревьях, душистых цветах и травах, о звонких цикадах, об умиротворенной тишине и обо всем, что «летом богатым дышало и осенью пышной». Такие картины природы приятны человеку, они наполняют его жизнь смыслом и создают ему душевный комфорт. Поэтому для Феокрита благодеяния Прометея – это человеческая

беда, потому что люди уже с трудом выносят большие города с их цивилизацией, стремятся убежать на лоно природы и прославлять мирные радости собственного бытия. Эстетизм, ирония и скептицизм становятся у него символами городской жизни. Его герой покидает такую жизнь для наслаждения другой, которая видится ему более сложной, изысканной, в лоне красивой природы [9].

В античности классическое искусство было верным следованием природе, и только тогда, когда оно начинает играть не меньшую роль, чем природное содержание материала, устанавливаются равноправные отношения человека с природой, что нашло выражение в принципе гармонии микро- и макрокосма. Именно чувство гармонии удерживает человека в пределах прекрасного и упорядоченного космоса, а представления о природном мире организуются не только логикой разума, но и чувством красоты, которая репрезентирует разумность бытия. Поэтому природа – это объект интеллектуального созерцания, эталон для развития человеческого духа, моральный закон, определяющий поведение грека. В целом она воспринимается как мир блага, в котором Минерва пожелала поселить обласканный ею народ в Греции, где климат отличается мягкостью, умеренной температурой воздуха, а такие условия благоприятны для развития духа и творческого гения (Платон).

Формирование христианской культуры изменяет и статус природы – из творящей она трансформируется в тварную: и если в аристотелевской системе природа выступала самоценной и самозаконной сущностью, то здесь она рассматривается под влиянием эсхатологических представлений о конечности всякого бытия. Это приводит к утрате ею самостоятельного бытия, она предстает Божественной конструкцией, артефактом, поэтому уже не природа дает эталон человеку, а Бог в виде своих наставлений и повелений. Вместе с тем, природный мир – творение Божье, созданное по акту Его свободной воли и любви, соответственно совершенно и прекрасно: «Итак, Господи, Ты создал их; Ты прекрасен, – и они прекрасны; Ты добр, – и они добры; Ты – Сущий, – и они существуют...» (Августин). Таким обра-

зом, красота природного мира легитимирована Высшей Личностью и человек должен все данное ему «возделывать и хранить» (Быт. 2, 15), т. к. в таком благом мире упорядочивать и менять следует только свою душу, побуждая ее к гармоническому созерцанию природного мира и единению с Богом.

Интерес к познанию природного мира, который также имел место в это время, был напрямую связан с выявлением порядка в нем, чтобы лишний раз продемонстрировать «высокое совершенство существующего мира, безупречность его внутреннего устройства». Например, Альберт Великий и Фома Аквинский стали проповедовать, что Божественное провидение и промысел Создателя определяют порядок и красоту тварного мира. К тому же природа стала трактоваться как текст, написанный «божьиими письменами», в результате она приобрела поэтический образ под красивым названием «Книга природы». Раймунд Себундский писал в XV в., что Бог дал нам две книги – «Книгу природы» и Библию.

Несмотря на незначительность статуса авторского художественного произведения, в Средневековье проводились, тем не менее, исключительно теоретические дискуссии об искусстве как таковом, о природе прекрасного. Философы под влиянием идей платонизма и неоплатонизма приходили к выводу, что красота образов есть проявление той невидимой красоты, которая скрывается в Боге как создателе всего сущего. Соответственно задача художника виделась только в подражании Учителю, поэтому признавалось только религиозное искусство. Оно призвано было выполнять просветительскую функцию – когда на стене храма можно прочесть то, что написано в книге. Поскольку художественное творчество в этот период носило сакральный характер, то особое внимание стало уделяться светотехнике: световые эффекты позволяли душе возвыситься до невидимого Света. Художник должен был знать, что он своими произведениями, как внешними атрибутами, украшает жилище Бога, воспроизводит исходящую от Него красоту.

Ренессанс эстетизирует все сферы бытия: красота, изящество, гармония – это характеристики природного мира. Пафос красоты

пронизывает искусство этой эпохи, что придает ей идейное величие. Такое отношение к первозданной естественной красоте экстраполируется и на создание рукотворных произведений, таких как террасные сады, дворцовые парки, т. е. всего того, что не только украшает, но и возвеличивает человека как творца. Гуманисты стали формировать культ природы, тела и чувственности человека наряду с признанием изначальной мудрости природы, ее доброты и святости. Красота теперь понимается как единство физических и духовных качеств человека, совершенные линии и пропорции его тела привлекают ренессансных художников. Границы классического идеала красоты были раздвинуты и модифицированы путем включения в творческий процесс авторской индивидуальности. Картина художника рассматривается аналогом чувственно-воспринимаемой природы, визуальный образ отождествляется с реальным природным объектом, поэтому то, что он видит и воспроизводит, является прекрасным, т. е. «образ мастера венчает развертывание природного начала». Таким образом, чем «искусственней» труд мастера, тем он ближе к выявлению «естественного», и наоборот, «подражать природе» – это постоянно стремиться выявлять искусственность естества, его разумность и гармоничность. Можно сказать, что в результате красота природы легитимируется и поэтому смело диктует свои правила и становится мериллом всего создаваемого человеком.

Вместе с тем, и в эпоху Возрождения ситуация не столь идеальна, т. к. в полной мере красота не была охранной грамотой для природы, поскольку антропоцентристская идеология ориентировала человека, в первую очередь, на культивирование собственной самооценности, манифестацию его могущества, способного, подобно Богу, преобразовать природу. В этой идеологии скрывались предпосылки будущего господства над природой самоуверенного человека, превышения им всякой разумной меры такого воздействия, поэтому, скажем, в поэзии П. Ронсара можно услышать призыв к охране дикой природы. Так, в элегии «Гастинскому лесорубу» он писал: «Кто первым занесет неправедный топор / Над рощами, что здесь шумели с давних пор, / Пусть собственным клин-

ком живот себе пропорет, / Пусть голод смерть его постыдную ускорит, / Пусть изведется он, как древний лесоруб, / Что, преступив запрет, срубил священный дуб / ... все поедал он жадно / И сам пожрал себя – пускай войны дракон / Жестоко истребит нарушивших закон!» [10].

Гастинский лес у Ронсара – это воплощение той вольно произрастающей, не тронутой цивилизацией природы, которая всегда была символом красоты и человеческой свободы, отблеском его «золотого века». В оде, посвященной английскому поэту П. Шелли, звучит близкая по смыслу оценка творческого человека. Такому человеку всегда казалось, что вся его земная жизнь связана с воспоминаем о другом, более красивом мире как источнике собственного существования, и он с изумлением всматривался в него, стараясь сквозь призму своей мечты в нем увидеть образ угасшего лучшего дня и рассвет нового золотого века.

Новоевропейская цивилизация акцентированно интересуется природой как источником познания и преобразования, что должно обеспечить ей социальный прогресс. Естественно, внимание переключается на познание физической реальности, основных законов и принципов ее устройства и развития, что сопровождается бурным всплеском экспериментальной науки и необходимостью обслуживания ее познавательных потребностей, в связи с этим иницируются и исследования специфики способов человеческого познания, заложенных в природе самого разума. В рамках гносеологизма сознание познающего человека выступает как «то, что лежит в основании» (субъект), а предмет познания – природа, человек и пр. – как «то, что надстраивается над субъектом» (объект). В этом контексте красота природы уступает пальму первенства красоте разума, прославление которого мы находим у представителей художественного слова. В частности, П. Шаррон призывал человека следовать природе, а значит и разуму, т. к. уже в это время разум, по оценке исследователей, из «тюремщика чувств» превращается в адепта свободы. Как пишет Н. Буало-Депрео в «Поэтическом искусстве», искусство должно стремиться к достижению истины путем «подражания природе», т. е. действительность должна быть не только ху-

дожественно воспроизведена, но и осмыслена. В таком случае она всегда будет востребована обществом. Поэтому задача писателя состоит в том, чтобы изучать природу, но при этом искусство должно отражать ее только в той мере, в какой она соответствует законам рассудка.

Под влиянием перспектив возможностей научного разума оказался и английский поэт Дж. Мильтон, у которого акцент поставлен на благах, приносимых человеку христианским принципом «свободной воли». Здесь не просто любование природой, красота которой инициирует творческий процесс, а космический динамизм, вселенская неуспокоенность, «небесная артиллерия» (Дж. Мильтон) вызывают к жизни познавательную активность и реализацию означенного принципа. Не случайно его философия человека оказалась столь значима для Дж. Байрона, П. Шелли, Дж. Китса. В «Потерянном Рае» Дж. Мильтон изображает Адама и Еву как владык прекрасного мира, и это «достойнейшая пара» для поэта. Человек у него – «наместник Бога» на Земле, поэтому Адам – обладатель лучших человеческих качеств – доблести, мудрости, мужества. Но разум и страсть раздирают его внутренний мир, ибо первый ограничивает Адама «естественным законом», вторая же стремится лишит его человечности. «Свободная воля» Адама, таким образом, раскачивается между этими двумя полюсами, он вынужден постоянно находиться в ситуации выбора между разумом и страстями, ведь воля есть активное начало, движущее человеком. В «Потерянном Рае» поэт доказывает, что Адам и Ева становятся людьми только благодаря свободному выбору, и Дж. Мильтон считает, что такое состояние очень полезно человеку, так как способствует его самосовершенствованию.

Культура и в период прославления разума создавала ему альтернативы, выразившиеся в призывах «назад в природу» (Ж.-Ж. Руссо, Г. Торо и др.) и даже создатели научных проектов восхищались тем, что природный мир полон тайн, поэзии и чудес. Ф. Бэкон неоднократно говорил, что природа своей тонкостью во многом превосходит тонкость разума. «Игра природы» позволяет извлекать прекрасное, которое воспринимается чувствами подобно солнцу, освещающему лицо земного шара. Если XVII в.

стремился в искусстве к заранее данному идеалу, подчеркивал в своих произведениях четкость линий, разумность, симметрию, благородство естественного пейзажа, то XVIII в. привнесет ределяя романтический флер в восприятие природы, оп ее как приятную и улыбающуюся человеку, где все идеально – мир ее форм, мир людей. А Ж.-Ж. Руссо вообще увидел в природном мире зеркало человеческой души, он – храм, где воля Провидения направляет все малое и большое в нем. Человек и природа не отчуждены друг от друга, а, наоборот, чувство согласия между ними рассматривается как высшая ценность.

В романтизме природа начинает приобретать самоценность, что особенно рельефно просматривается на фоне сложившегося холодно-пренебрежительного отношения к ней техногенной цивилизации. Поэтому в стихах и поэмах С. Колриджа, У. Вордсворта, П. Шелли и других мы находим «опьянение» природой и страстный протест против сухого аналитического насилия «над ней». Они полагают, что природная целостность разрушается научным анализом, что природный мир наделен эстетическими и эмоциональными смыслами. Так, у У. Вордсворта в поэме «Прелюдии» видение природы целиком пронизано осознанием ее ценности и до сих пор эта тема одна из обсуждаемых в экологической этике. Вместе с тем, не все люди находили романтику и красоту в дикой природе, т. к. она казалась воинствующей дикостью и не имела никакой практической ценности, поэтому парковая природа была намного им приятнее. Имитация дикой природы была людям интереснее. Как известно, даже ботаника дикую природу не жаловала, поскольку она была тем, что надлежало укротить, классифицировать, сделать источником выгоды. До наших дней проблема прав природы, защита ее красоты находит отражение в произведениях Р. Гари, М. Турнье, Д. Фаулза, Н. Рериха, Фр. Хундертвассера и др.

Сегодня, тем не менее, мы испытываем сомнение, что красота природы станет главной ее привилегией в установлении партнерских отношений с человеком, поскольку естественная среда обитания постоянно модифицируется в неоприродную, т. к. город – это эстетизи-

рованный универсум человеческой жизни, в котором парковые ландшафты репрезентируют природный мир и приобретают тем самым статус фундаментальной ценности в структуре городской жизни. А. Швейцер считал, что опустошение Земли не только вредно, но и дурно, поэтому нужно формировать этосферу, в рамках которой человек является этически разумным, понимающим, что красота природы вечна, но ее должен защищать именно человек, как самое разумное ее существо.

Библиографический список

1. Гейзенберг, В. Значение красоты в точной науке / В. Гейзенберг. Шаги за горизонт. Пер. с нем. / Сост. А.В. Ахутин. – М.: Прогресс, 1987. – С. 282.
2. Эйнштейн, А. Собр. науч. трудов / А. Эйнштейн. – М.: Наука, 1967. – Т. 4. – С. 166.
3. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. пер. с англ. / Общ. ред. и послеслов. В.И. Добренкова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 23–24.
4. Монтень, М. Опыты / М. Монтень // В 3-х Кн.: Пер. с фр. А.С. Бобовича, А.А. Смирнова. – М.: Наука, 1979-1981. – Кн. 1. – С. 43, 220.
5. Монтень, М. Опыты / М. Монтень // В 3-х Кн.: Пер. с фр. А.С. Бобовича, А.А. Смирнова. – М.: Наука, 1981. – Кн. 3. – С. 271, 274.
6. Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдώρα: Пер. с франц. / – М.: МГУ, 1993. – С. 453.
7. Вейдле, В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества / В. Вейдле / Сост. и послесл. И.А. Доброченкова; Комментар. И.А. Доброченкова, З.М. Лурье. – СПб.: Аксиома, 1996. – 333 с.
8. Айслер, Р. Чаша и клинок / Р. Айслер / Пер. с англ. Л. Васильевой. – М.: Древо Жизни, 1993. – С. 48–49.
9. Александрийская поэзия. – М.: Худ. лит., 1972. – С. 25–84.
10. Ронсар, П. Избранная поэзия / П. Ронсар: пер. с фр. – М.: Худ. лит., 1985. – 368 с.

THE WORLD OF NATURE: BEAUTY PRESUMPTION

Barkovskaja Ala V., Assoc. Prof., Belarusian State University, Ph D (Philosophy)

barkovskaja@inbox.ru

Belarusian State University, 220050, Republic of Belarus, Minsk, Independence Ave., 4

The Beauty is not a mere category of pure aesthetics because of its primordial sense that is implied in ecological, natural scientific, social and other types of discourses. As a result, notions like “the ecological Beauty”, “the Beauty of Nature”, “The Beauty of theory”, “The Beauty of words” and others are very widespread in professional languages. The secret of Beauty is its ability to harmonize every type of objects (theoretical knowledge, the work of art, industrial building or the city), which makes it self-valued. At the same time, there are more and more words nowadays in defense of the Beauty itself against the Disfigured and the Discord, which pretend to take its place as its substitute. The aesthetical simulation is especially evident in the process of replanning the cities and capitals that systematically destroys natural landscapes, the beauty of which refined the people as well. Into the not closely build-over area of the capital city with its natural green isles new high-rise buildings are built that peep through the windows of old residents' houses. The expediency logic of the new architectural politics turns out for the lack of joy of those people who need to contact with the glass and concrete that substitute the natural climate of our common places. Architectural eclectics proves to be more important than the natural aesthetics, the comfort of the urban environment and climatic oasis. The active construction activity also expands city borders to forest areas, which from the earliest times protect and feed the city, serve as recreation zone and provide us with the feeling (though a symbolic one) that the natural world and we are together. The natural beauty always served as a model of natural aesthetics for all things artificially constructed by the man. The result of the above-mentioned process exceeds all expectations and the modern dormitory areas find themselves at the urban desert amidst sand, asphalt and refuse bins. The paradox of the situation is that the very green outskirts of city cease to be as such. So, the presumption of the Beauty of the natural world (though itself as well) demands our protection. The modern culture is anthropocentric as it was before and the nature is a mere object of our interests. A man substituting the natural world with a virtual one made him or herself the object of his/her own manipulations.

Key words: Nature, human, beauty, culture, social practice, science, art, eco-ethics.

References

1. Heisenberg W. *Znachenie krasoty v tochnoy nauke* [The meaning of Beauty in exact science] *Shagi za gorizont* [The steps over horizon]. Moscow: Progress, 1987, 282 p.
2. Einstein A. *Sobranie nauchnykh trudov* [Collected papers]. Moscow: Nauka, 1967, V. 4, 166 p.
3. Fromm E. *Imet' ili byt'?* [To Have or to Be?] Moscow: Progress, 1990. pp. 23–24.
4. Montaigne de M. *Opyty* [Essays]. Moscow: Nauka, 1979–1981, V. 1, p. 43; p. 220.
5. Montaigne de M. *Opyty* [Essays]. Moscow: Nauka, 1979–1981, V. 3, p. 271; p. 274.
6. *Poeziya frantsuzskogo simbolizma. Lotreamon. Pesni Maldorora* [The poetry of the French symbolism. Lautréamont. Maldoror]. Moscow: MGU, 1993, pp. 453.
7. Veydle V. *Umiranie iskusstva. Razmyshleniya o sud'be literaturnogo i khudozhestvennogo tvorchestva* [The dying of art. Meditations on the fate of literary and art creation]. Sankt-Petersburg.: Axioma, 1996, 333 p.
8. Eisler R. *The Chalice and The Blade: Our History, Our Future*. New York: Harper & Row, 1989, pp. 48–49.
9. *Aleksandriyskaya poeziya* [Alexandria poetry]. Moscow: Khud. lit., 1972, pp. 25–84.
10. Ronsard P. *Izbrannaya poeziya* [Selected poetry] Moscow: Khud. lit., 1985, 368 p.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: МИФ ИЛИ ПРИЗЫВ К БЛАГОРАЗУМИЮ

Х.А. БАРЛЫБАЕВ, *вед. н. сотр. Института философии РАН, проф. РАНХиГС, Академия при Президенте Российской Федерации, д-р филос. наук, д-р эк. наук*

hbarlybaev@rambler.ru

Институт философии РАН, 119991, г. Москва, ул. Волхонка, 14, строение 5
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, просп. Вернадского, 82, строение 1

Раскрывается неустойчивый характер современного мирового развития, угрожающий существованию человечества. Поставлен вопрос: не оказался ли уже род человеческий в необратимой, скрытой, инкубационной фазе возможного вымирания из-за того, что сегодняшние процессы разрушения биосферы человечество, при всем желании и усилиях, в обозримом будущем не сможет остановить и Земля неизбежно станет непригодной для его обитания? Если такая необратимая фаза еще не наступила, наступит ли она когда-либо вообще и, если да, когда наступит и что нужно сделать человечеству, чтобы такая фаза не наступила преждевременно? Дан анализ концепции устойчивого развития как единственной научной доктрины и практического руководства к действию, способной обеспечить выживание современной цивилизации. Впервые в литературе данная концепция рассматривается в качестве современной общественно-политической, социально-экономической доктрины, а также выражающей ее философско-мировоззренческой категории и разрабатывающей ее принципы научной системы, которые будут определять необходимость переустройства всех сфер жизнедеятельности общества (человечества) с целью обеспечения всеместного и непрерывного безущербного и гармоничного взаимодействия людей между собой и с природной средой. Предлагается рассматривать данную концепцию как призыв к спасению человечества и для этого объединить усилия всего мирового сообщества во всех сферах жизнедеятельности людей. Утверждается, что термин «устойчивое развитие» для восприятия многих людей оказался труднодоступным, двусмысленным и несколько туманным. Нередко он допускает смешение понятий, ему можно давать неоднозначное смысловое толкование. При переводе с английского на русский язык этому способствует еще и некоторое расхождение смысла оригинала понятия «sustainable development», означающего «длительное развитие на собственной основе» или «само себя поддерживающее длительное развитие». Ныне распространенным вариантом перевода стал термин «устойчивое развитие». Давно пора перестать спорить о словах и терминах, прежде всего договорившись, какое содержание в них вкладывается. Самое распространенное искаженное представление состоит в том, что многие считают: устойчивое развитие – это устойчивый экономический рост и обороноспособность своей страны при осуществлении обычных природоохранных мер, определенных социальных решений внутри страны при их почти полном отсутствии в международном масштабе. Подобный «техногенный» вариант экономического развития или «фронтальной экономики» уже привел к сегодняшней неустойчивости мирового сообщества и способствует дальнейшему усугублению ситуации, приближает экологическую катастрофу на Земле.

Ключевые слова: неустойчивость современного мира, концепция устойчивого развития, Конференция ООН «Рио+20», проявления неустойчивости, экологические угрозы, меры перехода к устойчивому развитию.

У всех разумных людей, чувствующих ответственность за судьбы человечества, за его будущее, суть гамлетовского вопроса «быть или не быть?» ныне состоит в поиске ответа на два вопроса.

1. Не оказался ли уже род человеческий в необратимой, скрытой, инкубационной фазе возможного вымирания из-за того, что сегодняшние процессы разрушения биосферы человечество, при всем желании и усилиях, в обозримом будущем не сможет остановить и Земля неизбежно станет непригодной для его обитания?

2. В случае если такая необратимая фаза еще не наступила, то наступит ли она когда-либо вообще и, если да, то когда наступит и что нужно сделать человечеству, чтобы такая фаза не наступила преждевременно?

Надежные ответы на эти вопросы нужны так же, как необходим достоверный диагноз человеку с подозрением на онкологическое заболевание. Так же, как без ясного диагноза невозможно спасти больного, так и без ответа на вышеназванные вопросы человечество может жить в неведении – как пассажиры «Титаника» за час до катастрофы – перед возможным трагическим исходом. Избежать такой участи можно, лишь зная точный диагноз о состоянии здоровья биосферы, причин ее болезни и путей их устранения. С целью выяснения такого диагноза, получения ответов на названные вопросы нужно, чтобы мировое сообщество, в первую очередь лидеры государств: а) сильно захотели получить эти ответы и б) обеспечили научным кругам моральные и материальные условия

нахождения ответов на поставленные вопросы. К великому сожалению, степень таких желаний в мировом сообществе движется в отрицательном направлении, в сторону нуля. На Конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. предлагалось каждой стране, правительствам государств принять на себя особые обязательства и ответственность за осуществление задач по переходу к устойчивому развитию. В Повестке дня на XXI век подчеркивается: **«Правительствам... следует принять национальную стратегию устойчивого развития на основе осуществления решений, принятых на Конференции, включая «Повестку дня на XXI век»...** К числу ее целей должно относиться обеспечение социально надежного экономического развития, при котором осуществляются мероприятия по охране ресурсов и окружающей среды **в интересах будущих поколений.** Она должна разрабатываться при самом широком участии всех слоев общества» [3]. Эти же рекомендации повторил Итоговый документ Рио+20, который призвал региональные, национальные и местные органы власти разработать стратегии устойчивого развития в качестве ключевого инструмента для принятия решений. В документе Рио+20 отмечается: «Мы подтверждаем нашу приверженность осуществлению в полном объеме Рио-де-Жанейрской декларации, Повестки дня на XXI век, Программы действий по дальнейшему осуществлению Повестки дня на XXI век, Плана выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбургского плана выполнения решений) и Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию» [5].

Современный уровень развития наук и их ответы на указанные вопросы позволяют с известной долей уверенности дать отрицательный ответ на первый из вопросов: фаза необратимости процессов разрушения биосферы Земли, пожалуй, пока еще не наступила. Значительный урон, нанесенный хозяйственной деятельностью человека флоре и фауне, почве, воздуху и воде, пока позволяет биосфере «зализывать» раны и добиваться их исцеления. Однако абсолютных, стопроцент-

ных доказательств пока у науки нет. Достоверные, убедительные ответы пока отсутствуют и на второй из поставленных вопросов: когда может наступить необратимость и как ее предотвратить. Большой разброс мнений преобладает у аналитиков, указывающих на возможное время наступления критического периода, – 2030–2060 гг. Очевидно, к этому сроку будут исчерпаны или станут остродефицитными многие ныне используемые, традиционные виды сырья, материалов, источников энергии, труднопереносимыми и невыносимыми станут условия жизни людей из-за загрязнения окружающей среды, воды и воздуха, могут развернуться природные непреодолимые человеком катаклизмы техногенного происхождения: наводнения, засухи, опустошительные ураганы, пыльные бури, эпидемии, нашествие насекомых, выходящие за пределы многовековых норм морозы, жара, дожди, снегопады или их отсутствие. Особо проявятся изменения генетической структуры человеческого организма. Это будет означать наступление необратимых процессов, ведущих к «концу света», к свертыванию человеческой цивилизации. Возможно, эти утверждения можно подвергнуть высокомерному и невежественному сомнению. В подобном случае сомневающийся должен сам обоснованно опровергнуть эти утверждения научных кругов и общественности или должен выделить средства ученым, которые могли бы доказать: так будет или не будет. В противном случае он должен согласиться с указанными утверждениями. Когда большинство мирового сообщества и, особенно, политические, государственные, деловые круги и их лидеры убедятся в правомерности приведенных аргументов, то, по неизбежной логике, возникнет и уже возникает вопрос: как предотвратить, что сделать для недопущения названного катастрофического исхода?

Не обращать внимания нынешнему поколению на это сегодня и ничего не предпринимать немедленно – высшая ступень аморальности, которую 99 % человечества, к сожалению, пока не осознает. Отказ от такого осознания равноценен отказу от всех норм морали и нравственности, выработанных че-

ловечеством за многие тысячелетия, от заботы о будущем детей и потомков, о будущем человечества, сведению смысла, содержания и цели жизни человечества к проеданию, прожиганию и развеиванию по ветру основ будущего в сегодняшней материальной жизни. Без преодоления такого положения обострение социального состояния мирового сообщества и изменения окружающей среды заставят человечество поневоле, в «пожарном порядке» предпринимать экстренные и болезненные меры по предупреждению и устранению последствий катаклизмов. В этом направлении нужно было начинать действовать давно, но надо начинать наверстывать упущенное хотя бы сегодня.

Особо угрожающими являются накапливающиеся социальные противоречия и антагонизмы в мировом и региональном масштабах. Свидетельств этого более чем достаточно. Об этом немецкие авторы Г.-П. Мартин и Х. Шуманн пишут: «Везде, где населению нечего ожидать, кроме бедности, и где туристы и телевизионные картинки демонстрируют жизненные стандарты высококоразвитых индустриальных стран, жадная до жизни молодежь поворачивается спиной к своей родине и собирается в путь к земле обетованной... Главы правительств стран ЕС уже давно решили вооружить своих пограничников. “Придут миллионы, – ожидает Бертран Шнайдер из Римского клуба. – Кто отдаст приказ стрелять, чтобы от них отбиться?”» [4]. Злая шутка истории может заключаться в том, что если мировое сообщество не предпримет реальных мер по борьбе с бедностью и регулированию роста населения в развивающихся странах, то процессы колонизации Европой Азии, Африки и Латинской Америки в XV–XX вв., в XXI в. могут повернуться в обратном направлении: население указанных стран может колонизовать Европу и Северную Америку. Такому ходу событий не сможет противостоять ни одно оружие: депопуляция и старение населения в странах пока еще «золотого» миллиарда, нехватка рабочих рук и вынужденное их привлечение в эти страны, высокая рождаемость среди иммигрантов могут привести к мирной

колонизации Севера населением Юга. Желание достичь вооруженного подавления этого явления результатов не даст. «Ситуация такова, что великим державам, накопившим ядерное оружие (и обладающим превосходящей экономикой) в XXI в. вполне смогут противостоять (как военный противник) даже сравнительно небольшие страны со слаборазвитой экономикой, но с религиозно-фанатичным населением и тоталитарным режимом, вооруженные дешевым, поистине адским бактериологическим оружием» [1]. По имеющимся данным, до наступления срока, когда социально-экологическая катастрофа, при продолжении нынешнего образа жизни, станет неотвратимой и необратимой, человечеству осталось около 20–50 лет. За данный срок мировому сообществу необходимо принять меры, адекватные наступающим угрозам.

Исходя из изложенного можно утверждать, что концепция устойчивого развития может служить основой современной «общественно-политической, социально-экономической доктрины», а также выражающей ее философско-мировоззренческой *категории* и разрабатывающей ее принципы *научной системы*, которые будут определять *необходимость* переустройства всех сфер жизнедеятельности общества (человечества) с целью обеспечения повсеместного и непрерывного безущербного и гармоничного *взаимодействия* людей между собой и с природной средой. По структуре и содержанию это симбиоз всемирного и локального развития; гармоничное и неразрывное единство экономического, экологического и социального развития; полное экологобезопасное социоприродное развитие; формирование безотходной, энерго- и материалосберегающей, экологически безвредной, социально эффективной экономической системы; стремление к справедливому распределению социальных благ, удовлетворению базовых социальных потребностей всех жителей Земли в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении; нравственное «перерождение» людей; появление поколений, руководствующихся вновь созданной системой гуманистических ценностей; сохранение Земли, пригодной для

будущих поколений; обеспечение безопасности через устойчивое развитие; обеспечение сохранности языка, культуры, традиций и верований всех народов» [2].

Термин «устойчивое развитие» для восприятия многих людей оказался труднодоступным, двусмысленным и несколько туманным. Нередко он допускает смешение понятий, ему можно давать неоднозначное смысловое толкование. При переводе с английского на русский язык этому способствует еще и некоторое расхождение смысла оригинала понятия «sustainable development», означающего «длительное развитие на собственной основе» или «само себя поддерживающее длительное развитие». Ныне распространенным вариантом перевода стал термин «устойчивое развитие». Давно пора перестать спорить о словах и терминах, прежде всего договорившись, какое содержание в них вкладывается. Известный российский ученый Н.Н. Моисеев в 1980–90-е годы всецело был поглощен анализом философских, нравственных, исторических, естественно-научных предпосылок и основ устойчивого развития. В форме страстного памфлета написана одна из его последних работ «Быть или не быть... человечеству?». Говоря о целесообразности использования термина sustainable development, Н.Н. Моисеев утверждал, что «этот термин вошел в научный оборот и практический обиход, и к нему многие уже привыкли. Поэтому сейчас, я думаю, нецелесообразно отказываться от употребления этого словосочетания, в частности, в том виде, как оно было переведено на русский язык... Реализацию принципа sustainable development я предлагаю рассматривать как некоторый предварительный этап выработки стратегии, обеспечивающей возможность сохранения человечества. Если угодно, как некоторый **тайм-аут** до того времени, когда человечество сможет сформировать программу кардинальных изменений планетарного образа существования и обеспечить общее согласие всех государств по этому вопросу» [5].

Наиболее распространенное искаженное представление состоит в том, что многие считают: устойчивое развитие – это устойчи-

вый экономический рост и обороноспособность страны при осуществлении обычных природоохранных мер, определенных социальных решений внутри страны при их почти отсутствии в международном масштабе. Такое представление порождает убеждение в том, что человечество сможет справиться с неустойчивостью и перейти на путь устойчивого развития на основе достижений техники и технологии, даже путем создания искусственных, рукотворных условий жизни. Подобный «техногенный» вариант экономического развития или «фронтальной экономики» уже привел к сегодняшней неустойчивости мирового сообщества и способствует дальнейшему усугублению ситуации, приближает экологическую катастрофу на Земле.

Другой крайностью является стремление вообще ограничить технический прогресс как фактор, провоцирующий разрушение природы. Такой позиции придерживаются сторонники так называемого «темнозеленого устойчивого развития», что означает желание возвратиться к природной, натуральной жизни, нулевому или даже минусовому экономическому росту, отказ от научно-технического прогресса. Очевидно, что такой подход при современном уровне общественного сознания утопичен, приведет к снижению жизненного уровня, отрицательно скажется на самой возможности охраны окружающей среды, атмосферного воздуха, морских и океанских вод. Пожалуй, человечество не сможет жить как без естественной природной среды, так и без использования достижений науки и экологически безвредного технического прогресса. Напрочь отказаться от развития техники и технологий человечество вряд ли когда-либо захочет, добиваясь их развития в рамках естественных закономерностей функционирования биосферы Земли.

Между указанными крайними позициями в разных вариациях существует множество точек зрения, подходов, концепций, программ, стратегий. К сожалению, большинство из них по содержанию не соответствует содержанию концепции устойчивого развития, разрабатываемой под эгидой ООН. Указанная разноголосица оказывает весьма

негативное влияние на решение практических задач по переходу к устойчивому развитию. Таким положением объясняется отсутствие реальных результатов в претворении в жизнь решений конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992 г.). На рубеже конца 1990-х – начала 2000-х годов интерес к концепции начал спадать. Появились критические подходы к ней как конструктивного, так и негативного характера. Критика звучит даже в самих документах ООН. В резолюции Совета Безопасности ООН, утвердившей решения Рио+20, отмечается: «Мы признаем, что за двадцать лет, прошедших после проведения в 1992 году Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, достигнутый прогресс не везде одинаков, в том числе в таких областях, как устойчивое развитие и искоренение нищеты...», что с 1992 г. прогресс, достигнутый на отдельных направлениях, был незначительным...» [8]. Такая конструктивная критика уместна при спокойном, объективном, научно-философском анализе содержания концепции устойчивого развития, имеющих не только практические изъяны, но и выступающих авангардным направлением современных научных поисков путей выживания человечества. Одним из примеров конструктивных рекомендаций при противоречивой оценке концепции устойчивого развития можно назвать утверждения А.Н. Чумакова, который, хотя и без серьезного обоснования, критикует ее за попытку «забегания вперед» и отсутствие реальных результатов в течение 20 лет своего функционирования, в то же время считает, «что у нас нет других, альтернативных концепций, а бездействовать в условиях нарастающей глобализации и обострения глобальных противоречий нельзя [7]».

Огульная критика концепции устойчивого развития в негативном аспекте ведется с позиций ее отрицания как неконструктивного, несостоятельного проекта. На Западе кое-кто ее называет вариантом социалистической идеи, а в России – прозападной концепцией, нацеленной на отстаивание интересов только стран «золотого миллиарда». На самом деле она ратует за кардинальную смену существ-

вующих общественных порядков, поэтому ее противники – господствующие классы и их сторонники. Поэтому данная концепция ими критикуется из-за такой направленности, а также незнания или искажения ее содержания. В отечественных изданиях можно встретить навешивание на нее таких ярлыков, как «утопия, миф, иллюзия, заговор мировой закулисы, забегание вперед, алармистская идея» и пр.

При возможных вариантах событий – между изложенным трагическим и идеально благополучным – сценарии могут быть разными. С целью минимизации потерь и жертв чрезвычайно необходимо максимальное подключение сознательного начала в ускорение перехода к устойчивому развитию, в разработку поэтапных стратегических установок, рабочих планов и программ в каждой стране и в мировом масштабе. Первостепенной задачей в нынешних условиях является принятие мер по сокращению и прекращению выбросов парниковых газов в атмосферу, выполнение всех международных договоренностей, а также национальных законов и программ по охране природы, приблизив их к уровню Дании и Скандинавских стран. Реализация этих мер, в принципе, возможна уже при современном мироустройстве на земном шаре, без особых социально-экономических и общественно-политических преобразований, путем использования ныне действующих демократических, рыночных, международно-правовых механизмов и инструментов.

Отмеченные меры являются взаимосвязанными, комплексными и охватывают все сферы: достижение общественно-политической, социальной и финансово-экономической стабильности; развитие науки; сокращение войск и вооружений; ликвидация терроризма и «горячих точек»; обеспечение межнациональной и межконфессиональной терпимости; сохранение культурного, религиозного, языкового разнообразия, многокрасочности мира; стабилизация численности населения; преодоление нищеты и голода; сохранение чистоты атмосферы, океанов и морей, чистой воды; развитие экологичной энергетики; сбережение ресурсов («фактор четыре»

и «фактор десять»); развитие экологически безвредного транспорта, сельского и лесного хозяйства, рыболовства; ликвидация токсикантов, отходов, радиоактивных отходов; предотвращения опустынивания и засух; сохранение биоразнообразия; предотвращение техногенных катастроф; развитие безопасной биотехнологии, генной инженерии и медицины; преодоление наркомании, алкоголизма и табакокурения; нормализация жизни мегаполисов; стимулирование высоких технологий; широкое распространение экологического образования и информации.

Современная история почти в геометрической прогрессии ускоряет бег, развивается скачкообразно, жизнь человечества усложняется с ускорением истории. Наступивший XXI век принесет больше сюрпризов и в позитивном, и в негативном отношении, чем век ушедший двадцатый. Мировому сообществу предстоит весьма сложная жизнь. Рассматриваемая концепция устойчивого развития предполагает привлечение сознательного начала к управлению жизнедеятельностью мирового сообщества. Стратегия устойчивого развития не совсем адекватно воспринимается людьми, поэтому, очевидно, данное понятие нуждается в усилении или замене названия. Подобным названием, понятным для всех и адекватно внушающим людям суть реальной ситуации, было бы название: «Концепция и стратегия спасения планеты». Данное предложение совпадает с известным мнением Н.Н. Моисеева о необходимости разработки *стратегии человечества*.

Объективный анализ содержания понятия «устойчивое развитие» показывает, что с самого начала его возникновения и по сей день, оно, по существу, означает поиск тех или иных путей и методов спасения планеты. При допущении, что на планете источники материалов и энергии, чистого воздуха и воды, плодородная почва, растительный и животный мир неисчерпаемы, то, возможно, не было бы необходимости в стремлении к устойчивому развитию. Как раз возникновение неустойчивости из-за дефицита указанных благ послужило причиной появления этой идеи. Следовательно, понятия «устой-

чивое развитие» и «спасение планеты» практически являются синонимами. Очевидно, что все сказанное в данной работе по поводу устойчивого развития сказано про спасение планеты. Исходя из изложенного можно рекомендовать международному сообществу, Организации Объединенных Наций объявить о продолжении стратегии устойчивого развития через «Концепцию и стратегию спасения планеты Земля». При этом все меры, предусмотренные ООН, в частности, в Повестке дня на XXI век, а также в других решениях: научных исследованиях, социально-экономических преобразованиях, регулировании народонаселения, ресурсо- и энергосбережении, охране атмосферного воздуха, защите морей, океанов, лесов и почвенного покрова – все должно быть нацелено на спасение планеты. Провозглашение концепции спасения планеты, в первую очередь, потребует доказательства того, что земной шар действительно находится на грани необратимой экологической катастрофы и нуждается в организованной защите.

Позитивным эффектом выдвижения концепции спасения планеты может быть и то, что она станет объективной основой объединения всего человечества, всех народов и стран в единую семью, озабоченную и объединенную одной идеей – спасением своей матери – Земли. Отсюда объективно-материальную основу получают слова выдающегося русского философа В.С. Соловьева: «Народы живут и действуют не во имя себя или своих материальных интересов, а во имя своей идеи, т. е. того, что для них всего важнее и что *нужно всему миру, чем они могут послужить ему*, – они живут не для себя только, а для всех... Высший нравственный идеал требует, чтобы мы любили всех людей, как самих себя..., что *мы должны любить все народности, как свою собственную*... Если такое отношение станет действительно правилом, то национальные *различия* сохранятся и даже усилятся, сделаются более яркими, а исчезнут только враждебные *разделения* и обиды, составляющие коренное препятствие для нравственной организации человечества» [6].

Эти слова, сказанные в XIX в., не только не устарели, но и приобрели еще более острую актуальность в XXI в., поскольку возникает потребность сохранения планеты общими усилиями всего человечества. Разные люди, любящие определенную территорию земли как свою малую родину, также должны полюбить всю Землю как родину всего человечества, как глобальную родину каждого человека. Подобный патриотизм по отношению к своей территории, к своей малой родине должен совмещаться с патриотизмом в отношении всей Земли. Эти положения до сих пор были, могли бы и далее оставаться лишь благопожеланиями идеалиста, если бы они в современных условиях не совпали с возникновением объективной необходимости спасения Земли от экологической катастрофы. Подобное совпадение делает любовь к Земле и окружающей природе со стороны каждого землянина, а также взаимную любовь, поддержку и уважение между людьми, народами и государствами вынужденной объективной необходимостью точно так же, как отчаянной необходимостью является сплоченность, взаимная выручка и бескорыстная отвага жителей горящего дома, когда они совместно спасают свой дом и оказавшихся в огне людей от пожара. Осквернители, разрушители и загрязнители окружающей среды должны быть осуждаемы и наказуемы так же, как подлежат осуждению и остракизму мародеры при пожаре.

Ученым и специалистам, активно предупреждающим человечество о грозящей экологической катастрофе, иногда приклеивают ярлык «алармистов» с негативным оттенком. Подобный оттенок, очевидно, следует поменять на позитивный, поскольку «алармисты» подобны издревле существующим наблюдателям с пожарной каланчи, ударами в колокол призывающими людей тушить пожары. В нынешних условиях только люди или абсолютно оторвавшиеся от жизни, или охваченные наркозависимостью сверхпотребления, или одержимые мародерской алчностью присвоения все больше и больше земных ресурсов, или страдающие психическими и идеологическими отклонениями не слышат

и не дают услышать другим колокольные набаты о разнообразных аномальных явлениях, антропогенных катастрофах и аналогичных фактах как смертельных признаках неустойчивости современного мирового сообщества. Подобные люди заслуживают порицания и осуждения в осознанных или неосознанных действиях против человечности, особенно в отношении будущих поколений. По-видимому, наши близкие и далекие потомки о ныне живущем поколении на Земле будут думать так же, как мы думаем о своих древних и недавних предках, находившихся когда-то в полуживотном состоянии, поедавших друг друга, приговоривших к смерти Сократа, распявших Христа, затевавших мировые войны и миллионами уничтожавших друг друга. Наши потомки будут проклипать нас, если мы оставим им Землю с мучительными условиями проживания, или помнить с благодарностью, если их жизнь будет благополучной и содержательной. Однако может случиться и так, что некому будет ни благодарить, ни осуждать нас. О такой возможности следует думать уже сегодня, думать серьезно и действовать незамедлительно.

Библиографический список

1. Зубаков, В.А. Дом Земля. Контуры экогеософского мировоззрения / В.А. Зубаков. – Санкт-Петербург: Сударыня, 2000. – 113 с.
2. Барлыбаев, Х.А. Избранные труды. В 4-х т. Т. 1: Устойчивое развитие. Глобализация / Х.А. Барлыбаев. – М: Издательский дом «Научная библиотека», 2014. – 411 с.
3. Коптюг, В.А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию / В.А. Коптюг. – Новосибирск: СО РАН, 1993. – 54 с.
4. Мартин, Г.-П. Западная глобализация: атака на процветание и демократию / Г.-П. Мартин, Х. Шуманн. – М: Издательский дом «АЛЬПИНА», 2001. – 335 с.
5. Моисеев, Н.Н. Быть или не быть... человечеству? / Н.Н. Моисеев. – М: Ульяновский Дом печати, 1999. – 288 с.
6. Соловьев, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // В.С. Соловьев. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М: Мысль, 1988. – 892 с.
7. Чумаков, А.Н. Актуальные проблемы современной глобалистики: социоприродный аспект / А.Н. Чумаков // Философские науки. – 2012. – № 12. – С. 7–17.
8. Итоговый документ РИО+20 – «Будущее, которого мы хотим» <http://grow.clicr.ru/news/81>.
9. Ed. V.Nath, L.Hens, D.Devuyst. Sustainable Development., London, Brussels, Paris. 1995. 523 p.
10. Stephen A.Roosa. Sustainable Development Handbook. Hardcover. 2007. 491 p.
11. Simon Dresner. The Principles of Sustainability. Hardcover. 2009. 224 p.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT: MYTH OR CALL FOR PRUDENCE

Barlybaev H.A., Leading Researcher of Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Prof. of Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Dr. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Economic)

hbarlybaev@rambler.ru

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 119991, Moscow, Volhonka Street, 14, Building 5
Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation,
119571, Moscow, Vernadsky Prospekt, 82, Building 1

It is alleged that from all existing scientific and philosophical doctrines the only scientific idea and a practical guide to save the humanity is the concept of sustainable development, supported by the United Nations. An objective analysis of the content of the concept of «sustainable development» shows that from the very beginning of its origin and to this day, it stands for search of certain ways and means of saving the planet. Proceeding from the above, we can recommend that the international community, the United Nations announced the continuation of the strategy of sustainable development through «concepts and strategies to save the planet Earth». All the measures referred to by the UN, in particular, in the XXI century Agenda, for example, research, socio-economic transformations, regulation of population, resource and energy conservation, air protection, protection of the seas, oceans, forests and soil cover, should be aimed at saving the planet. Proclaiming the concept of saving the planet in the first place will require evidence that the earth is really on the verge of irreversible environmental damage and needs organized defense. Scientists and specialists actively warn the human mankind of the impending environmental disaster, sometimes labeled as «alarmists» with a negative shade. Obviously, the «alarmists» are like ancient observers from the fire tower, ringing a bell to call people to put out fires. Only people completely cut off from life or covered by the addiction of overconsumption, possessed by the marauding greed assigning more and more land resources or suffering from mental and ideological deviations do not hear and do not allow others to hear the bell of various anomalous phenomena, anthropogenic disasters and similar facts as deadly signs of instability of the modern world community. Such people deserve condemnation in the conscious or unconscious actions against humanity, especially in relation to future generations. Destructive criticism of the concept of sustainable development in a negative aspect is conducted from the perspective of its negation as a disruptive, failed project. In the Western countries some people call it a kind of socialist ideas, and in Russia – a Western concept, aimed at promoting the interests only of the «Golden billion» countries. It stands up for fundamental change of the existing social order, so its opponents are the ruling classes and their supporters. This concept of criticism includes such labels as «utopia, myth, an illusion, a conspiracy world behind the scenes, running ahead, alarmist idea» and so on. Perhaps, the mankind cannot live without both the natural environment and the use of science and environmentally friendly technical progress. The mankind will hardly ever want to abandon the development of techniques and technologies, achieving their development within the natural laws of functioning of the Earth's biosphere.

Keywords: Sustainable development. UN Conference «Rio+20». Manifestations of instability. Environmental threats. Measures of transition to sustainable development.

References

1. Zubakov V.A. *Dom Zemlya. Kontury ekogeosofskogo mirovozzreniya* [House the Earth. Contours of ecogeosophical outlook]. Sankt-Petersburg: Sudarynya, 2000. 113 p.
2. Barlybaev Kh.A. *Izbrannye trudy. V 4 t. T. 1: Ustoychivoe razvitie. Globalizatsiya* [Selected Works. In 4 vol. Vol. 1: Sustainable Development. Globalization]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Nauchnaya biblioteka», 2014. 411 p.
3. Koptyug V.A. *Konferentsiya OON po okruzhayushchey srede i razvitiyu* [United Nations Conference on Environment and Development]. Novosibirsk: SO RAN, 1993. 54 p.
4. Martin G.-P., Shumann H. *Zapadnyaya globalizatsii: ataka na protsvetanie i demokratiyu* [Entrapment of globalization: an attack on democracy and prosperity]. Moscow: Izdatel'skiy dom «ALPINA», 2001. 335 p.
5. Moiseev N.N. *Byt' ili ne byt'... chelovechestvu?* [To be or not to be... humanity?] Moscow: Ul'yanovskiy Dom pechati, 1999. 288 p.
6. Soloviev V.S. *Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya. Sochineniya v 2 t. T. 1.* [Justification of the Good. Moral Philosophy. V.S. Soloviev. Works in 2 vol. Vol. 1.] Moscow: Mysl', 1988. 892 p.
7. Chumakov A.N. *Aktual'nye problemy sovremennoy globalistiki: sotsioprivodnyy aspekt* [Actual problems of modern global studies: socio-natural aspect]. *Filosofskie nauki*. 2012. № 12. pp. 7–17.
8. *Itogovyy dokument RIO+20 – «Budushchee, kotorogo my khotim»*. [Outcome RIO + 20 – «The future we want». Electronic resource]. Access mode: <http://grow.clicr.ru/news/81>.
9. Ed. B.Nath, L.Hens, D.Devuyst. *Sustainable Development.*, London, Brussels, Paris. 1995. 523 p.
10. Stephen A.Roosa. *Sustainable Development Handbook*. Hardcover. 2007. 491 p.
11. Simon Dresner. *The Principles of Sustainability*. Hardcover. 2009. 224 p.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОСТИ ЛЕСА

С.А. КОРОТКОВ, доц., зав. каф. лесоводства и подсочки леса МГУЛ, канд. биол. наук

caf-lesovod@mgul.ac.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»

141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д. 1, МГУЛ

Устойчивость – одно из наиболее сложных и разносторонних понятий в лесной экологии. Имеется множество определений устойчивости природных комплексов. В большинстве случаев устойчивость экосистем рассматривается в общей форме («консервативные» определения устойчивости). «Динамические» толкования рассматривают устойчивость как способность противостоять внешнему воздействию или восстанавливаться после него. Устойчивость древесных ценозов во многом определяется их структурой. Превышение порогового уровня внешних воздействий на лесной биогеоценоз приводит к изменению структуры или смене данного сообщества другим. Оценка состояния и динамики лесов может проводиться на региональном и ландшафтном уровнях. Мозаика лесных массивов складывается из динамики лесных биоценозов. Проблему устойчивости и динамики лесов возможно рассмотреть на примере Московского региона в связи с интенсивным антропогенным воздействием. Комплексным показателем воздействия на лес может являться динамика лесистости и породный состав насаждений. Лесистость Московской области постепенно снижалась на всем протяжении XVIII и XIX вв., но в конце XIX – начале XX в. уничтожение лесов приняло угрожающий характер. Оценка устойчивости проводилась по ранговой структуре насаждений. Ранговая структура древостоя оценивалась с использованием методических положений Н.В. Третьякова (1927), К.К. Высоцкого (1962). Одним из показателей строения древостоя служил $\Delta D_{отн}$. Расчеты показателя $\Delta D_{отн}$ включают:

1. Построение ранжированного ряда по диаметрам от минимального до максимального.
2. Разделение полученного ряда на 10 классов с одинаковым числом деревьев в классе.
3. Определение среднего диаметра каждого класса – $D_{cp}(n)$.
4. Определение относительного диаметра каждого класса: $D_{отн}(n) = D_{cp}(n)/D_{cp}(6)$.
5. $\Delta D_{отн} = D_{отн}(10) - D_{отн}(1)$.

Данные наблюдений на постоянных пробных площадях Щелковского учебно-опытного лесного хозяйства и Национального парка «Лосиный остров» показывают, что пораженные короедом-типографом в 2010–2011 гг. ельники имеют низкие значения показателя строения древостоя $\Delta D_{отн}$. Процесс усыхания продолжился в 2012–2013 гг. и затронул все спелые ельники на наблюдаемых пробных площадях. Еловые древостои с низким показателем $\Delta D_{отн}$ ушли первыми, но и другие спелые чистые ельники оказались неспособными противостоять катастрофической вспышке массового размножения короеда-типографа на фоне ослабления от засухи. Исследования в условиях засушливой погоды подтверждают меньшую устойчивость однородных систем с упрощенной структурой.

Ключевые слова: устойчивость леса, ранговая структура древостоя, усыхание ельников.

Устойчивость биологических систем – одна из ключевых проблем в современной экологии [1, 7, 10, 12, 14, 20, 26, 29]. Наряду с понятием «устойчивость» встречается термин «стабильность». Одни авторы используют их как синонимы [28], другие различают. М.А. Голубец, И.В. Царик (1992) различают устойчивость относительно конкретных воздействий, рассматривая стабильность как сумму разнообразных устойчивостей во времени. Стабильные системы не могут не быть устойчивыми, но системы, устойчивые к тому или иному фактору, не обязательно стабильны. Стабильность присуща, главным образом, коренным экосистемам.

Устойчивость – одно из наиболее сложных разносторонних понятий в лесной экологии. Оно рассматривается с различных точек зрения: устойчивость к абиотическим, биотическим и антропогенным факторам [17, 23, 25, 26, 28, 32]. Нередко лишь обозначается наличие, или нарушение устойчивости, либо дается градация по ее классам [22].

У.Р. Эшби сформулировал принцип порогового реагирования: «Переход системы из одного устойчивого состояния в другое сопровождается пороговым эффектом, вызванным понижением ее устойчивости в момент перехода» [40]. М.Г. Романовский отмечает, что при обсуждении проблемы устойчивости лесных экосистем, прежде всего, необходимо определить масштаб: уровень организации систем и подсистем, устойчивость которых оценивается, временный масштаб процессов и явлений [33].

К настоящему времени имеется множество определений устойчивости природных комплексов. В большинстве случаев устойчивость экосистем рассматривается в общей форме («консервативные» определения устойчивости) как их способность противостоять внешним воздействиям, возвращаться в исходное состояние после снятия нагрузки, сохранять структуру, либо просто даются варианты устойчивости математических моделей абстрактных систем, например

по Ляпунову, Лагранжу, Холлингу, Флейману и др. [11, 22, 24, 30, 34].

В.А. Липаткин выделяет ряд этапов в формировании представлений об устойчивости лесных экосистем.

Начальный этап – использование парных сравнений ценозов, причем к сообществу подходили как к сверхорганизму.

Второй этап – применение классификации (три класса биологической устойчивости). Один из критериев отнесения к классу – доля патологического отпада в древостое.

Третий этап – использование системного подхода и имитационного моделирования, когда общее понятие устойчивости стали разделять на множество частных.

На четвертом этапе в основе анализа стали использовать количественные отношения, когда устойчивость стали понимать как способность системы выдерживать внешнее воздействие или восстанавливаться после него [20].

Современные экологи предлагают «динамические» толкования, рассматривая устойчивость как способность противостоять внешнему воздействию или восстанавливаться после него [3, 29, 31]. Р. Маргалев [43] различает два типа стабильности:

1) стабильность, возникающая в результате внутренних взаимодействий;

2) устойчивость к внешним воздействиям.

В.Г. Суховольский (2008), рассматривая модель потери устойчивости экосистемы и ее трансформации, принимает за обратную величину устойчивости риск гибели экосистемы определенного типа (G). Он полагает, что общий риск гибели зависит как от рисков, связанных с локальными взаимодействиями между особями в экосистеме (близкодействием), так и от рисков, связанных с взаимодействием между отдаленными в пространстве компонентами экосистемы (дальнодействием). Общая функция риска G представляется в виде суммы двух парциальных функций риска E и H

$$G = E + H,$$

где E – риск численности в результате близкодействующих взаимодействий;

H – риск численности в результате дальнодействующих взаимодействий.

Устойчивость экологических систем зависит от ряда факторов. Среди важнейших факторов, как правило, фигурируют биоразнообразие и продуктивность.

Широко распространено убеждение, что увеличение разнообразия внутри экосистемы повышает ее устойчивость [8, 9]. Появилось выражение «разнообразие рождает устойчивость».

Компонентами биоразнообразия считают состав экосистемы, ее структуру и функции экосистемы [42]. Уровни биоразнообразия аналогичны уровням организации живого на Земле: генотипический, фенотипический, популяционный, видовой, экосистемный, биомный [44].

Однако накоплено достаточное количество фактов, противоречащих изложенным взглядам. По мере того как система усложняется по видовому составу и структурным взаимозависимостям, она становится динамически более хрупкой. Относительно стабильные условия среды позволяют существовать сложным тонко отлаженным экосистемам, тогда как непредсказуемая среда допускает устойчивое существование только структурно простых сообществ [5, 37].

Сказанное имеет прямое отношение к климатическим ценозам, традиционно интерпретируемым как весьма стабильные системы, но при условии активного вмешательства человека именно такие системы быстро замещаются производными типами и нередко уже не могут восстановиться [13]. С.А. Дыренков (1984) пришел к выводу, что «высокое видовое разнообразие не является прямым признаком устойчивости» [13].

Ю. Одум (1986), полагая, что между видовым разнообразием и устойчивостью вообще нет сколько-нибудь заметной корреляции, указывает, что функциональная сложность скорее, чем структурная, повышает устойчивость системы.

По мнению В.М. Роне (1980), эволюционные процессы сформировали два типа популяций.

Первый тип наблюдается в оптимальных условиях среды, когда выживаемости

генотипов способствовала их конкурентоспособность. Если это свойство коррелирует с быстротой роста, популяция должна состоять из быстрорастущих особей, приспособленных к определенным внешним условиям.

Второй тип формируется в неблагоприятных условиях (северные районы, высокогорье и пр.), где выживают особи, адаптированные к меняющимся экологическим условиям и обладающие высоким гомеостазом, но необязательно высокой продуктивностью.

На практике популяции древесных растений представляют собой разные сочетания обоих типов.

Устойчивость древесных ценозов во многом определяется их структурой (Лебков, 1989). Превышение порогового уровня внешних воздействий на лесной биогеоценоз приводит к изменению структуры или смене данного сообщества другим.

По выражению Н.В. Третьякова (1927), «все свойства дерева суть функции его ранга в насаждении». Ранг дерева достаточно точно определяется через его диаметр. Следовательно, исследование строения древостоев по диаметрам дает ценную информацию о свойствах этих древостоев, в том числе и об их стабильности. Можно предположить, что более стабилен тот древостой, в котором варьирование диаметров максимально. Варьирование диаметров складывается, прежде всего, из возрастного строения древостоя. Дальнейший анализ возможен на двух уровнях: 1) всей ценопопуляции, без учета отдельных поколений; 2) элемента леса [36].

В первом случае, очевидно, варьирование будет максимальным, и это подтверждает сделанное предположение: только полноценную ценопопуляцию можно считать действительно стабильной, так как она самообновляется.

Во втором случае причинами дифференциации по диаметрам являются: различный темп роста, обусловленный генетически; различные экотопические условия, способствующие либо препятствующие реализации жизненного потенциала особи в онтогенезе; фитоценотические факторы, как между-

внутривидовые. На структуру древостоя также оказывает влияние человек.

«Стрессовые» нагрузки на ценопопуляцию древесных растений, будь то рубки ухода или сильный пресс рекреации, уменьшают варьирование по диаметрам. Как правило, это происходит вследствие гибели угнетенных экземпляров (IV–V классов Крафта), либо вырубки их. Отсюда следует, что средний диаметр древостоя должен возрасти. Впоследствии прирост у оставшихся деревьев может увеличиться благодаря ослаблению внутривидовой конкуренции и даже превзойти таковой на контроле.

Если антропогенные нагрузки стали хроническими, дифференциация древостоя может усилиться, опять «растягивая» ряд диаметров [38, 41]. В ельниках наблюдается дезинтеграция древостоя, его распад на обособленные биогруппы. Это может рассматриваться как адаптационный механизм [15].

Возможно, одним из критериев стабильности ценопопуляции в условиях стресса может служить количество деревьев IV–V классов Крафта. Однако с увеличением возраста древостоя этот критерий будет становиться все менее надежным. Деревья IV–V класса Крафта играют в насаждении определенную стабилизирующую роль [27, 21], проявляющуюся в трех аспектах:

1. Удержание физического пространства, что препятствует изреживанию древостоя и образованию «окон», которые в нарушенных насаждениях, как правило, не заселяются жизнеспособной древесной, и, по-видимому, имеют тенденцию к расширению.

2. Сдерживание развития более перспективных соседей, отчего ценопопуляция в целом медленнее проходит возрастные этапы. Известно [13], что выборка угнетенных экземпляров ускоряет рост и старение древостоев, т. е. увеличение продуктивности оборачивается сокращением сроков жизни и падением стабильности.

Высокий темп роста чреват для дерева гибелью в случае ухудшения условий экотопы. Особи с замедленным темпом роста, более угнетенные, имеют в таком случае больше шансов выжить

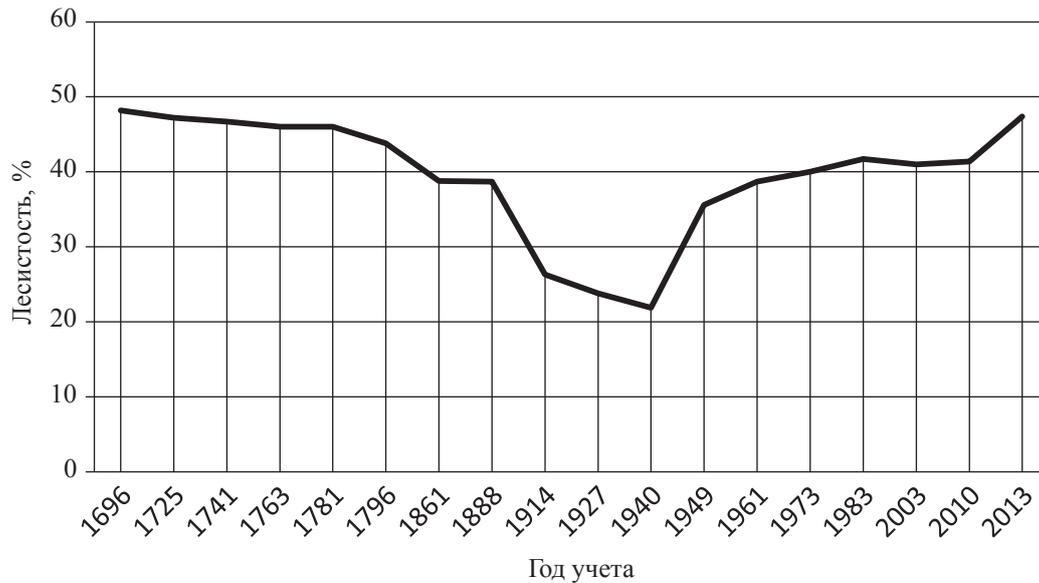

Рисунок. Динамика лесистости Московской области
 Figure. The dynamics of the forest cover of the Moscow region

3. Эти деревья служат генетическим резервом, и их удаление обедняет генофонд популяции, уменьшает ее гетерогенность и сужает перспективы дальнейшего развития. Под антропогенным воздействием гибнут не только угнетенные особи, но и представители I класса Крафта. Это приводит к нивелировке древостоев по высоте и диаметру. Наименьшее падение прироста вследствие загрязнения воздуха зафиксировано у угнетенных деревьев, а наибольшее – у представителей высших классов роста [3].

Оценка состояния и динамики лесов может проводиться на региональном и ландшафтном уровнях. Мозаика лесных массивов складывается из динамики лесных биоценозов. Проблему устойчивости и динамики лесов можно рассмотреть на примере Московского региона в связи с интенсивным антропогенным воздействием.

Комплексным показателем воздействия на лес может являться динамика лесистости и породный состав насаждений. Лесистость Московской области постепенно снижалась на всем протяжении XVIII и XIX вв., но в конце XIX–начале XX в. уничтожение лесов приняло угрожающий характер (рисунок) [18, 39].

В последние десятилетия XX в. – начале XXI в. климат Земли заметно изменился (Оценочный доклад..., 2008). За последнее

время наиболее засушливые неблагоприятные для роста ели погодные условия складывались в 1992, 2002 и 2010 гг.

Весьма актуален поиск показателей, адекватно характеризующих устойчивость, в том числе в динамическом аспекте.

Оценка устойчивости проводилась по ранговой структуре насаждений. Ранговая структура древостоя оценивалась с использованием методических положений Н.В. Третьякова (1927), К.К. Высоцкого (1962). Одним из показателей строения древостоя служил $\Delta D_{отн}$ [16].

Расчеты показателя $\Delta D_{отн}$ включают:

1. Построение ранжированного ряда по диаметрам от минимального до максимального.

2. Разделение полученного ряда на 10 классов с одинаковым числом деревьев в классе.

3. Определение среднего диаметра каждого класса – $D_{cp}(n)$.

4. Определение относительного диаметра каждого класса:

$$D_{отн}(n) = D_{cp}(n) / D_{cp}(6).$$

$$5. \Delta D_{отн} = D_{отн}(10) - D_{отн}(1).$$

Были подобраны ельники разного возраста. Основными критериями выбора выделов служили состав и полнота (доля ели более 60 %, полнота 0,6 и выше).

Данные наблюдений на постоянных пробных площадях Щелковского учебно-опыт-

ного лесного хозяйства и Национального парка «Лосинный остров» показывают, что пораженные короедом-типографом в 2010–2011 гг. ельники имеют низкие значения $\Delta D_{отн}$. Процесс усыхания продолжился в 2012–2013 гг. и затронул все спелые ельники на наблюдаемых пробных площадях. Таким образом, еловые древостои с низким показателем $\Delta D_{отн}$ усохли первыми, но и другие спелые чистые ельники оказались неспособными в настоящее время противостоять катастрофической вспышке массового размножения короеда-типографа на фоне ослабления от засухи.

Можно констатировать, что исследуемые ельники характеризуются упрощенной структурой. Засушливая погода 2010 г. оказалась критической для большинства спелых и перестойных ельников Подмосковья. Это подтверждает меньшую устойчивость однородных систем.

Библиографический список

- Арманд, А.Д. Устойчивость (гомеостатичность) географических систем к различным типам внешних воздействий / А.Д. Арманд // Устойчивость геосистем. – М.: Наука, 1983. – С. 14–32.
- Арманд, А.Д. «Сильные» и «слабые» системы в географии и экологии / А.Д. Арманд // Устойчивость геосистем. – М.: Наука, 1983. – С. 50–61.
- Барткявичус, Э. Древесно-кольцевой анализ сосновых древостоев, поврежденных промышленными выбросами / Э. Барткявичус, А. Аугустайтис // Проблемы дендрохронологии и дендроклиматологии: Тезисы докладов. – Свердловск, 1990. – С. 13–14.
- Бех, И.А. Антропогенная трансформация таежных лесов / И.А. Бех. – Новосибирск: Наука, 1992. – 200 с.
- Бигон, М. Экология. Особи, популяции и сообщества. В 2-х тт. / М. Бигон, Дж. Харпер, К. Таусенд. – М.: Мир, 1989. – Т. 1 – 667 с., Т. 2 – 447 с.
- Василевич, В.И. Статистические методы в геоботанике / В.И. Василевич. – Л.: Наука, 1969. – 232 с.
- Воронков, Н.А. Экология. Общая, социальная, прикладная (общеобразовательный курс): учебник / Н.А. Воронков – М.: Агар, 2000. – 264 с.
- Воронков, Н.А. Основы общей экологии / Н.А. Воронков. – М.: Агар, 1997. – 87 с.
- Воронцов, А.И. Патология леса / А.И. Воронцов. – М.: Лесная пром-сть, 1978. – 272 с.
- Демаков, Ю.П. Диагностика устойчивости лесных экосистем (методологические и методические аспекты) / Ю.П. Демаков. – Йошкар-Ола, 2000. – 416 с.
- Дончева, А.В. Ландшафт в зоне воздействия промышленности / А.В. Дончева. – М., 1978. – 95 с.
- Дробышев, Ю.И. Устойчивость древостоев: структурные аспекты / Ю.И. Дробышев, С.А. Коротков, Д.Е. Румянцев // Лесохозяйственная информация. – 2003. – № 7. – С. 2–11.
- Дыренков, С.А. Структура и динамика таежных ельников / С.А. Дыренков. – Л.: Наука, 1984. – 174 с.
- Коротков, С.А. К вопросу о регулировании лесопользования в лесах, подверженных интенсивному воздействию человека (на примере ельников Подмосковья) / С.А. Коротков, Л.В. Стоноженко // Лесопользование и воспроизводство лесных ресурсов: Научные труды. – М.: МГУЛ, 2000. – Вып. 303. – С. 132–135.
- Коротков, С.А. Структура еловых насаждений Клинско-Дмитровской гряды в условиях хронического загрязнения воздуха / С.А. Коротков, Ю.И. Дробышев, Ю.Г. Львов // Лесопользование и воспроизводство лесных ресурсов: Научные труды. – М.: МГУЛ, 1999. – Вып. 297. – С. 111–114.
- Коротков, С.А. Структура, устойчивость и естественная спелость ельников северо-восточного Подмосковья / С.А. Коротков, Л.В. Стоноженко // Проблемы и перспективы совершенствования лесоводственных мероприятий в защитных лесах: Международная научно-практическая конференция. – Пушкино: ВНИИЛМ, 2014. – С. 96–99.
- Кулагин, Ю.З. Древесные растения и промышленная среда / Ю.З. Кулагин. – М.: Наука, 1974. – 124 с.
- Лагунов, П.М. Динамика лесов Подмосковья / П.М. Лагунов, Е.Н. Гусев // Лесное хозяйство, 1990. – № 8. – С. 51–54.
- Лебков, В.Ф. Типы строения древостоев / В.Ф. Лебков // Лесоведение. – 1989. – № 4. – С. 12–21.
- Липаткин, В.А. Устойчивость экосистем: обсуждение понятий // Науч. тр. – М.: МГУЛ, 1996. – Вып. 283. – С. 24–37.
- Маслаков, Е.Л. Формирование сосновых молодяков / Е.Л. Маслаков. – М.: Лесная пром-сть, 1984. – 168 с.
- Матюк, И.С. Устойчивость лесонасаждений / И.С. Матюк. – М.: Лесная пром-сть, 1983. – 136 с.
- Мелехов, И.С. Лесоведение / И.С. Мелехов. – М.: Лесная пром-сть, 1980. – 406 с.
- Миркин, Б.М. Словарь понятий и терминов современной фитоценологии / Б.М. Миркин, Г.С. Розенберг, Л.Г. Наумова. – М.: Наука, 1989. – 223 с.
- Мозолевская, Е.Г. Система лесопатологического мониторинга в лесах России / Е.Г. Мозолевская // Лесное хозяйство. – 1995. – № 5. – С. 2–4.
- Морозов, Г.Ф. Учение о лесе / Г.Ф. Морозов. – М.-Л.: ГИЗ, 1928. – 365 с.
- Нестеров, Н.С. Очерки по лесоведению / Н.С. Нестеров. – М.-Л.: Гослестехиздат, 1933. – 247 с.
- Николаевский, В.С. Биологические основы газоустойчивости растений / В.С. Николаевский. – Новосибирск: Наука, 1979. – 280 с.
- Одум, Ю. Экология. В 2-х тт. / Ю. Одум. – М.: Мир, 1986. Т. 1 – 328 с., Т. 2 – 376 с.
- Полякова, Г.А. Антропогенное влияние на сосновые леса Подмосковья / Г.А. Полякова, Т.В. Малышева, А.А. Флееров. – М.: Наука, 1981. – 144 с.
- Риклефс, Р. Основы общей экологии / Р. Риклефс. – М.: Мир, 1979. – 424 с.
- Рожков, А.А. Устойчивость лесов / А.А. Рожков, В.Т. Козак. – М., 1989. – 238 с.
- Романовский, М.Г. Продуктивность, устойчивость и биоразнообразие равнинных лесов европейской России / М.Г. Романовский. – М.: МГУЛ, 2002. – 97 с.
- Сеннов, С.Н. Уход за лесом (экологические основы) / С.Н. Сеннов. – М.: Лесная пром-сть, 1984. – 128 с.

35. Таран, И.В. Устойчивость рекреационных лесов / И.В. Таран, В.Н. Спиридонов. – Новосибирск: Наука, 1981. – 240 с.
36. Третьяков, Н.В. Закон единства в строении насаждений / Н.В. Третьяков. – М. – Л.: Новая деревня, 1927. – 114 с.
37. Уиттекер, Р. Сообщества и экосистемы / Р. Уиттекер. – М.: Прогресс, 1980. – 327 с.
38. Хайретдинов, А.Ф. Рекреационное лесоводство / А.Ф. Хайретдинов, С.И. Конашева. – Уфа: БГАУ, 1994. – 223 с.
39. Цветков, М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. / М.А. Цветков. – М.: АН СССР, 1957. – 214 с.
40. Эшби, У.Р. Введение в кибернетику / У.Р. Эшби. – М.: Иностранная литература, 1959. – 432 с.
41. Юсупов, И.А. Состояние и устойчивость искусственных сосновых молодняков в условиях аэропромвыбросов на Среднем Урале: дисс. ... канд. с.-х. наук. – Екатеринбург, 1996. – 25 с.
42. Kimmins, J.P. Biodiversity and its relationship to ecosystem health and integrity. *The forestry chronicle*, 1997, vol. 73, N 2, p. 229–232.
43. Margalef, R. 1968. *Perspectives in ecological theory*. University of Chicago Press. 111 pp.
44. Perry, D.A. *Forest ecosystems*. Baltimore, London, 1994. 649 p.

THEORETICAL PROBLEMS OF FOREST SUSTAINABILITY

Korotkov S.A., Assoc. Prof. MSFU, Ph.D. (biol.)

caf-lesovod@mgul.ac.ru

Moscow State Forest University (MSFU), 141005, Moscow Region., Mytishchi-5, 1st Institut'skaya st., 1

Sustainability is one of the most complicated and versatile notions in the forest ecology science. There are a lot of definitions of a natural complex sustainability. As a rule, an ecosystem sustainability is considered in a general form ("a conservative" definition of sustainability). "Dynamic" conceptions regard sustainability as an ability to resist some external forcing or to recover after it. The sustainability of forest biome is to a large extent determined by a stand composition (Lebkov, 1989). The most intensive forcing on forest biome which exceeds the maximum possible level may result in some drastic composition changes or in replacing the existing biome by another one. The estimation of forest state and its dynamic development can be carried out on a regional level or on a local landscape level. The inlay of forest stands involves the dynamic development of forest biome. The problem of forest sustainability and its dynamic development can be studied on the example of the Moscow region forests, taking into account the extremely intensive anthropogenic forcing on them. Certain complex indicators of the external forcing on the forests may include the dynamic changes in percent forest cover and natural stand composition. The percentage of forest cover in the Moscow region was gradually decreasing during the 18-th and 19-th centuries; however, in the late 19-th and early 20-th centuries the forests' destruction became menacing. The estimation of forest sustainability has been carried out according to a stand rank composition. A stand rank composition has been assessed by means of the methodological principles developed by N.V. Tretyakov (1927) and K.K. Vysotsky (1962). One of the key indicators of the stand structure is ΔD_{rel} .

Calculations of ΔD_{rel} include:

1. Creation of the ranged row of diameters from the minimal to the maximal one.
2. Division of the row obtained into 10 groups with the same number of trees in each group.
3. Defining the average diameter in each group – $D_{av}(n)$.
4. Defining the relative diameter in each group: $D_{rel}(n) = D_{av}(n)/D_{av}(6)$.
5. $\Delta D_{rel} = D_{rel}(10) - D_{rel}(1)$.

The observation data on some constantly monitored plots in Schelkovo Experimental Forest Enterprise and in the National Forest State Park of Losyny Ostrov have shown that the spruce forests badly damaged by eight-toothed bark beetles in 2010-2011 had a very low value of a stand composition index ΔD_{rel} . Their dieback continued in 2012-2013 and spread up covering all mature spruce forests on the above plots. The spruce forests with a low ΔD_{rel} index were the first to die, but the other mature pure spruce forests also turned out to be incapable of resisting the drastic outbreak of eight-toothed bark beetles infestation while spruce-trees were weakened by drought. The research carried out in drought conditions has confirmed the fact that pure forest stands with a homogenic composition are less resistant to any forcing.

Keywords: forest sustainability, a stand rank composition, spruce forest dieback.

References

1. Armand A.D. *Ustoychivost' (homeostaticnost') geograficheskikh sistem k razlichnym tipam vneshnikh vozdeystviy* [Stability (homeostasis) of geographic systems to different types of external influences]. *Ustoychivost' geosistem* [Sustainability Geosystems]. Moscow: Nauka, 1983. pp. 14–32.
2. Armand A.D. «*Sil'nye*» i «*slabye*» *sistemy v geografii i ekologii* [«Strong» and «weak» systems in Geography and Ecology]. *Ustoychivost' geosistem* [Sustainability Geosystems]. Moscow: Nauka, 1983. pp. 50–61.
3. Bartkyavichus E., Augustaytis A. *Drevesno-kol'isevoy analiz sosnovykh drevostoev, povrezhdennykh promyshlennymi vybrosami* [Tree-ring analysis of pine stands damaged by industrial emissions]. *Problemy dendrokronologii i dendroklimatologii: Tezisy dokladov*. Sverdlovsk, 1990. pp. 13–14.
4. Bekh, I.A. *Antropogennaya transformatsiya taezhnykh lesov* [Anthropogenic transformation of boreal forests]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 200 p.
5. Bigon M., Harper J., Thausend K. *Ekologiya. Osobi, populyatsii i soobshchestva. V 2 t.* [Ecology. Individuals, populations and communities. In 2 vols.]. Moscow: Mir, 1989. Vol. 1. 667 p. Vol. 2. 447 p.
6. Vasilevich V.I. *Statisticheskie metody v geobotanike* [Statistical methods in Geobotany]. Leningrad: Nauka, 1969. 232 p.
7. Voronkov N.A. *Ekologiya. Obshchaya, sotsial'naya, prikladnaya (obshcheobrazovatel'-nyy kurs)* [Ecology. Overall, the social, the application (general education courses): Textbook]. Moscow: Agar, 2000. 264 p.
8. Voronkov, N.A. *Osnovy obshchey ekologii* [Fundamentals of General Ecology]. Moscow: Agar, 1997. 87 p.

9. Vorontsov A.I. *Patologiya lesa* [Forest pathology]. Moscow: Lesnaya promyshlennost', 1978. 272 p.
10. Demakov Yu. P. *Diagnostika ustoychivosti lesnykh ekosistem (metodologicheskie i metodicheskie aspekty)* [Diagnostics of sustainability of forest ecosystems (methodological and methodical aspects)]. Yoshkar-Ola, 2000. 416 p.
11. Doncheva A.V. *Landshaft v zone vozdeystviya promyshlennosti* [The landscape in the area affected industry]. Moscow, 1978. 95 p.
12. Drobyshev Yu.I., Korotkov S.A., Rumyantsev D.E. *Ustoychivost' drevostoev: strukturnye aspekty* [The stability of the stands: structural aspects]. *Lesokhozyaystvennaya informatsiya* [Forestry information]. 2003. № 7. pp. 2–11.
13. Dyrenkov S.A. *Struktura i dinamika taezhnykh el'nikov* [Structure and dynamics of boreal spruce forests]. Leningrad: Nauka, 1984. 174 p.
14. Korotkov S.A., Stonozhenko L.V. *K voprosu o regulirovaniy lesopol'zovaniya v lesakh, podver-zhennykh intensivnomu vozdeystviyu cheloveka (na primere el'nikov Podmoskov'ya). Lesopol'zovanie i vosproizvodstvo lesnykh resursov* [On the issue of regulation of forest management in forests, subject to intensive human impact (for example, spruce forest of the Moscow region)]: *Nauchnye Trudy* [Scientific works]. Moscow: MGUL, 2000. V. 303. pp. 132–135.
15. Korotkov S.A., Drobyshev Yu.I., L'vov Yu.G. *Struktura elovykh nasazhdeniy Klinско-Dmitrovskoy gryady v usloviyakh khronicheskogo zagryazneniya vozdukhа.* [The structure of spruce stands Klin-Dmitrov Ridge in chronic air pollution] *Lesopol'zovanie i vosproizvodstvo lesnykh resursov: Nauchnye Trudy* [Forest management and reproduction of forest resources: Proceedings]. Moscow: MGUL, 1999. V. 297. pp. 111–114.
16. Korotkov S.A., Stonozhenko L.V. *Struktura, ustoychivost' i estestvennaya spelost' el'nikov se-vero-vostochnogo Podmoskov'ya* [Structure, stability and maturity natural spruce forests of the northeastern Moscow region] *Problemy i perspektivy sovershenstvovaniya lesovodstvennykh meropriyatiy v zashchitnykh lesakh: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Problems and prospects for improving silviculture in protection forests: International scientific and practical conference]. Pushkino: VNIILM, 2014. pp. 96–99.
17. Kulagin Yu.Z. *Drevesnye rasteniya i promyshlennaya sredа* [Woody plants and industrial environment]. Moscow: Nauka, 1974. 124 p.
18. Lagunov P.M., Gusev E.N. *Dinamika lesov Podmoskov'ya* [Dynamics of forest of Moscow region]. *Lesnoe khozyaystvo* [Forestry]. 1990. № 8. pp. 51–54.
19. Lebkov V.F. *Tipy stroeniya drevostoev* [Structural types of stands]. *Lesovedenie* [Forestry]. 1989. № 4. pp. 12–21.
20. Lipatkin V.A. *Ustoychivost' ekosistem: obsuzhdenie ponyatiy* [The sustainability of ecosystems: a discussion of concepts]. *Nauch. tr.* [Scientific works]. Moscow: MGUL, 1996. Vol. 283. pp. 24–37.
21. Maslakov E.L. *Formirovaniye sosnovykh molodnyakov* [Formation of pine saplings]. Moscow: Lesnaya promyshlennost', 1984. 168 p.
22. Matyuk I.S. *Ustoychivost' lesonasazhdeniy* [Stability of forest plantations]. Moscow: Lesnaya promyshlennost', 1983. 136 p.
23. Melekhov I.S. *Lesovedenie* [Forestry]. Moscow: Lesnaya promyshlennost', 1980. 406 p.
24. Mirkin B.M., Rozenberg G.S., Naumova L.G. *Slovar' ponyatiy i terminov sovremennoy fitotsentologii* [Dictionary of terms and concepts of modern Fitotsenology]. Moscow: Nauka, 1989. 223 p.
25. Mozolevskaya E.G. *Sistema lesopatologicheskogo monitoringа v lesakh Rossii* [Pathology monitoring system in forests of Russia]. *Lesnoe khozyaystvo* [Forestry]. 1995. № 5. pp. 2–4.
26. Morozov G.F. *Uchenie o lese* [The doctrine of the forest]. Moscow-Leningrad: GIZ, 1928. 365 p.
27. Nesterov N.S. *Ocherki po lesovedeniyu* [Essays on forest science]. Moscow-Leningrad: Goslestekhizdat, 1933. 247 p.
28. Nikolaevskiy V.S. *Biologicheskіe osnovy gazoustoychivosti rasteniy* [Biological basis of gas resistance of plants]. Novosibirsk: Nauka, 1979. 280 p.
29. Odum J. *Ekologiya. V 2 t.* [Ecology. In 2 vols.]. Moscow: Mir, 1986. Vol. 1. 328 p. Vol. 2. 376 p.
30. Polyakova G.A., Malysheva T.V., Flerov A.A. *Antropogennoe vliyaniye na osnovnye lesа Podmoskov'ya* [Anthropogenic impact on the pine forests near Moscow]. Moscow: Nauka, 1981. 144 p.
31. Riklеfs R. *Osnovy obshchey ekologiy* [Fundamentals of General Ecology]. Moscow: Mir, 1979. 424 p.
32. Rozhkov A.A., Kozak V.T. *Ustoychivost' lesov* [Sustainability of forests]. Moscow, 1989. 238 p.
33. Romanovskiy M.G. *Produktivnost', ustoychivost' i bioraznoobrazіye ravninnykh lesov evropeyskoy Rossii* [Productivity, sustainability and biodiversity of the lowland forests of European Russia]. Moscow: MGUL, 2002. 97 p.
34. Sennov S.N. *Ukhod za lesom (ekologicheskіe osnovy)* [Forest management (environmental bases)]. Moscow: Lesnaya promyshlennost'. 1984. 128 p.
35. Taran I.V., Spiridonov V.N. *Ustoychivost' rekreatsionnykh lesov* [Stability of recreation forests]. Novosibirsk: Nauka, 1981. 240 p.
36. Tret'yakov N.V. *Zakon edinstva v stroenii nasazhdeniy* [The law of unity in the structure of plants]. Moscow-Leningrad: Novaya derevnya, 1927. 114 p.
37. Witteker R. *Soobshchestva i ekosistemy* [Communities and ecosystems]. Moscow: Progress, 1980. 327 p.
38. Khayretdinov A.F., Konasheva S.I. *Rekreatsionnoe lesovodstvo* [Recreational Forestry]. Ufa: Izd-vo BGAU, 1994. 223 p.
39. Tsvetkov M.A. *Izmeneniye lesistosti Evropeyskoy Rossii s kontsa XVII stoletiya po 1914 g.* [Change in forest cover of European Russia since the end of the XVII century to 1914]. Moscow: Izd. AN SSSR, 1957. 214 p.
40. Ashbi W.Ross. *Vvedeniye v kibernetiku* [Introduction to Cybernetics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1959. 432 p.
41. Yusupov I.A. *Sostoyaniye i ustoychivost' iskusstvennykh sosnovykh molodnyakov v usloviyakh aeropromvybrosov na Srednem Urale* [Condition and stability of artificial pine saplings in the conditions of air industrial emissions in the Middle Urals]: *Avtoref. dis. ... k. s.-kh. n.* [Abstract of thesis ... of PhD. agricultural Sciences]. Ekaterinburg, 1996. 25 p.
42. Kimmins J.P. Biodiversity and its relationship to ecosystem health and integrity. *The forestry chronicle*, 1997, vol. 73, N 2, pp. 229–232.
43. Margalef R. 1968. *Perspectives in ecological theory*. University of Chicago Press. 111 pp.
44. Perry D.A. *Forest ecosystems*. Baltimore, London, 1994. 649 p.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР «УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ» ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ, ВОЗМОЖНОСТИ, РЕАЛИИ

А.Н. КОЧЕРГИН, проф. МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р филос. наук, заслуженный деятель науки РФ

albert@voxnet.ru

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экологический вызов современности приобретает столь судьбоносный характер, что ставит цивилизацию на грань возможной катастрофы. Для предотвращения экологической катастрофы необходимо отказаться от принципа антропоцентризма, обосновывающего стремление к господству человека над природой, и перехода на позиции принципа биоцентрического эгалитаризма. Речь идет о формировании сознательного отношения к природе, направленного на организацию устойчивого развития общества. В связи с этим обсуждается ряд принципиальных вопросов: какова мера реальной экологической угрозы, как понимать «устойчивое развитие», как оно соотносится с понятием ноосферы, каковы реалии, возможности и механизмы разрешения экологического кризиса, условия формирования экологической культуры. Техногенная цивилизация переживает глобальный экологический кризис, возникновению и обострению которого способствуют научные знания, реализуемые в техносфере. Возникает потребность в формировании новой культуры, ставящей предел сверхпотреблению как главной ценности. Необходимо овладение тремя видами природы: внешней, социальной и внутренней природой человека. Перспективные интересы гармонизации отношений общества и природы следует поставить выше интересов сиюминутной выгоды. В качестве альтернативы кризисному пути техногенной цивилизации, обеспечивающей выживание человечества, мировым сообществом принята концепция устойчивого развития. Но выражение «устойчивое развитие» внутренне противоречиво, поскольку все системы в развитии проходят через точки бифуркации, и постоянно устойчивой является только неустойчивость. Устойчивое развитие следует трактовать как коэволюционное, т. е. взаимно непоражающее развитие общества и природы. Реализация коэволюционного развития возможна лишь на пути перехода биосферы в ноосферу, для чего требуются изменения ценностных ориентаций общества и экологизация науки и мировоззрения. Система образования и воспитания также должна основываться на программе формирования новой экологической культуры.

Ключевые слова: экологическая культура, устойчивое развитие, неустойчивость, коэволюция, ноосфера, экологизация науки и мировоззрения, экологизация образования и воспитания.

Культура – научное и вдохновенное приближение к разрешению проблем человечества... точное знание вне предрассудков и суеверий.

Николай Рерих

Есть в мире движущаяся параллельно силе смерти и принуждения еще одна огромная сила, несущая в себе уверенность, и имя ей – к у л ь т у р а.

Альбер Камю

Культура – это фанера, которой чаще всего бывает покрыто невежество, чем просвещение.

Люси Мэлори

Культура – это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом.

Фридрих Ницше

Культура – это плодотворное существование.

Борис Пастернак

Экологический вызов современности приобретает столь судьбоносный характер, что ставит цивилизацию на грань возможной катастрофы. Реализация надежд на выживание человечества ассоциируется с установлением ноосферы и устойчивым развитием. В связи с этим возникает необходимость формирования экологической культуры как совокупности знаний и ценностей, обеспечивающих подход к природе не с позиции принципа антропоцентризма, а с позиции биоцентрического эгалитаризма. Речь, таким образом, идет о формировании сознательного отношения к природе, направленного на организацию устойчивого развития общества, что и ассоциируется с понятием ноосферы. В связи с этим встает ряд принципиальных

вопросов, требующих обсуждения: какова мера реальной экологической угрозы, как понимать «устойчивое развитие», как оно соотносится с понятием ноосферы, каковы реалии, возможности и пути выхода из кризисной экологической ситуации, предпосылки выработки новой экологической культуры.

Прежде всего, в какой мере современная экологическая ситуация обуславливает необходимость принятия незамедлительных мер, купирующих экологическую опасность? В принципе нельзя априорно ставить каких-либо границ использованию природы для нужд общества. Однако очевидно, что современная техногенная цивилизация находится в кризисном состоянии, которое все более обостряется.

Колоссальные темпы разрастания техносферы выводят человеческую жизнь из органического единства со средой обитания [2].

К известным последствиям антропогенной деятельности постоянно добавляются все новые и новые факты, в том числе весьма тревожные. Исследования последнего времени, проведенные группой под руководством С. Пимма в университете Дьюка, свидетельствуют о том, что до того, как человек стал играть доминирующую роль на планете, в среднем один вид животных или растений из 10 миллионов вымирал каждый год. В настоящее же время вымирание видов животных и растений происходит, по самым минимальным оценкам, в 1000 раз быстрее. Причина этого – последствия антропогенной деятельности, влияющие на изменения среды обитания, ухудшение экологических условий. Многие виды вообще не могут жить в измененных условиях. 70 % влияния на старение также отводится изменению экологических условий жизни [6].

Обострение экологического кризиса побудило многих исследователей связывать выживание цивилизации с устойчивым развитием. Но само понятие устойчивого развития (перевод с английского sustainable development) единой интерпретации не получило. Термин «развитие» в русском языке означает переход одного качественного состояния к другому, новому. В одних случаях новое трактуется как более совершенное, а в других (например в медицине при характеристике развития болезни) – как и, возможно, ухудшающее. Термин «устойчивый» в русском языке трактуется как «стоящий твердо», «не колеблющийся», т. е. пребывающий в спокойном состоянии, устойчивый. Постоянно устойчивых систем, как известно, в действительности не существует. Если говорить об устойчивости как характеристике состояния систем, то постоянно устойчивой является только неустойчивость. Термин sustainable означает «поддерживаемый», «поддерживающий». Но в этом значении данный термин может быть отнесен и к неустойчивому развитию. Поэтому выражение «устойчивое развитие» внутренне противоречиво, поскольку все системы в развитии проходят через точки бифуркации. Поэтому

представление об устойчивом развитии как лишенном противоречий разного рода утопично. (Будучи включенным в Декларацию РИО, оно призвано регулировать политику в области экологической безопасности на международном уровне. Однако в условиях отсутствия механизмов его претворения в жизнь становится не более как благим пожеланием.) Как переход от одной парадигмы к другой нарушает устойчивость первой, так и развитие действительности будет сопровождаться изменением своих форм. Речь должна идти о другом, а именно о коэволюционном развитии, т. е. о взаимно непоражающем развитии общества и природы. Поскольку термин «устойчивое развитие» обрел широкое распространение, его трудно выбросить из обихода, но трактовать его следует как развитие коэволюционное. На разных этапах развития взаимодействия общества и природы могут возникать периоды, характеризующиеся как устойчивые и неустойчивые. В абсолютном же выражении устойчива лишь неустойчивость. Представлять развитие взаимодействия общества и природы как постоянно устойчивые неконструктивно. Приемлемые для общества и природы условия существования будут определяться мерой соблюдения «интересов» этих агентов взаимодействия.

Важно еще одно. Общеизвестные критерии устойчивого развития отсутствуют. В качестве путей обеспечения устойчивости биосферы предлагаются такие, как ограничение потребления биологических и невозобновляемых природных ресурсов, ограничение численности населения и др., важность которых сомнений не вызывает. Еще Мальтус [5] представлял жизнь человечества как заключенную внутрь, образно говоря, метафорического «бермудского экологического треугольника». Нормальная жизнь общества зависит от равновесия его вершин: одна означает численность живущих в каждый данный момент времени людей с их потребностями, вторая – разведанные ресурсы, третья – существующие технологии. Однако это равновесие, зависящее от исторически обусловленного места человека в биосфере, может быть установлено только с учетом пройденного им ранее эволюционного пути. Поэтому «устойчивым» развитием может быть только коэволюци-

онное развитие, трактуемое как взаимонепоражающее развитие общества и природы.

Далее – о понятии ноосферы. Общее направление социальной эволюции в концепции ноосферы В.И. Вернадского выражается в стремлении человека как вида превратиться в конструктора биосферы, становлении его у руля управления космическим эволюционным процессом [1]. Если учесть, что человек – существо космопланетарное, то встает вопрос о реальной возможности этого. Может быть, лучше полагаться на восточную мудрость – не покорять природу, а встраиваться в ее ритмы, принять естественный порядок вещей и не насиловать ее? Во всяком случае, трудно представить, что человек сможет по своему усмотрению управлять космическим эволюционным процессом.

Но даже если будут известны эти параметры, без решения глобальной коммуникационной проблемы говорить о ноосфере бессмысленно. Современный мир буквально раздирается самыми разными противоречиями, решение которых без взаимопонимания невозможно. В разных культурах есть сакральные ценности, сохранение которых для их носителей является абсолютно обязательным. Установление взаимопонимания возможно лишь в продуктивном равноправном диалоге, предполагающем взаимную уступчивость. Экологические ценности, обеспечивающие выживание цивилизации, должны быть общими для всех людей – здесь должно быть единомыслие. Постмодернистский плюрализм это исключает. Христианский императив, объявляющий человека господином природы, которому весь тварный животный и растительный мир природы дан в абсолютное подчинение и использование, также антиэкологичен. Возможность расчистки коммуникационных фильтров – тема, требующая особого разговора, поэтому пока ее лишь обозначим.

Можно выделить две точки зрения на состояние биосферы в техногенной цивилизации [3]. Одна из них исходит из того, что эволюция биосферы продолжается, другая – рассматривает происходящие в биосфере изменения как свидетельство ее деградации. *Козэволюционное развитие, способное не просто ликвидировать вредные экологические последствия тех-*

ногенной деятельности, а предупредить их появление, возможно лишь на пути перехода биосферы в ноосферу, для чего потребуются изменения ценностных ориентаций общества. В противном случае человечество действительно выявит свою сущность как тупиковой ветви эволюции, себя пожирающей. Поэтому система образования и воспитания в современном обществе должна основываться на программе формирования экологической культуры как важнейшей составляющей духовно-нравственного воспитания. Формирование глобальной экологической культуры предполагает диалог культур, что, в свою очередь, потребует политической воли и определенных экономических санкций, а также соответствующих форм социально-экономической организации общества. Социально-экономическая система, главной целью которой является получение прибыли, оказывается мало приспособленной для формирования глобальной экологической культуры и вообще для решения глобальных проблем – здесь потребуются новые подходы, в основе которых должно быть сохранение жизни и создание условий для ее непоражающего развития на планете.

Поэтому, по мнению Н.Н. Моисеева, следует говорить не об устойчивом развитии в рамках традиционных ценностей, а о стратегии выживания, включающей совокупные действия человечества, которые способны обеспечить коэволюцию общества и природы [7]. Для преодоления экологического кризиса необходима не только перестройка обыденного сознания, но и экологизация науки и мировоззрения. Экологический императив должен стать категорическим. Здесь необходимо преодолеть чрезмерное обособление познавательных и ценностных моментов в исследовательской деятельности. Основания в это должна заложить философия выживания [12]. И хотя прошедший год был объявлен годом защиты окружающей среды, практически делается явно недостаточно. Слабо слышен голос экологического фонда, Российской экологической академии и других общественных организаций, церкви. Если мы действительно озабочены экологическим состоянием окружающей среды и необходимостью формирования эко-

логической культуры, нужна государственная программа, способная к системному и систематическому осуществлению работы в этом направлении на всех уровнях.

Библиографический список

1. Вернадский, В.И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. Т. 2 / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1977. – 192 с.
2. Дмитриев, А.Н. Шансы на выживание / А.Н. Дмитриев, А.Н. Кочергин. – М.: Знание, 1996.
3. Камшилов, М.М. Эволюция биосферы / М.М. Камшилов. – М.: Наука, 1974. – 254 с.
4. Камю, А. Записные книжки. Март 1951 – декабрь 1959 / А. Камю. kamu-book.odn.org.ua/zapisnye_knizhki_1.html. Последняя редакция: 28/07/2002.
5. Мальтус, Т. Опыт о законе народонаселения: В 2-х т. / Т. Мальтус. – СПб., 1868.
6. Мир находится на грани великого вымирания растений и животных. oko-planet.su
7. Моисеев, Н.Н. Экологический фон современной политики / Н.Н. Моисеев // Общественные науки и современность. – 1993. – № 4. – С. 138–141.
8. Ницше, Ф. Соч. в 2 т. Т. 1 / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. 832 с.
9. Пастернак, Б. Об искусстве / Б. Пастернак. – М.: Искусство, 1990. – 399 с.
10. Рерих, Н.К. Листы дневника. Т. 1 / Н.К. Рерих. – М.: МЦР, 1999. – 560 с.
11. Толстой, Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 41. – М.: Гос. Изд-во худож. литер., 1957. – 483 с.
12. Kochergin A.A., Kochergin A.N. Human being and biosphere: A Noospheric perspective. Biocosmologie-neo-Aristotelism. 2012. Vol. 2. № 4.

ECOLOGICAL CULTURE AS A FACTOR OF «SUSTAINABLE DEVELOPMENT» OF SOCIETY: CHALLENGES, OPPORTUNITIES, REALITIES

Kochergin A.N., Prof. of Moscow State University, Dr. Philosophy Sciences, Honored Worker of Science

albert@voxnet.ru

Moscow State University named after MV Lomonosov

119991, Russian Federation, Moscow, Lenin Hills, d. 1, Lomonosov Moscow State University

The environmental challenge of our time is a breaking point that puts civilization on the brink of a possible catastrophe. In this regard, there is a need of formation of ecological culture as a set of knowledge and values, which provides an approach to nature not from the perspective of the principle of anthropocentrism, but from a position of principle of biocentric egalitarianism. We are talking about the formation of a conscious attitude to nature, aimed at the sustainable development of society. In this regard, there is a number of fundamental questions: what is the measure of the real environmental threat, what is meant by «sustainable development», how is it related to the concept of noosphere, what are the realities, opportunities and mechanisms to solve environmental problems, what are the conditions of formation of ecological culture. Technological civilization is in a global crisis state, and one science cannot cope with this crisis. Scientific knowledge is implemented in the technosphere, contributing to the ecological crisis. There is a need to create a new culture, which places a limited overconsumption as the main value. There are the three types of nature: external, internal social and human nature. Long-term interests of society on the issue of nature should be placed above the interests of short-term profit. Aggravation of the ecological crisis prompts the humanity to connect the survival of civilization with sustainable development. But the expression «sustainable development» is self-contradictory, as all the systems in its development pass through the bifurcation point, and only the instability is constantly stable. Sustainable development should be treated as a co-evolutionary development that is mutually unaffected by the society and nature. Development of new principles and methods of interaction between the society and nature in order to ensure sustainable development rests on noogenics, the main direction of which is seen in the creation of technologies that do not disturb the balance of the biosphere. Implementation of co-evolutionary development is possible only in the transition of the biosphere into the noosphere, which will require not only the achievements of science, but also a change of historical value orientations of society. To overcome the environmental crisis the greening of science and philosophy is required. The system of education and training should also be based on the program of formation of ecological culture.

Keywords: ecological culture, sustainable development, instability, co-evolution, the noosphere, the greening of science and philosophy, the greening of education and training.

References

1. Vernadskiy V.I. *Razmyshleniya naturalista. Nauchnaya zhizn' kak planetnoe yavlenie. T. 2.* [Reflections of a Naturalist. Scientific Thought as a Planetary Phenomenon. Vol. 2]. Moscow: Nauka, 1977. 192 p.
2. Dmitriev A.N., Kochergin A.N. *Shansy na vyzhivanie* [Chances of survival]. Moscow: Znanie, 1996.
3. Kamshilov M.M. *Evolutsiya biosfery* [Evolution of the Biosphere]. Moscow: Nauka, 1974. 254 p.
4. Camus A. *Zapisnye knizhki. Mart 1951 – dekabr' 1959* [Notebooks. March 1951 – December 1959] [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: kamu-book.odn.org.ua/zapisnye_knizhki_1.html. Poslednyaya redaktsiya: 28/07/2002.
5. Maltus T. *Opyt o zakone narodonaseleniya: V 2 t.* [An Essay on the Principle of Population: In 2 Vols]. Saint-Petersburg, 1868.
6. *Mir nakhoditsya na grani velikogo vymiraniya rasteniy i zhivotnykh* [The world is on the verge of the great extinction of plants and animals]. (Elektronnyy resurs). Rezhim dostupa: oko-planet.su.
7. Moiseev N.N. *Ekologicheskiy fon sovremennoy politiki* [Ecological background of modern politics]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1993. № 4. pp. 138–141.
8. Nietzsche F. *Soch. v 2 t.* [Op. 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Mysl', 1990. 832 p.
9. Pasternak, B. *Ob iskusstve* [About art]. Moscow: Iskusstvo, 1990. 399 p.
10. Rerikh, N.K. *Listy dnevnika. T. 1.* [Sheets diary. Vol. 1]. Moscow: MTsR, 1999. 560 p.
11. Tolstoy, L.N. *Poln. Sobr. soch. v 90 tt. T. 41* [Full. sobr. Op. 90 vols. T. 41]. Moscow: Gos. Izd-vo Khudozh. Liter., 1957. 483 p.
12. Kochergin A.A., Kochergin A.N. Human being and biosphere: A Noospheric perspective. Biocosmologie-neo-Aristotelism. 2012. Vol. 2. № 4.

«ЗЕЛЕНАЯ ЭКОНОМИКА» КАК АЛЬТЕРНАТИВА СУЩЕСТВУЮЩЕЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Л.В. КУЗИНА, *ст. преп. каф. философии, социологии и экономики Международного экологического университета им. А.Д. Сахарова*

mtv2013@tut.by

ГУО «Международный государственный экологический университет имени А.Д. Сахарова»
220070, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Долгобродская, 23, МГЭУ им. А.Д. Сахарова

Недостатки либерально-рыночной идеологии, ставшие сегодня очевидными даже для неспециалистов, приводят к заключению, что рыночный путь развития принципиально несовместим с концепцией устойчивого развития. Принятая мировым сообществом концепция «зеленой экономики» призвана обеспечить согласование трех компонентов устойчивого развития – экономического, социального и экологического. «Зеленая экономика» – это не просто возможность, а обязательный путь развития для всех стран и государств, если они хотят обеспечить надежное будущее для своих граждан. Развитые страны внедряют принципы «зеленой экономики» очень быстро. Переход к «зеленой экономике» в Республике Беларусь требует уточнения, прежде всего, стратегических целей и тактических направлений дальнейшего социально-экономического развития государства. Устойчивое развитие отличается от экономического более жесткими ограничениями экологического характера. Принципиальным моментом является попытка учесть ущерб от загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов на макроэкономическом уровне, экологически скорректировать основные экономические показатели развития. Особенно актуальным является использование в качестве одного из системных индикаторов мониторинга устойчивого развития показателя «экологический отпечаток». Экологический отпечаток (след) – это доля биологической производительности Земли, которую население использует для того, чтобы произвести потребляемые ресурсы и переработать вырабатываемые отходы. Однако экологические показатели пока не стали такими же критериями деятельности предприятий, как экономические и социальные. Результаты последних исследований показывают, что экономический рост не всегда делает людей счастливыми. Поэтому в первую очередь необходимо изменить общественное мировоззрение. Формирование новых мировоззренческих ориентаций возможно только через экологическое образование, которое должно стать самоцелью не для отдельных граждан, а для всего общества.

Ключевые слова: устойчивое развитие, «зеленая экономика», национальная стратегия, экономический рост, макроэкономические показатели, государство, новые мировоззренческие ориентации.

Анализ итоговых документов, принятых на Конференции ООН по устойчивому развитию «РИО + 20» [2], позволяет сделать вывод о том, что мировое сообщество признает неизбежность замены рыночной модели развития на новую, или «зеленую» экономику. Термин «зеленая экономика» может определяться и пониматься различным образом и в различных контекстах. Наиболее часто под «озеленением» экономики понимается обеспечение экономического роста и повышение благосостояния людей с одновременным сохранением окружающей среды. Многие развитые страны уже приступили к выработке конкретных стратегий перехода к экологичной, или «зеленой» экономике. Так, в Финляндии разработано 14 национальных программ перехода, в Великобритании – 9, Германии – 7, Швеции – 4. Особенно характерен пример Южной Кореи, которая избрала «зеленый рост» в качестве национальной стратегии развития.

Принятая мировым сообществом модель весьма актуальна и для нашей страны,

экономика которой долгое время была частью единого народнохозяйственного комплекса СССР, ориентировалась, в основном, на союзный рынок и зависела от поставок сырья, энергоносителей и других важных производственных ресурсов из других республик. Распад СССР отрицательно сказался на стабильности развития Беларуси. Кроме того, развитие в республике таких отраслей промышленности, как химическая, нефтехимическая, машиностроение, базирующихся на устаревших многоотходных технологиях, наличие большого количества животноводческих комплексов, сбрасывающих отходы в окружающую среду, радиационное загрязнение более 1/5 территории республики после Чернобыльской катастрофы до предела осложнили экологическую ситуацию в Беларуси. Все это определило широкое признание у нас идей устойчивого развития и привело к разработке в 1997 г. первой Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь, а затем и второй на период до 2020 г. [5]. В

этих программных документах дана оценка стартовых условий Беларуси в контексте мировых тенденций экономического развития, определены основные требования к их функционированию, приведена оценка национальных ресурсов, что является очень важным для выработки основных направлений перехода белорусской экономики к устойчивому развитию по главным составляющим – «человек – окружающая среда – экономика». При этом стратегией перехода является поэтапное движение к обществу постиндустриального типа с учетом национальной специфики для повышения жизненного уровня населения, улучшения среды обитания на основе формирования нового технологического способа производства и многоукладной экономики при значительной роли государства в ее трансформировании и регулировании. Существенное развитие получило законодательство в области охраны окружающей среды (действует более 1500 законодательных актов). Республика Беларусь является стороной 13 глобальных и 9 европейских международных природоохранных конвенций и протоколов.

Следует отметить безусловную значимость разработанных документов, являющихся своего рода методологическим и социально-экономическим ориентиром всей системы государственного прогнозирования. Но дальше разработки программных документов дело не пошло. Несоответствие высокого государственного статуса документа и фактическое отсутствие механизмов, обеспечивающих его реализацию, не позволило включить его показатели в систему прогнозных и плановых показателей социально-экономического развития республики. В планах и прогнозах приоритетным направлением остается рост валового внутреннего продукта (ВВП) [7]. Хотя многие экономисты, в том числе и белорусские, давно отмечали, что ВВП не является мерой ни благосостояния, ни доходов, а скорее грозит ухудшением качества жизни, т. к. его рост сопровождается загрязнением воды, воздуха, почв. По расчетам специалистов, на каждую единицу массы продук-

ции производится несколько (до 10 и более) единиц массы различных отходов. Вся эта масса на сегодняшний день имеет нулевую стоимость, что, естественно, не отражается на величине ВВП. На самом деле отходы имеют отрицательную стоимость, т. к., загрязняя пищу, воду, воздух, почву, снижают благосостояние людей. Если же ВВП увеличивается посредством всемерной экономии на оплате труда и условиях жизни людей, а также сохранения на территории страны экологически грязных производств, то потребности такой экономики ложатся непосильным бременем на социальную и экологическую подсистемы общества, которые все чаще начинают давать сбой в работе. Так, истощение человеческого капитала переходит в численное убывание трудовых ресурсов, что, в свою очередь, приводит к негативным последствиям для экономики. Таким образом, локальный, структурный кризис перерастает в общесистемный, охватывающий всю экономику [3].

В мире идет постоянная разработка инструментов перехода к «зеленой экономике», при этом используются различные подходы. Но принципиальным моментом является попытка учесть ущерб от загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов на макроэкономическом уровне, экологически скорректировать основные экономические показатели развития. Например, в развитых странах в настоящее время применяется более 150 разных инструментов, из которых 50 % составляют различные платежи, около 30 % – субсидии, остальное приходится на прочие экономические стимулы. В республике, на наш взгляд, также необходимо вводить количественные показатели того, во что нам обходится экономический рост в разных отраслях и регионах, причем в динамике. Конечно, работа в этом направлении идет и у нас, но пока на теоретическом уровне. Белорусские ученые, экономисты предлагают множество частных мер по улучшению природопользования, сохранению окружающей среды, повышению эффективности работы агропромышленного комплекса и т. д. [6]. Считаем, что особенно

актуальным является использование в качестве одного из системных индикаторов мониторинга устойчивого развития показателя «экологический отпечаток». Экологический отпечаток (след) – это доля биологической производительности Земли, которую население использует для того, чтобы произвести потребляемые ресурсы и переработать вырабатываемые отходы. Экологические отпечатки различны в каждой стране, что объясняется разным географическим положением, социально-экономическим развитием, уровнем и качеством жизни населения и другими факторами. В результате проведенного в нашем университете исследования можно сделать вывод, что величина экологического отпечатка год от года возрастает, что является результатом ухудшения экологической обстановки в республике вследствие интенсификации антропогенного воздействия, вызванного ростом уровня жизни населения. Видимо, нам необходимо более широко использовать мировой опыт, а также адаптировать методику расчета экологического отпечатка к условиям республики. К сожалению, разработки ученых и специалистов не находят применения на практике.

Следует отметить, что на сегодняшний день внимание реального сектора экономики республики к экологическим проблемам явно недостаточно. Настораживает позиция некоторых руководителей ведомств и предприятий, которые считают, что «зеленая экономика» – это далекая перспектива, а сегодня есть более неотложные задачи. В результате природоохранная деятельность не стала элементом бизнес-процесса наравне с вопросами повышения качества и увеличением объема реализации продукции. Предприятия и инвесторы по-прежнему рассматривают вложенные в экологию деньги как затраты, не учитывая реального возврата вложенных средств за счет повышения стоимости продукции, улучшения имиджа предприятия и открытия новых рынков сбыта, а экологические показатели не стали такими же критериями деятельности предприятий, как экономические и социальные [1].

Данная позиция может дорого обойтись республике. Развитые страны внедряют принципы «зеленой экономики» очень быстро. Уже сегодня эти страны выпускают до 50 % экологически безопасной техники, перерабатывают до 80 % отходов производства, производят экологически безопасную сельскохозяйственную продукцию. По прогнозам, в ближайшие 20 лет до 40 % мирового производства составят продукция и технологии, связанные с экологией и энергетикой. Беларусь, по мнению зарубежных экспертов, тоже может войти в число стран с «зеленой экономикой». Реализация этой возможности позволила бы, на наш взгляд, ликвидировать отставание и существенно повысить конкурентоспособность страны. Конечно, на пути к «зеленой экономике» необходимо оценить серьезность социально-экономических и экологических проблем, решить, в каких отраслях будет внедряться «зеленая экономика», сколько это будет стоить. К первоочередным мерам, на наш взгляд, относятся: включение экологической составляющей в программы развития отраслей; разработка государственной статистической базы учета экологических товаров и услуг; разработка комплекса мер по стимулированию субъектов хозяйствования, занятых производством экологически безопасных видов продукции и предоставлением услуг в данной сфере.

Как показывает мировая практика, главную роль в осуществлении экологической политики должно играть государство, поскольку оно представляет интересы всего общества и будущих поколений. Государство должно проводить политику контроля над загрязнением окружающей среды с помощью введения правовых санкций, норм выбросов, с одной стороны, и системы стимулов и поощрений для производителей – с другой. У нас государство достаточно долго для решения экологических проблем использовало только административно-правовые запреты и ограничения, а также меры гражданского и уголовного воздействия. Такие методы хотя и давали определенные результаты, но они были далеки от оптимальных. Известно, что

более эффективными являются методы экономического регулирования: торговля квотами, страхование от экологических рисков, развитие экологически ориентированного малого бизнеса, «зеленое» налогообложение. Для более масштабного внедрения этих методов нужна переориентация экономического курса с учетом принципов «озеленения» экономики. Такое смещение приоритетов, на наш взгляд, требует учета экологического фактора при разработке и реализации мер и программ в экономической, социальной, политической, технологической и иных областях. К сожалению, стратегия перехода к «зеленой экономике» вступает в противоречие с рядом продекларированных правительством направлений развития – увеличение до 30 % использования «грязных», по сравнению с газом, энергоисточников (торфа, бурых углей, сланцев), строительство цементных заводов, где в качестве топлива опять-таки будут использоваться торф или уголь. Реструктуризация топливного баланса страны за счет сокращения поставок природного газа и повышение использования угля и мазута могут привести к негативным экологическим последствиям для человеческого капитала. Известно, что продукты сгорания угля в 10–50 раз, а мазута – в 3 раза токсичнее, чем газа. Это, безусловно, увеличит загрязнение воздуха в городах, повысятся заболеваемость и смертность населения [9]. Например, по расчетам российского Фонда защиты природы, такая замена приведет к дополнительным 40000 смертей населения страны. В то же время применение простых энергосберегающих технологий позволяет сберечь половину потребляемой энергии. В известном докладе Римскому клубу «Фактор четыре» показано, как можно вдвое увеличить производство при сокращении наполовину привлекаемых ресурсов. Республика Беларусь тоже имеет большие возможности, научно-технические и финансовые средства для перехода к «зеленому» энерго снабжению.

Но в первую очередь, на наш взгляд, необходимо изменить общественное мировоззрение. Общество должно выбрать не

просто социально-ориентированную рыночную экономику, как заявлено во всех программных документах, а путь устойчивого экологического развития, или «зеленую экономику». Для многих поколений людей прогрессивное общественное развитие прочно ассоциировалось с экономическим ростом. Никакая другая цель не нашла более решительной поддержки, чем экономический рост. Никакой другой показатель благосостояния страны не встретил такого единодушного признания, как прирост валового национального продукта. При этом экономический рост отождествлялся с понятием экономическое развитие, хотя связь и взаимозависимость между ними неоднозначны. Если экономический рост характеризуется количественными показателями (увеличение объема производства, рост ВВП), то для анализа экономического развития используются скорее качественные характеристики, которые включают, к примеру, такие неэкономические характеристики, как образование и здоровье. Кроме того, устойчивое развитие отличается от экономического более жесткими ограничениями экологического характера. неизбежно возникает вопрос: отражает ли такая цель, как экономический рост, подлинные общественные потребности? Можно было бы согласиться с утверждением, что экономический рост является панацеей от всех бед, если бы мировая экономика существовала сама по себе. Но ведь экономика является подсистемой ограниченной биосферы. Если экономическая экспансия чрезмерно распространяется на окружающую экосистему, мы начинаем жертвовать природным капиталом, ценность которого больше, чем ценность капитала, созданного людьми. Такую ситуацию многие экономисты называют неэкономическим ростом, при котором негативные факторы производятся быстрее, чем полезные товары и услуги, в результате общество становится беднее, а не богаче. Кроме того, рост производства вызывает взрывной эффект загрязнения окружающей среды. Одно это должно было поставить под сомнение объективность общепризнан-

ной цели. В то же время ВВП является объективной и достаточно просто рассчитываемой величиной. И многие экономисты до сих пор считают, что лучше иметь дело с измеримым поступательным движением к ложным целям, чем с неподдающимся измерению и посему сомнительным поступательным движением к истинным целям. Известно, что одной из движущих сил экономического роста является аксиома «ненасытности», согласно которой люди тем счастливее, чем больше потребляют. Однако сегодня экономисты и психологи поставили это утверждение под сомнение. Результаты последних исследований показывают, что экономический рост не всегда делает людей счастливыми. Связь между абсолютным доходом и счастьем существует только до порога достаточности, за которым на оценку счастья влияет только положение человека по сравнению с другими людьми. Экономический рост не может увеличить относительные доходы каждого. Поэтому людей, относительный доход которых увеличился в результате дальнейшего роста, будет столько же, сколько тех, у кого он уменьшился. И если пропорционально увеличатся доходы каждого, то это означает, что относительный доход не возрос ни у кого и никто не будет чувствовать себя счастливее. Экономический рост можно сравнить с гонимой вооружений, при которой две стороны сводят на нет успех и друг друга.

Формирование новых мировоззренческих ориентаций возможно, на наш взгляд, только через экологическое образование, поскольку образование представляет собой орудие разрушения слепой веры в старые стереотипы и замены ее критическими убеждениями. При этом экологическое образование должно стать самоцелью не для отдельных граждан, а для всего общества [6]. Известно, что субъекты, не обладающие знаниями, необходимыми в «зеленой» экономике, задачи развития решают исключительно экономическими методами. Необходимо научить специалистов различного профиля, правительственных чиновников и хозяйственных руководителей

лучше понимать, что происходит с окружающей средой, экономикой и находить оптимальные решения в интересах всех членов общества. Безусловно, это очень сложная задача. Но другого решения проблем, стоящих перед обществом, нет. Видимо, от споров о преимуществах и недостатках «зеленой экономики» пора перейти к принятию решительных мер по замене «коричневой экономики» новой моделью устойчивого развития. В противном случае мы потеряем уникальный шанс совершить скачок в сторону экологически эффективного роста, что приведет к еще большему отставанию республики от развитых стран.

Библиографический список

1. Вавилонская, О.Н. Предпосылки перехода к «зеленой экономике» в Республике Беларусь / О.Н. Вавилонская; РУП «БелНИЦ Экология» // Устойчивое развитие на принципах «зеленой экономики»: сборник статей по докладом научно-практической конференции (Минск, 5 июня 2012 г.). – Минск, 2012. – С. 8–9.
2. Итоговый документ РИО+20 – «Будущее, которого мы хотим». <http://grow.clicr.ru/news/81>
3. Кузина, Л.В. Совершенствование макроэкономических показателей с учетом экологических требований / Л.В. Кузина // Сахаровские чтения 2007 года: экологические проблемы XXI века: материалы 7-й междунар. науч. конф., 17–18 мая 2007 г., г. Минск, Республика Беларусь / Под ред. С.П. Кундаса, С.Б. Мельнова, С.С. Поздняка. – Минск: МГЭУ им. А.Д. Сахарова, 2007. – С. 248.
4. Лемешевский, И.М. Развитие концепции «новой экономики» в условиях рецессии деловой активности / И.М. Лемешевский // Труды Белорусского государственного технологического университета. – Минск, 2009. – С. 3–5.
5. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Национальная комиссия по устойчивому развитию Республики Беларусь. – Минск, 2004. – 200 с.
6. Образование в интересах устойчивого развития. Информационно-аналитический обзор. – Минск, 2007. – 102 с.
7. Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 гг. – Минск, 2006.
8. Перелет, Р.А. Выявление показателей устойчивого развития / Р.А. Перелет // ВИНТИ. Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. – 1995. – № 6. – С. 92–110.
9. Шимова, О.С. Основы экологии и экономика природопользования / О.С. Шимова, Н.К. Соколовский // Белорусский экономический журнал. – 2000. – № 2. – С. 122–134.
10. Шимова, О.С. Основы экологии и экономика природопользования: учебник / О.С. Шимова, Н.К. Соколовский. – Минск, 2001. – 368 с.

GREEN ECONOMY AS AN ALTERNATIVE TO THE CURRENT MARKET ECONOMY

Cousina L., Senior Lecturer, International Sakharov Environmental University, (Minsk, Rep. Belarus)

mtv2013@tut.by

International Sakharov Environmental University,
220070, Republic of Belarus, Minsk, Dolgobrodskaya Street, 23, ISEU. AD Sakharov

Disadvantages of the liberal-market ideology that are now obvious even to the layman lead to the conclusion that market development is fundamentally incompatible with the concept of sustainable development. The concept of «green economy» adopted by the world community is designed to ensure the harmonization of the three components of sustainable development – economic, social and environmental. «Green Economy» is not just a possibility but a compulsory way of development for all countries and nations if they want to ensure a secure future for their citizens. The developed countries implement the principles of «green economy» very quickly. Transition to a «green economy» in the Republic of Belarus needs to be clarified, especially the strategic objectives and tactical directions for further socio-economic development of the state. Sustainable development is different from economic development of more stringent environmental restrictions. The fundamental point is to try to take into account the damage caused by environmental pollution and depletion of natural resources at the macroeconomic level, environmentally correct major economic indicators of development. Particularly relevant is its use as a system of indicators for monitoring sustainable development indicators «ecological footprint». Ecological footprint (track) is a fraction of the Earth's biological productivity which people use to produce consumed resources and recycle waste generated. However, environmental indicators have not yet become the same criteria of enterprises as economic and social. Recent studies show that economic growth does not always make people happy. Therefore, it is first necessary to change the public world outlook. Formation of new ideological orientations is only possible through environmental education, which should be a goal not for individuals but for the society.

Keywords: sustainable development, green economy, national strategy, economic growth, macroeconomic indicators, state, new world look orientation.

Reference

1. Vavilonskaya O.N. *Predposylki perekhoda k «zelenoy ekonomike» v Respublike Belarus'* [Prerequisites for the transition to a «green economy» in the Republic of Belarus] *Ustoychivoe razvitie na printsipakh «zelenoy ekonomiki»: sbornik statey po dokladam nauchno-prakticheskoy konferentsii (Minsk, 5 iyunya 2012 g.)*. [Sustainable development on the principles of «green economy»: a collection of articles on the reports of scientific-practical conference (Minsk, June 5, 2012)]. Minsk: RUP «BelNITs Ekologiya» 2012. pp. 8–9.
2. *Itogovyy dokument RIO+20 – «Budushchee, kotorogo my khotim»* [Outcome RIO+20 – «The future we want». Electronic resource]. Access mode: <http://grow.clicr.ru/news/81>.
3. Kuzina L.V. *Sovershenstvovanie makroekonomicheskikh pokazateley s uchetom ekologicheskikh trebovaniy* [Improving macroeconomic indicators, taking into account environmental requirements] *Sakharovskie chteniya 2007 goda: ekologicheskie problemy XX veka: materialy 7-y mezhdunar. nauch. konf., 17–18 maya 2007 g., g. Minsk, Respublika Belarus' / Pod red. S.P. Kundasa, S.B. Mel'nova, S.S. Pozdnyaka* [Sakharov readings 2007: environmental problems of the twenty-first century: Proceedings of the 7th Int. scientific. Conf., May 17-18, 2007, Minsk, Belarus. Ed. S.P. Kundas, S.B. Melnova, S.S. Pozdnyakov]. Minsk: MGEU im. A.D. Sakharova, 2007. pp. 248.
4. Lemeshevskiy I.M. *Razvitie kontseptsii «novoy ekonomiki» v usloviyakh retsessii delovoy aktivnosti* [The development of the concept of «new economy» in the recession of business activity] *Trudy belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Proceedings of the Belarusian State Technological University]. Minsk, 2009. pp. 3–5.
5. *Natsional'naya strategiya ustoychivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya respubliki Belarus' na period do 2020 g.* [National Strategy for Sustainable Socio-Economic Development of the Republic of Belarus for the period up to 2020] *Natsional'naya komissiya po ustoychivomu razvitiyu Respubliki Belarus'* [National Commission on Sustainable Development, Republic of Belarus]. Minsk, 2004. 200 p.
6. *Obrazovanie v interesakh ustoychivogo razvitiya* [Education for Sustainable Development] *Informatsionno-analiticheskiy obzor* [Information-analytical review]. Minsk, 2007. 102 p.
7. *Osnovnye napravleniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya respubliki Belarus' na 2006–2015 gg.* [The main directions of socio-economic development of the Republic of Belarus for 2006-2015] Minsk, 2006.
8. Perelet R.A. *Vyyavlenie pokazateley ustoychivogo razvitiya* [Revealing indicators of sustainable development] *VINITI. Problemy okruzhayushchey sredy i prirodnkh resursov* [VINITI. Environment and Natural Resources]. 1995. № 6. pp. 92–110.
9. Shimova O.S., Sokolovskiy N.K. *Osnovy ekologii i ekonomika prirodopol'zovaniya* [Fundamentals of ecology and environmental economics] *Belorusskiy ekonomicheskij zhurnal* [Belarus Economic Journal]. 2000. № 2. pp. 122–134.
10. Shimova O.S. Sokolovskiy N.K. *Osnovy ekologii i ekonomika prirodopol'zovaniya: uchebnik* [Fundamentals of ecology and environmental economics: textbook] Minsk, 2001. 368 p.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В ФУНКЦИИ ЗАЩИТЫ ПРИРОДЫ

Лилиана МИТИЧ, проф., Университет г. Ниш, Факультет педагогического образования
в г. Вранье, д-р философии (Респ. Сербия),

ljiljanam@ucfak.ni.ac.rs

Университет г. Ниш, Факультет педагогического образования в г. Вранье
Ул. Отона Жупанчица бр. 21Б/110, 11070 Нови Београд

Необходимо подчеркнуть важность экологического воспитания и образования в целях защиты природы и непосредственного жизненного окружения, так многие эксперты в этой области считают, что мир находится на экологическом перекрестке. Сейчас наступил решающий момент, когда мы должны решиться на выбор между потребностями человечества. Неправильный выбор будет иметь огромные последствия для будущих поколений. Поэтому мы должны обратить внимание на проблемы загрязнения окружающей среды, быстрого промышленного развития и роста, истощения природных ресурсов, чтобы оценить опасность для будущего цивилизации. Мы выбрали эту тему, прежде всего, исходя из представления, что проблемы экологического воспитания и образования актуальны в психологическом, педагогическом и экологическом отношениях. Изменения в области экологического образования происходят в соответствии с изменениями в положении молодежи на всех этапах учебной работы. Поэтому в данной статье мы укажем на экологические изменения, вызванные человеком в течение нескольких последних десятилетий, которые возвращаются ему как бумеранг.

Ключевые слова: экологическое воспитание, экологическое образование, экологическое сознание, ученик, школа.

Экологическое воспитание и образование являются результатом нового теоретического подхода к изучению человеческого развития и существует в условиях нового понятия интеграции личности и ее окружения. Развитие здесь все чаще рассматривается как постоянное изменение способов, с помощью которых, с одной стороны, человек воспринимает природу и окружающую среду, относится к ней, и, с другой стороны, способа, которым окружение воспринимает человека и действует на него. Экологическое воспитание и образование занимается молодежью и ее экологическим развитием, прослеживает изменения в окружающих макро- и микросистемах. Оно направлено на защиту природы и окружающей среды, чем фактически и является содержание современной экологии и его влияние на развитие учащихся.

На протяжении истории человек изменяет природу и окружающую среду, в которой живет, и поэтому считается, что именно он является одним из самых мощных экологических факторов. В зависимости от содержания экологического сознания, способа мышления, мотивации и принятой системы ценностей человек воспринимает природу и окружающую среду и так отно-

сится к ней. Соответственно это отношение может быть положительным или отрицательным. Нарастает объем информации об уязвимости экосистем. Недопустимо уничтожается сложное сообщество живых организмов и окружающей среды, разрываются их взаимосвязи. Осознает ли человек опасность, которая нависла над ним? Знает ли, что угрожает уязвимой природе и окружающей среде, каждому виду, который ей принадлежит? Осознает ли, что и он сам, без надлежащей здоровой окружающей среды, не может выжить? Поэтому ставится вопрос о разработке проблем развития, контроля и изменения нежелательных форм человеческого поведения и ищется выход, направленный на достижение полезных социальных целей. Надо искать и найти ответ на вопрос: как человек заботится о природе и окружающей среде, и в какой степени эта природа определяет его поведение? Только после этого возможно планирование изменений, которые бы действительно соответствовали его потребностям.

С педагогической, т. е. дидактической методической точки зрения, экологическое воспитание и образование опирается на теории воспитания, особенно последние критические научные теории, направленные на

трансформации воспитательных изменений, теории, включающие объяснение и понимание этого педагогического феномена. Речь идет об общих и специальных теориях воспитания, которые включают педагогические знания, факты и обобщения в области экологического воспитания, чтобы на основе этого сознания установить, толковать и демонстрировать руководящие принципы, требования и нормативы для воспитательной практики и ее улучшения. В этом качестве теория экологического воспитания устанавливает свои цели и задачи, рассматривает содержание, организацию работы, ее принципы, формы, средства и методы.

Осуществление экологического воспитания и образования в школе можно предсказать и реализовать в трех возможных вариантах. Это экологическое воспитание и образование в качестве принципа обучения, в качестве особенного экологического содержания в учебных предметах и в качестве особой программы во внешкольных мероприятиях.

1. Мотивация и интерес как факторы экологического воспитания и образования

Мотивация связана с потребностями, которыми показывается отсутствие чего-то, а также связана с целями. Поэтому потребность является внутренним, а цель – внешним аспектом мотивации. Слово «мотив» в переводе с латыни значит движение. По определению Энциклопедии лексикографического института, мотив в душевной жизни есть психическое состояние или содержание (инстинктивное, эмоциональное, интеллектуальное), которое определяет поведение человека. Говоря о мотивах, Н. Рот сказал, что в повседневной речи существует много терминов, относящихся к движению, деятельности и мотивированию организма [11]. Мы, в первую очередь, занимаемся мотивами, которые оказываются не только физиологическими (голод, жажда, и т. д.), но и биологическими. Точнее сказать, мы занимаемся мотивацией как динамической категорией, определяя поведение, внутреннее состояние, которое может быть сочетанием мотивов,

порождающих активность. Речь идет о принятии активности, которая вызывает ощущение удобства. Это связано с экологическим воспитанием и образованием, которое не должно выглядеть как внешне навязанное, но как реализация потребности, вызывающая удовольствие. Учитель должен быть в роли не погонщика, а мотиватора, который «двигает» учеников тем, что объясняет важность экологического содержания, выбирает примеры, которые говорят о прямой угрозе природе и непосредственному окружению, о тревожном факте, что уничтожение угрожает не только китам, но и всему миру флоры и фауны, если мы продолжим уничтожать природу. Этот подход имеет и воспитательные и когнитивные, короче говоря конативные, аспекты развития. Роль учителя в том, чтобы своим примером создать состояние человеческой среды как области, которой бы занимались не только теоретически и когнитивно, но и практически. Мотивацией можно достигнуть необходимого эффекта, если она постоянна и если у учеников есть энергия, нужная для достижения экологических целей. Значит, экологическая мотивация должна проникать в личность ученика, вызывать внутреннее напряжение и точно направлять его поведение. Удовлетворенные мотивы, красиво устроенный парк школы, чистая река, которая протекает недалеко от школы, образцовый зоопарк приносят удовлетворение и уменьшают внутреннее напряжение, потому что определенная потребность удовлетворена. Неудовлетворенные мотивы (ученик не достиг желаемого успеха, его команда не сделала лучший экологический проект, не дали убедительное объяснение на учебном собрании) могут иметь негативное влияние на когнитивные процессы, поведение и отношение к другим, на возникновение различных эмоций.

Если говорим об иерархии потребностей, надо стремиться к тому, чтобы экологические потребности находились в верхней части лестницы, потому что им по приоритету такое место и принадлежит. То же самое относится и к экологическим мотивам, потому что это гарантирует, что в их

реализацию будет вложено больше энергии. Высокое место в иерархии мотивов (высокое место обозначает, что они основаны на духовных потребностях) не значит, что экологическая потребность не есть одновременно и биологическая (воздух, вода, еда), которую А. Маслоу [7] поставил в основании пирамиды. Короче говоря, экология – и духовная, и биологическая потребность. Если она не удовлетворяется как биологическая, то будет лишняя как духовная, потому что не будут существовать люди, которые нуждаются в ней.

Из вышеупомянутого о мотивах и об интересах ясно, что граница между этими двумя понятиями довольно тонкая. Мотив начинает действие, а интересы обозначают готовность заниматься определенными видами деятельности, которые субъекту действия причиняют удовольствие. Но мы здесь занимаемся не теоретическим обсуждением и разграничением этих терминов, а мотивацией и интересами ученика в экологических проблемах. Школа должна стремиться к тому, чтобы экологические проблемы стали собственными потребностями ученика, чтобы ученики были заинтересованы в удовлетворении такой потребности. Это подтверждает и мнение Джона Д., которое гласит: «Настоящий интерес просто означает, что некоторые люди идентифицируют себя с какой-либо деятельностью или ищут себя в ней». Все это указывает на то, что потребности предшествуют интересам. Интересы могут быть врожденными или наследственными. Если родители – любители природы, то и у детей часто будут такие же интересы. Но интересы можно развивать, и задача школы, и не только ее, помочь ученикам развить интерес к защите природы.

Мы считаем, что интерес к проблемам экологии нельзя предоставлять только детской спонтанности. Эта спонтанность должна быть основой систематического и постоянного развития интересов к данной области. Потому что эта область является междисциплинарной, пробуждать такие интересы – задача каждого учителя, особенно тех дисциплин, в которых больше всего экологического со-

держания (биология, физика, химия, география, а также гуманитарные предметы).

Мы считаем, что следование системе И.Ф. Гербарта в интересах и общества, и самых учащихся, потому что надо полагаться не только на их интересы, но и на те, которые возникли спонтанно. Другое требование системы Гербарта даже сегодня актуально – развивать многообразные интересы. Учебные и другие школьные виды деятельности позволят развить интерес к экологическому содержанию, сделают его становление постоянным. Интерес к экологии не должен быть навязан, он должен возникать из искусно подготовленных дидактических ситуаций, чтобы пробудить любознательность учащихся.

2. Элементы экологического воспитания

Экологическое воспитание является очень сложным не только с содержательной, но и с педагогическо-дидактической точки зрения. С точки зрения содержания оно проникает в самые разные области науки – биологию, химию, географию, социологию, и т. д. А с педагогической точки зрения включает весь спектр задач: интеллектуальные, моральные, эстетические, рабочие.

Согласно Педагогической энциклопедии, экологическое воспитание является приобретением современных знаний, способности, привычек и отношений к экологическим характеристикам и законам в окружающей среде; ознакомлением с воздействием человека на среду в различных формах и масштабах; формированием понимания современных стремлений и возможностей науки и технологии, общественнознания и искусства к комплексной защите и улучшению окружающей среды; выработкой привычки поддерживать личную гигиену и эстетически обустраивать школьную среду, обучением правильному отношению к природе, природным ценностям и ценностям, созданным трудом, и особенно к совокупным взаимоотношениям [9].

Данное определение слишком описательное и обширное, поскольку имеет тенденцию охватить все, чем занимается эко-

логия, но это невозможно. Нам кажется, что А. Ранчич, говоря о роли экологического воспитания в решении проблем экологического кризиса, хорошо определил этот термин. Он считал, что экологическое воспитание и образование надо понимать как процесс постоянного приобретения экологических знаний, понятий и способностей, одновременно развивая экологическое сознание, культуру и формы экологического поведения в рабочей и жизненной среде, в целях сохранения, защиты и, было бы желательно, продвигаться к будущему [10]. К сущности экологического воспитания относится развитие экологического сознания и поведения.

3. Экологическое воспитание и интеллектуальное развитие

Исходя из факта, что экологически воспитанный человек (воспитанный до уровня экологической сознательности) должен иметь и соответствующие мультидисциплинарные знания об окружающей среде и защите природы, легко сделать вывод, что существует тесная связь между экологическим и интеллектуальным воспитанием. Мы понимаем интеллект как ментальную структуру, которая позволяет думать и сознавать, но которая включает элемент готовности и эмоциональности [7]. Не зря Т. Эдисон сказал, что гений создан из 99 процентов пота и одного процента вдохновения. Различные авторы по-разному определяют интеллект, но чаще всего мы пользуемся определением, что интеллект есть способность одушевленного существа быть находчивым в новых условиях. Некоторые авторы подчеркивают, что это способность адаптироваться к новым ситуациям, другие выделяют способность решать проблемы, остальные – чувствительность к проблемам [3]. Все авторы подчеркивают, что он зависит от наследства, но под действием окружающей среды и самого субъекта может развиваться. С получением знаний ментальные структуры станут более богатыми и развитыми, и таким путем воспитывается интеллект. Интеллектуальное воспитание понимается как интеллектуальное развитие. Аспекты эко-

логического содержания настолько сложны, настолько мультидисциплинарны, настолько причинно-следственно взаимосвязаны, что учащиеся должны развивать свое мышление и интеллектуальный потенциал. Доля экологического воспитания и образования в интеллектуальном развитии интереса к защите природы может быть очень значительной.

4. Экологическое воспитание и здоровье

Экологическое воспитание, образование и культура прямо влияют на здоровье. Каждый, конечно, прекрасно знает, что воздух, вода и еда являются источниками жизни. Если эти источники загрязняются, здоровье будет в опасности. Значит, природу нужно беречь для себя и других, настоящих и будущих поколений. Следовательно, надо идти дальше: какие основные угрозы заключают в себе упомянутые жизненные факторы? Основное содержание, которое надо преодолеть в целях повышения экологической культуры и, косвенно, для защиты здоровья, есть в учебных предметах не только естественных, но и общественных наук. Недостаточно подчеркнуть только основные научные факты о веществах (состав, особенности, вид использования, преимущества, риски), и то, какие последствия (благоприятные и неблагоприятные) до сих пор имело их использование но и показать, как их надо использовать, чтобы не создавать угрозу природе и окружающей среде.

Учащиеся должны знать, что чрезмерное использование искусственных удобрений и пестицидов может привести к заболеванию, а некоторые их компоненты (соединения фосфора и хлора) могут быть канцерогенными. В зависимости от среды тематика опасности для человека и окружающей среды конкретизируется. В городской среде внимание будет уделено загрязнению воздуха выхлопными газами, диоксидом углерода, шуму, загрязнению реки сточными водами. Учащимся надо объяснить, почему в городской среде чаще появляются рак, ожирение, язва, астма, бронхит, аллергия, и как можно избежать этих заболеваний: здоровая жизнь – еда (фрукты, овощи) и физическая

активность. Упражнения на воздухе, полном углекислого газа, приносят больше ущерба, чем пользы.

5. Экологическое и эстетическое воспитание

Эстетическое – это то, что в качестве главных компонентов содержит чувство красивого, преимущественно чувственного свойства [4]. В школе важно научить эстетически подходить к повседневной деятельности.

Если судить по окружающей среде, в которой живем, эстетическое воспитание в школах не является успешным. Наши уши оглушены шумом, углекислый газ душит нас, грязь из рек и свалок на окраинах города портят нам взгляд. Все это противоположно эстетике. Многие из наших социальных проблем, психологические и другие трудности являются результатом среды, в которой мы живем.

Эстетика и экология тесно взаимосвязаны. Небо, покрытое густым дымом из промышленных труб, некрасиво, и ландшафты вокруг шахт тоже некрасивы. Уничтоженная природа не только нездорова, но и некрасива. Возможности для обучения через предметы искусства (литература, культура музыки, изобразительное искусство) большие, но недостаточно использованные. Когда на уроке литературы обсуждают конкретное литературное произведение, в котором существуют поразительные описания природы (ландшафты), дизайн интерьера, надо предусматривать и экологию.

Музыка может помочь успешно экологически работать. В. Милтоевич и М. Динич исходят из того, что музыка подражает звуковым явлениям в природе, что некоторые ее элементы служили и служат вдохновением для создания музыкальных произведений, а также то, что человек с древнейших времен доказывал свою связь с природой и зависимость от нее [8]. Недостаточно экологически действовать только через естественно-научные дисциплины, потому что эта задача может быть успешно выполнена и через предметы, в которых выражен эстетический компонент.

Именно она имеет наибольшее влияние на эмоции учащихся, способствует ощущению быть сильным и, таким образом, формирует основу принятия определенных ценностей и повышение экологического сознания. Поэтому нужно ярко подчеркнуть экологическую компоненту и в учебных программах этих предметов.

Школа и ее преподаватели могут в значительной степени помочь, чтобы детская психика осталась здоровой. Пребывание в школе должно иметь постоянный контакт с красотой, внешней и внутренней. В шумном и грязном городе, переполненном мусором, окурками, макулатурой, пластиковыми пакетами, наполненном выхлопными газами, школа может быть оазисом красоты и теплоты. Визуальные впечатления от школы, школьного двора, парка, зоопарка, коридоры с цветами и зеленью имеют и эстетически и экологически сильное влияние. Это надо использовать не только для повышения экологического сознания, но и для того, чтобы подготовить молодежь к охране природы и окружающей среды.

Вывод

Природа, находящаяся в угрожающем положении, обращает серьезное внимание настоящего поколения на то, что надо более ответственно относиться к себе и своим потомкам. Они должны оставить планету в таком состоянии, чтобы на ней могли нормально и здорово жить. Активность, которую проявляет Организация Объединенных Наций, способствует тому, что многие страны принимают законы о защите природы и окружающей среды. Учебными планами и программами предназначено, что в школах необходимо пояснять, как защищать и улучшать природу и среду. Ответственность школьных учреждений повышается фактом, что они влияют на молодежь в фазе их самого интенсивного развития, во время формирования их интересов и ценностей. Поэтому результаты такой работы, если она правильно организована и реализована, могут быть очень плодотворными. Значит, опасности известны, и о них активно предупреждают

мыслящие умы, особенно в нашем веке. Знаний о них самих по себе недостаточно, потому что нужна перемена отношения к природе и окружающей среде.

Библиографический список

1. Быков, А.А. Проблемы безопасности человека, общества и природы / А.А. Быков, Н.В. Мурзин. – СПб: Наука, – 1997.
2. Глазачев, Н.С. Экологическая культура и образование: очерки социальной экологии / Н.С. Глазачев, А.Е. Когай. – Москва, 1998.
3. *Енциклопедијски рјечник педагогије*, Матица Хрватска, Загреб, 1963.
4. Козлов, Н.О. Гуманизация и экологизация в образовании: тенденции и перспективы / Н.О. Козлов, Н.С. Глазачев // Экологическая культура и образование: опыт России и Югославии. – М.: Горизонт, 1998.
5. Кочергин, А.Н.: Экологическое знание и сознание: Особенности формирования / А.Н. Кочергин. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1987.
6. Крстић, Д.: *Психолошки лексикон*, Савремена администрација, Београд, 1996.
7. Маслоу, А.: *Мотивација и личност*, Нолит, Београд, 1982.
8. Милтојевић, В., Динић, М.: *Настава музике и развој еколошке свести ученика нижих разреда основне школе*, Осатали подаци као у одредници бр. 4.
9. *Педагошка енциклопедија*, том 1, Завод за уџбенике и наставна средства, Београд, 1989.
10. Ранчић, А.: *Нека дидактичка и организациона питања васпитно-образовне концептуализације заштите животне средине у друштву у зборнику Друштвене промене, заштита животне средине и образовање*, Ревизија рада (специјални број), Ниш, 2002.
11. Рот, Н.: *Психологија*, Завод за уџбенике и наставна средства, Београд, 1992.

ENVIRONMENTAL EDUCATION IN NATURE PROTECTION FUNCTIONS

Ljiljana Mitic, prof., (Rep. Serbia), University of Nis, Faculty of Teacher Education in Vranje, Ph.D.

ljiljanam@ucfak.ni.ac.rs

University of Nis, Faculty of Teacher Education in Vranje, St. Oton Župančić Bro. 21B / 110, 11070 Novi Beograd

The importance of environmental education for the protection of nature and direct life environment should be emphasized as many experts in the region believe that the world is at the crossroads of ecological development. This moment is the last one to choose between various needs of humanity. The wrong choice will have huge consequences for future generations. Therefore, we should pay special attention to the problems of environmental pollution, rapid industrial development and growth, depletion of natural resources, to understand the danger for the future of the human civilization. This topic is primarily based on the idea that the problems of environmental education are relevant from the psychological, educational and environmental points of view. Changes in environmental education take place in accordance with the changes in the situation of young people at all stages of academic work. Therefore, in this article we will point at the environmental disturbances caused by the humanity over the past few decades, which return to the human kind like a boomerang.

Keywords: environmental education, environmental education, environmental awareness, the student, the school.

References

1. Bykov, A.A. *Problemy bezopasnosti cheloveka, obshchestva i prirody* [Human security, society and nature]. Saint-Petersburg: Nauka, 1997.
2. Glazachev, N.S. *Ekologicheskaya kultura i obrazovanie: ocherki sotsial'noy ekologii* [Ecological Culture and Education: Essays on Social Ecology]. Moscow, 1998.
3. *Entsiklopedijski rjechnik pedagogije* [Encyclopedic Dictionary Pedagogical], Matitsa Khrvatska, Zagreb, 1963.
4. Kozlov, N.O.: *Gumanizatsiya i ekologizatsiya v obrazovanii: tendentsii i perspektivy* [Humanization and greening in education: trends and prospects] *Ekologicheskaya kul'tura i obrazovanie: opyt Rossii i Jugoslavii* [Environmental culture and education: the experience of Russia and Yugoslavia]. Moskva: Gorizont, 1998.
5. Kochergin, A.N.: *Ekologicheskoe znanie i soznanie: Osobennosti formirovaniya* [Environmental knowledge and consciousness: Features of formation] Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1987.
6. Kyrstich, D.: *Psikholoshki leksikon* [Psychological lexicon]. Savremena administratsija, Beograd, 1996.
7. Maslow, A.: *Motivatsija i lichnost* [Motivation and Personality]. Nolit, Beograd, 1982.
8. Miltojević, V., Dinić, M.: *Nastava muzike i razvoj ekoloshke svesti učenika nizhikh razreda osnovne shkole* [The teaching of music and the development of environmental awareness among pupils of primary school], Osatali podatsi kao u odrednitsi br. 4. [Osatali information as in the entry no. 4].
9. *Pedagoshka entsiklopedija, tom 1* [Educational Encyclopedia, Volume 1], Zavod za uџbenike i nastavna sredstva, Beograd, 1989.
10. Rančić, A.: *Neka didaktichka i organizatsiona pitanja vaspitno-obrazovne kontseptualizatsije zashtite zivotne sredine u drushtvu u zborniku Drushtvene promene, zashtita zivotne sredine i obrazovaње* [Let the didactic and organizational issues of educational conceptualization of environmental protection in society in a journal Social changes, environmental protection and education], Revija rada (spetsijalni broj), Nish, 2002.
11. Rot, N.: *Psikhologija* [Psychology] Zavod za uџbenike i nastavna sredstva, Beograd, 1992.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАНОТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА

Т.В. МИШАТКИНА, проф. Международного государственного экологического университета им. А.Д. Сахарова, канд. филос. наук

mtv2013@tut.by

ГУО «Международный государственный экологический университет имени А.Д. Сахарова»
220070, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Долгобродская, 23, МГЭУ им. А.Д. Сахарова

Сегодня нанотехнологии – быстро развивающиеся инновационные технологии с большими возможностями практического применения, в частности, в медицине и генетике. Вместе с тем, их потенциальные преимущества, опасности и последствия для экологии человека вызывают множество вопросов этического характера. Поэтому при постановке целей исследований и уточнении форм их прикладного использования необходима строгая этическая экспертиза. Существуют два альтернативных подхода к **этике нанотехнологий**: а) нанотехнологии являются революционными технологиями, поэтому существующие этические стандарты недостаточны, необходимо разрабатывать новые подходы, позволяющие адекватно проводить экспертизу использования нанотехнологий; б) нанотехнологии являются инновационными технологиями, но их развитие не нуждается в специализированном регулировании; достаточно разработанного инструментария этической экспертизы, применяемого в биомедицине и генетике. В статье обосновывается позиция, согласно которой потенциальные преимущества/возможности и опасности/риски нанотехнологий в контексте их значения для экологии человека столь специфичны и масштабны, что для их оценки необходимы специальный этический анализ и особое этическое отношение. Осуществляются они в **наноэтике** – новой отрасли прикладной этики, направленной на поиск и обоснование специфических морально-этических регулятивов исследований, на гуманистическую оценку социальных последствий внедрения достижений наноинженерии и нанотехнологий. В качестве концептуальных оснований наноэтики автором предлагаются **этические принципы** как моральные ориентиры и регулятивы разработки и применения нанотехнологий:

- общественная подотчетность и прозрачность при принятии решений, касающихся нанотехнологических исследований;
- этическая компетентность властей и общественности при решении проблем, связанных с нанотехнологиями;
- обязательность междисциплинарных общественных дискуссий, требующая сбалансированности, объективности и всесторонней информированности;
- обязательность анализа, оценки и стандартизации рисков;
- уважение частной жизни и конфиденциальности при использовании нанотехнологий в биомедицине и генетике;
- интеллектуальная собственность, касающаяся патентоспособности живых организмов и генов;
- охрана экологии человека и природы, требующая сбалансированности между возможностями и рисками, порождаемыми контактами нанотехнологий и нанопродуктов с человеком и их воздействием на окружающую среду. Особая роль отводится в статье **принципу предосторожности**, требующему при определении и оценке рисков от инноваций, носящих неопределенный и проблематичный характер, принимать во внимание, в первую очередь, наиболее опасный из возможных вариантов развития событий, т. е. исходить из презумпции опасности. Вместе с тем, чрезмерно сильные версии принципа могут привести к **«парадоксу предосторожности»** – ограничению применения нанотехнологий, сдерживающему их развитие, что может нанести еще больший вред экологии человека. Задача в том, чтобы избежать обеих крайностей – слишком жесткой и слишком слабой интерпретации принципа предосторожности. Поэтому при установлении соразмерности мер, применяемых для защиты экологии человека, их баланс должен определяться для каждого конкретного случая.

Ключевые слова: нанотехнологии, наногеномные технологии, биоэтика, наноэтика, экология человека, опасности/риски, нанотоксикология, наномедицина, этическая экспертиза, принцип предосторожности, парадокс предосторожности, презумпция опасности.

Сегодня нанотехнологии – наиболее быстро развивающиеся и многообещающие инновационные технологии с большими возможностями практического применения. Однако, подобно любым новым технологиям, они вызывают вопросы этического характера, а их потенциальные преимущества и опасности, как и последствия для экологии человека становятся предметом все более широких научных и общественных дискуссий. При этом представители разных специальностей и социальных групп по-разному

оценивают экономические, социальные, правовые последствия применения нанотехнологий и предлагают различные подходы и средства по решению проблем, связанных с их внедрением. И хотя нанотехнологии могут серьезно способствовать улучшению жизни людей и решению многих проблем развивающегося мира, очевидно, что при постановке целей исследований и уточнении форм прикладного использования нанотехнологий необходим строгий этический подход [1].

Нанотехнологии, этика и наноэтика

Дискуссии «за» и «против» особой этической экспертизы нанотехнологий, базирующейся на специальной этике, не утихают до сих пор. Сегодня существуют два альтернативных видения *этики нанотехнологий*. Согласно первому подходу, нанотехнологии являются революционными, а значит, существующие этические стандарты, разработанные более полувека назад, недостаточны и необходимо разрабатывать новые подходы, которые позволят адекватно проводить экспертизу всех видов разработок с использованием нанотехнологий в рамках специальной дисциплины – *наноэтики* [2].

Согласно противоположному мнению, нанотехнологии являются обычными инновационными технологиями, и их развитие не нуждается в каком-либо специализированном регулировании. Поскольку уже существует достаточный инструментарий этической экспертизы, который, например, применяется в биомедицине и генетике, то нет необходимости разрабатывать какие-либо особые подходы специально для нанотехнологий.

Критический подход к целесообразности разработки специализированной этики нанотехнологий представлен в статье авторитетного исследователя этических проблем нанотехнологий Серена Холма (*S. Holm*) «Нужна ли наноэтика для нанотехнологий?». Исследователь полагает, что нанотехнологии как таковые не привносят никаких новых рисков, которые могли бы потребовать специальных подходов этической экспертизы: «Несмотря на необходимость анализа множества этических проблем, возникающих в связи с развитием различных направлений нанотехнологий, все же нет необходимости в “наноэтике”. Приемы, разработанные в рамках прикладной этики в течение последних 35 лет, по всей видимости, уже предусматривают все необходимые инструменты, которые позволят анализировать нанотехнологии» [3].

Автор статьи «Нанотех – нечто новое. Этические проблемы – старые» Макдоналд (*MacDonald C.*) также полагает, что этические принципы не следует обновлять с развитием

нанотехнологий: «Этические размышления о нанотехнологиях требуют, чтобы мы применяли этические принципы в этой области, однако нет необходимости применять *новые* принципы. Например, в то время как нанотехнологии находят место в наномедицине, возникают вопросы в связи с проведением исследований с участием человека. Инновационные методы лечения иногда используют новые способы доставки лекарств (например, лекарства доставляются в опухоль внутри сконструированных молекул). В этом случае принципы, регулирующие исследование, останутся неизменными. Исследователи все также должны фокусироваться на информированном согласии, минимизации рисков и защите уязвимых социальных групп» [4]. Это традиционный подход к этической экспертизе нанотехнологий, основывающийся на опыте регулирования исследовательской деятельности, приобретенном в предыдущие десятилетия.

Другие исследователи настаивают на том, что нанотехнологии радикально отличаются от технологий, которые когда-либо развивала наука. А. Грюнвальд (*A. Grunwald*) отмечает две особенности нанотехнологий – их высокий потенциал для совершенствования человека и высокую степень конвергенции этических аспектов при применении. Он полагает, что «в некоторой степени новым в нанотехнологиях является конвергенция различных этических проблем в одной технологии. Подобно тому, как нанонаука и нанотехнологии являются областями, в которых традиционные границы между физикой, химией, биологией и техническими науками пересекаются, точно так же традиционные подходы этической рефлексии сливаются с этическими вопросами в нанотехнологии» [5].

Соглашаясь со справедливым замечанием С. Холма о том, что «любая вновь создаваемая технология требует *особого этического отношения* только в том случае, если она порождает этические проблемы, не существующие для других областей технологии, или же в случае, если эти проблемы иного (т. е. большего) масштаба, чем в других областях», мы не можем согласиться с тем, что этические проблемы нанотехнологий таковы-

ми не являются. Напротив, потенциальные преимущества/возможности и вместе с тем опасности/риски разрабатываемых сегодня нанотехнологий настолько специфичны и настолько масштабны, что для их оценки и публичного обсуждения необходимы специальный этический анализ и *особое этическое отношение*. Основанием для него и должна стать специально разрабатываемая область прикладной этики – **наноэтика**. Внося новое измерение в понимание современного мира, нанонаука и нанотехнологии обуславливают своего рода социальный заказ на разработку этой особой междисциплинарной области исследования. Мы определяем **наноэтику** как *новую отрасль прикладной этики, направленную на осмысление дискуссионных проблем, порождаемых новейшими достижениями нанонауки и нанотехнологий, поиском и обоснованием морально-этических принципов и регулятивов наноисследований, оценкой социальных последствий практического внедрения и использования нанотехнологий*.

Наноразработки порождают массу этических вопросов, возникающих в ходе использования новых биотехнологий. Так, выпуск сверхкомпактных устройств наблюдения связан, например, с проблемой сохранения конфиденциальности, а использование сверхпрочных неразложимых углеродных нанотрубок может стать причиной загрязненности отходами, подобно пенополистиролу или ядерным отходам. В ходе использования новых технологий возникают как вопросы влияния их на безопасность и санитарное состояние окружающей среды, так и вопросы экологии человека. В рамках исследования общественного мнения о нанотехнологиях была сделана попытка составить сводный набор советов и рекомендаций от общественности, которые могут быть полезными для урегулирования в области нанобиотехнологии. С точки зрения этики наибольшую обеспокоенность респонденты выказали по поводу направленности научных приоритетов (в основном биомедицины), регулирования коммерческих интересов, доступа к результатам и распределению выгод от исследований, конфиденциальности и свободы выбора.

Этические принципы развития и использования нанотехнологий

Разработка концептуальных оснований наноэтики требует, прежде всего, выявления и анализа тех **этических принципов**, которые выступают моральными ориентирами и регулятивами деятельности и отношений человека в сфере разработки и применения нанотехнологий. Основой принципов наноэтики выступают два типа ответственности: 1) ответственность ученого, технолога перед собой за свою самореализацию; 2) ответственность за события, возникающие как последствия поступков самореализации. ЮНЕСКО предлагает к обсуждению некоторые из возможных принципов, обусловленных спецификой данного рода деятельности [6].

1. Принцип общественной подотчетности и прозрачности при принятии решений, касающихся нанотехнологических исследований и разработок; он особенно важен в случае серьезных последствий и рисков, связанных с опасностями для здоровья и экологии человека. Большое значение в реализации данного принципа имеют концепции *организационной этики*, такие как корпоративная социальная ответственность, а также основные принципы *биоэтики*, в частности принцип совместного использования благ.

2. Принцип этической компетентности, требующий от властей и общественности при решении открытых проблем нанотехнологий базироваться на знании и применении этических стратегий, моральных кодексов поведения и руководящих принципов деятельности профессиональных сообществ, политических органов и научно-исследовательских учреждений. Одна из главных задач наноэтики – создание изначальной базы таких фундаментальных принципов и разработка механизмов их внедрения.

3. Принцип обязательности междисциплинарных общественных дискуссий, требующий сбалансированного диалога, реалистичных информированных дискуссий, основанных на всестороннем учете всех данных о развитии нанотехнологий, исключая односторонние выводы как позитивного, так

и негативного характера. Особенно острой является необходимость заблаговременного авторитетного междисциплинарного общественного обсуждения вопросов применения нанотехнологий в медицине.

4. Принцип оценки рисков, их анализа и стандартизации – один из наиболее этически значимых принципов разработки и применения нанотехнологий. Потребность в оценке рисков и их вероятности с помощью просветительских и этико-образовательных усилий должна стать нормой мышления ученых и инженеров, работающих с нанотехнологиями, и ориентировать их на изучение рисков и требований к управленческим решениям при их разработке.

5. Принцип уважения частной жизни и конфиденциальности (основан на ключевых принципах биоэтики) связан с тем, что нанотехнологии открывают возможности разработки невиданных ранее наблюдательных устройств за состоянием физического и психического здоровья человека (от нанокамер до нанотрэйсеров), в связи с чем необходимо рассматривать вопрос допустимости использования подобных устройств и условий их применения.

6. Принцип интеллектуальной собственности (общенаучный принцип) требует строгого соблюдения, во-первых, в связи с тем, что нанотехнологии пересекаются с биотехнологией, и здесь могут оказаться актуальными этические проблемы, касающиеся патентоспособности живых организмов и генов; во-вторых, в связи с размыванием здесь границ между наукой и технологией: научные знания являются общим достоянием, а технология – далеко не всегда. Кроме того, риск чрезмерного патентования может увеличить опасность «наноразрыва». Поэтому патентоспособность нанотехнологических инноваций носит спорный характер и должна рассматриваться в плане оценки рисков и выгод.

7. Принцип охраны экологии человека и природы требует привлечения особого внимания к экологическим и медицинским аспектам развития и использования нанотехнологий для решения проблем охраны окружающей среды и здравоохранения, сбалансированности между возможностями и рисками, связанными с продуктами нанотехнологий и

теми формами применения, которые предполагают их контакт с человеком или могут воздействовать на окружающую среду.

Разумеется, это не исчерпывающий перечень этических принципов, которые можно рассматривать в качестве необходимых регулятивов развития нанотехнологий. Их перечень, и тем более их анализ необходимо продолжать и углублять. Так, особую роль при определении возможной пользы/вреда нанотехнологий и наноматериалов для человека и окружающей среды при принятии решений в условиях неопределенности играет эколого-этический **принцип предосторожности**, требующий поэтому специального анализа.

Принцип предосторожности в наноэтике

Принцип предосторожности (ПП) не «принадлежит» исключительно наноэтике. В последние десятилетия он стал логическим обоснованием, лежащим в основе международных договоров и деклараций в области устойчивого развития и стратегии выживания. Сегодня ПП – регулятор действий по преодолению научной неопределенности в оценке и управлении рисками, охраны окружающей среды, здравоохранения и биобезопасности. Это полностью относится к производству наноматериалов и использованию нанотехнологий, реализующих себя в условиях научной неопределенности и повышенных рисков. Речь идет о том, что меры предосторожности, направленные на разработку технологических процессов и производство вредных веществ и обеспечивающие безопасность экологии человека и природы, должны соблюдаться здесь так же тщательно, как и при соблюдении радиационной безопасности.

Принцип предосторожности – этический принцип, применяемый при определении и оценке рисков, требующий при разработке инноваций, носящих неопределенный и проблематичный характер и имеющих гуманитарные и экологические последствия, принимать во внимание в первую очередь наиболее опасный из возможных вариантов развития событий, т. е. исходить из *презумпции опасности* [7]. Этические вопросы применения наноматериалов и нанотехнологий носят

именно такой – крайне неопределенный и проблематичный характер. Сущность принципа состоит в следующем: *если та или иная деятельность потенциально может нанести значительный вред, соответствующие меры должны быть приняты для предотвращения или ограничения такого вреда, даже если научные данные не позволяют точно оценить уровень риска.* Таким образом:

– ПП применяется, когда существует значительная научная неопределенность в отношении причинности, величины, вероятности и характера вреда.

– Привлечение ПП к решению проблемных вопросов ограничены теми проблемами, которые являются *научно оправданными или логичными.*

– Поскольку ПП имеет дело с рисками, вероятность проявления и результаты которых *плохо или мало известны*, постольку для ПП достаточна даже количественно невыраженная возможность (это отличает ПП от принципа предотвращения, который может применяться, если только есть надежные основания для количественной вероятности).

– Вмешательство должно проводиться *до* проявления возможного вреда или *до* полной уверенности в том, что такой вред может быть нанесен. Исключается стратегия выжидания и наблюдения.

– Вмешательство должно быть *пропорционально* выбранному уровню защиты и величине возможного ущерба. Полный запрет не является пропорциональным ответом на потенциальный риск во всех случаях, но в некоторых случаях он – единственно возможный ответ на данный риск.

– Доступная система вмешательств включает меры, ограничивающие возможность вреда и сопряженные с ущербом. В случае возникновения такой опасности эти меры не только ограничивают объем ущерба, но и повышают возможность его регуляции.

– Необходимы систематический *эмпирический поиск* существенных доказательств, долгосрочный мониторинг и обучение, чтобы реализовать все потенциальные возможности по выводу ситуации за пределы ПП к традиционному управлению рисками.

– ПП ограничивает *недопустимые риски* и требует точного расчета возможных рисков, угрожающих будущим поколениям или жителям других стран (в некоторых формулировках упоминаются «повреждающие или вредные последствия», в некоторых – «серьезный» вред, в других – «серьезные и необратимые повреждения» или «глобальные, необратимые и передающиеся в ряду поколений повреждения»).

Но все они указывают на необходимость моральной оценки допустимости вреда. *Морально недопустимый вред* – это вред, наносимый экологии человека или окружающей среды, который угрожает жизни или здоровью человека или ведет к серьезным и необратимым эффектам, или нарушает права будущих и настоящих поколений, или требует защиты и соблюдения прав пострадавших людей. Особенно остро стоит вопрос о возможности морально недопустимого вреда при использовании наноматериалов и нанотехнологий в биомедицине и генетике, что требует обязательного применения ПП в этих направлениях.

При этом ПП не основывается на «нулевом риске», он направлен на достижение нижних или более приемлемых порогов риска и опасности. Он не основывается на опасениях или волнениях, а является рационально выбранным принципом нанозтики, которая стремится использовать лучшие научные системы сложных процессов для принятия наиболее правильных решений. Вместе с тем, как и любой другой принцип, ПП сам по себе не является решающим алгоритмом и, следовательно, не может гарантировать согласованности между случаями. Каждый отдельный случай будет несколько иным, имеющим свои конкретные факты неопределенности, обстоятельства, лица, принимающие решения, и конкретность суждений.

Принцип предосторожности и «парадокс предосторожности». Существует мнение, что чрезмерно широкое внедрение ПП в рамках использования нанотехнологий может привести к ложноположительным результатам, а предупреждающее вмешательство в дальнейшем может оказаться ненужным. Проблема излишне строгой ин-

терпретации ПП состоит в том, что могут быть не выполнены исследования, которые необходимы для надлежащего понимания соотношения выгоды и рисков от применения нанотехнологий, например, в медицине. Таким образом, чрезмерно сильные версии ПП могут привести к «*парадоксу предосторожности*» – ограничению развития или применения инновационных нанотехнологий, что может сдерживать их развитие и в некоторых случаях нанести больше вреда, чем того удастся избежать [9].

С другой стороны, слабые формы могут оказаться тривиальными, так как если доказательный порог установлен слишком высоко, фактический результат от применения принципа может быть неотличим от результата стандартных методов оценки. В силу этого не будут выполнены возложенные на него функции обоснования действий в ситуации недостаточной информации о возможном ущербе и неприменимости стандартных методов. Трудность в том, чтобы избежать обеих крайностей – и слишком жесткой, и слишком слабой интерпретации ПП. Для минимизации этих негативных последствий необходимо, чтобы стартовые условия были основаны не на предположениях, а на подлинных свидетельствах возможного значительного вреда и чтобы принимаемые меры предосторожности были сопоставимы с потенциальным вредом, который они должны предотвратить. Одинаково точного и универсального способа сделать это, скорее всего, нет, ПП дает лишь общие основы для решений, которые должны быть приняты в каждом конкретном случае. Однако во избежание произвольных или дискриминационных решений важно, чтобы использование принципа не было противоречивым.

При этом применяемое защитное действие – это не обязательно запрещение технологии (нанотехнологии); это может быть набор более легких ограничений или мер предосторожности, которые могут снизить риски при одновременном продолжении исследований. В сообщении Еврокомиссии «О принципе предосторожности» говорится, что «в некоторых случаях полный запрет не может являться адекватным ответом на потен-

циальную опасность» и что «меры по уменьшению рисков должны включать в себя менее ограничительные варианты, ... такие, как соответствующее лечение, снижение уровня воздействия, ужесточение контроля, принятие временных ограничений, рекомендации для населения, подверженного риску, и т. д.» [7]. Поэтому при установлении соразмерности применяемых мер тонкий баланс между двумя крайностями должен определяться для каждого конкретного случая.

Несмотря на то, что ПП действительно может замедлить определенные направления инновационного и научно-технического прогресса, он, в то же время, может выступать в качестве *стимулятора* для развития других нововведений, способствуя развитию инновационных альтернатив для потенциально опасных технологий и тем самым – *диверсификации технологий*. Ведь если имеется несколько конкурирующих, а не одна глобальная, монополярная технология, то размеры и последствия социального невежества и любых последующих непредсказуемых происшествий будут меньше и легче будет справиться с ними.

Включение ПП в состав европейского и международного права является подтверждением общепринятых социальных ценностей, которые могут широко применяться в условиях риска и неопределенности. Однако в силу расхождений в толковании и способе применения ПП остается недостаточно «прописанным», особенно в нанотехнике. Ф. Альхофф определяет его как «осознание возможности серьезных и необратимых нарушений в сложных системах и понимание неполноты эпистемологической ситуации, с которой мы, вероятно, столкнемся в отношении этих систем» [8].

В международных документах описаны ситуации применения ПП.

1. «В случае если деятельность людей создает угрозу вреда окружающей среде или здоровью людей, необходимы меры предосторожности, даже в случае, если некоторые причинно-следственные связи не имеют полного научного обоснования» [9].

2. «В целях защиты окружающей среды государства в соответствии со своими возмож-

ностями широко применяют принцип принятия мер предосторожности. В тех случаях, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба, отсутствие полной научной уверенности не используется в качестве причины для отсрочки принятия экономически эффективных мер по предупреждению ухудшения состояния окружающей среды» [10].

3. «В случае, если деятельность создает угрозу вреда окружающей среде или здоровью людей, необходимы меры предосторожности, даже в случае, если некоторые причинно-следственные связи не имеют полного научного обоснования» [11].

4. «Принцип предосторожности применяется в случаях, когда научное обоснование является недостаточным, неубедительным или сомнительным, и предварительная оценка дает достаточные основания полагать, что потенциально опасные воздействия на окружающую среду, здоровье человека, животных или растений, могут быть несовместимы с высоким уровнем защиты, принятым ЕС» [10].

Несмотря на разночтения в формулировках, два ключевых элемента являются общими для интерпретации ПП в контексте стратегии выживания и обеспечения безопасности при применении нанотехнологий в биомедицине и генетике. Первый – это набор стартовых условий, определяющих ситуации вступления принципа в силу и включающих заданную степень доказанности, что будет нанесен ущерб (E), и меру серьезности ущерба (S). Второй компонент диктует тип действий, которые следует произвести (A). Формулировка выглядит следующим образом: *если существует доказанность, превышающая E, того, что деятельность причинит ущерб более серьезный, чем S, то следует произвести действие A* [12]. Насколько сильной или слабой будет конкретная формулировка ПП, зависит от каждой из трех переменных.

ПП не требует от ученых менять обычные стандарты доказательств, делая выводы о рисках, обусловленных новой технологией. Но он может предусматривать проведение дополнительных исследований для того, чтобы обеспечить лучшую доказательную базу для

принятия решений в будущем, а главное – ПП указывает на меры, которые должны быть приняты на основе имеющихся фактов. Тем более, что ПП – это не неизменный принцип, а принцип, способный развиваться по мере изменения социальных ценностей. Поэтому важно иметь четкое представление о роли ПП в общем процессе *оценки и управления* рисками. В этом смысле ПП – *моральный принцип, толкование и применение которого зависит от готовности общества нести издержки, чтобы избежать определенных видов риска во имя стратегии выживания* [13].

Библиографический список

1. Нанотехнологии и этика. Политика и направления деятельности. – Париж, Отдел науки и технологии, Сектор социальных и гуманитарных наук ЮНЕСКО, 2008. – 16 с.
2. Ibo van de Poel, How Should We Do Nanoethics? A Network Approach for Discerning Ethical Issues in Nanotechnology // NanoEthics. 2008. 2:25–38.
3. Holm S. Does nanotechnology require a new «nanoethics»? Cardiff Centre for Ethics, Law and Society, August 2005. Retrieved October, 26, 2007, <http://www.cceles.cf.ac.uk/archives/issues/2005/>
4. MacDonald C. Nanotech is novel; the ethical issues are not // The Scientist. 2004. 8.
5. Grunwald A. Nanotechnology – a new field of ethical inquiry // Sci Eng Ethics. 2005/11. pp. 187–201.
6. Мишаткина, Т.В. Нанотехнологии в биомедицине и экологии человека: этические аспекты. Монография / Т.В. Мишаткина, С.Б. Мельнов. – Saarbrücken, Германия, Международ. Издат. Дом LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 178 с.
7. A European perspective on the Precautionary Principle is to be found in: Commission of the European Communities // Communication from the Commission on the Precautionary Principle, COM(2000)1 final. http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexplus!prod!DocNumber&lg=en&type_doc=COMfinal&an_doc=2000&nu_doc=1
8. Fritz Allhoff. Risk, precaution, and emerging technologies. // Studies in Ethics, Law, and Technology 3, no. 2 (2009), Article 2, pp. 13–14.
9. United Nations, Rio Declaration on Environment and Development (1992), Principle 15. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.
10. Wingspread Statement on the Precautionary Principle (1998). www.gdrc.org/u-gov/precaution-3.html
11. Jonathan Hughes. How not to criticize the precautionary principle. // Journal of Medicine and Philosophy 31 (2006). pp. 452.
12. John Harris, Shren Holm. Extending human lifespan and the precautionary paradox. // Journal of Medicine and Philosophy 27, no. 3 (2002). pp. 355–68.
13. Здоровье и окружающая среда: принципы коммуникации риска. // ВОЗ, Европейское региональное бюро. 2013. – 70 с.

ETHICAL ISSUES OF NANOTECHNOLOGIES IN THE HUMAN ECOLOGY CONTEXT

Mishatkina T.V., Prof. International Sakharov Environmental university, Ph.D. (Philosophy)

mtv2013@tut.by

International Sakharov Environmental University,
220070, Republic of Belarus, Minsk, Dolgobrodskaya Street, 23, ISEU. AD Sakharov

*Nanotechnologies today are rapidly developing innovation technologies with a high potential of practical application – in particular, in medical and genetical sciences. However, their potential advantages, risks, and consequences for human ecology give rise to many issues of ethical nature. That is why setting goals of nanoresearch and specifying the forms of its practical application require rigorous ethical examination. There are two alternative approaches to the ethics of nanotechnologies: a) nanotechnologies are revolutionary technologies – that's why the existing ethical standards are not sufficient, and it is necessary to develop new approaches enabling adequate examination of the application of nanotechnologies; b) though nanotechnologies are innovation technologies, their development does not require specialised regulation, and the already developed set of ethical examination means used in biomedicine and genetics is sufficient. The article postulates that the potential advantages/scope and dangers/risks of nanotechnologies in the human ecology context are so specific and wide-reaching that to evaluate them, we need special ethical analysis and specific ethical attitude embodied in **nanoethics** – a new branch of applied ethics aimed at defining and establishing specific moral-and-ethical regulatory benchmarks of nanoresearch, at humanitarian evaluation of social consequences of implementing achievements of nanoscience and nanotechnologies. As a conceptual foundation of nanoethics, the article presents **ethical principles** which serve as moral reference points and benchmarks for developing and applying nanotechnologies, i.e.*

– social accountability and transparency in making decisions related to the research in the area of nanotechnologies

– ethical competency of the authorities and community in solving the problems of nanotechnologies

– obligatory character of interdisciplinary social discussions requiring balance, objectivity and multilateral awareness

– obligatory character of analysing, evaluating, and standardising risks

– respect of privacy and confidentiality in using nanotechnologies in biomedicine and genetics

– intellectual property related to patentability of living organisms and genes

– principle of protection of human and natural ecology, requiring balance between the possibilities and the risks of using products of nanotechnologies in their contacts with humans and their effect on environment.

The article emphasises the importance of the **precautionary principle** which requires, when defining and evaluating the risks inherent in innovations of indefinite and problematic nature, taking into account first of all the most dangerous of potential consequences, i.e. apply presumption of danger. However, the author demonstrates that exaggerated application of this principle could lead to the **cautionary paradox**, i.e. limitations in applying nanotechnologies which would restrict their development and result in further harm to human ecology. As it is necessary to avoid both extremes (too rigid and too weak interpretation of the precautionary principle), the balance of measures aimed at protecting human ecology should be set on a case-by-case basis.

Keywords: nanotechnologies, nanogenomic technologies, bioethics, nanoethics, human ecology, hazards/risks, nanotoxicology, nanomedicine, ethical review, precautionary principle, precautionary paradox, presumption of danger.

References

1. *Nanotekhnologii i etika. Politika i napravleniya deyatel'nosti* [Nanotechnologies and ethics. Politics and areas of activity]. Paris, UNESCO Social and Human Sciences Sector, Division of Science and Technology, 2008, 16 p.
2. Van de Poel, I. How should we do nanoethics? A network approach for discerning ethical issues in nanotechnology. *NanoEthics*, 2008, no.2, pp. 25-38
3. Holm S. Does nanotechnology require a new «nanoethics»? Cardiff Centre for Ethics, Law and Society, August 2005. Available at <http://www.ccels.cf.ac.uk/archives/issues/2005/> (accessed 26 October 2007)
4. MacDonald C. Nanotech is novel; the ethical issues are not. *The Scientist*, 2004, no.8
5. Grunwald A. Nanotechnology – a new field of ethical inquiry. *Sci Eng Ethics*, 2005, no.11, pp. 187-201
6. Mishatkina T.V. *Nanotekhnologii v biomeditsine i ekologii cheloveka: eticheskie aspekty* [Nanotechnologies in biomedicine and human ecology: ethical aspects]. Saarbrücken, Germany, Lambert Academic Publ., 2014, 178 p.
7. European perspective on the Precautionary Principle. Commission of the European Communities. Communication from the Commission on the Precautionary Principle, COM(2000)1 final. Available at: http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celex plus!prod!DocNumber&lg=en&type_doc=COMfinal&an_doc=2000&nu_doc=1
8. Fritz A. Risk, precaution, and emerging technologies. *Studies in Ethics, Law, and Technology* 3, 2009, no.2. Article 2, pp. 13-14
9. United Nations, Rio Declaration on Environment and Development (1992), Principle 15. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml
10. Wingspread Statement on the Precautionary Principle (1998). Available at: www.gdrc.org/u-gov/precaution-3.html
11. Hughes J. How not to criticize the precautionary principle. *Journal of Medicine and Philosophy*, 2006, no. 31, p. 452
12. Harris J., Holm S. Extending human lifespan and the precautionary paradox. *Journal of Medicine and Philosophy* 27, 2002, no.3, pp. 355-368
13. *Zdorov'e i okruzhayushchaya sreda: printsipy kommunikatsii riska* [Health and environment: principles of risk communication]. WHO European Regional Bureau, 2013, 70 p.

СЕТЕВЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю.В. МУХЛЫНКИНА, доц. каф. философии и культурологии МИИТ, канд. филос. наук

muhlynkina-miit@mail.ru

Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)
127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9

Рассматривается проблема формирования экологической культуры, выступающей ключевым фактором в улучшении современной экологической ситуации. Эта сложная задача требует построения целостной государственной политики, подготовки профессиональных специалистов и применения особой методологии. Особенно важным для формирования экологической культуры является введение массового экологического образования и активное включение различных групп населения в сферу экологического просвещения. Но одного экологического образования будет недостаточно, поскольку оно дает обучающимся лишь определенную сумму знаний в области экологических проблем. Более важным является вовлечение людей в непосредственную практическую деятельность по поддержанию здоровья среды. И с этой точки зрения большие возможности предоставляют сетевые экологические проекты. Под сетевыми проектами понимается индивидуальная или коллективная деятельность в сети, направленная на достижение проектной цели с использованием электронно-коммуникативных средств. Разновидностями сетевых проектов являются Интернет-проекты и телекоммуникационные проекты. Сетевые экологические проекты рассмотрены на примере образовательных проектов и деятельности сети экопоселений в Европе и России. Рассматривается история и идейная основа экопоселений в Европе и в России. Автор обращает внимание на преимущества и достоинства сетевых экологических проектов. Преимущества сетевых экологических проектов заключаются в высокой творческой активности их участников, широте их аудитории, в использовании современных информационных технологий и др. Благодаря этому у них возникает устойчивый познавательный интерес к проблемам экологии, формируются умения организации собственной деятельности, а также способность к смысловой оценке приобретенного опыта.

Ключевые слова: экологические проблемы, экологическое образование, экологическая культура, сетевые проекты, телекоммуникационные проекты, Интернет-проекты, экопоселения, волонтерское движение, органическое земледелие.

Современная экологическая ситуация в большинстве регионов мира настолько сложна, столь трудными стали отношения внутри противоречивой целостности, которую образуют природа и общество, что у человечества уже нет права на ошибку. Сегодня от нас требуется не столько умение снижать негативные последствия нашей деятельности, сколько переход к профилактическим мероприятиям по предупреждению возможных экологических катастроф и дисбаланса развития. Естественно, решения столь сложной задачи невозможно достичь усилиями одних государственных органов, политиков, специалистов-экологов и природоохранных организаций. Необходимо включить как можно большее количество людей в борьбу за улучшение экологической ситуации и задействовать весь культурный, научный и духовный потенциал жителей планеты. Нужно сформировать не просто принципы грамотного природопользования, а целостную экологическую культуру. Важность решения этой задачи сегодня понимают не только специалисты-экологи. Различные аспекты этой проблемы входят в сферу интересов широкой общественности и становятся предметом обсуждения в Комитете по культуре Государственной Думы РФ, в

Общественной палате и в других политических кругах. Важным шагом стало объявление 2012 года Годом охраны окружающей среды.

Тема экологической культуры была поднята еще в 90-е годы. В 1998 г. в «Московской международной декларации об экологической культуре» понятие экологическая культура получила следующее определение: «Экологическая культура предполагает такой способ жизнеобеспечения, при котором общество системой духовных ценностей, этических принципов, экономических механизмов, правовых норм и социальных институтов формирует потребности и способы их реализации, которые не создают угрозы жизни на Земле» [9].

Таким образом, экологическая культура содержит два компонента: экологическое сознание человека и его экологическое поведение. Экологическое сознание – это совокупность экологических и природоохранных представлений, мировоззренческих позиций и отношения к природе, стратегий практической деятельности, направленной на природные объекты. Экологическое поведение понимается как совокупность конкретных действий и поступков людей, непосредственно или опосредованно связанных с воздействием на природное окружение и

использованием природных ресурсов [10]. Экологическое поведение человека определяется уровнем его экологического сознания и освоенными практическими умениями в области природопользования. Таким образом, экологическая культура – это не только знания об экологии, но и способность человека применять их на практике. И это необходимо учитывать при ее формировании и развитии.

Формирование экологической культуры – процесс сложный, требующий построения целостной государственной политики, подготовки профессиональных специалистов и применения особой методологии. Многие считают, что для формирования экологической культуры главным является введение массового экологического образования. И, безусловно, в свете современных экологических проблем необходимо обеспечить экологизацию всей системы образования. Для эффективного формирования экологической культуры необходимо активное включение различных групп населения в сферу экологического просвещения через его дошкольные, школьные, вузовские и последипломные формы. Но одного экологического образования будет недостаточно. Оно дает лишь определенную сумму знаний в области экологических проблем. При этом преподаватели отмечают, что примерно 80 % учащихся, хотя и усваивают экологические знания, но, как правило, не готовы на личную активность в практических делах по охране природы [8]. То есть знания не переходят в убеждения и не становятся основой для поступков. И это, конечно же, приводит к их бесполезности и утрате, ведь все, что не используется – атрофируется. Почему это происходит? Здесь сказывается не только несовершенство программ или слабость педагогов, может даже и не то, что сегодня, как правило, преподавание экологии грешит излишней теоретичностью. Проблема глубже и происходит из того же «корня зла», что и современные экологические проблемы.

Причины современных экологических проблем коренятся в том, что на каком-то этапе развития человечество уверовало в беспредельные возможности научно-технического прогресса. Его успехи внесли в нашу жизнь удобства и комфорт, но платой за это стали за-

грязнение воды и воздуха, уничтожение лесов, истощение ресурсов и т. п. Мы окружили себя своеобразным экзоскелетом науки и техники, наивно полагая, что он защитит нас от всех трудностей, связанных, в том числе с их же развитием, и поможет решить все проблемы. Но на практике получилось, что параллельно с развитием научно-технического прогресса шло постепенно духовное оскудение. Человечество стало пренебрегать развитием своих внутренних сил, совершенствованием своего сознания и развитием своих моральных и нравственных качеств. Сконцентрировав внимание на удовлетворении своих материальных потребностей, сделав акцент на «иметь, а не быть», мы пришли к атомизации общества, безразличию и безответственности. Сложившаяся диспропорция в развитии научно-технической мысли и нравственности человечества и привела к нарушению экологического равновесия на Земле.

Мировая общественность уже не одно десятилетие ищет пути предотвращения экологической катастрофы. И пусть уже найдены экономические и юридические механизмы соблюдения экологических лимитов природопользования, изобретены малоотходные и ресурсосберегающие технологии, действуют различные экологические фонды, организации и программы, но этого будет недостаточно до тех пор, пока не произойдут качественные изменения в самом сознании людей. Переход к устойчивому экологическому развитию возможен только при преодолении глубокого духовно-нравственного кризиса современного общества. Только тогда возникнет равнодушие, социальная воля и поддержка, благодаря которым все эти знания, технологии и механизмы будут введены в жизнь и хозяйственную практику. Конечно, это трудновыполнимая глобальная задача, требующая целого комплекса мер. Остановимся на некоторых из них.

Безусловно, для повышения уровня экологической культуры населения насущно необходимо дальнейшее развитие и совершенствование государственных структур, отвечающих за эколого-просветительскую работу с населением. Важно глубокое профессиональное осмысление и анализ эколого-просветительской методологии, подготовка специалистов.

Но, на наш взгляд, еще более важным является переход от теории к активной практике. Только вовлечение людей в непосредственную практическую деятельность по поддержанию здоровья среды формирует у них чувство сопричастности и неравнодушие, т. к. человеку свойственно беречь то, во что был вложен его собственный труд. И с этой точки зрения большие возможности предоставляет такая форма экологического образования, как проект.

Проектная технология сегодня является одним из эффективных способов организации образовательной среды, отвечающей современным условиям и требованиям. Проект – это очень гибкая, вариативная форма, его легко адаптировать к конкретной цели, проблеме, условиям, коллективу. В нем присутствуют большие обучающие, развивающие и воспитательные возможности. Он как нельзя лучше подходит для развития инициативы и творческой активности, формирует умение вести согласованную работу, налаживать кооперацию и партнерство, способствует развитию социальной позиции личности. Все это особенно важно в условиях современного атомизированного и разобщенного общества людей, страдающих от «одиночества в толпе».

Сегодня реализацию проектных форм деятельности невозможно представить без применения современных информационных технологий, которые предоставляют нам новые, доселе невиданные возможности и переводят проекты на новый уровень развития – сетевые проекты (проекты с использованием сетевых средств коммуникации). Существующие сегодня сетевые проекты отличаются друг от друга содержательной направленностью, уровнем организации, характером координации, методами, используемыми в проекте, длительностью, числом участников. Но пока этот вид деятельности находится на начальной стадии. Формируется и понятийный аппарат, описывающий ее. К нему относятся понятия «сетевые» и «Интернет-проекты», «телекоммуникационные проекты».

Под *телекоммуникационными проектами* подразумевается совместная деятельность участников, направленная на достижение цели, с привлечением средств

телекоммуникации. В ней достижение цели напрямую определяется вкладом каждого участника, а взаимодействие партнеров происходит на основе целевой и ролевой взаимозависимости с интенсивным привлечением компьютерных коммуникаций. В отличие от телекоммуникационных, *Интернет-проекты* не предполагают активного взаимодействия их участников. Их участники могут достичь поставленной в проекте цели самостоятельно, без зависимости от результатов работы других и от использования телекоммуникационных средств. В таких случаях Интернет необходим для ознакомления с условиями проектов, предоставления полученных результатов и обмена опытом. Телекоммуникационные и Интернет-проекты – частные случаи сетевых проектов. Под *сетевыми проектами* понимают индивидуальную или коллективную деятельность в сети, направленную на достижение проектной цели с использованием электронно-коммуникативных средств [1].

Очевидными достоинствами сетевых проектов является то, что:

- они ориентированы на достаточно широкую аудиторию и, в принципе, их участником может стать любой желающий;
- в них используются современные информационные технологии, а в свете существующего высокого и устойчивого интереса подростков и молодежи к сети Интернета это делает сетевые проекты привлекательными для данных групп населения;
- проект может охватывать территорию любого размера;
- между участниками проекта и его организаторами всегда поддерживается оперативная связь и мгновенный обмен информацией (причем, этот способ общения наименее затратный).

Важно то, что союз проектных технологий и Интернета должен обеспечивать не только доступ к имеющейся в сети информации, но и ее создание, должен способствовать образованию деятельности среды не в виртуальном, а в реальном мире. Интернет может служить для активизации позитивного взаимодействия людей с природой. Благодаря использованию его возможностей для ведения эколого-

гических сетевых проектов станет возможным объединить людей не вокруг иллюзорного и подменяющего реальность мира социальных сетей или сугубо коммерческих проектов, а вокруг дела, от которого зависит выживание человечества. Сетевые экологические проекты дают понять, что решение экологических проблем по силам не только правительствам и таким крупным организациям как «Greenpeace», но и обычным людям с небезразличным сердцем и активной жизненной позицией.

Как же работает сетевой проект? Физическое существование проекта в сети обеспечивается наличием сайта, который является зеркалом протекающих в реальности проекта процессов. На сайтах представлены цели, задачи и ход проекта, справочные и иллюстративные материалы, контактная информация и др. При этом важны лаконичность, простота ориентировки внутри сайта, эстетическая привлекательность. В процессе реализации сетевых проектов динамичность ресурсного обеспечения сайта является показателем жизнеспособности и развития проекта.

Для эффективного функционирования любого сетевого проекта крайне важно обеспечение его интерактивности. Если проект не дает возможности общаться, выражать собственное мнение и узнавать мнение других, то он вряд ли достигнет успеха. Оперативная обратная связь возможна с помощью гостевых книг, форумов, конференций, чатов и т. д. Чат, как средство общения в реальном времени, является одним из наиболее эффективных средств обеспечения интерактивности. Он важен и как средство коллективной рефлексии.

То, как работает сетевой экологический проект, зависит от его целей и направленности. Если он носит исследовательский характер, то простейшая его схема такова. Организаторы размещают информацию о проекте на своем сайте и рассылают подробные инструкции всем его участникам, которые выполняют предложенные задания и отсылают информацию организаторам для обобщения и подведения итогов. Результатом проекта может явиться получение сведений об экологическом состоянии природной среды какого-либо региона, города и т. п. Подобная схема особенно

эффективна для проектов, связанных с проведением мониторинговых исследований. Она часто используется для организации сетевых экологических проектов школьников. При этом им часто придают форму игр, расследований и т. п., что делает еще более привлекательными для детей и подростков.

Примерами могут быть сетевой международный экологический проект «Вода ради жизни», стартовавший в 2002 г. в Бурятии (<http://www.gran/baikal.net/water4life>), в рамках которого был проведен целый комплекс мероприятий, конкурсов, создан детский электронный журнал «Тоонто Нютаг» (<http://www.gran.baikal.net/toonto>) и др. Или межрегиональный Интернет-проект «Нам жить на этой земле» (<https://sites.google.com/site/namzitnazemle/home>), проходивший в 2012 г. в Нижнем Новгороде.

Но в данной статье нам хотелось бы обратить внимание на иной тип экологических сетевых проектов, которые являются примерами самоорганизации людей с помощью сети Интернет и телекоммуникационных технологий. Это экопоселения и экоициативы.

Их называют по-разному: экопоселения, экополисы, пострыночные, трансглобалистские поселения, и они являются совершенно новым типом общежития людей. Их классификация пока очень условна и нет точных сведений об их количестве. В Европе сейчас насчитывается приблизительно 3 тысячи более-менее устойчивых экопоселений, а в мире их – более 40 тысяч. Они принимают различные виды: коммуны, деревни художников, родовые поместья, поселения, организованные по религиозному принципу и др. Но общее в них то, что они стараются осуществлять способы жизни, альтернативные современной техногенной цивилизации.

Альтернативные поселения в мире появились еще в 1960-е годы и стали реакцией на негуманную и экологически неустойчивую систему взаимоотношений в индустриальном обществе. Подобные поселения организовывались на основе различных идей и целей. Это могли быть как кибуцы в Израиле – социально-экспериментальные антикапиталистические сельскохозяйственные кооперативы,

ориентированные на самообеспечение, так и поселения, основанные на волне религиозного эскапизма. Примером последних может служить Ауровиль в Индии, который по замыслу его организаторов (учеников Ауробиндо Гхоша) должен был стать интеллектуальной и духовной столицей человечества [8]. Также большое влияние оказали идеи нового мировоззрения New Age (Новая эра), которое призывало, в том числе, и к переосмыслению взглядов человека на окружающий его мир, созданию альтернативного образа жизни. В основе его должны были лежать любовь к природе, идея единения человека и природы, доминирование духовного развития человеческого общества над технократическим.

В отличие от них, в экопоселениях всегда на первом плане экологическая идея. Первые экологические поселения стали появляться в Америке и Европе в 1960-х годах. «Зеленые» поселения стали социально-экономическим экспериментом, цель которого снизить антропогенное воздействие на окружающую среду. Жителями первых экопоселений становилась в основном представители городской интеллигенции, люди различных профессий и достатка, без особого опыта жизни на земле, но решившие порвать с прежним образом жизни. Стараясь обосноваться вдали от шумных дорог и больших городов, экопоселенцы восстанавливают плодородие земли, развивают органическое земледелие, принципы энергосбережения, раздельного сбора мусора, разумного минимализма в вопросах потребления вещей и продуктов. Примерами наиболее известных экопоселений являются Свонхольм (Дания), Финдхорм (Шотландия), Тамера (Португалия), ЗЭГГ, Темплхоф (Германия), японское поселение «Семья Канохана» («Kanoana Family»), Сенругти (Швейцария) и др.

Ближайшие к нашей стране признанные во всем мире специалисты в вопросе организации экопоселений – финны. Среди финских экопоселений есть такие, где уже давно 100 % освещения и обогрева домов обеспечивается солнцем. Там проходят международные семинары по солярной энергетике, а Министерство сельского хозяйства Финляндии специально приглашает некоторых финских эко-

поселенцев читать лекции в Хельсинки, чтобы они рассказывали о своем опыте [7].

В 1996 г. движение экопоселенцев вышло на новый уровень развития, объединившись в глобальную сеть Экопоселений – Global Ecovillage Network (GEN). Данное объединение еще больше способствовало и без того осуществляемому обмену знаниями и опытом между различными экопоселениями мира. Эта сеть включает три сектора: GEN–Europe, который объединяет поселения Европы и Африки, ENA (Ecovillage Network of Americas), объединяющий экопоселения Северной и Южной Америки, и GENOA (GEN Oceania and Asia) – поселения Австралии, Новой Зеландии, Океании и Азии. Ежегодно представители всех экопоселений сети GEN–Europe встречаются на своей ассамблее, где происходит обмен опытом, завязываются новые связи и организуются совместные проекты. Интересной сетевой инициативой является международное волонтерское движение, которое можно считать самостоятельным сетевым проектом, возникшим по инициативе крупных экопоселений [5].

В России движение экопоселений возникло только в 1990-е годы. Определения экопоселению в российском законодательстве нет. Сами экопоселенцы трактуют свою жизнедеятельность как «особую форму расселения людей, которые ориентируются на экологичность своей жизни» [4]. А основными принципами своего бытия считают свободу выбора, сетевую структуру, опору на собственные силы, открытость, естественность развития, формирование экологического мировоззрения [6].

Данные по количеству экопоселений разнятся. Два года назад по данным поселенцев из Ковчега, которые провели своеобразную перепись на своем сайте, их было порядка 80. Самые ранние и известные еще с 90-х годов – Китеж (Калужская обл.), Гришино и Ясное (Ленинградская обл.), Нево-эковиль (Карелия), Большой камень (Вологодская обл.), Тиберкуль (Красноярский край) и др. Больше всего их во Владимирской, Тульской и Ярославской областях.

Как и на Западе, у нас встречаются не только «чистые» экопоселки, но и поселения, объединяющие экологические идеи с перво-

степенными для них религиозными или иными идеями. Примером может быть экопоселение Тиберкуль, построенное в Южной Сибири последователями Виссариона, основавшего в 1991 г. церковь Последнего Завета. Или движение анастасийцев (последователей идеи родовых поместий, развитой в книгах В. Мегре) [3], которое религиоведы считают частью New Age и причисляют к Новым Религиозным Движениям, а точнее, к «Религиям аудитории» [2].

Жизнь экопоселений в России строится на тех же принципах, что и в большинстве экопоселений мира. Для всех главной целью является жизнь в гармонии с природой, без причинения ей вреда. Это выражается в желании снизить антропогенную нагрузку на окружающую среду, в запрете использования пестицидов и гербицидов, в применении органического земледелия и пермакультуры (от англ. permanent agriculture – способ хозяйства и земледелия, где монокультурам предпочитается многообразие, растения влияют друг на друга, не используются искусственные удобрения и химикаты). Многие экопоселения идут по пути применения передовых энергосберегающих технологий при строительстве домов. Другие возвращаются к традиционным деревянным формам строительства, воспроизводят быт и народные традиции, как, например, славянское поселение под Можайском, село Родное, подмосковное Томилино, поселение Китеж в Калужской области. Китеж также является живым примером сетевых взаимодействий, поскольку его помогали строить жители шотландского Финдхорна – одного из самых больших европейских поселений, опыт которого по строительству экодому и природосообразному хозяйству едут перенимать со всех концов мира.

В 2005 г. Гришино, Нево-эковиль и Большой камень стали первыми участниками Российской сети экопоселений, которая вступила в Европейскую сеть экопоселений и получила название «Сеть экопоселений и экологических инициатив». Сеть имеет свой сайт (<http://genrussia.ru>), проводит мероприятия для широкой публики, на которых знакомит участников с движением экопоселений, родовых поместий, с их жизнью, достижениями и проблемами. Ведутся сетевые проекты и программы. На-

пример, ежегодный Фестиваль экотехнологий, программы «Идем в народ», «Экопоселения и традиционные деревни. Будем знакомы!», организуются детские лагеря отдыха и праздники и др. Как и у западных экопоселений и проектов, у большинства отечественных есть свои сайты (kitezh.org, eco-kovcheg.ru, grishino.ecology.net.ru, shestero.info и др.). Благодаря активной сетевой деятельности российские экопоселения становятся «проводниками» современных методов формирования экологической культуры не только в своих регионах. Они обеспечивают повышение общего уровня эффективности данной деятельности в национальном масштабе. Они позволят внедрить в массовое сознание и повседневную жизнь людей важнейшие идеи и принципы экологической культуры, укрепят солидарность и помогут активно проявлять гражданскую позицию.

Подводя итоги, можно сказать, что важной чертой экопоселений, как и других сетевых проектов, является то, что в них не ощущается рутинной «обязаловки», отсутствует вертикальное давление, напротив, присутствует дух сотрудничества, свободного общения и обмена опытом. Принцип горизонтального партнерского взаимодействия в условиях сети обеспечивает независимость и равноправие участников, добровольность сетевого общения, дает место инициативе и творческой позиции каждого. Преимущества сетевых экологических проектов заключаются в высокой творческой активности их участников. Благодаря участию в этих проектах у них возникает устойчивый познавательный интерес к проблемам экологии, формируются умения генерировать идеи, организовать собственную деятельность, а также способность к смысловой оценке существующего и приобретенного опыта.

На наш взгляд, сетевые проекты являются логическим следствием развития современных общественных организаций, которые с их помощью обретают безграничные возможности для ведения просветительской и образовательной деятельности. Своим живым и наглядным примером они, как ничто другое, способны помочь в организации рационального природопользования, обеспечении непрерывного экологического образования и просвеще-

ния и, главное, переходу от теории к практике формирования экологической культуры.

Библиографический список

1. Кушнарева, А.П. Сетевые экологические проекты как средство развития творческой активности подростков: дисс. ... канд. пед. наук / А.П. Кушнарева. – Улан-Удэ, 2006. – 24 с.
2. Марковкин, И. Экопоселения России / И. Марковкин. – <http://gen-russia.ru/author/admin/> (дата обращения 28.04.2014).
3. Мартинович В. А. Движение Анастасии // Минские Епархиальные Ведомости. – 2008. – № 1 (84). – С. 75–81; № 2 (85). – С. 73–77; № 3 (86). – С. 84–86.
4. Назарова, Г. Вслед за дядей Федором. Экопоселения помогут возродить деревню, если им в этом не мешать / Г. Назарова // Санкт-Петербургские ведомости. Выпуск № 137 от 26.07.2012.
5. Холл, Р. Организация добровольческой программы в вашем экопоселении. Пособие для начинающих / Р. Холл, Э. Линдман-Мата. <http://gen-russia.ru> (дата обращения 20.04.2014).
6. Алесютина, Н. Экопоселения. Как там живут и учатся? / Н. Алесютина. <http://www.ug.ru/article/373> (дата обращения 30.04.2014).
7. «Второбыт: экопоселения будущего?» (Беседа Валерия Хилтунена и Юрия Плюснина). <http://eco-domishko.blogspot.ru> (дата обращения 25.04.2014).
8. Шевцов, М. Дорога в Ауровиль / М. Шевцов. – М.: Ad Marginem, 2009. – 336 с.
9. Ясвин, В.А. История и психология формирования экологической культуры / В.А. Ясвин. – М.: Наука, 1999. – 100 с.
10. Ясвин, В.А. Формирование экологической культуры не сводится к экологическому образованию / В.А. Ясвин // Бюллетень «На пути к устойчивому развитию России». Вып. № 34, 2006. – С. 7–10.

ENVIRONMENTAL NETWORK PROJECTS AS A METHOD OF FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE

Muhlynkina Y., Assoc. Prof., MIIT, Ph. D. (Philosoph)

muhlynkina-miit@mail.ru

Moscow State University of Railway Engineering (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova Street, 9, building 9

The problem of ecological culture formation acts as a key factor in improving the modern environmental situation. This complex task requires the construction of a holistic state policy, professionals training and applying special methodology. The introduction of mass environmental education and active involvement of different population groups in the sphere of environmental education are particularly important for the formation of ecological culture. Yet environmental education is not enough, as it gives students a limited amount of knowledge in the field of environmental problems. The involvement of the public in the immediate practical activities to maintain health environment is more important. And from this point of view, there is a great opportunity to provide a network of environmental projects. The network projects include individual or collective activities within the network aimed to achieve the project objectives using the electronic and communicative equipment. The variants of network projects include the Internet projects and telecommunication projects. The environmental network projects are researched on the example of educational projects and activities of the network of eco-villages in Europe and Russia. The history and ideological foundation of ecovillages in Europe and in Russia, the advantages and benefits of networking environmental projects are researched. The advantages of environmental network projects include a high creativity of the participants, the breadth of their audience, the use of modern information technology etc. Thus they develop a stable cognitive interest in environmental issues, the ability to organize their own activities as well as the ability to the assessment of acquired experience are formed.

Keywords: ecological problems, environmental education, ecological culture, network projects, telecommunications projects, Internet projects, ecovillage, volunteer movement, organic farming.

References

1. Kushnareva A.P. *Setevye ekologicheskie proekty kak sredstvo razvitiya tvorcheskoy aktivnosti podrostkov* [Network environmental projects as a means of development of creative activity of teenagers]. Dis. ... kand. ped. nauk. Ulan-Udje, 2006. 24 p.
2. Markovkin I. *Ekoposeleniya Rossii* [Ecovillages of Russia]. Available at: <http://gen-russia.ru/author/admin/> (accessed 28 April 2014).
3. Martynovich V.A. *Dvizhenie Anastasii* [Movement Anastasia]. *Minskie Eparhial'nye Vedomosti*. 2008. № 1 (84). pp. 75–81; № 2 (85). pp. 73–77; № 3 (86). pp. 84–86.
4. Nazarova G. *Vsled za dyadey Fedorom. Ekoposeleniya pomogut vozrodit' derevnyu, esli im v etom ne meshat'* [Following «Uncle Fedor». Ecovillage will help revive the village, if they are not to disturb in this way]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. No. 137 of 26.07.2012.
5. Holl R., Lindman-Mata Je. *Organizatsiya dobrovol'cheskoy programmy v vashem ekoposelenii* [The Organization of volunteer program in your ecovillage. Manual for beginners]. Available at: <http://gen-russia.ru> (accessed 20 April 2014).
6. Alesyutina N. *Ekoposeleniya. Kak tam zhivut i uchatsya?* [Ecovillages. How to live and study there?]. Available at: <http://www.ug.ru/article/373> (accessed 30 April 2014).
7. *«Vtorobyt: ekoposeleniya budushchego?» (Beseda Valeriya Khiltunena i Yuriya Plyusnina)* [«Vtorobyt: ecovillage future?» (Interview Hiltunen Valery and Yuri Plyusnina)]. Available at: <http://eco-domishko.blogspot.ru> (accessed 25 April 2014).
8. Shevcov M. *Doroga v Aurovil'* [Road to Auroville]. Moscow: Ad Marginem, 2009. 336 p.
9. Yasvin V.A. *Istoriya i psikhologiya formirovaniya ekologicheskoy kul'tury* [History and Psychology of Ecological Culture.]. Moscow, Nauka, 1999. 100 p.
10. Yasvin V.A. *Formirovanie ekologicheskoy kul'tury ne svoditsya k ekologicheskomu obrazovaniyu* [Formation of ecological culture is not limited to environmental education]. *Bulletin «Towards Sustainable Development of Russia*. Vol. Number 34, 2006. pp. 7–10.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

М.М. РОГОЖА, проф. Национального авиационного университета, д-р филос. наук

rohozha@mail.ru

Национальный авиационный университет
03680 Украина, г. Киев, просп. Космонавта Комарова, 1

В статье рассматривается природа прикладных этик вообще и экологической этики – в частности, а также формирование проблемного поля экоэтики. Представляется продуктивным рассматривать прикладную этику как форму этического знания, направленного на прямое его внедрение в практическую плоскость, а также саму этическую научно выверенную деятельность и осмысление, критику и обоснование путей внедрения этики в практику общественной жизнедеятельности. Получает обоснование идея экологической этики как отрасли этического знания и практики с мощной гражданской составляющей, поскольку формирование экоэтики в ее современном статусе было фактически инициировано гражданским обществом. Также раскрывается практический потенциал этики быть катализатором решения современных экологических проблем. Практическими шагами отдельного человека, ведущими к решению экологических проблем, могут быть изменения в индивидуальных практиках. Если во имя сохранения природы человек стремится минимизировать жизненные потребности, стать на путь строгого самоограничения в потреблении товаров и услуг, для производства которых использовались невозобновляемые природные ресурсы, то его волевые усилия способны сформировать экоэтическую жизненную стратегию, которая представляет собой путь этического совершенствования в направлении экологического аскетизма. Примером коллективного действия является зеленый консюмеризм. Члены эко-сообществ (эко-коммун) направляют свои усилия на налаживание гармоничных отношений с природой. Практика индивидуальных малых дел, экологический аскетизм, зеленый консюмеризм, деятельность эко-коммун и экологических общественных организаций рассматриваются через призму возможностей гражданского общества решать экологические проблемы и влиять на формирование экологической политики государства. Действия отдельного человека и организованной группы в гражданском обществе способны стать катализатором изменений на пути предотвращения экологической катастрофы.

Ключевые слова: прикладные этики, экологическая этика, практика малых дел, экологический аскетизм, зеленый консюмеризм, эко-коммуна, экологические общественные организации, экологический радикализм, экотаж, экологическая политика государства.

Экологическая этика сегодня – одна из наиболее динамично развивающихся прикладных этик в современном социокультурном пространстве. В полной мере возможности экоэтики раскрываются в гражданском обществе. Для обоснования этого утверждения необходимо, во-первых, обратиться к рассмотрению природы прикладных этик и их статуса в современном обществе и, во-вторых, обозначить смысловую нагрузку используемого здесь понятия гражданского общества для того, чтобы показать возможности экоэтики быть катализатором решения современных экоэтических проблем. По сути, эти две задачи предполагают необходимость самоопределения автора в рамках современных дискуссий (по первому вопросу) и утвердившихся на сегодняшний день традиций обоснования (по второму вопросу).

В современной русскоязычной этике протекает достаточно оживленная дискуссия о природе прикладных этик [7]. Ряд авторов, среди которых В.И. Бакштановский, А.Ю. Согомонов, А.А. Сычев, утверждают наличие деятельностной составляющей прикладной этики. Так, В.И. Бакштановский разворачивает теорию прикладной этики как

проектно-ориентированного знания, представляющего собой фронестические технологии, к которым он относит этическое проектирование, конструирование, экспертизу, консультирование, моделирование [2].

А.А. Сычев пишет о прикладной этике как новом этапе развития этики, синтезирующей практику и теорию. Основываясь на работах В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова, он отмечает, что «экологическая этика как прикладная дисциплина есть одновременно сфера теоретических знаний и область практических действий» [8]. С этой точки зрения, в теоретической части прикладная этика анализирует ценности, убеждения и знания, служащие обоснованию определенной деятельности (в частности природоохранной), а как область практических действий она направлена на создание определенных изменений в жизнедеятельности человека, призванных предотвратить экологическую катастрофу.

На принципиально иной позиции стоит Р.Г. Апресян, заявляя, что прикладная этика – это исключительно исследовательская область, систематизированное знание: «Это область знания, предметом которой яв-

ляется императивно-ценностное содержание конкретных (профессионально и предметно определенных) видов деятельности. Точнее, тех отношений, в которые вступают люди, осуществляя различные конкретные виды деятельности, ее этос, ее этический режим (когда он есть), а также те социокультурные условия, в которых эта деятельность осуществляется, и те социальные устройства и механизмы, посредством которых обеспечивается действенность этического режима» [1].

Эти позиции условно можно назвать деятельностью и знаниевой. Различаются они, по большому счету, в вопросе о возможности включения в предметное поле прикладной этики помимо императивно-ценностного (этического) содержания деятельности самой деятельности (в данном случае направленной на предотвращение экологической катастрофы).

Следует отметить, что вторая позиция четко ориентирует прикладную этику на философское осмысление практики и условий ее возможности, выявление ее ценностно-нормативного содержания и анализ специфики этической регуляции в ней. Здесь уместно отметить, что, поскольку предметные области жизнедеятельности, в которых формируется прикладная этика, качественно различны и каждая из них имеет свою специфику в запросе на этические разработки, то зачастую говорят о прикладных этиках как достаточно автономных ценностно-нормативных системах. Они возникают и развиваются во всем многообразии проявлений, поставленных вопросов и поисков их решений, выстраивания алгоритмов правильных/должных действий и преимущественно усилиями не профессиональных этиков, а представителей этих отраслей. Авторы концепций по прикладной этике ориентированы, прежде всего, на применение этических инструментов в практических вопросах морального плана, а не на развитие философской теории морали. Даже беглый обзор прикладных исследований, в частности по экоэтике, свидетельствует о том, что этико-ориентированная деятельность непосредственно включена в ее предметное поле.

Среди особенностей всякого научного знания – принципиальная открытость науч-

ного поиска и категорическое неприятие насильственного направления или корректировки путей его развития. Поэтому этик, входя в пространство этико-прикладных разработок, самоопределяется в отношении тех программ, которые позволяют ему решать поставленные исследовательские или практические задачи.

В прикладных этиках открыты возможности для обогащения философской теории морали, поскольку они нарабатывают эмпирический материал, побуждающий философскую рефлексию. Но этот сегмент философских исследований в рамках прикладных этик во многом может быть автономным по отношению к непосредственным задачам, обусловившим их формирование и развитие. Поэтому представляется продуктивным рассматривать прикладную этику как форму этического знания, направленного на прямое его внедрение в практическую плоскость, а также саму этическую научно выверенную деятельность и осмысление, критику и обоснование путей внедрения этики в практику общественной жизнедеятельности.

Появление прикладных этик обусловлено тем, что оформился общественный запрос на этическое решение проблем в уязвимых для жизни и деятельности человека сферах. Философская теория морали оказалась не готовой обеспечить необходимое решение возникающих в них проблем морального характера. Традиционная профессиональная этика также не смогла дать адекватный ответ на огромное количество общественных запросов на такого рода этическую регуляцию. Таким образом, прикладные этики охватили те массивы практических морально нагруженных вопросов, решение которых превысило возможности профессиональных этик.

От профессиональных этик прикладные отличаются субъектом, который выдвигает запрос на ценностно-нормативную регуляцию деятельности. Профессиональные этики появляются вследствие осознания потребности представителей профессии в этическом обеспечении деятельности. Прикладные этики формируются в ответ на запрос ответственности в этической регуляции ценностно неоднозначных отраслей общественной жизнедеятельности.

Пусковым механизмом для активного развития прикладных этик оказался общественный дискурс, возможный только в гражданском обществе. Принимая во внимание перегруженность смыслами понятия гражданского общества, в данной работе используем концепцию Ю. Хабермаса, представленную в книге «Структурная трансформация публичной сферы» [10]. Системообразующим фактором гражданского общества является публичная сфера – свободное от государственного вмешательства пространство взаимодействия граждан как частных лиц в решении экономических, политических и социальных проблем на основе самоорганизации. Публичная сфера представляет собой место обсуждения общественностью актуальных проблем морального характера, наработки договоренностей, принятия решений, а также создания механизмов общественного мониторинга и обеспечения его действенности.

Формирование экоэтики в ее современном статусе и проблемном пространстве инициировала общественность, заинтересованная в переосмыслении моральных проблем в отношении человек–природа.

В публичной сфере индивид как частное лицо является активным самостоятельным субъектом, действия которого обусловлены принципом автономии. Практическими шагами отдельного человека, ведущими к решению экологических проблем, могут быть изменения в индивидуальных практиках. Малые дела – ежедневные целенаправленные действия личности, выполнение которых приводит к осознаваемым изменениям в повседневности. В экологически направленной деятельности малые дела способны минимизировать ущерб, который наносит отдельный человек окружающей среде.

Сегодня широко распространенная в русскоязычной этике практика индивидуальных малых дел была впервые эксплицитно определена И.Ю. Ларионовым следующим образом: «Практика индивидуальных малых дел – отдельные осознанные действия, совершаемые человеком в повседневной жизни, осознанные изменения, вносимые человеком в область повседневности, направленные на перспективу изменения экологической ситуации» [4]. В ос-

нове этого определения лежат широко известные практические советы, сформулированные А. Гором в его книге «Неудобная правда» [3].

Различные вариации советов в рамках практики малых дел могут быть систематизированы следующим образом:

- экономия ресурсов: использование энергосберегающих ламп, бытовых приборов; установка счетчиков на воду, отказ от нерационального использования воды; теплоизоляция жилища;

- оптимизация использования транспорта: ограничение использования личного транспорта в пользу общественного; использование велосипеда; использование энергосберегающих моделей машин; покупка товаров, на транспортировку которых тратится сравнительно немного времени (местного производства);

- эффективная утилизация отходов: отказ от использования пластиковых пакетов в супермаркетах; отказ от использования одноразовой пластиковой посуды; сортировка отходов (при наличии возможностей); предоставление преимуществ ремонту перед утилизацией;

- отказ от товаров, наносящих вред природе: отказ от недружественных природе удобрений, стройматериалов, моющих средств; отказ от потребления товаров, для производства которых уничтожается дикая природа (слоновая кость, китовый жир, меха);

- отказ от поддержки людей и организаций, наносящих ущерб природе: отказ от сотрудничества с предприятиями, на которых не соблюдаются экологические стандарты, организациями, ведущими застройку в природоохранных зонах; отказ от голосования за политиков, которые поддерживают такие производства [8].

Если во имя сохранения природы человек стремится минимизировать жизненные потребности, стать на путь строгого самоограничения в потреблении товаров и услуг, для производства которых использовались невозобновляемые природные ресурсы, то его волевые усилия способны сформировать экоэтическую жизненную стратегию, которая представляет собой путь этического совершенствования в направлении экологического аскетизма.

На одном из Интернет-форумов в ответ на вопрос: «Что обычный человек может сделать для защиты окружающей среды?» – эко-активистка сформулировала следующее понятие эколого-этического образа жизни: «Это такой способ существования человека, когда в процессе его развития материальные потребности не возрастают, а сводятся к минимуму. И чем экологичнее сознание [человека], тем меньше у него потребностей. Наверное, наивысшая степень проявления экологического сознания – это аскетический образ жизни» [6].

Свобода личности в гражданском обществе выбирать путь и свободно по нему следовать дает широкие возможности личностной самореализации – от практики малых дел до экологического аскетизма. Посильное участие каждого индивида является своего рода гарантией от бездействия. Если вдуматься в смысл книги «Неудобная правда», то можно прийти к выводу, что и малыми делами можно способствовать предотвращению планетарной катастрофы. И непосильность этой глобальной задачи отступает перед осознанием важности собственного (посильного) участия в ее разрешении.

Коллективное действие – согласованное действие группы индивидов для достижения общей, социально значимой цели. Простейшим примером коллективного действия является зеленый консюмеризм. Цель зеленого консюмеризма – в потреблении экологически чистых товаров и услуг. Это движение потребителей, которые руководствуются определенными экологически обусловленными правилами. В частности, они стремятся избегать тех товаров и услуг, которые подвергают опасности здоровье их самих и окружающих; процесс производства или использования которых вредит окружающей среде; которые создают отходы, не поддающиеся вторичной переработке; при тестировании которых используются животные [9].

Разновидность коллективного действия представляет собой жизнедеятельность эко-сообществ, организованных групп, ориентированных на изменения в своем стиле жизни. Дистанцируясь от политической деятельности, члены эко-сообществ (эко-ком-

мун) направляют свои усилия на налаживание гармонических отношений с природой. К эко-сообществам относят сельскохозяйственные коммуны, выращивающие экологически чистые продукты; локальные сообщества, использующие энергию ветра или солнца; группы людей, практикующих экотуризм [8].

Эффективность экоэтических действий возрастает на уровне гражданских объединений. Гражданские движения (массовые объединения на основе сотрудничества для достижения определенной цели, связанной с защитой природы), локальные группы и группы интересов (представители населения, заинтересованные в решении определенных проблем локального характера).

Различают профессиональные и волонтерские организации. В профессиональных организациях члены избрали для себя защиту природы в качестве профессиональной деятельности. Члены волонтерских организаций занимаются природоохранной деятельностью во вне рабочее время.

По форме деятельность организаций может быть умеренной и радикальной. Умеренная деятельность это:

- подготовка открытых писем и коллективных петиций органам власти;
- информирование населения об экологической ситуации;
- организация и поддержка научных исследований экологических проблем;
- организация бойкотирования товаров и услуг предприятий, нарушающих принятые экологические нормы;
- правовое обеспечение деятельности по охране природы, инициирование исков против компаний, нарушающих экологические нормы;
- организация митингов и демонстраций, маршей протеста и пикетов, а также других коллективных действий, демонстрирующих общественную поддержку экологическим инициативам или высказывающих публичное осуждение рискованных правительственных или коммерческих решений;
- организация пресс-конференций, публикация изданий, размещение социальной рекламы, иных пиар-акций [9].

Экологический радикализм постулирует необходимость фундаментальных изменений в социальных, политических и экономических структурах во имя гармонизации отношений человека и природы, предоставляет радикальную трактовку идее сохранения дикой природы и поддерживает активизм последователей в возобновлении дикой природы.

Радикальными могут быть ненасильственные действия, т. е. совершаемые без применения физической силы. Это акции гражданского неповиновения, действия политического характера, намеренно нарушающие закон с целью привлечь внимание общественности и власти к определенным экологическим проблемам и требования к власти внести изменения в законодательство. Это разного рода блокады, захваты объектов, направленные на привлечение внимания к конкретным нарушениям законодательства.

Насильственные действия – акции, цель которых в нанесении ущерба тем, кто непосредственно вредит природе, жестоко относится к животным и т. п. Насильственными действиями, прежде всего, является экотаж (экоterrorism), противодействие мероприятиям, направленным на нанесение ущерба природе. Это вывод из строя оборудования, призванный сделать экологически вредные действия невыгодными. Обоснованием экотажа занимаются в основном представители глубинной экологии. Они разработали принципы экотажа:

– экологически вредные действия нужно сделать экономически невыгодными;

– экотаж – это благородная и самоотверженная деятельность в защиту природы.

Главным требованием экотажа является непричинение вреда людям. Активисты международной организации «Прежде Земля!» (Earth First!) разработали руководство по проведению нелегальных акций экотажа под названием «Экозащита», где изложили детальные рекомендации по выведению из строя техники, шипованию дорог и деревьев. Очень важным условием экотажа является следующее: он применяется только если все другие методы влияния не принесли результатов [5].

Сильное гражданское общество способно влиять на государственную политику, в частности в вопросах экологии. Экологическая политика государства – это система экономических, правовых и информационных мероприятий, которые государство проводит для уменьшения негативного антропогенного воздействия на природу. Мотивацией деятельности государства в направлении защиты природы является утилитаристский расчет издержек и выгод: предупреждение катастрофы обычно дешевле преодоления ее последствий.

Для достижения этико-экологических целей государство может использовать такие инструменты:

– направленные на формирование внешней мотивации (страх наказания, финансовое стимулирование), эффективные, в первую очередь, для предприятий. Например, государство может запретить производство товаров, которые содержат токсичные вещества; прекратить импорт изделий, не поддающихся вторичной переработке; снизить налоговое бремя компаний, разрабатывающих технологии очищения и вторичной переработки отходов; разработать механизмы стимулирования создания новых, более совершенных природосохраняющих технологий;

– направленные на формирование внутренней мотивации (на создание предпосылок морального выбора), рассчитанные, прежде всего, на личность. Например, желание человека сортировать мусор не будет иметь позитивных результатов, если не создана инфраструктура раздельной утилизации отходов; инициативы перехода на велосипедный транспорт приведут к уменьшению выбросов выхлопных газов в городах только при обеспечении городов специальными дорожками для велосипедистов и их необходимого содержания [8].

Таким образом, действия отдельного человека и организованной группы в гражданском обществе способны стать катализатором изменений на пути предотвращения экологической катастрофы. Давление, которое оказывают на политику государства общественность, природозащитные организации и

активисты экологических движений, а также развитая система международного сотрудничества, является эффективным средством решения вопросов в гражданском обществе.

Библиографический список

1. Апресян, Р.Г. Метадисциплинарные проблемы прикладной этики / Р.Г. Апресян // Прикладная этика: «КПД практичности». Вестник. Вып. 32, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2008. – С. 5–28.
2. Бакштановский, В.И. Прикладная этика: инновационный курс для магистрантов и профессоров. Ч. 1.: монография / В.И. Бакштановский. – Тюмень: НИИ ПЭ, ТюмГНГУ, 2011. – 274 с.
3. Гор, А. Неудобная правда. Глобальное потепление: как остановить планетарную катастрофу / А. Гор. – СПб.: Амформа, ТИД Амформа, – 2007. – 328 с.
4. Ларионов, И. Этика индивидуальных малых дел: общее благо или личная ответственность? // Экологическая этика: сила этики для устойчивого развития: коллективная монография / И. Ларионов. Под ред. Н. Васильева-

не, А. Юрчуконите. – Вильнюс: Университет Миколаса Ромериса, 2010. – С. 403–407.

5. Мартынова, М.Д. Экологические движения: этика и политика борьбы / М.Д. Мартынова // Этика и экология / Под ред. Р.Г. Апресяна. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. – С. 198–213.
6. Рогожа, М.М. Этика поступка в экологической деятельности / М.М. Рогожа // Этика и экология / Под ред. Р.Г. Апресяна. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. – С. 137–158.
7. Рогожа, М.М. Биоэтика в гражданском обществе / М.М. Рогожа // Соціальна етика: Теоретичні і прикладні проблеми. Збірник наукових статей. – Київ: Університет «Україна», 2012. – С. 97–102.
8. Сычев, А.А. Экологическая этика как сфера практических действий / А.А. Сычев // Этика и экология / Под ред. Р.Г. Апресяна. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. – С. 67–92.
9. Connelly J., Smith Gr. Politics and the Environment. From theory to practice. 2nd ed. L.-N.Y.: Routledge, 2003. 390 p.
10. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: an inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge: Polity Press, 2003. 301 p.

ENVIRONMENTAL ETHICS IN A CIVIL SOCIETY: THEORETICAL AND APPLIED ISSUES

Rohozha M., Prof. National Aviation University, Dr. Sci. (Philosophy)

rohozha@mail.ru

National Aviation University, 03680 Kiev, Ukraine, pr. Komarova, 1

Essentials of applied ethics in general and of environmental ethics in particular are researched in the paper. The article is focused on the development of the subject matter of environmental ethics. The author supports the idea that environmental ethics is a field of ethical knowledge and practice with the powerful civil component because forming environmental ethics in its current status was actually initiated by a civil society. Also, practical potentiality of ethics to be a catalyst for resolving of contemporary environmental problems is exposed. Individual small deeds practice, environmental asceticism, green consumerism, activity of eco-communities and environmental non-governmental associations are observed through the lenses of civil society possibilities to resolve environmental problems and influence on shaping of the state environmental policy. Members of the eco-communities (eco-communes) focus their efforts on establishing harmonious relations with nature. Actions of individuals and organized groups in civil society can become a catalyst for change in the way to prevent environmental disaster.

Key words: applied ethics, environmental ethics, small deeds practice, environmental asceticism, green consumerism, eco-community, environmental non-governmental associations, environmental radicalism, ecotage, state environmental policy.

References

1. Apresyan R.G. *Metadistsiplinarnye problemy prikladnoy etiki* [Metadisciplinary problems in applied ethics] *Prikladnaya etika: «KPD praktichnosti»* [Applied ethics: «Efficiency of practicality»] *Vedomosti. Vyp. 32, spetsial'nyy* [Vedomosti. Vol. 32, special] *Pod red. V.I. Bakshtanovskogo, N. N. Karnaukhova* [Ed. VI Bakshtanovskii, NN Karnauhova]. Tyumen: NII PE, 2008. pp. 5-28.
2. Bakshtanovskiy V.I. *Prikladnaya etika: innovatsionnyy kurs dlya magistr(ant)ov i pro-fessorov. Chast' 1.* [Applied ethics: an innovative course for Master's (ANT) s and professors. Part 1]. Tyumen: NII PE, TyumGNGU, 2011. 274 p.
3. Gor A. *Neudobnaya pravda. Global'noe poteplenie: kak ostanovit' planetarnuyu katastrofu.* [An Inconvenient Truth. Global warming: how to stop a planetary catastrophe]. Saint-Petersburg: TID Amforma, 2007. 328 p.
4. Larionov I. *Etika individual'nykh mal'nykh del: obshchee blago ili lichnaya otvetstvennost'?* [The ethics of individual small things: the common good or the personal responsibility?] *Ekologicheskaya etika: sila etiki dlya ustoychivogo razvitiya* [Environmental Ethics: the power of ethics for sustainable development]: *kollektivnaya monografiya*: [collective monograph] *Pod red. N. Vasil'evne, A. Yurchukonite* [Ed. N. Vasilevene, A. Yurchukonite]. Vilnius: Universitet Mikolasa Romerisa, 2010. pp. 403-407.
5. Martynova M.D. *Ekologicheskie dvizheniya: etika i politika bor'by* [Environmental movement: the ethics and politics of struggle] *Etika i ekologiya* [Ethics and Ecology] *Pod red. R.G. Apresyana* [Ed. R.G. Apresian]. Veliky Novgorod: NovGU, 2010. p. 198-213.
6. Rogozha M.M. *Etika postupka v ekologicheskoy deyatel'nosti* [Ethics of Act in environmental performance] *Etika i ekologiya* [Ethics and Ecology] *Pod red. R.G. Apresyana* [Ed. R.G. Apresian]. Veliky Novgorod: NovGU, 2010. pp. 137-158.
7. Rogozha M.M. *Bioetika v grazhdanskom obshchestve* [Bioethics in civil society] *Sotsial'na etika: Teoretychni i prykladni problemy* [Social Ethics: Theoretical and applied problems] *Zbirnyk naukovykh statej* [Collected articles]. Kyiv: Universtet «Ukrain»a, 2012. pp. 97-102.
8. Sychev A.A. *Ekologicheskaya etika kak sfera prakticheskikh deystviy* [Environmental ethics as a field of practical actions] *Etika i ekologiya* [Ethics and Ecology] *Pod red. R.G. Apresyana* [Ed. R.G. Apresian]. Velikiy Novgorod: NovGU, 2010. pp. 67-92.
9. Connelly J., Smith Gr. *Politics and the Environment. From theory to practice.* 2nd ed. L.-N.Y.: Routledge, 2003. 390 p.
10. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: an inquiry into a category of bourgeois society.* Cambridge: Polity Press, 2003. 301 p.

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Л.В. СЕННИЦКАЯ, проф. каф. социально-философских наук МГИК, канд. хим. наук

7711818@mail.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный институт культуры»
141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, 7, МГИК

Формирование нового экологического мышления как ядра экологической культуры связано с осознанием бесперспективности технократического стиля мышления, который основан на агрессивном отношении к природе, на непонимании, что биосфера нуждается в восстановлении и что каждый человек ответственен за состояние природы. Экологическое мышление позволяет осознать необходимость отказа от сугубо потребительских установок, ориентированных на сиюминутные цели и материальные выгоды. Современное экологическое сознание основано на общечеловеческих ценностях и ориентировано на историческую перспективу. Изменение ориентации человеческой деятельности связано с коренной перестройкой мировоззрения, изменением шкалы ценностей, которая сложилась в сознании людей под воздействием противостояния человека природе. В этой ситуации обществу необходима подготовка граждан, владеющих экологическими знаниями. Эти знания должны стать для них основой решения экологических проблем в частной и общественной жизни, ориентиром для выбора модели поведения в быстро меняющейся природной среде. Каждому человеку надо осознавать ответственность за ее настоящее и будущее. Экологическое образование реализуется в воспитании, формировании образа жизни и внутреннего мира человека, системе ценностей, поведении, семейной и внутренней жизни в целом. Оно является продолжением усилий природных существ, направленных на выживание, развитие и обеспечение безопасного наследия для наших детей и внуков.

Ключевые слова: экологическая культура, биосфера, экологическое мировоззрение, экологическое образование.

Современная цивилизация на протяжении нескольких десятилетий пребывает в состоянии системного экологического кризиса. Культура технократического общества, связанная с количественным ростом потребления, оказалась неспособной обеспечить устойчивое будущее человечества. Как никогда остро встала проблема сознательного и целенаправленного регулирования обмена энергией и веществом между обществом и биосферой, проблема выработки стратегии охраны природы.

К сожалению, в массовом сознании нет достаточного понимания остроты сложившейся ситуации. Очень многие по-прежнему действуют в убеждении, что природная среда неограниченна и неисчерпаема. Они удовлетворены текущим благополучием и ближайшими целями, а экологические угрозы не воспринимают всерьез, в лучшем случае относят их на далекое будущее.

Усиливающееся техногенное воздействие на многие экосистемы в условиях низкого уровня экологической культуры населения создает нарастающую угрозу их разрушения, что способно существенно повлиять на процессы социального и экономического развития.

Период неконтролируемого взаимодействия общества и природной среды за-

канчивается. Новое состояние биосферы характеризуется высокой восприимчивостью социоприродных систем к техногенному воздействию и уменьшением динамической стабильности экологического равновесия. Но человечество может развиваться лишь до тех пор, пока сохраняется равновесие между преобразованием природной среды и ее восстановлением. Нарушение равновесия приведет к деградации и гибели человечества.

Анализ причин ухудшения экологической обстановки показывает, что рационализация природопользования невозможна без преодоления потребительского отношения к природе. Экологическое воспитание и образование – процесс длительный, но необходимый, чтобы изменить устойчивое сугубо потребительское отношение к природе. Ведь все, что человек мог и может создать для себя и удовлетворения своих потребностей, он заимствует из природы. От безоглядной эксплуатации природной среды нужно перейти к очень осторожному изменению среды жизни человека.

Изменение ориентации человеческой деятельности связано с коренной перестройкой мировоззрения, изменением шкалы ценностей, которая сложилась в со-

знании людей под воздействием противостояния человека природе. Формирование новой экологической культуры является основой гармонизации отношений человека и природы [1]. С другой стороны, экологическое сознание становится сегодня основой культуры мира [6].

История экологических проблем и опыта их разрешения, как и история образования, показывают, что для обеих этих сфер, как и для жизни человека и общества в целом, приобретает возрастающее значение экологическое образование [2]. В современной ситуации обществу жизненно необходима подготовка граждан, занятых в самых разных сферах общественной жизни, владеющих экологическими знаниями. Эти знания должны стать для них основой решения экологических проблем в частной и общественной жизни, ориентиром для выбора модели поведения в быстро меняющейся природной среде. Каждому человеку надо осознавать ответственность за настоящее и будущее природной среды. Необходим новый уровень понимания ситуации, в которой «ближним» является все, что нас окружает и составляет среду обитания.

Экологическое образование реализуется в воспитании, формировании образа жизни и внутреннего мира человека, системе ценностей, поведении, семейной и внутренней жизни в целом. Оно является продолжением усилий природных существ, направленных на выживание, развитие и обеспечение безопасного наследия для наших детей и внуков.

Экологическое образование призвано развенчивать идею о человеке как абсолютном центре мироздания. В человеческом сознании необходимо переместить центр обеспечения безопасности от человека к биосфере. В конце XX в. человечество осознало, что оно может оказаться столь же смертным, как и отдельный человек. Это один из результатов изменения представлений человека о целостности и взаимозависимости человеческого общества и природного окружения.

Мировоззрение человека, в том числе экологическое, формируется и развивается

на основе практической деятельности, познания, общения с другими людьми и природой. Оно не может быть обретено одним лишь чтением книг, просмотром кинофильмов и телепередач либо заимствованием: «Мировоззрение – это то, что остается в сознании индивида после практического применения усвоенных знаний, системы ценностей и овладения навыками практической работы» [8]. Твердые убеждения формируются на основе личного опыта. И обучение может задать такую установку для формирования экологического мировоззрения, благодаря которой факты понимаются как доводы в пользу конструктивного экологического подхода к реальности.

Современная философская мысль немало почерпнула из идей и наработок Римского клуба [13] и закрепила в массовом сознании понятие возможности исчерпания мировых и локальных ресурсов уже при жизни нынешних поколений. В концепции устойчивого развития, выработанной в конце XX в., признано, что важнейшим признаком прогресса должны быть долгосрочные интересы человечества, а не сегодняшние бесконтрольно растущие потребности общества. Этот вывод и закладывается в основу формирования экологического мировоззрения в системе образования.

Экологическая картина мира строится на осознании человеком себя как части всего живого и на этой основе определения для себя ценностных приоритетов и достижения понимания объективной научной картины сегодняшнего мира.

В познании, формировании системы ценностей и экологического мировоззрения важнейшую роль играют понимание и порождаемые им убеждения: «Понимание достигается длительным путем личного и общественного опыта и... обладает чрезвычайно существенным для формирования мировоззрения свойством: оно способно порождать убеждения. ...Мировоззрение, которое имеет опорным слоем твердые убеждения, заметно сужает сферу “безразличия” индивида... Экологическое мировоззрение в процессе своего формирования переводит

природные явления из той части мира, к которой человек равнодушен, в мир, эмоционально окрашенный» [8].

Экологическое образование включает усвоение системы социальных норм, знаний и навыков, направленных на осознание долгосрочных интересов человека в биосфере. Фундаментом экологического мировоззрения является картина мира, объединяющая природу и общество. Эти знания ориентированы на достижение безопасного индивидуального и коллективного развития человечества в биосфере.

Для сегодняшней технократической картины мира, которая сформировалась в предшествующие века, характерно то, что она практически лишена этического содержания. Недостает его и в общественной и производственной практике: как и прежние поколения, мы расходим ресурсы, которые должны сохранять для последующих поколений, обеспечения устойчивого развития общества.

И, тем не менее, в формирующемся экологическом мировоззрении современного общества уже видны признаки союза этического и объясняющего. Складывающаяся в процессе образования экологическая культура обнаруживает прямую зависимость этической составляющей от экологических знаний. Как показывают социологические исследования, проведенные в ряде российских и белорусских вузов, экологическая культура и этическое отношение к природе напрямую зависят от профиля подготовки студентов и наличия учебных дисциплин, формирующих экологическое и нравственное сознание [16]. Эти результаты подтверждаются и опросами, проведенными в МГУ-КИ с участием автора этих строк и авторов цитируемой статьи. Выводы обосновывают требование шире внедрять в обучение дисциплины, относящиеся к экологической подготовке и этическому образованию.

Эти выводы говорят и в пользу тех предположений, которые положены В.И. Вернадским в основу его теории ноосферы, а именно, о прямой зависимости нравственности общества от прогресса на-

учного разума [3]. Эти предположения, или даже искренняя вера, убежденность великого ученого и мыслителя часто подвергается критике. Основанием для этого является тот упадок морали и нравственного отношения к природе, которым нередко сопровождается научно-технический прогресс. Но на поверку оказывается, что подобным злом оборачиваются знания, не содержащие в себе не только этической, но и экологической составляющей. Вернадский же говорил о планетарной силе научного разума, который обладает знанием о взаимодействии человека и техники с природой планеты, прежде всего биосферой. Поэтому экологическое образование должно быть приоритетным во всех сферах обучения [12].

Содержание и цель экологического образования – это приобретение знаний биосферных, экологических и социальных процессов в их взаимодействии. Смысл этого образования заключается в развитии мировоззрения личности до уровня, который обуславливает способность принимать ответственность за решение жизненно важных для социоприродных систем вопросов на себя и разделять ответственность за вред, наносимый природной среде обществом. Такая нравственная способность человека формируется, прежде всего, в локальных и региональных масштабах, где на примере малых дел явственно обнаруживаются последствия воздействий на окружающую среду. Поэтому для решения глобальных экологических проблем и выработки чувства ответственности каждого человека за действия, имеющие отдаленные последствия для мировой среды обитания человечества и будущих поколений, важна, прежде всего, региональная экологическая политика и воспитание любви к местной природе [15]. И экологическое образование, формирование экологической культуры должны ориентироваться на критерии устойчивого развития [9; 11].

Экологическое мировоззрение позволяет объединить каждого человека с другими людьми таких же убеждений и придерживаться твердых нравственных позиций, указывающих ориентиры безопасности в

современном мире и обогащающих личность. Как результат экологически ориентированного образования оно сближает человека с природой, помогает глубже понимать интересы сохранения и развития человечества, их приоритет перед текущими интересами. Экологическое мышление позволяет осознать необходимость отказа от сугубо потребительских установок. Но осуществить это возможно не путем отказа от потребностей текущего момента, а на основе понимания того, каковы подлинные сегодняшние наши интересы, и того факта, что у нас с биосферой общая судьба.

Экологическое воспитание и формирование разумных потребностей касаются не только экологии окружающей среды, но и экологии самого человека. До сих пор мы говорили об экологии природной среды обитания человека. Но среда, в которой живет человек, включает в себя и культуру. Все сказанное выше в немалой степени касается и экологии культурной среды как предмета экологического образования и культурной политики общества [14]. В смысле заботы об экологии не только телесной, но и духовной природы человека экологическая культура оказывается высшей формой гуманизма [4].

Развитие нового экологического мышления в качестве центрального ядра экологической культуры связано с осознанием бесперспективности ориентации на технократический стиль мышления, который основан на агрессивном отношении к природе, на непонимании, что биосфера нуждается в восстановлении и что каждый человек ответственен за состояние природы.

Для поддержания нового типа экологической культуры общество нуждается в специальных социальных институтах [10]. Прежде всего, это образовательные заведения, научные и управленческие учреждения, предприятия экологического профиля, а также средства массовой информации. Очень важно чтобы в этой просветительской работе средств массовой информации активно участвовали преподаватели высших учебных заведений и школ. Система образования – школа и высшие учебные заведения, безусловно, зани-

мают первостепенное место в формировании новой экологической культуры [7]. Именно они должны дать экологические знания, заложить основы индивидуальной экологической культуры и экологической морали, воспитать любовь к природе.

Библиографический список

1. Андреев, М.Д. Экологическая культура как основа гармонизации отношений между обществом и природой / М.Д. Андреев // Успехи современного естествознания. – 2009. – № 7. – С. 143–145.
2. Буровский, А.М. Эволюция экологического образования / А.М. Буровский // Экология и жизнь. – 2006. – № 2.
3. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1989. – 261 с.
4. Гирусов, Э.В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма / Э.В. Гирусов // Философия и общество. – 2009. – № 4. – С. 74–92.
5. Гирусов, Э.В. Экологическое образование в контексте культуры / Э.В. Гирусов // Философские науки. – 2006. – №4. – С. 129–138.
6. Глазачев, С.Н. Экологическое основание культуры мира / С.Н. Глазачев // Экологическое образование. – 2000. – № 1.
7. Глазачев, С.Н. Экологическая культура и образование: очерки истории, теории и практики / С.Н. Глазачев. – М., 1997.
8. Кавтарадзе, Д.Н. Основы экологического мировоззрения как задача образования для устойчивого развития / Д.Н. Кавтарадзе, А.А. Брудный <http://library.biom.kg/wp-content/uploads/2013/09/brudny-kavtaradze-osnovy-ecologicheskogo-mirovoztrenif.pdf>.
9. Касимов, Н.С. От экологического образования к образованию для устойчивого развития / Н.С. Касимов // Экология и жизнь. – 2006. – № 9.
10. Коломина, Н.В. Воспитание основ экологической культуры / Н.В. Коломина. – М., 2006.
11. Краснова, Е.В. Экологическая культура и ее роль в устойчивом развитии системы природа – общество / Е.В. Краснова, Т.И. Эпова, В.П. Щукин // Вектор науки тольяттинского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 65–68.
12. Маринченко, А.В. Приоритет экологическому образованию / А.В. Маринченко. – М.: Феникс, 2008. – 358 с.
13. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. – М.: Прогресс, 1980. – 304 с.
14. Сенницкая, Л.В. Экология культурной среды как основание политической культуры общества / Л.В. Сенницкая // Культурная политика России: проблемы и перспективы. Коллективная монография. – М.: МГУКИ, 2012. – С. 44–48.
15. Сенницкая, Л.В. Экологическая региональная политика / Л.В. Сенницкая // Региональная культурная политика в многонациональном пространстве России: проблемы, практика: Монографический сборник. – М.: МГУКИ, 2014. – С. 79–87.
16. Фалько, В.И. Экологическая культура и нравственные ценности студенческой молодежи (опыт социологического анализа) / В.И. Фалько, Т.Ю. Кирилина // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2011, №2(78). – С. 204–210.

ROLE OF EDUCATION IN FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE

Sennitskaya L.V., Prof. Social and Philosophy Department of the Moscow State Institute of Culture, Ph.D. (Chem.)

7711818@mail.ru

Moscow State Institute of Culture, 141406, Moscow Region., Khimki, Bibliotechnaya str.7, MSIC

The development of new ecological thinking as the central core of ecological culture is closely connected with the understanding of hopelessness of technocratic style of thinking, which is based on the aggressive attitude to nature, on a misunderstanding, that the biosphere is in need of restoration, and that each person is responsible for the state of nature. Ecological thinking allows to realize the need to abandon a purely consumer attitude aimed at achieving short-term goals and tangible benefits. Modern ecological thinking is based on universal values and is oriented on historical prospect. The change in the orientation of human activity is associated with the radical restructuring of the outlook, with the change in the scale of values that was built in the minds of people under the influence of the opposition between human and nature. In this situation, society has an interest in the preparation of citizens who have appropriate ecological knowledge. This knowledge should become the basis for their solutions of real environmental problems in everyday life, in public life and in the workplace; this knowledge should guide the selection of the appropriate way of behavior in the rapidly changing environment. Each person should be aware of the responsibility for the present and the future of the environment. Environmental education involves the upbringing, forming of lifestyle, values, family education and family life in general. Environmental education is a continuation of efforts of living beings to ensure their survival, it is the development and ensurance of safety for our children and grandchildren.

Keywords: ecological culture, biosphere, ecological outlook, environmental education.

References

1. Andreev M.D. *Ekologicheskaya kul'tura kak osnova garmonizatsii odnosheniy mezhdru obshchestvom i prirodoy* [Ecological culture as the basis of harmonization of relations between society and nature] *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Successes contemporary science]. 2009. № 7. pp. 143–145.
2. Burovskiy A.M. *Evolutsiya ekologicheskogo obrazovaniya* [The evolution of environmental education] *Ekologiya i zhizn'* [Ecology and Life]. 2006. № 2.
3. Vernadskiy V.I. *Biosfera i noosfera* [The biosphere and noosphere]. Moscow: Nauka, 1989. 261p.
4. Girusov E.V. *Ekologicheskaya kul'tura kak vysshaya forma gumanizma* [Ecological culture as the highest form of humanity] *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 2009. № 4. pp. 74–92.
5. Girusov E.V. *Ekologicheskoe obrazovanie v kontekste kul'tury* [Environmental education in the context of culture] *Filosofskie nauki* [Philosophy of science] 2006. № 4. pp. 129–138.
6. Glazachev S.N. *Ekologicheskoe osnovanie kul'tury mira* [Ecological base culture of peace.] *Ekologicheskoe obrazovanie* [Environmental education]. 2000. № 1.
7. Glazachev S.N. *Ekologicheskaya kul'tura i obrazovanie: ocherki istorii, teorii i praktiki* [Экологическая культура и образование: очерки истории, теории и практики]. Moscow, 1997.
8. Kavtaradze D.N., Brudny A.A. *Osnovy ekologicheskogo mirovozzreniya kak zadacha obrazovaniya dlya ustoychivogo razvitiya* [Fundamentals of environmental ideology as a problem of education for sustainable development] *Elektronnyy resurs* [Electronic resource]. <http://library.biom.kg/wp-content/uploads/2013/09/brudny-kavtaradze-osnovy-ekologicheskogo-mirovozzreniy.pdf>.
9. Kasimov N.S. *Ot ekologicheskogo obrazovaniya k obrazovaniyu dlya ustoychivogo razvitiya* [From environmental education to education for sustainable development] *Ekologiya i zhizn'* [Ecology and Life]. 2006. № 9.
10. Kolomina N.V. *Vospitanie osnov ekologicheskoy kul'tury* [Education foundations of ecological culture]. Moscow, 2006.
11. Krasnova E.V., Epova T. I., Shchukin V. P. *Ekologicheskaya kul'tura i ee rol' v ustoychivom razvitiy sistemy priroda – obshchestvo* [Ecological Culture and its role in sustainable development of nature – society] *Vektor nauki tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector science Togliatti State University]. 2012. № 2. pp. 65–68.
12. Marinchenko A.V. *Prioritet ekologicheskomu obrazovaniyu* [Priority Environmental Education]. Moscow: Feniks, 2008. 358 p.
13. Pechchei A. *Chelovecheskie kachestva* [Human qualities]. M.: Progress, 1980. 304 p.
14. Sennitskaya L.V. *Ekologiya kul'turnoy sredy kak osnovanie politicheskoy kul'tury obshchestva* [Ecology cultural environment as the basis of the political culture of the society] *Kul'turnaya politika Rossii: problemy i perspektivy. Kollektivnaya monografiya* [Cultural Policy in Russia: Problems and Prospects. collective monograph]. Moscow: MGUKI, 2012. pp. 44–48.
15. Sennitskaya, L.V. *Ekologicheskaya regional'naya politika* [Ecological regional policy] *Regional'naya kul'turnaya politika v mnogonatsional'nom prostranstve Rossii: problemy, praktika: Monograficheskiy sbornik* [Regional cultural policy in the multinational space of Russia: problems, practice: monographic collection] Moscow: MGUKI, 2014. pp. 79–87.
16. Fal'ko V.I., Kirilina T.Yu. *Ekologicheskaya kul'tura i нравственные ценности студенческой молодежи (опыт социологического анализа)* [Ecological culture and moral values of student youth (Experience of sociological analysis)]. *Vestnik MGUL – Lesnoy vestnik* [Moscow state forest university bulletin–Lesnoy vestnik]. 2011, № 2 (78). pp. 204–210.

ПРОБЛЕМА ПРАВ И СУБЪЕКТНОСТИ ПРИРОДЫ

В.И. ФАЛЬКО, проф., зав. каф. философии МГУЛ, канд. филос. наук,
Р.Р. ЛУКМАНОВ, асп. каф. философии МГУЛ

vfalco@yandex.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д. 1, МГУЛ

Идеи защиты природы и партнерских отношений человека и природной среды ставят вопрос о ее правах и субъектности. Юридическое понятие правосубъектности неприменимо к природе и поэтому исключает наличие у нее прав и партнерских отношений с ней. Научный объективизм, являющийся основой антропоцентризма, также отвергает идею субъект-субъектных отношений человека и природы и защиту ее прав. Натуроцентризм, уравнивающий человека с природными явлениями, отрицает субъектность самого человека. Эти крайности сходятся в техноцентризме и экоэтическом нигилизме, снимая с человека ответственность за природную среду. Позиция авторов опирается на альтернативные подходы: теоцентризм в философии и морали, эоцентризм в экологической этике, антропный принцип в науке, концепцию глубинного общения Г.С. Батищева и понимание субъекта С.П. Никаноровым как пары, состоящей из субъектности и ее носителя в лице человека или сообщества людей. Основные идеи авторской концепции: 1. Природа в целом заключает в себе человека как носителя субъектности и предстает исходным и всеобщим реальным субъектом мирового процесса. 2. Человек может рассматривать природные объекты и системы как якобы являющиеся носителями субъектности и могущие быть субъектами, и, на основе этой методологической подстановки, вступать с ними в партнерские отношения. 3. Субъектность может принадлежать как ее носителю, так и атрибутам человека и общества или объектам их деятельности. 4. Объект сам по себе обладает лишь виртуальной субъектностью, перенесенной на него человеком, и является мнимым субъектом. 5. Субъектность, перенесенная обратно с объекта на носителя, делает последнего объектом, придатком бессубъектной самодельствующей системы. 6. Традиционное понимание юридической правосубъектности природы не означает отсутствия у нее способности к правообладанию и субъектности вообще. Ответственным субъектом этих прав и свобод выступает человек как носитель субъектности.

Ключевые слова: теоцентрический и эоцентрический подходы, субъектность, носитель субъектности, антропный принцип, концепция глубинного общения.

Идеи защиты природы и партнерских отношений человека и природной среды ставят вопрос о ее правах и субъектности. Юридическое понятие правосубъектности неприменимо к природе и поэтому исключает наличие у нее прав и партнерских отношений с ней. Научный объективизм, являющийся основой антропоцентризма, также отвергает идею субъект-субъектных отношений человека и природы и защиту ее прав. Натуроцентризм, уравнивающий человека с природными явлениями, отрицает субъектность самого человека. Эти крайности сходятся в техноцентризме и экоэтическом нигилизме, снимая с человека ответственность за природную среду.

Можно, однако, выделить, по крайней мере, два типа мировоззрения, которые допускают субъектность и права природы. Это *теоцентризм*, предполагающий соработничество человека и Бога в овладении природой, взаимную любовь человека и природы, и *эоцентризм*, заключающий в себе идеал гармонии общества и природы, партнерских отношений человека и природной среды.

Отношение к субъектности человека и природы составляет основу различения типов экологического мировоззрения. На рисунке приведено графическое и символическое отображение типологии экологических воззрений, модифицирующее и дополняющее схему, опубликованную в предыдущих статьях одного из авторов настоящей работы, в том числе в этом журнале [1].

Типология дополнена полицентрическим мировоззрением, сочетающим черты моноцентричных воззрений и альтернативным ацентризму. Эти два типа экологического мировоззрения еще недостаточно теоретически осмыслены, однако можно предположить, что полицентризм, в тех или иных своих разновидностях, допускает субъектность природы. Ацентризм же, если признает субъектность и человека, и природы, по существу, совпадает с полицентризмом.

Может возникнуть сомнение в отношении признания субъектности природы в теоцентрическом мировоззрении, поскольку на схеме природе соответствует символ **О**. Но в христианстве и других монотеисти-

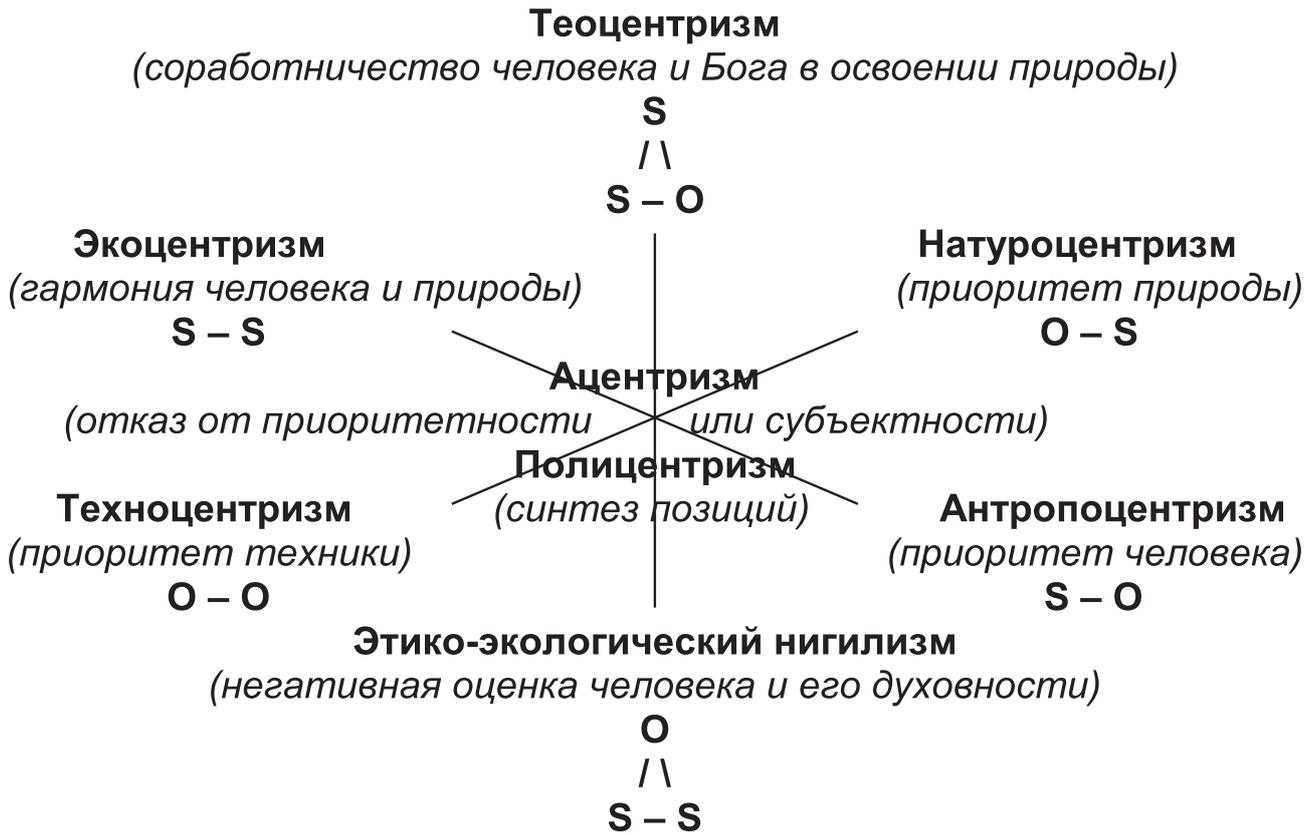

Рисунок. Типология экологических воззрений: S – субъект, O – объект
Figure. A typology of environmental views: S – entities, O – the object

ческих религиях Бог Творец воплощается в своем творении, в человеке и природе. Наделив человека даром свободы воли, Бог, тем самым, создает предпосылки для того, чтобы человек стал субъектом. Воплощенный в природе, Бог делает ее не только объектом своего правления миром, но и всеобщим субъектом происходящих во Вселенной естественных процессов.

Неверно было бы и полагать, что такое толкование монотеистического мировоззрения, в котором субъектность может быть присуща и Богу, и человеку, и природе, превращает его в полицентризм. Свобода воли Творца абсолютна, свобода же воли человека тварна и относительна, а свобода в природе потенциальна, ее носителем является Бог. Поэтому, усматривая субъектность в человеке и природе, мы не вступаем в противоречие с монотеизмом. Это не означает, правда, что все теологи и религиозные философы, придерживающиеся монотеистической веры, признают субъектность природы, но это предмет отдельного разговора.

Как возможно экоцентричное мировоззрение, не основанное непосредственно на монотеизме? Исторический анализ формирования типов экологических воззрений показывает, что нерелигиозный экоцентризм имеет опосредованные истоки в монотеизме, подобно тому, как светская этика основана на религиозной. Обращение к истории философии дает образцы такого мышления, которое выражало идею субъектности природы задолго до создания основ экологической этики O. Леопольдом, возникновения биоэтики и современных разновидностей экоцентрического мировоззрения.

Так, В.С. Соловьев в своей статье «Еврейство и христианский вопрос», опубликованной в 1884 г. в журнале «Православное обозрение», писал: «Когда своекорыстие не будет царить в общественных отношениях между людьми, оно перестанет господствовать и в отношениях человека к природе. И в теократии материальная природа будет служить человеку, и гораздо больше, чем теперь, но это служение будет основано на

обоюдной любви. Природа с любовью подчинится человеку, и человек с любовью будет ухаживать за природой» [2].

В неявном виде теистические основания идеи субъектности природы проявляются в философских трудах ученых и мыслителей советской эпохи. Так, С.Л. Рубинштейн в философской книге «Бытие и сознание» (1957) писал: «Исходный реальный субъект всех “онтологических” понятийных характеристик это Мир, Космос, Вселенная» [3]. Идею субъектности природы советский психолог развивает не только в философских сочинениях, но и в трудах по психологии. В книге «Проблемы общей психологии» он пишет, что сведение «бытия только к вещиности» ложно и опасно... Ведь «если... состав объективного бытия сводится только к предметности, к вещиности, из него исчезает сознательный субъект, личность, люди». «Вышележащие» уровни бытия, в том числе человек-субъект, дезонтологизируются. И тогда даже «из учения о категориях», в том числе даже из учения о действительности, выпадает человек». «Человек как субъект должен быть включен в состав бытия (и соответственно категориальную систему философии)... как субъект жизни» [4].

Идеи С.Л. Рубинштейна о субъектности человека и природы имеют значение не только для экологического сознания, но и для понимания отношения человека и мира вообще: «Стоит вопрос не только о человеке во взаимоотношении с миром, но и о мире в соотношении с человеком как объективном отношении» [4]. Можно сказать в связи с этим, что предметом и основным вопросом философии и мировоззрения является не только отношение человека к миру, но и отношение мира к человеку. И еще до того, как было сказано, что «биоэтика спасла философию», путь к этому спасению указали мысли советского ученого, выраженные в материалистической форме, но в глубинном основании которых видится теоцентрическое миропонимание.

Исходя из вынужденно скрываемых в советский период теистических взглядов и, опираясь на идеи С.Л. Рубинштейна, кон-

цепцию субъектности природы развивал философ Г.С. Батищев. По свидетельству А.Н. Кочергина, еще в 1961 г. Батищев в частной беседе высказывал ему мысль о том, что к природе нужно относиться не только как объекту, но как субъекту. Позже, в депонированной рукописи «Введение в диалектику творчества» (1984) он воплощает этот принцип в концепции глубинного общения человека и мира, природы и человека, в которой закладываются, в частности, философские основания экологизации науки.

«Ныне всякая сколько-нибудь серьезная «лестница» проблем приводит к проблемам глобальным и универсально-экологическим. Ни одна сфера культуры, ни одна существенная отрасль науки не остается в стороне от общего движения, ставящего нас лицом к лицу со всей природой, со всей Вселенной как великим партнером, с которым мы еще не научились, – но должны! – быть в отношениях взаимности и взаимодействия на всех уровнях бытия. Сегодня усваивать диалектику – это значит также способствовать *экологизации* науки, нашего кругозора, наших ценностей» [4]. При этом, говоря об отношениях взаимности с природой, Батищев ссылается на книгу «Современные проблемы взаимодействия общества и природы» (1974) другого советского философа – Ю.К. Плетникова.

Очень важной в методологическом отношении и в связи с обсуждаемой нами проблемой является разработка Г.С. Батищевым философских оснований теории гармонической системы. В цитируемой здесь книге он показывает, что господствующие в науке системные идеи относятся преимущественно к органическим, а не гармоническим целостностям. Органические системы, не обладающие субъектностью и внутренней свободой своих элементов, ограничены и в возможностях своего развития и сохранения собственной целостности.

«Только вся эта органическая система в целом... может притязать здесь быть *субъектом* своего саморазвития.

Иначе обстоит дело внутри *гармонической* системы. ...Степень их [содержаний]

своеобразия достаточно велика, чтобы дать возможность каждому содержанию быть *субъектом* своего саморазвития. Тогда как внутри органической системы субъектность у всякого входящего в него содержания подвергается неизбежной редукции к некоторым объектным, точнее – к объектно-вещным формам (например, ролевым), – внутри системы *гармонической*... такой редукции нет. Поэтому здесь возможны отношения между другими субъектами без преобладания, без привилегий, без монополии для одних и без отрицания других, а тем самым и первых» [4, с. 48].

Разработка и применение теории гармонической системы будет иметь значение для решения проблемы субъектности не только природы, но также культуры и техники, к чему мы еще вернемся. Теория гармонической системы, иначе именуемой полифонической, рассматривается нами и как одно из оснований разрабатываемого системно-диалогического (или системно-синергического) подхода, о чем говорилось в статье, опубликованной в «Вестник МГУЛ–Лесной вестник» № 5(97), 2013 .

Выражая суть гармонического отношения человека и мира формулой S–O–S, Батищев отмечает, что ей исторически предшествуют формула S–O, выражающая антропоцентристский взгляд, и альтернативная ей идея человека как объекта по отношению к природе как субъекту: O–S. При этом он ссылается, прежде всего, на работы И.Б. Новика.

Труды Г.С. Батищева и И.Б. Новика, а также частные беседы с ними, вероятно, повлияли на формирование взглядов одного из авторов настоящей статьи на отношения человека и мира. Они воплотились в принципе субъект-субъектных отношений человека и природы, получившем разработку в работе, впервые опубликованной в 1991 г. и перепечатанной в «Лесном вестнике» в 2011 г. Здесь идея субъектности природы рассматривается как методологическая подстановка, в которой воплощается нравственно-понимающее отношение к природе, уже отмечавшееся в литературе.

«Антропный принцип в научном познании и неантропоморфная метатехника формируют отношение человека к миру объектов как к **своему** иному, причем не в метафизическом противопоставлении разумной и неодухотворенной материи, не в противостоянии субъекта объекту, а в диалектическом понимании его как **иного** субъекта. На этой основе может возникнуть новое, субъектно-субъектное нравственно-понимающее отношение людей к явлениям природы. При этом реальным субъектом этого отношения является человек, независимо от того, верит ли он в реальность существования стоящего за этими природными явлениями сознательного субъекта или нет» [5].

Идея субъектности природы получила дальнейшую разработку в учебнике «Основы экологической этики» (2008), изданного под эгидой ЮНЕСКО в Минске (руководитель международного коллектива авторов Т.В. Мишаткина). Среди принципов и императивов экологической этики идея субъектно-субъектных отношений с природой ставится здесь на первое место.

«*Принцип субъект-субъектных отношений человека и природы* – безусловно, важнейший принцип экоэтики, связанный с неантропоцентристским отношением человека к природе и вытесняющий традиционные отношения, в которых природа воспринималась как *объект*: объект воздействия, использования и даже заботы. Этико-методологическим основанием данного принципа является ориентация на общение человека с миром природных явлений как с *Иным субъектом*» [6].

И все же, несмотря на то, что данный принцип получил за последние четверть века определенное признание, остается распространенным его непонимание и неприятие. Некоторые отечественные и зарубежные философы подвергают идею субъектности природы и наделение ее ценностными характеристиками резкой критике. Так, В.А. Канке, критикуя идеи О. Леопольда и Х. Ролстона, III о том, что природа сама в себе содержит свое ценностное начало, пишет: «Сама по себе природа не обладает ценностями и не

ставит перед собой каких-либо целей. Это хорошо известно из естествознания. Когда же ценности приписываются самой природе, то совершается антропологическая ошибка, ибо человек навязывает свою собственную специфику природе и тем самым уподобляет ее себе. Налицо грубый методологический прием – интерпретация специфики природных систем по аналогии со своеобразием человека» [7].

Такого рода критика основана на объективистском отношении к природе, исключаящем, по сути, диалогичку как методологию ее освоения человеком. Отвергая «антропоцентризм в его негативных качествах» [7], В.А. Канке считает, что «прагматические природоориентированные науки не возрождают антропоцентризм, а преодолевают его единственно возможным образом» [7]. Если прагматизм – единственная альтернатива антропоцентризму, то с этой точки зрения возможна лишь одна формула отношений человека и природы: S–O, общая для этих мировоззренческих установок. Они различаются лишь степенью принуждающего воздействия субъекта (человека) на объект (природу).

Поэтому, как бы ни преуспевал человек в способности «воплощать в ней свои собственные, надприродные ценности... благодаря таким прагматическим наукам, как экология», все более новые и мощные средства овладения природой будут неизбежно разрушать ее все более масштабно и глубоко. И в той мере, в какой человек принадлежит природе, он будет разрушать и свою натуру. А в той мере, в какой отказывается от изначально присущего человеку духовного общения с природой, он будет продолжать уничтожать и свою духовность. Общество и природная среда будут не партнерами, а противоборствующими сторонами, какими бы благими намерениями и высокими «собственными надприродными ценностями» мы ни руководствовались.

Но апелляции к будущему и к мировоззренческим, нравственным и философским идеям не могут служить объективными аргументами в споре. Тем более, когда

речь идет о полемике с позицией, согласно которой экологами «не следует надеяться на философов, равно как и на теологов, а надо положиться на свои собственные силы», и что необходимо не сообразование экологии с этикой, а «приспособление традиционных этических систем к нуждам экологии» [8]. В этом, по Канке, состоит переход «от экзогенной к эндогенной экоэтике».

В теоретических дискуссиях главное – не победа одной стороны над другой, а достижение взаимопонимания и преодоление слабостей в каждой из позиций. Поэтому, говоря о диалогическом, субъектно-субъектном отношении к природе, общении с ней, следует уточнить понятия. Оставляя обсуждение понятия ценностей в отношении к природе для других публикаций, попробуем здесь внести уточнения в соотношение терминов «субъект» и «субъектность». В этом отношении представляется конструктивной точка зрения С.П. Никанорова. Приведем его определения обсуждаемых понятий:

«**Субъектом** называется пара, состоящая из **субъектности** и **носителя субъектности**...

Субъектность представляет собой сложное понятие, атрибутами которого являются **выбор, интересы субъекта, возможности субъекта и отношение между интересами и возможностями**» [9].

Является ли природа носителем субъектности? Если мы настаиваем на субъектности природы, то, казалось бы, положительный ответ очевиден. Но он противоречит определению носителя субъектности, которое дает С.П. Никаноров: «Носителем субъектности может быть физическое лицо, группа физических лиц, юридическое лицо, которое может быть одним лицом, группой лиц, организацией, которая выступает как целое. Сами по себе физическое лицо, группа лиц, организация, юридическое лицо без субъектности не являются ни носителями субъектности, ни субъектами. Субъектами они становятся постольку, поскольку сами наделены или располагают субъектностью» [9].

Согласно этому положению, субъектом может быть только человек, группа (общество) людей, человечество в целом, а природа является всеобщим субъектом лишь потому, что включает в себя человека. Но тогда межсубъектное общение человека и природы, субъект-субъектное отношение общества к природной среде сводится к отношениям между людьми. В чем тогда смысл различения субъектных конструктов – субъектности и ее носителя? Не гипостизируем ли мы абстракцию, можно ли себе помыслить существование субъектности без того, на чем она реализуется?

Автор рассматриваемого подхода, относящегося к теоретико-системным конструктам, предлагает уйти от тех философских вопросов, которые мы здесь поставили: «Разработка теоретико-системных конструктов ориентирована на решение прикладных задач. Поэтому следует оставить в стороне философские вопросы «об отношении человека и мира...» [9]. Но нам представляется, что понятия конструктов помогут разобраться и в мировоззренческих, и методологических аспектах нашей проблематики.

Трудности, с которыми мы сталкиваемся, связаны с такими отношениями человека и мира, которые не сводятся к отношениям частей внутри целого и отношениям части и целого. Первые, согласно определению А.Ф. Лосева, составляют предмет формальной логики, вторые – предмет феноменологии. Предметом же философии, диалектики являются отношения между целостностями. Существуют и такие теории систем (например теория холонов), которые рассматривают отношения элементов и системного целого как межсистемные. Конструкты же, о которых мы говорили, есть части, не выступающие в качестве целостных образований, систем.

Можно сказать, что представление о природе, противостоящей человеку и обществу как лишенная разума, свободы воли, духовности, есть бессубъектный конструкт, который создает и которым может располагать разве только Творец до последнего дня творения, когда был создан человек. С точки

зрения христианства, как и современной науки, мир, в котором нет носителя свободной воли, не может существовать как устойчивая вселенная. Уже основоположники марксизма утверждали, что материальный мир не может существовать без мыслящего духа. Но доставшиеся нам от эпохи Просвещения теории, не нуждающиеся, по словам Лапласа, в гипотезе Бога, до сих пор питают иллюзии природы, способной существовать и без человека.

На наш взгляд, носителем субъектности и, следовательно, всеобщим субъектом, по словам С.Л. Рубинштейна, является мир в целом. В отличие от частного, локального субъекта в лице человека, он обладает не локальностью благодаря распределенным в природе проявлениям субъектности, привносимой бесчисленным множеством ее локальных носителей. Природные же системы, являющиеся локальными, конечными, могут быть бессубъектными или обнаруживать признаки субъектности, носителями которых являются общество, человек или, в религиозных учениях, прежде всего – Бог Творец. Однако взятые «сами по себе», локальные природные конструкты могут быть лишь виртуальными носителями субъектности и, соответственно, *виртуальными* субъектами. В этом смысле мы и говорим о методологической *подстановке* сопряжденного Иного как носителя субъектности в природе.

Особо следует выделить такие конструкты, как вторая природа, т. е. искусственный мир, и природную среду, т. е. включенную в сферу человеческой жизнедеятельности часть природы. Они, как технические и техноподобные конструкты, по определению Никанорова, являются субъектно-объектными системными конструктами. Здесь бессубъектные конструкты становятся объектами, став стороной в отношениях с конструктами субъекта. Добавим, что и субъект конституируется, став стороной в отношениях с бессубъектным конструктом.

С позиций разработки и применения теоретико-системных конструктов, субъект-субъектные отношения и соответствующие

системные конструкты могут иметь место только в человеческом обществе. В нашем же аспекте – философском и связанном с экологическим мировоззрением, субъект-субъектные отношения возможны и в отношениях с природой как целым и с теми или иными ее частями, обнаруживающими проявления субъектности.

Причем, если речь идет об искусственных или измененных человеком природных конструктах, то человек частично переносит на них свою субъектность, делая их ее виртуальными носителями. Но, чтобы стать виртуальными субъектами, эти конструкты должны стать стороной в отношениях с бессубъектными частями социоприродного целого. Ими могут выступать локальные природные образования или, с другой стороны, люди. И чем большую долю своей субъектности человек передает второй природе или природной среде, тем в большей степени он становится бессубъектным конструктом и потенциальным объектом для виртуального субъекта. Но последний, в результате превращения человека в его придаток, теряет источник своей субъектности и сам становится бессубъектной самодействующей машиной. Итогом этого циклического процесса может быть утрата человеком последних остатков своей свободы, а природой (и вместе с ней человеком и обществом) – своего бытия, о чем говорил М. Хайдеггер. И, в конечном счете, будущее мира предстает в том виде, который рисовал Ж. Бодрийар: это имплозия (втягивание, «всасывание») в виртуальность, в которой не будет ни материи, ни духа, ни человека, ни Бога, а останутся лишь ничего не значащие символы и знаки – пустые элементы, совершающие бессмысленное кругообращение.

Если нас не устраивает подобная перспектива, нужно защищать человека и природу в их субъект-субъектном общении и партнерском единстве. А это значит – защищать их *права*, что предполагает не только философский и нравственно-этический аспект рассмотрения проблемы отношения человека и природы, но и правовой, юридический.

В этом отношении в национальных и международных системах права, в мировой правоприменительной практике сделаны лишь первые шаги. Примером защиты прав природы на глобальном уровне может служить Всемирная декларация прав животных, утвержденная в штабе ЮНЕСКО в 1978 г., пересмотренная в 1989 г. и опубликованная Международной лигой прав животных в 1990 г. [6]. Но этот текст является именно декларативным и не является официальным документом. Принят также ряд конвенций по защите живого в природе, не являющихся, однако, документами, защищающими *права* живого. То же можно сказать и о национальных актах защиты живого природных экосистем, в т. ч. принятых в РФ. Что же касается неживой природы, природной среды в целом, то о юридическом закреплении ее прав речи либо не ведется, либо такие идеи не принимаются юристами и законодателями всерьез. Экологическое право как на национальном, так и на международном уровне, защищает, в лучшем случае, права человека по отношению к природе, рассматривая природную среду и живых существ лишь как объекты права, в частности, объекты собственности. Чем это объясняется?

Причина практического отсутствия юридической защиты прав природы заключается в том, что она не является субъектом права. Действительно, и ребенку понятно, что природные системы и животные существа не могут отвечать перед обществом и государством за совершаемые ими действия по законам, установленным людьми. Но можно задать вопрос: почему существует защита прав ребенка, не обладающего, до достижения определенного возраста, правосубъектностью, но нет юридических оснований для защиты прав природы? За деяния ребенка отвечают взрослые – родители или опекуны. А кто должен отвечать не только перед обществом, но и перед природой, за то, что происходит в окружающей среде в результате нелокальных, распределенных и потому обезличенных, воздействий на нее человека и общества? Природа – не субъект права, и перед ней никто не ответствен

в юридическом смысле – примерно такова позиция защитников правовой системы от предложений и требований по защите прав природы.

Попытки разработки международных актов по защите прав природы, пока что декларативных, предпринимаются и на уровне ЮНЕСКО. Так, в «Декларации принципов, касающихся изменения климата», разрабатываемой уже несколько лет в рамках этой всемирной организации, предлагается дополнить принцип защиты прав человека, закрепленный во Всеобщей декларации прав человека, «признанием и обоснованием **защиты прав природы**. Оспариваемый рядом специалистов, он должен предполагать заботу человека как мыслящего и наделенного речью существа о соблюдении **основных прав природы и природных объектов** как их *право на жизнь; на естественную свободу и благополучие в естественной среде обитания; на необходимую для их жизни долю земных благ; на защиту от страданий по вине человека (право не подвергаться нанесению повреждений, не испытывать боль, страх, стресс); на отсутствие ответственности перед человеком*» [10].

На наш взгляд, отсутствие правосубъектности у природной среды, живых существ и экосистем не означает отсутствия у них отношений правообладания. Эти вопросы требуют дальнейшей теоретической разработки в плане обоснования наличия прав у природы, живых существ и естественных систем, переосмысления понятий субъектности природы не только в философском плане, но также в нравственном и правовом аспектах.

Говоря об экологической и правовой культуре, нельзя не вспомнить о том, что и культура в современном обществе оказывается в бесправном положении. Так, внесенный Россией в ЮНЕСКО проект «Декларации прав культуры», разработанный юристами, философами и культурологами на основе документа, написанного в 90-е годы академиком Д.С. Лихачевым, был отклонен. Основание – то же, что и в отношении

прав природы: культура неправосубъектна, она может быть только объектом правовых отношений. Речь может, мол, идти только о правах человека в отношении культуры. Эти вопросы разрабатываются в литературе, обсуждаются в отечественных юридических изданиях в том числе.

На наш взгляд, к постановке и поиску решения проблемы прав культуры, в том числе экологической, могут быть применены подходы, рассмотренные в настоящей статье, но эти вопросы требуют самостоятельного рассмотрения.

Из изложенного в отношении проблемы прав природы могут быть сделаны следующие выводы. Основными идеями, которые позволяют поставить проблему субъектности и защиты прав природы и искать пути ее разрешения, являются следующие положения.

1. Природа в целом включает в себе человека как носителя субъектности и предстает исходным и всеобщим реальным субъектом мирового процесса.

2. Человек может рассматривать природные объекты и системы как якобы являющиеся носителями субъектности и могущие быть субъектами и, на основе этой методологической подстановки, вступать с ними в партнерские отношения.

3. Субъектность может принадлежать как ее носителю, так и атрибутам человека и общества или объектам их деятельности.

4. Локальные природные системы и их части, объекты сам по себе обладают лишь виртуальной субъектностью, перенесенной на них человеком, и являются мнимыми субъектами.

5. Субъектность, перенесенная обратно с объекта на носителя, делает последнего объектом, придатком бессубъектной самодействующей системы.

6. Традиционное понимание юридической неправосубъектности природы не означает отсутствия у нее способности к правообладанию и субъектности вообще. Ответственным субъектом этих прав и свобод выступает человек как носитель субъектности.

Библиографический список

1. Фалько, В.И. Типология экологических воззрений / В.И. Фалько // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 2013. – № 5(97). – С. 58–67.
2. Соловьев, В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. / В.С. Соловьев. – М.: Правда, 1989. – С. 206–256.
3. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2012. – 288 с.
4. Батищев, Г.С. Введение в диалектику творчества / Г.С. Батищев. – СПб: РХГИ, 1997. – 464 с.
5. Фалько, В.И. Этические перспективы экологического сознания / В.И. Фалько // Экологические проблемы в условиях перестройки // Сб. тр. Вып. 11. – М.: ВНИИСИ, 1991. – С. 23–29.
6. Экологическая этика: учебное пособие / Т.В. Мишаткина, С.П. Кунде, Р.Г. Апресян, А.В. Барковская и др.; под общ. Ред. С.П. Кундаса и Т.В. Мишаткиной. – Минск: МГЭУ им. А.Д. Сахарова, 2011. – 278 с.
7. Канке, В.А. Философия науки: краткий энциклопедический словарь / В.А. Канке. – М.: Омега-Л, 2008. – 328 с.
8. Канке, В.А. Современная этика: учебник / В.А. Канке. – М.: Омега-Л, 2007. – 394 с.
9. Никаноров, С.П. Теоретико-системные конструкты для концептуального анализа и проектирования / С.П. Никаноров. – М.: Концепт, 2008. – 312 с.
10. Мишаткина, Т.В. Эколого-этические аспекты глобального изменения климата / Т.В. Мишаткина // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 2011. – № 2 (78). – С. 7–12.

THE PROBLEM OF NATURE'S RIGHTS AND LEGAL PERSONALITY

Falko V.I., Prof. MSFU, Ph.D. (Philosophy); Lukmanov R.R., pg., MSFU

vfalco@yandex.ru, caf-phil@mgul.ac.ru

Moscow State Forest University (MSFU) 1st Institutskaya st., 1, 141005, Mytischki, Moscow reg., Russia

The ideas of protection of nature and that of partnership relations between people and natural environment raise the question of nature's rights and its legal personality. The jurisprudential notion of legal personality cannot be used as far as nature is concerned; so, it excludes nature's rights and any partnership relations between people and nature. Scientific objectivism which forms the basis of anthropocentrism also rejects the ideas of subject-subject relationship between people and nature and that of the protection of nature's rights. Nature-oriented scientific approach which makes people and nature equal denies individual's legal personality. These antagonistic approaches converge in technocentrism and in ecological and ethical nihilism which downplays people's responsibility for the protection of nature. The authors' point of view is based on the alternative approaches, i.e., theocentric approach in philosophy and ethics, eco-centric approach in ecological ethics, anthropic principle in science, a concept of implicated communication developed by G.S. Batischev and S.P. Nikanorov's concept of a legal person as a couple which consists of a legal personality and its repository represented by an individual or a community of people. The main ideas of the authors' conception are: 1) Nature involves an individual as a legal personality repository and, thus, it becomes an original and universal legal person of the global processes. 2) An individual can consider environmental objects and systems to be some would-be legal personality repositories or some would-be legal persons and, as a result, can build up some partnership relations with them. 3) Legal personality may belong both to its repository and to some attributes of an individual or a community, or to some objects to which their activity can be directed. 4) An object on its own has only a virtual legal personality transferred on it by an individual and, thus, it is an imaginary legal person. 5) Legal personality which is transferred back from an object on its repository makes the latter an object or an appendage of a subjectless self-actuated system. 6) The traditional conception that nature lacks legal personality doesn't mean that it really lacks legal capacity and legal personality, in general. A responsible legal person who provides nature's rights and liberties is only an individual as a legal personality repository.

Key words: theocentric approach, eco-centric approach, legal personality, a legal personality repository, anthropic principle, a concept of implicated communication.

References

1. Fal'ko, V.I. *Tipologiya ekologicheskikh vozzreniy* [Typology of environmental views]. Moscow state forest university bulletin–Lesnoy vestnik. 2013. № 5 (97). pp. 58–67.
2. Solov'ev, V.S. *Soch. v 2 t. T. I* [Works in 2 v. V. 1.]. Moscow: Pravda, 1989. pp. 206–256.
3. Rubinshteyn, S.L. *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. St. Petersburg: Piter, 2012. 288 p.
4. Batischev, G.S. *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* [Introduction to the dialectic of creativity] Sanct-Petersburg: Izd-vo RKhGI, 1997. 464 p.
5. Fal'ko, V.I. *Eticheskie perspektivy ekologicheskogo soznaniya* [Ethical perspectives of ecological consciousness] *Ekologicheskie problemy v usloviyakh perestroyki. Sb. trudov. Vyp. 11.* [Environmental problems in terms of restructuring. Coll. works. Vol. 11]. Moscow: VNIISI, 1991. pp. 23–29.
6. *Ekologicheskaya etika: ucheb. Posobie* [Environmental Ethics: a tutorial]. Minsk: MGEU, 2011. 278 p.
7. Kanke, V.A. *Filosofiya nauki: kratkiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy of science: a brief encyclopedic dictionary] Moscow: Omega-L, 2008. 328 p.
8. Kanke, V.A. *Sovremennaya etika: uchebnik* [Modern ethics: a textbook] Moscow: Omega-L, 2007. 394 p.
9. Nikanorov, S.P. *Teoretiko-sistemnye konstrukty dlya kontseptual'nogo analiza i proektirovaniya* [Theoretic system constructs for conceptual analysis and design] Moscow: Kontsept, 2008. 312 p.
10. Mishatkina, T.V. *Ekologo-eticheskie aspekty global'nogo izmeneniya klimata* [Ecological and ethical aspects of global climate change]. Moscow state forest university bulletin–Lesnoy vestnik, 2011. № 2 (78). pp. 7–12.

СОЦИАЛЬНАЯ БИОЭТИКА В СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНФИГУРАЦИИ

Т.Н. ЦЫРДЯ, проф. каф. философии и биоэтики Государственного университета медицины и фармации им. Н.А. Тестемицану Республики Молдова, г. Кишинэу, д-р филос. наук

tirdea_teador@mail.ru

Государственный университет медицины и фармации им. Н.А. Тестемицану
Республики Молдова, MD 2004, Кишинэу, бул. Штефан чел Маре, 165

Стратегия устойчивого и безопасного развития общества располагает в настоящее время множеством методов разработки, а также немалым инструментарием для реализации. В данной статье на основе системно-деятельностного подхода предлагается особая интерпретация роли и места социальной биоэтики в формировании стратегии выживания современной цивилизации. Социобиоэтика трактуется в новом ракурсе нетрадиционно как специфический и неординарный научный феномен, изучающий степень биоэтизации социума и уровень адаптации биоэтики к фрагментам социальной реальности в их тесной взаимосвязи и взаимодействии. Доказывается, что именно биоэтизация социума и адаптация биоэтики, способствуя уменьшению и ограничению биоэтического плюрализма и постепенному, поэтапному становлению глобальной биоэтики, составляют на данном этапе развития социума сущность и содержание этической составляющей стратегии устойчивого и безопасного развития современной цивилизации. На уровне человеческих отношений адаптация определяется через способность одних людей вести диалог с другими и, конечно, понять, корректно интерпретировать друг друга, вместо того чтобы отвергать. Здесь уместным было бы наличие особой, биоэтической толерантности. Биоэтизация социума определяется как деятельность, направленная на внедрение методологических и моральных постулатов в социальную среду. Для того чтобы биоэтизация «работала» более эффективно на стратегию выживания, должна состояться трансформация биологической этики в глобальную биоэтику. Это существенно ограничит моральный плюрализм и напрямую приведет к усилению позиций биоэтики в планетарном масштабе, расширению нравственной гармонизации отношений между людьми и более прочному становлению стратегии безопасного и устойчивого развития.

Ключевые слова: стратегия выживания, социальная биоэтика, биоэтизация социума, адаптация биоэтики, системно-деятельностный подход, биосоциум, глобальная биоэтика, безопасное и устойчивое развитие.

Стратегия устойчивого и безопасного развития современного человечества, то есть обоснование и обеспечение социоприродной эволюции, в том числе и морального покровительства всего живого в масштабах всей биосферы в целом, разрабатывается сегодня мировым сообществом в различных ипостасях и ракурсах, направлениях и объемах. Среди важнейших инструментов реализации этой задачи, наряду с информатизацией [1, 2] и интеллектуализацией общества [3], его экологизацией [4, 5], глобализацией [6] и ноосферизацией [7, 8], логичным является в настоящее время и обращение к механизмам социальной биоэтики в решении этой наисложнейшей и наиважнейшей проблемы современности. Речь идет о том, что, во-первых, научный феномен «социальная биоэтика», сущность и содержание которого до недавнего времени практически не изучались (даже термина такого не было в соответствующей литературе), сможет сыграть революциони-

зирующую роль в становлении ноосферы (и ноосферного общества), в изучении и внедрении механизмов безопасного и социоприродного развития. Во-вторых, сегодня мы обязаны практически конкретно, на практике развивать учение Вана Ранселера Поттера о биоэтике (в широком смысле этого слова) как науке выживания, о чем он впервые писал еще в начале 70-х гг. прошлого века в известной книге «Биоэтика: мост в будущее», первая глава которой называется «Биоэтика – наука выживания» [9]. (Свою первую статью по биоэтике, опубликованную в 1970 г., этот великий гуманист XX в., тоже назвал «Биоэтика – наука выживания»).

Рассуждая о проблемах обеспечения безопасного развития, В.Р. Поттер пишет: «Человечество нуждается в соединении биологии и гуманистического знания (разнообразного по своему происхождению), из которого предстоит выковать науку выживания и с ее помощью установить систему

приоритетов» [9]. Когда политические решения принимаются без учета биологических знаний, то они (решения) подвергают опасности будущее мировых биоресурсов, необходимых человеку, и тем самым – будущее человека. Однако, пишет далее В.Р. Поттер, сумма всех наших отдельных инстинктов недостаточна для того, чтобы гарантировать выживание человеческого рода. Для решения проблемы необходимо развивать «науку выживания, в основе которой должна лежать новая этика – Биоэтика» [9]. Здесь мы не просто должны, но обязаны расшифровывать эту новую этику, этику междисциплинарную, состоящую из множества компонентов. Остановимся на кратком теоретико-методологическом анализе одного из неординарных типов биологической этики – *социальной биоэтики*, которой принадлежит особая роль в реализации стратегии выживания.

Нами уже было доказано, что социобиоэтику нельзя односторонне рассматривать лишь как социальную сторону, или социальную составляющую биологической этики, хотя это и очень заманчиво. Невозможно также определить этот социофеномен посредством родового или видового отличия, ибо социальная биоэтика по своей сути – это не вид биоэтики, выделяемый на основе четко выраженных формальных критериев (или признаков). Социобиоэтика – это нечто иное, не связанное с типологическим подходом к классификации феноменов (систем) [10]. Необходимо искать новые подходы, новые методы в раскрытии сути этого неординарного социального явления.

Ключевым моментом, исходя бесспорно, и прежде всего, из требований стратегии выживания человечества, в выявлении сущности и содержания социальной биоэтики становится необходимость поиска особых нюансов в процессах, происходящих при «столкновении» (пересечении) социума и биоэтических знаний, при взаимодействии социосферы и моральных принципов (норм и правил) биологической этики. На их стыке возникает системно-синергетический эффект, следовательно воз-

никают новые феномены особой природы, которые сегодня не исследованы, т. е. не определено их значение для стратегии безопасного развития общества.

Общество и биоэтика как открытые, нелинейные и самоорганизующиеся системы постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга. Так, общество, биоэтизируясь, постепенно все более социализируется под влиянием биоэтических знаний. В свою очередь, биологическая этика, сталкиваясь с социумом и контактируя с его членами, под давлением социокультурных традиций и обычаев, религиозных догм и национальных особенностей и т. п., все более адаптируется к фрагментам социосферы, т. е. социокультурно приспособляется к духовным ценностям данного сообщества, к этическим и даже правовым нормам того или иного государства, региона мира и т. п. При этом мы становимся свидетелями возникновения и становления двух новых необычных взаимопротивоположных процессов (и механизмов) социокультурной природы – *биоэтизации общества и адаптации биоэтики*, роль которых в разработке стратегии безопасного развития цивилизации неопределима, а поэтому их следует тщательно изучать, изыскивать способы их оценки и даже количественного измерения [17].

Биоэтизация социума и адаптация биологической этики, будучи специфическими социокультурными процессами, характеризуются качественными и количественными показателями. При этом трудно, скорее даже невозможно, установить их точное соотношение: оно постоянно варьирует от страны к стране, от региона к региону, от одного исторического периода к другому, от одной религиозной конфессии к другой и т. д. В условиях глобального антропоинвайронментального кризиса расширяется «поле деятельности» как биоэтизации социума, так и адаптации биоэтики, умножаются качественные факторы, влияющие на безопасное и устойчивое развитие социума, и минимизируются количественные.

Уже сама по себе максимизация качественных биоэтических факторов в стратегии социоприродного и устойчивого развития при минимизации количественных является сложнейшей биоэтической задачей в контексте разработки стратегии выживания человечества. Именно «биоэтизация» выступает при этом в качестве неограниченного ресурса, не обнаруживающего тенденции к уменьшению за счет свойств идеальности своего содержания. При этом в стратегии безопасного развития общества этот количественный, в том числе и качественный рост содержимого феномена биоэтизации социума вряд ли целесообразно представлять лишь в виде процесса непрерывного накопления каких-то неизменных «единиц» биоэтической информации (норм, правил, моральных принципов). Накопление действительно происходит, но не в виде сугубо кумулятивного процесса, то есть в ходе преобразования как хранимой, так и вновь поступающей и производимой биоэтической информации, а в ином аспекте. Скорее всего, это – модель «биоэтической модификации социума», когда вновь производимая, поступающая и переработанная биоэтическая информация не только добавляется к хранимой, но и существенно обновляет ее, в соответствии с существующими традициями данного фрагмента социальной действительности, императивами обеспечения ее безопасного развития.

Очевидно, при этом, что для биоэтизации общества важнейшей является непосредственно моральная информация, содержание которой составляют ее принципы и законы, правила и нормы, а также наукоемкие планетарные технологии для распространения их в социальном пространстве. Иначе говоря, биоэтизация социума определяется нами *как деятельность, направленная на внедрение методологических и моральных постулатов в социальную среду*, со всеми вытекающими отсюда последствиями и, прежде всего, с целью дальнейшего совершенствования процессов социализации общества.

В деятельностном процессе биоэтизации во взаимодействие вступают все

компоненты деятельности, то есть субъект, объект, средства, потребности, условия, цели, результаты и т. д. Появление разнообразных требований и принципов биологической этики и внедрение их в социосферу, и прежде всего в биомир, ведет к модернизации и даже трансформации всей системы деятельности человека, в которую «вписывается» биоэтика. Именно эти новые механизмы, присущие биоэтизации, оказываются революционизирующими элементами, вызывающими кардинальные изменения в процессе разработки стратегии выживания. Добавим к этому: для того чтобы биоэтизация «работала» более эффективно на стратегию выживания, она «обязана» способствовать формированию адекватного биоэтического сознания у большинства граждан той или иной части мира, а возможно и всей планеты. Она должна модифицироваться в такой инструментарий, который придал бы биоэтике планетарные черты, способствовал на деле преодолению существующего в мире морального плюрализма. Иначе говоря, должна состояться трансформация (поэтапная) этики биологической в *глобальную биоэтику*, что не так просто, но явно необходимо.

На этом этапе реализации стратегии выживания биоэтика планетарного развития перемещается в другую плоскость – возникновения и становления глобализированной биологической этики «как движение культуры к более жизненным утопиям с целью выживания» [11]. Подобное может состояться, если биоэтизация общества и адаптация биоэтики к фрагментам социальной действительности будут едины в проявлениях и будут оказывать ожидаемое и приемлемое глобальное биоэтическое влияние на большинство граждан общества, независимо от их национальных, религиозных и прочих различий [12].

Однако, говоря о роли и месте социальной биоэтики в стратегии выживания с точки зрения системно-деятельностного и синергетического подходов, необходимо иметь в виду не только перманентное воздействие биоэтических знаний на обще-

ство, но и, как уже отмечалось, обратное действие социума на биологическую этику – на ее *адаптацию*. Это другой ключевой момент в процессе экспликации природы социобиоэтики, ее участия в обеспечении безопасного развития современной цивилизации. Непосредственно биоэтика в результате этого взаимодействия претерпевает глубинные сущностные модификации, подчас кардинально трансформируя траекторию своей эволюции. Адаптация на социокультурном уровне определяется, прежде всего, деятельностной, активной природой индивидуумов. Со стороны социума она определяется целями деятельности, потребностями, условиями, социальными и морально-культурными нормами и правилами, способами их достижения и санкциями за отклонения от этих императивов. Речь идет в данном случае о практическом приспособлении биоэтических знаний к различным социумам.

Моральные принципы и правила биоэтики имеют своих носителей – людей, среди которых, прежде всего, ученые, философы, теологи, религиозные и политические деятели. Поэтому, когда говорят об адаптации биоэтики, следует иметь в виду столкновения точек зрения этих людей с моральными концепциями и традициями, существующими в тех или иных структурах конкретного социума. Стало быть, на уровне человеческих отношений адаптация определяется через способность одних людей вести диалог с другими и, конечно, понять, корректно интерпретировать друг друга, вместо того чтобы отвергать. Кстати, здесь уместным было бы наличие особой *толерантности – биоэтической* [13], которая позволила бы человечеству хотя бы частично привести к общему знаменателю единые требования биологической этики.

Логично и полезно на практике выделить несколько вариантов адаптационного взаимодействия биоэтики и социума, стремясь при этом сократить до минимума период аккомодации, когда речь идет о разработке стратегии социоприродного и безопасного развития общества: (1) обнов-

ление содержания биоэтики, то есть когда ее моральные требования модифицируются в соответствии с нормами и правилами конкретного фрагмента социальной действительности; (2) подчинение фрагмента социума нравственным требованиям биоэтических знаний, которые не изменяются, но подвергаются модификации, а зачастую и трансформации традиционные и общепринятые биоэтические устои данного социума; (3) не просто неприятие социумом старых моральных принципов, неприязнь к ним, а творческое, конструктивное и коренное его (социума) преобразование, при котором новое биоэтическое знание, отказываясь от общепринятых целей, выступает не с реакционных позиций, а в соответствии с требованиями современной стратегии безопасного развития.

Обобщая сказанное, логично представить социальную биоэтику как особый, нетрадиционный вид биологической этики, который имеет предметом исследование процессов биоэтизации общества и адаптации биоэтики к социуму в их тесной взаимосвязи и взаимодействии [14]. Можно утверждать, таким образом, что социальная биоэтика, приобретая такой статус, имеет целью оценивание степени биоэтизации социума и уровня адаптации биологической этики к социальной реальности. Иначе говоря, природа социобиоэтики полностью детерминируется содержанием и социокультурной направленностью механизмов (процессов) биоэтизации общества и адаптации биоэтики, что делает возможным расширение круга специалистов для изучения этого феномена (социобиоэтики). Это могут быть не только биоэтики, но и медики, социологи, юристы, теологи, психологи и др., что позволит существенно диверсифицировать, углубить исследования по социальной биоэтике, а значит и более адекватно разработать стратегию устойчивого и безопасного развития общества.

В этом ракурсе полезно увязывать стратегию выживания с инициацией и становлением глобальной биоэтики, которая, в свою очередь, не может формироваться

вне социальной биоэтики, то есть вне биоэтизации социума и адаптации биоэтики к фрагментам социодействительности [16]. Процессы снижения или ограничения биоэтического плюрализма, одновременно расширения процесса глобализации биоэтики могут и должны быть реализованы посредством упомянутых нами ключевых понятий социобиоэтики. Глобальная биоэтика, включая медицинскую и энвайронментальную этику [11], обеспечивает устойчивое и приемлемое выживание, и как становящаяся область знания, тесно связанная с социобиоэтикой, проявляется и утверждается посредством этого феномена (социобиоэтика), вне которого однозначно, ни при каких обстоятельствах, она не только не будет развиваться, но и не сформируется. К этому можно добавить еще один практический аргумент, который мог бы приблизить в мировом сообществе траектории эволюции этики биологической и собственно глобальной биоэтики. Предлагается разбить биоэтику на части: на «биоэтику для друзей» и «биоэтику для посторонних» [15]. Первая – содержательная, вторая – процедурная биоэтика, которые, безусловно, будут способствовать сближению этики биологической с глобальной биоэтикой. А это существенно ограничит моральный плюрализм и напрямую приведет к усилению позиций биоэтики в планетарном масштабе, то есть к расширению нравственной гармонизации между людьми, а далее – к более прочному становлению стратегии безопасного и устойчивого развития.

Учитывая вышеизложенное, логично утверждать, что глобальная биоэтика – это реальность, но специфическая, неотделимая от социальной биоэтики в реализации стратегии выживания. Биоэтика планетарного развития во многом, если не вообще во всем, обуславливается содержанием и степенью маневренности социобиоэтики, силой действия биоэтической парадигмы на социум и разумной ее адаптацией к фрагментам общества. Это *особая, искусственная, теоретико-прикладная конструкция*, идущая от теоретиков и

практиков, различных экспертов, особенно из области биоэтики, био- и нанотехнологий, генетики, желающих создать такую биологическую этику, которая могла бы быть одобрена большинством населения земли во имя единой стратегии устойчивого и приемлемого развития современной цивилизации [16].

В заключение подчеркнем, что формирование концепции социальной биоэтики, сущность и содержание которой всецело определяются распространением и внедрением в социосферу биоэтических нравственных принципов и одновременно влиянием социосреды на их проявление, является результатом современного технологического поворота в области этического знания (этического мышления). И, что очень важно – появлением в обществе представлений о *глобальном, планетарном* характере морального опыта, необходимого в разработке стратегии устойчивого и приемлемого развития современной цивилизации, в становлении ноосферного сознания, ноосферного интеллекта и ноосферного менталитета, без чего невозможна безопасная ноосферная цивилизация. Социальная биоэтика, таким образом, посредством присутствия ей ключевых понятий (биоэтизация социума и адаптация биоэтики) становится важнейшим инструментом в продвижении современного общества по ноосферной траектории, т. е. в трансформации социосферы в ноосферу, переходе современной цивилизации к безопасному, социоприродному развитию, а следовательно – в преодолении антропоинвайронментального кризиса, а значит и глобального омницида.

Библиографический список

1. Ващекин, Н.П. Информатизация общества и устойчивое развитие / Н.П. Ващекин, Е.Н. Пасхин, А.Д. Урсул – Москва: Изд-во МГУК, 2000. – 268 с.
2. Țirdea T.N. Informatizarea în strategia supraviețuirii omenirii // Probleme filosofice, de etică, drept și tehnico-organizaționale privind informatizarea societății / Tezele referatelor și comunicărilor. 24–25 octombrie, 1995. Red. științific acad. Țirdea T.N. – Chișinău: Ed. I.C.Ș. I.T.M., 1995. – 95 p.
3. Țirdea Teodor N., Leancă Viorica Gh. Intellectul social din perspectiva supraviețuirii omenirii. – Chișinău: CEP „Medicina”, 2008. – 199 p.

4. Урсул, Т.А. Цивилизационная стратегия III тысячелетия (на пути к устойчивому развитию) / Т.А. Урсул, А.Д. Урсул, В.В. Шевелев. – Москва-Курск: Изд-во ГУ-ИПП «Курск», 2000. – 320 с.
5. Семенюк, Е.П. Філософські засади сталого розвитку. – Львів: Афіша, 2002. – 199 с.
6. Мунтян, М.А. Глобализация и устойчивое развитие: Учебное пособие / М.А. Мунтян, А.Д. Урсул. – Москва: СТУПЕНИ, 2003. – 304 с.
7. Урсул, А.Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации / А.Д. Урсул. – Москва: Луч, 1993. – 275 с.
8. Țirdea T.N. Elemente de informatică socială, sociocognitologie și noosferologie. – Chișinău: CEP „Medicina”, 2001. – 273 p.
9. Поттер, В.Р. Биоэтика: мост в будущее / В.Р. Поттер. – Київ: Видавець Вадим Карпенко, 2002. – 216 с.
10. Цырдя, Т.Н. Проблема дефиниции социальной биоэтики // Актуальні питання сучасної біомедичної етики та деонтології / Матеріали Науково-практичного семінару, 14 жовтня 2011 р., Київ. – Київ: НАНУ, 2011. – 46 с.
11. Поттер, В.Р. Глобальная биоэтика: движение культуры к более жизненным утопиям с целью выживания // Практична філософія. – 2004. – №1. – С.4–14.
12. Цырдя, Т.Н. Ноосферная стратегия безопасного развития в контексте глобальной биоэтики: теоретико-методологический анализ // Матеріали I Міжнародна, міждисциплінарна науково-практична конференція «Розумний Задум як основа ноосферної стратегії сталого розвитку» присвячена 150-річчю з дня народження академіка, першого президента Української Академії наук Володимира Івановича Вернадського (14–16 березня 2013 року). – Львів: Видавництво РВВ НЛТУ України, 2013. – 222 с.
13. Țirdea T.N. Toleranța bioetică în asigurarea comunicării sociale: configurații teoretico-metodologice // Dialogul civilizațiilor: etică, educație, libertate și responsabilitate într-o lume în schimbare / Materialele Conferinței științifice internaționale, Chișinău, 2013. – Chișinău: S.n., 2013 Tipogr. „Almor-Plus”. – 252 p.
14. Цырдя, Т.Н. Социальная биоэтика: теоретико-методологические аспекты // Экологический Вестник. Научно-практический журнал / Т.Н. Цырдя. – Минск: 2011. – №2. – С. 95–100.
15. Engelhardt Herman Tristram jr. Fundamentele bioeticii creștine. Perspectivă ortodoxă. Trad. de Mihai Neamțu, Cezar Login și diac. Ioan I. Ică jr. – Sibiu (România): Deisis, 2005. – 507 p.
16. Цырдя, Т.Н. Социальная и глобальная биоэтика: сравнительно-методологический анализ // П'ятий національний Конгрес з біоетики з міжнародною участю. 23–25 вересня, 2013, Київ, Україна / Т.Н. Цырдя. – Київ: НАН України, НАМН України, МОЗ України, 2013. – С. 148–149.
17. Цырдя, Т.Н. Биоэтизация социума и адаптация биоэтики – ключевые понятия в экспликации природы социальной биоэтики // Етичні проблеми профілактичної медицини: вплив довкілля, харчування та умов праці на здоров'я населення / Матеріали IV Міжнародного симпозиуму з біоетики. 11–12 жовтня 2012 р., Київ. – Київ: «Арктур-А», 2012. – 92 с.

**SOCIAL BIOETHICS IN THE STRATEGY
OF SAFE DEVELOPMENT OF THE SOCIETY:
THEORETICAL METHODOLOGICAL CONFIGURATIONS**

Țirdea T.N., prof. Philosophy and Bioethics Department, State University of Medicine and Pharmacy N.A. Testemițanu Republic of Moldova, Chisinau, Dr. Philosophy Sciences

tirdea_teodor@mail.ru

State University of Medicine and Pharmacy N.A. Testemițanu, Republic of Moldova, MD 2004, Chisinau, bd. Ștefan cel Mare, 165

Today safe and sustainable development strategy involves a variety of methods of its elaboration, as well as many instruments for its implementation. In this paper, a particular interpretation of the role and place of social bioethics in drafting strategies for survival in modern society, based on systemic activity approach, is proposed. Social bioethics is also interpreted in a new light, as a specific, extraordinary scientific phenomenon, which studies the bioethization degree of the society and the level of adaptation of bioethics to the fragments of social reality in their close relationship and interaction. It is being proved that these phenomena (bioethization of the society and adaptation of bioethics), contributing to the reduction of bioethical pluralism and step by step becoming global bioethics, make at this stage of social development the essence and core of ethical component of the strategy of sustainable and safe development of our contemporary civilization. At the level of human relations adaptation is determined by the ability of some people to engage in dialogue with others, and, of course, to understand, to interpret each other correctly, rather than reject. Here the presence of a particular bioethical tolerance would be appropriate. Bioethization of society is defined as activities aimed at introducing methodological and moral postulates into the social environment. For a more effective influence of bioethization on the strategy of survival, the transformation of biological ethics into global bioethics should happen. This will significantly limit moral pluralism and directly lead to the strengthening of the position of bioethics on a global scale, it will expand moral harmonization of relations between people and will lead to the establishment of a lasting strategy for a safe and sustainable development.

Keywords: strategy of survival, social bioethics, bioethization of the society, adaptation of bioethics, systemic activity approach, biosociety, global bioethics, safe and sustainable development.

References

1. Vashchekin N.P., Pashkin E.N., Ursul A.D. *Informatizatsiya obshchestva i ustoychivoe razvitie* [Informatization of society and sustainable development] Moscow: Publishing House of MGUK, 2000. 268 p.

2. Țirdea T.N. *Informatizarea în strategia supraviețuirii omenirii* [Computerization of human survival strategy] *Probleme filosofice, de etică, drept și tehnico-organizaționale privind informatizarea societății* [Philosophical Problems, ethical, legal, technical and organizational computerization of the company] *Tezele referatelor și comunicărilor. 24–25 octombrie, 1995. Red. științific acad. Țirdea T.N.* [Theses of reports and communications. October 24 to 25, 1995. Red. Scientific Acad. Tirdea T.N.] Chisinau: Ed. I.C.Ș. I.T.M., 1995. 95 p.
3. Țirdea Teodor N., Leancă Viorica Gh. *Intelectul social din perspectiva supraviețuirii omenirii* [Intellect social in terms of human survival]. Chisinau: CEP «Medicine», 2008. 199 p.
4. Ursul T.A., A.D. Ursul, Shevelev V.V. *Tsivilizatsionnaya strategiya III tsysyacheletiya (na puti k ustoychivomu razvitiyu)* [Civilization III Strategy Goals (towards sustainable development)] Moscow-Kursk: GUIPP «Kursk», 2000. 320 p.
5. Semeniuk E.P. *Filosofs'ki zasady stalogo rozvytku* [Philosophical foundations of sustainable development] Lviv: Afisha, 2002. 199 p.
6. Muntyan M.A., Ursul A.D. *Globalizatsiya i ustoychivoe razvitie: Uchebnoe posobie* [Globalization and Sustainable Development: A Tutorial] Moscow: STUPENI, 2003. 304 p.
7. Ursul A.D. *Put' v noosferu. Kontseptsiya vyzhivaniya i ustoychivogo razvitiya tsivilizatsii* [Path to the noosphere. The concept of sustainable development and the survival of civilization] Moscow: Luch, 1993. 275 p.
8. Tirdea T.N. *Elemente de informatică socială, sociocognitologie și noosferologie* [Elements of social science, sociocognitologie and noosferologie] Chisinau: CEP „Medicina”, 2001. 273 p.
9. Potter V.R. *Bioetika: most v budushchee* [Bioethics: Bridge to the Future] Kyiv: Publisher Vadim Karpenko. 2002. 216 p.
10. Tirdea T.N. *Problema definitii sotsial'noy bioetiki* [The problem of the definition of social bioethics] *Aktual'ni pytannya suchasnoi' biomedychnoi' etyki ta deontologii'* [Actual problems of modern biomedical ethics and deontology] *Materialy Naukovo-praktychnogo seminaru, 14 zhovtnja 2011 r., Kyi'v* [Materials Scientific-practical seminar, October 14, 2011, Kyiv] Kyiv: National Academy of Sciences, 2011. 46 p.
11. Potter V.R. *Global'naya bioetika: dvizhenie kul'tury k bolee zhiznennym utopiyam s tsel'yu vyzhivaniya* [Global Bioethics: Culture movement to a life utopias in order to survive] *Praktychna filosofija* [Practical philosophy]. 2004. №1. pp.4–14.
12. Tirdea T.N. *Noosfernaya strategiya bezopasnogo razvitiya v kontekste global'noy bioetiki: teoretiko-metodologicheskii analiz* [Noospheric security strategy development in the context of global bioethics: theoretical and methodological analysis] *Materialy I Mizhnarodnon mizhdyscyplinarnon naukovo-praktychnon konferencii «Formuvannja novogo svitogljadu jak osnova strategii stalogo rozvytku», prysvjachenon 150-richnju z dnja narozhdennja akademyka, pershogo prezidenta Ukrainkon Akademin nauk Volodymyra Yvanovycha Vernads'kogo (14–16 bereznja 2013 roku)* [Proceedings of the I International interdisciplinary scientific-practical conference «Forming of new worldview as the basis of a sustainable development strategy» dedicated to the 150th anniversary of the birth of the first president of the Ukrainian Academy of Sciences Vladimir Ivanovich Vernadsky (14–16 March 2013)] Lvov: Ukraine Publishing RIO NLTU, 2013. 222 p.
13. Țirdea T.N. *Toleranța bioetică în asigurarea comunicării sociale: configurații teoretico-metodologice* [Tolerance bioethics in ensuring social communication: Theoretical and methodological configurations] *Dialogul civilizațiilor: etică, educație, libertate și responsabilitate într-o lume în schimbare* [Dialogue of Civilizations: ethics, education, freedom and responsibility in a changing world] *Materialele Conferinței științifice internaționale, Chișinău 2013* [Materials scientific international Conference, Chisinau 2013]. Chisinau: S.n., 2013 Tipogr. „Almor-Plus”. 252 p.
14. Tirdea T.N. *Sotsial'naya bioetika: teoretiko-metodologicheskie aspekty* Social Bioethics: theoretical and methodological aspects] *Ekologicheskii Vestnik. Nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Ecological Bulletin. Scientific and practical journal] Minsk: 2011. №2. pp. 95–100.
15. Engelhardt Herman Tristram jr. *Fundamentele bioeticii creștine. Trad. de Mihai Neamțu, Cezar Login și diac. Ioan I. Ică jr. Perspectivă ortodoxă.* [Foundations of Christian Bioethics. Orthodox perspective. Trad. Michael Neamțu, Caesar Login and deacon. Joan I. Ica jr.] Sibiu (România): Deisis, 2005. 507 p.
16. Tirdea T.N. *Sotsial'naya i global'naya bioetika: sravnitel'no-metodologicheskii analiz* [Social and Global Bioethics: a comparative methodological analysis] *P'jatyj nacional'nyj Kongres z bioetyky z mizhnarodnoju uchastju. 23–25 veresnja, 2013, Kyi'v, Ukrai'na* [Fifth National Congress of Bioethics with international participation. September 23–25, 2013, Kiev, Ukraine] Kiev: Ukraine National Academy of Sciences, AMS of Ukraine, Ministry of Health of Ukraine, 2013. pp. 148–149.
17. Tirdea T.N. *Bioetizatsiya sotsiuma i adaptatsiya bioetiki – klyucheve ponyatiya v eksplikatsii prirody sotsial'noy bioetiki* [Bioethization of society and the adaptation of bioethics – the key concepts in the explication of the nature of social bioethics] *Etychni problemy profilaktychnon medycyny: vplyv dovkillja, harchuvannja ta umov praci na zdorov'ja naseleennja* [Ethical problems profilaktychnon medicine: influence of environment, food and working conditions on health] *Materialy IV Mizhnarodnogo sympoziumu z bioetyky. 11–12 zhovtnja 2012 r., Kynv* [Materials of International Symposium IV of bioetyky. 11–12 October 2012, Kiev] Kiev: Arctur, 2012. 92 p.

«ЭКОЛОГИЯ РУССКОГО ДУХА» В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

С.А. ЩЕРБАКОВ, доц., зав. каф. языковой подготовки МГУЛ, д-р филол. наук

caf-rus@mgul.ac.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д.1, МГУЛ

Пафос всего творчества Николая Рубцова служит идее сохранения России – в единстве ее природы, традиций, национального духа. Созданное поэтом метафизическое пространство «русского духа» наполнено природными ландшафтами, людьми, исторической памятью. В нем перекликаются предки и потомки, мертвые и живые, призванные беречь это пространство. Главное вместилище соборного русского духа в поэзии Рубцова – «родная окрестность», которую надо полюбить и жалеть, хранить и помнить. С трепетным волнением и раньше многих Рубцов заговорил об «экологии русского духа». Все, где «дышит русский дух», – знаменитый ли Ферапонтов монастырь или изба в безвестном северном захолустье, «звуки музыки печальной» или полотна Левитана – вызывает в нем живейшее сопереживание и душевное сочувствие. В отличие от Есенина, Рубцов не видел прямой угрозы деревне в городской цивилизации – отчасти потому, что уже во многом случилось поглощение деревни городом, отчасти из-за того, что появились новые угрозы военного и техногенного характера уже для всей человеческой цивилизации. Более того, в знаменитом рубцовском образе «звезды полей» выражается горький и в то же время светлый «пафос сохранения» городов. Поэт не акцентирует различий между «первой» природой – естественной, и «второй», то есть окультуренной человеком. Мало того, он стремится найти равновесие между обществом и природным естеством. Рубцов не провозглашает есенинское «проклятье силе паровоза», для него паровоз – чуть ли не живое существо, связующее его с родиной. Полагая, что природа и цивилизация могут существовать в равноправной гармонии, он хотел бы примирить их между собой. И, вместе с тем, в одном из его стихотворений железнодорожный состав, несущийся среди миров, подобен гоголевской тройке, но уже на новом витке истории – еще более стремительном и опасном.

Ключевые слова: ландшафт, природа, Россия, «русский дух».

О Николае Рубцове вряд ли можно говорить как об авторе экологически заостренном, какими были, например, его современники Николай Старшинов и Юрий Кузнецов. Его поэзия не ассоциируется с защитой живой природы от антропогенного воздействия. Единственный, пожалуй, прямой упрек людям за неразумное вмешательство в жизнь природы содержится в его стихотворении «Тихая моя родина»: «Там, где я плавал за рыбами, / Сено гребут в сеновал: / Междуречными изгибами / Вырыли люди канал. / Тина теперь и болотина / Там, где купаться любил... / Тихая моя родина, / Я ничего не забыл...» [1].

Традиционное представление об экологии как науке, занимающейся охраной окружающей среды, в ракурсе сегодняшнего дня, весьма заужено. Даже когда это понятие распространяется с природной среды на культуру. Например, среди лингвистов сейчас стало модным говорить об «экологии русского языка», то есть его сохранении в условиях стремительно меняющегося социума. За этой попыткой расширить представления об экологии вплоть до сферы духа зачастую видится забота лишь о сохранении природного и культурного окружения, внешней среды обитания человека. А поэзия Рубцова обращает-

ся, прежде всего, к живому, животворящему духу, исходящему из глубин души русского народа, его исторических и природных корней, проникающему в сердца людей и жизненный мир современного социума.

В случае Рубцова, на наш взгляд, в этом смысле следует говорить об «экологии русского духа». Его известное всем заклинание: «Россия, Русь! Храни себя, храни!» [1] из стихотворения «Видения на холме» – прямое подтверждение этому. Глеб Горбовский, комментируя его, писал: «Мысль “храни” перерастает здесь рамки личного и даже – отчего. Сохраняя любовь и память к своему изначальному, к родимой деревеньке, городу, речке детства, мы тем самым сохраняем любовь к Отчизне и даже больше – ко всему живому на земле» [2].

Менее известное, но сегодня не менее актуальное напоминание поэта о бескорыстии, взывающее к «русскому духу» и противостоящее всему современному укладу, включено им в стихотворение «Русский огонек» как реплика бедной, но не отступающей от заветов предков старушки: «Господь с тобой! Мы денег не берем!» [1]. Да и четверостишие «О Пушкине»: «Словно зеркало русской стихии, / Отстояв назначенье свое, / Отразил он

всю душу России / И погиб, отражая ее...» [1] тоже, по сути, связано с экологией «русского духа».

В стихотворении «Старая дорога» Рубцов наполнил выражение «русский дух» особым содержанием, это и дает основание заключить (с некоторой долей условности), что Рубцов положил начало новому направлению в экологии: «Здесь каждый славен – мертвый и живой! / И оттого, в любви своей не каюсь, / Душа, как лист, звенит, перекликаясь / Со всей звенящей солнечной листвой, / Перекликаясь с теми, кто прошел, / Перекликаясь с теми, кто проходит... / Здесь русский дух в веках произошел, / И ничего на ней не происходит. / Но этот дух пойдет через века! / И пусть травой покроется дорога, / И пусть над ней, печальные немного, / Плывут, плывут, как мысли, облака...» [1].

По сути, поэт воссоздает некое метафизическое пространство «русского духа», в котором перекликаются предки и потомки, мертвые и живые, сохраняя вместе этот самый дух. И все его собственное творчество тяготеет именно к этому пространству, что делает Рубцова поэтом национальным. Комментируя это стихотворение, Николай Коняев заметил: «Движение по “Старой дороге” осуществляется одновременно с прошлым, настоящим и будущим... В умении ощущать одновременность прошлого и будущего и заключается секрет удивительной прозорливости Николая Михайловича Рубцова» [3].

Православный философ И.А. Ильин, основываясь на материале русской поэзии девятнадцатого века, писал: «За Россией земной – живет, созерцает, поет, молится и творит Россия духовная... И когда мы произносим это простое и в то же время необъятное слово «Россия» и чувствуем, что мы назвали что-то самое главное в нашей жизни и в нашей личной судьбе, то мы твердо знаем, что мы разумеем не просто природу, или территорию, или быт, или хозяйство, или государство, но русский дух, выросший во всем этом, созданный этим, и создававший все это в муках, в долготерпении, в кровавой борьбе и в непрестанном молитвенном напряжении» [4]. Пожалуй, именно Рубцов (вряд ли знако-

мый с трудами философа) в веке двадцатом оправдал его веру в то, что русская поэзия «всегда прозирала священное естество русского духа» [4].

В стихотворении «Жар-птица» Николай Рубцов продолжает важнейшую для него мысль о своеобразии «русского духа»: «В деревне виднее природа и люди. / Конечно, за всех говорить не берусь! / Виднее над полем при звездном салюте, / На чем поднималась великая Русь. / Галопом колхозник погнался лошадей, / А мне уж мерещится русская удаль...» [1]. Главный нервный узел стихотворения падает на включенный в поэтическую картину диалог. Устами старика-пастуха поэт изрек потрясающей силы откровение о трагической истории XX века и вместе с тем прочных условиях сохранения «русского духа»: « – Старик! А давно ли ты ходишь за стадом? / – Давно, – говорит, – колокольня вдали / Деревни еще оглашала набатом, / И ночью светились в домах фитили. / – А ты не заметил, как годы прошли? / – Заметил, заметил! Попало как надо. / – Так что же нам делать, узнать интересно... / – А ты, – говорит, – полюби и жалей, / И помни хотя бы родную окрестность, / Вот этот десяток холмов и полей...» [1].

Последние четыре процитированные строки, вне сомнения, являются кульминацией стихотворения. А далее следует развязка, в которой автор резко меняет тему диалога: «Ну ладно! Я рыжиков вам принесу...» [1] и заканчивает стихотворение умиротворенной пейзажной картинкой, как бы стесняясь его высокого пафоса.

Вадим Кожинов, размышляя о сути поэзии Рубцова, писал: «В поэзии Николая Рубцова природа нераздельна с жизнью и историей народа. В каком-то смысле это же можно сказать о творчестве многих поэтов. Но у Рубцова – и в этом один из главных источников силы и своеобразия его поэзии – природа и история народа нередко словно сливаются, даже отождествляются, и их единство предстает для поэта как своего рода идеал. <...> В поэтическом мире Николая Рубцова именно сама природа предстает как необходимый исток и основа истории, как естественно порождающая бытие

народа почва. И именно этим, по убеждению поэта, живет человек, именно это надо постоянно помнить и сознавать. Только в единстве со своим народом и его тысячелетней историей человек обретает действительное единство с природой – таков сквозной смысл поэзии Николая Рубцова» [5].

В отличие от новокрестьянских поэтов (к ним относят Сергея Есенина, Николая Клюева, Сергея Клычкова и др.), Рубцов не видел прямой угрозы деревне в городской цивилизации. Отчасти потому, что уже во многом случилось поглощение деревни городом, отчасти из-за того, что появились новые угрозы военного и техногенного характера уже для всей человеческой цивилизации. Более того, в знаменитом рубцовском образе «звезды полей» выражается горький и в то же время светлый «пафос сохранения» городов: «Звезда полей горит, не угасая, / Для всех тревожных жителей земли, / Своим лучом приветливым касаясь / Всех городов, поднявшихся вдаль» [1].

На это отличие применительно к творчеству Есенина и Рубцова указывал исследователь творчества последнего С.Ф. Педенко: «... Рубцов нашел свой, отличный от есенинского, поэтический путь. От одной отправной точки – чувства неустойчивости, зыбкости деревенского покоя, на который неотвратимо наступает город, их пути пошли в разные стороны: Есениным город сначала принимался в штыки, вплоть до образа затравленного “железным гостем” поэта-волка...<...> У Рубцова же развитие темы шло в прямо противоположном направлении: от неуверенной попытки понять и принять город в ленинградских стихах, через краткий период «меж городом и селом» к полному, всеохватному чувству принадлежности к тем, кто воздавал красоте сельской природы “почти молитвенным обрядом”» [6]. Продолжает тему «трагического» Геннадий Красников: «...такого трагического и выстраданного укоренения в себе русской природы, готовности к родству с тихой родиной своих предков, литература ни до, ни после не знала...» [7].

Конечно, город не стал значимой темой рубцовской поэзии. «Начав свой путь как

“городской” поэт, Николай Рубцов обратился к деревне, ибо был уверен, что в ее бытии сегодня яснее выступают природа, человек и история в их противоречивом единстве» [5]. Но и неприязни к городской цивилизации он не испытывает, и подтверждением этому может служить стихотворение «В городе»: «Как часто, часто, словно птица, / Душа тоскует по лесам! / Но и не может с тем не слиться, / Что человек воздвигнул сам!» [1].

Эту мысль он продолжает в стихотворении «Грани»: «...Хочется как-то сразу / Жить в городе и в селе». Правда, финал стихотворения вроде бы содержит выпад против города: «Ах, город село таранит! / Ах, что-то пойдет на слом! / Меня все терзают грани / Меж городом и селом...» [1]. Но при ближайшем рассмотрении этот текст оказывается не «криком души», а своеобразной пародией на модную в те годы полемику о стирании граней между городом и деревней. В.А. Оботуров, комментируя эти строки, отметил, что «поэт иронизирует над плоскими выводами из сложной жизненной проблемы, понимая необратимость прогресса...» [8].

Николай Рубцов не акцентирует различий между «первой» природой – естественной, и «второй», то есть окультуренной человеком. Мало того, он стремится найти равновесие между обществом и природным естеством. Ярким примером тому служит стихотворение «Меня звала моя природа», в котором «могучий вид маслозавода» гармонично вписывается в сельский пейзаж и даже символизирует собой радость крестьянского труда: «Я долго слушал шум завода – / И понял вдруг, что счастье тут: / Россия, дети и природа, / И кропотливый сельский труд!..» [1].

Рубцов не провозглашает «проклятье силе паровоза» новокрестьянских поэтов: для него паровоз – чуть ли не живое существо, связующее его с родиной. В стихотворении «Прекрасно небо голубое!» у него эпитет, характеризующий небо, переносится на «изделие людское»: «прекрасен поезд голубой!» [1]. Ладно, поезд, он и самолет принимает за подобное мухе произведение природы, только более полезное и приятное: «Мне приятно

даже мух гудение, / Муха – это тоже самолет» [1]. Полагая, что природа и цивилизация могут существовать в равноправной гармонии, он хотел бы примирить их между собой.

В программном стихотворении Рубцова «Поезд», который символизирует в данном случае стремительно нарастающий технический прогресс, вопрос о том, грозит ли он человечеству «крушением» или нет, решается, вроде бы, в пользу оптимистического развития событий. Но решается по чеховскому принципу: этого не может быть, потому что не может быть никогда: «Вместе с ним и я в просторе мгlistом / Уж не смею мыслить о покое, / – Мчусь куда-то с лязганьем и свистом, / Мчусь куда-то с грохотом и воем, / Мчусь куда-то с полным напряженьем / Я, как есть, загадка мирозданья. / Перед самым, может быть, крушеньем / Я кричу кому-то: «До свиданья!..» / Но довольно! Быстрое движение / Все смелее в мире год от году, / И какое может быть крушенье, / Если столько в поезде народу?» [1].

Поэт вроде бы отвергает апокалипсис, но апокалипсический мотив здесь явно присутствует, вопросительный знак, которым заканчивается стихотворение, оставляет данный риторический вопрос открытым. На него не только не требуется, но и не может быть ответа. Железнодорожный состав, несущийся среди миров, подобен гоголевской тройке, но уже на новом витке истории – еще более стремительном и опасном.

Помимо гоголевских мотивов, в стихах Рубцова обнаруживается тесная аллюзивная связь с произведениями ряда других поэтов: Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Некрасова, Блока и Есенина, что неоднократно отмечали исследователи его творчества. Рубцов вообще очень восприимчив к русским литературным традициям, и в этом также проявляется его уникальный дар сохранения «русского духа». Причем, он заговорил об «экологии русского духа» не только с трепетным волнением, присущим традициям родной поэзии, но и раньше многих литераторов. И речь идет не только о продолжении традиций литературных. Все, где «дышит русский дух», – знаменитый ли Ферапонтов монастырь или изба в безвес-

тном северном захолустье, «звуки музыки печальной» или полотно Левитана – вызывает в нем живейшее сопереживание и душевное сочувствие.

Но все же главное вместилище соборного русского духа в поэзии Рубцова – «родная окрестность», с ее «десятком холмов и полей», которую, следуя завету старика-пастуха из стихотворения «Жар-птица», надо любить, жалеть и помнить. В заметке «О родном уголке» он прямо высказывается об определяющем влиянии природы малой родины человека на воспитание в нем патриотических чувств. В начале заметки он позиционирует родной ему город Тотьму как «прекрасный и в то же время скромный уголок природы» [1]. А завершается заметка, со свойственной публицистическому стилю патетикой, сентенцией о «чувстве родины» вообще: «...именно этому уголку я и все мои товарищи обязаны безграничной любовью к нашей несравненно дорогой и любимой Родине...» [1].

Флора в произведениях Рубцова не отличается большим разнообразием. «Неподражаемая» северная природа «гораздо грубее и суровой» южной [1], что сказывается в первую очередь на растительном покрове, не могущем похвастаться пышностью форм и красок. Но это никак не умаляет ее прелести в глазах того, кто «воспитан природой суровой» [9]. Как выразился В.В. Розанов, «...север – суров... чувства в нем не вытягиваются в длинную пальму, не ветвятся, не раздаются в пышную зелень, а растут приземистой березкой, коротенькой, «ядреной», стелющейся по земле» [10].

Эта чуткость души в отношении к скромной северно-русской природе выражена в лирике Рубцова с пронзительностью, сопоставимой с есенинской. Именно она во многом определила его место в русской литературе как поэта национального.

Библиографический список

1. Рубцов, Н.М. Звезда полей / Н.М. Рубцов. – М.: Воскресенье, 1999. – 672с.
2. Горбовский, Г. Долгожданный поэт / Г. Горбовский // Воспоминания о Рубцове: Сборник / под ред. В. Оботурова. – Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд.-во. Волог. отделение, 1983. – С. 97.

3. Коняев, Н.М. Николай Рубцов / Н.М. Коняев. – М.: Молодая Гвардия, 2001. – 364 с.
4. Ильин, И.А. Россия в русской поэзии. В 10 т. Т.6. Кн. II // Ильин И.А. – М.: Русская книга, 1996. – С. 199–258.
5. Кожин, В.В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта / В.В. Кожин. – М.: Сов. Россия, 1976. – 88 с.
6. Педенко, С.Ф. Самая жгучая связь / С.Ф. Педенко // Рубцов Н.М. Звезда полей. Собр. соч. в 1 т. – М.: Воскресенье, 1999. – С. 5–30.
7. Красников, Г.Н. Роковая зацепка за жизнь, или В поисках утраченного неба / Г.Н. Красников. – М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2002. – 496 с.
8. Оботуров, В.А. Искренне слово. Страницы жизни и поэтический мир Николая Рубцова: Очерк / В.А. Оботуров. – М.: Советский писатель, 1987. – 256 с.
9. Заболоцкий, Н.А. Не позволяй душе лениться: Стихотворения и поэмы / Н.А. Заболоцкий. – М.: Эксмо, 2008. – 384 с.
10. Розанов, В.В. О писательстве и писателях / В.В. Розанов. – М.: Республика, 1995. – 736 с.

« ECOLOGY OF RUSSIAN SPIRIT » IN THE WRITINGS OF NIKOLAI RUBTSOV

Shcherbackov S.A., Prof. MSFU, Dr. Sci. (Philosophy)

caf-rus@mgul.ac.ru

Moscow State Forest University (MSFU), 1 st Institutskaya Street, 1, 141005, Mytishi, Moscow reg., Russia

The emotional content of Nikolay Rubtsov's poetic works serves the idea to maintain Russia in the unity of its nature, its traditions and national spirit. The poet created a certain metaphysical space of the "Russian spirit" which is fullid with wild landscapes, historical recollections and people; within this space everything is interdependent, i.e., the dead and the alive, the ancestors and the descendants, whose duty is to save the abovementioned space. The home of the conciliar Russian spirit, according to Rubtsov, is "one's vicinage" which one has to love, to feel compassion for and constantly to remember. Rubtsov was the first to speak about the "ecology of Russian spirit" with some degree of solemn excitement. Everything where there is Russian spirit, whether it is a famous monastery founded by St.Ferapont or an unknown hut in the middle of nowhere (in some Northern region), or paintings by Levitan, or "some sad music tunes", excites his tumult and compassion. Unlike Esenin, Rubtsov did not see urban civilization as a direct threat to the village, partly because the absorption of villages by cities has already happened, partly because of the emergence of new threats of military and industrial character to all the human civilization. Moreover, the famous Rubtsovsk «star fields» expresses bitter and still bright «pathos to save» cities. The poet does not highlight differences between the so-called «first» nature – the natural one, and the "second" nature – the one cultivated by man, moreover, he tries to find a balance between the society and nature in its first meaning. If Esenin proclaimed "a curse to the strength of a locomotive", Rubtsov sees this locomotive is almost a living being, connecting him with his homeland. He wanted to reconcile nature and civilization, believing that they can exist in equal harmony. However, in one of his famous poems the train rushing among the worlds resembles Gogol's "troika" with the one exception – it is on a new, more rapid and dangerous stage in history.

Key words: landscapes, nature, Russia, "Russian spirit".

References

1. Rubtsov N.M. *Zvezda poley* [Star fields]. Moscow: Voskresen'e Publ., 1999. 672 p.
2. Gorbovskiy G. *Dolgozhdannyy poet. Vospominaniya o Rubtsove* [The long-awaited poet. memories about Rubtsov]. Arhangel'sk; Vologda: Sev.-Zap. kn. izd.-vo Publ., 1983. p. 97.
3. Konyaev N.M. *Nikolay Rubtsov* [Nikolai Rubtsov]. Moscow : Mol. Gvardiya Publ., 2001. 364 p.
4. Il'in I.A. *Rossiya v russkoy poezii. Il'in I.A. Sbranie sochineniy: V 10 t. T.6. Kn. II* [Russia in Russian poetry. Ilyin I. A. Works: In 10 vol. Vol. 6. Part II]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 1996. pp. 199–258.
5. Kozhinov V.V. *Nikolay Rubtsov. Zаметки о жизни и творчестве поэта* [Nikolai Rubtsov. Notes on the life and work of the poet]. Moscow: Sov. Rossiya Publ, 1976. 88 p.
6. Pedenko S.F. *Samaya zhguchaya svyaz* [The most burning relationship]. Rubtsov N.M. *Zvezda poley*. Moscow: Voskresen'e Publ., 1999. pp. 5–30.
7. Krasnikov G.N. *Rokovaya zatsepka za zhizn', ili V poiskah utrachennogo neba* [Fatal clue for life, or In search of lost heaven]. Moscow: Zvonnica-MG Publ., 2002. 496 p.
8. Oboturov V.A. *Iskrennie slovo. Stranicy zhizni i poeticheskiy mir Nikolaya Rubtsova: Oчерk* [Sincerely the word. Pages of life and the poetic world of Nikolai Rubtsov: Essay]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1987. 256 p.
9. Zablockiy N.A. *Ne pozvolyai dushe lenitsya: Stihotvoreniya i poemi* [Don't let the soul be lazy: verses and poems]. Moscow: Eksmo Publ., 2008. 384 p.
10. Rozanov V.V. *O pisatelstve i pisatelyah* [About writing and writers]. Moscow: Respublika Publ., 1995. 736 p.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СУДЕБНОЙ И ДОСУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Э.В. АДАМАНОВА, асп. каф. права МГУЛ

caf-pravo@mgul.ac.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д. 1, МГУЛ

Рассматриваются основные проблемы досудебной и судебной практики по правоприменению в сфере экологии, охраны окружающей среды и охраны здоровья граждан. При сравнительно малом количестве судебных разбирательств по экологическим вопросам отмечается тенденция их роста, анализируются основные причины, из-за которых разрешение экологических споров или не доходит до судебного разбирательства, или, уже в суде, не решается на должном уровне. Основными проблемами являются: пассивность и нежелание граждан обращаться в суд, если нарушение экологических норм не затрагивает их личных интересов; неинформированность населения о возможности защиты своих прав в суде по вопросам, связанным с нарушением состояния ОС и правом на возмещение ущерба, причиненного здоровью в результате экологического преступления; коррупционная составляющая в экологической сфере; проблемы в судебной системе (время и порядок проведения судебного разбирательства, соблюдение сроков, сложность доказывания, проведение экологических экспертиз и т.д.); проблемы, связанные с правоприменением статей УК РФ и КоАП РФ по вопросам охраны ОС, такие как недостаточная определенность текста закона (особенно в части последствий нарушений и конкретизации норм в гл.26 УК РФ и гл.8 КоАП РФ), множество понятий и признаков, трудно поддающихся расшифровке, большое количество бланкетных диспозиций и объективных признаков, требующих дополнительного обращения к нормативным правовым актам смежного природоресурсного и иных разделов законодательства; отсутствие в законодательстве четко прописанной ответственности органов и лиц, контролирующих состояние ОС, в том числе по причине неполной информации о выбросах предприятий в режиме «онлайн»; недостаточная ответственность за несоблюдение, а часто полное отсутствие профилактических мер, направленных на предотвращение экологических преступлений.

Ключевые слова: судебная практика, экологическое законодательство, охрана окружающей среды, загрязнение окружающей среды, ответственность должностных лиц, гл. 26 УК РФ, гл. 8 КоАП РФ.

Вопросы экологии и охраны окружающей среды (ОС) занимают важное место в жизни граждан нашей страны. Право каждого гражданина на благоприятную ОС, достоверную информацию о ее состоянии и возмещению ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением, закреплено в ст. 42 Конституции РФ [1].

Ситуации, связанные с нарушением законов в области экологии, возникают постоянно и повсеместно. В то же время судебная практика показывает, что в процентном соотношении количество судебных дел, связанных с нарушением экологических прав граждан и охраной ОС, не так велико. По данным на 2011 г. экологические преступления составили 1,6 % от всех зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации, однако исследователи отмечают довольно опасную тенденцию их роста [2].

Сравнительно малое количество дел, возбужденных по экологическим спорам,

скорее говорит не о благополучии в сфере охраны ОС, а о причинах иного рода:

Во-первых, довольно часто нежелание граждан обращаться в суд связано с их пассивностью в вопросах собственного права на здоровую и благоприятную ОС. Граждане крайне редко обращаются за судебной защитой, если нарушение экологических норм не затрагивает их личных интересов.

Во-вторых, немаловажную роль играет неинформированность населения о возможности защиты своих прав в суде по вопросам, связанным с нарушением состояния ОС, с правом на возмещение ущерба, причиненного здоровью в результате экологического правонарушения. До сих пор основную информацию о состоянии ОС граждане получают из СМИ.

В-третьих, нельзя исключить коррупционную составляющую в вопросах, связанных с экологией и охраной ОС.

В-четвертых, если подобные дела все же доходят до судов, зачастую они сталкиваются с целым рядом проблем, связанных со

временем и порядком проведения судебного разбирательства, соблюдением сроков, предусмотренных для рассмотрения дел, сложностью доказывания, проведением экологических экспертиз и т. д.

В-пятых, большинство исследователей указывают на проблемы, связанные с правоприменением статей УК РФ по вопросам охраны ОС. В первую очередь к ним относятся недостаточная определенность текста закона; обилие понятий и признаков, трудно поддающихся расшифровке; множественность бланкетных диспозиций и объективных признаков, для определения содержания которых необходимо дополнительно обращаться к нормативным правовым актам смежного экологического и природоресурсного законодательства [2].

И, наконец, в законодательстве отсутствует четко прописанная ответственность контролирующих органов за недостаточный контроль за состоянием ОС, в том числе, и по причине недоступности информации о выбросах предприятий в режиме «онлайн».

Особенностью применения юридической ответственности за экологические правонарушения является то, что нормы экологического законодательства являются отсылочными и, в большинстве случаев, определяют перечни правонарушений применительно к отдельным видам природных ресурсов, а конкретные наказания за них установлены в гражданском, административном и уголовном законодательстве. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. N 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» указано, что «при рассмотрении дел об экологических правонарушениях судам следует руководствоваться положениями гражданского, административного, уголовного и иного отраслевого законодательства, в том числе положениями Земельного, Лесного, Водного кодексов Российской Федерации, Федерального закона от 10 января 2002 г. N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», другими законами и иными нормативными правовыми

актами Российской Федерации и ее субъектов в области охраны окружающей среды и природопользования» [3]. В качестве истцов в подобных делах выступают отдельные граждане, организации и прокуратура в лице природоохранного прокурора. Прокурор, в силу полномочий, предоставленных ему ст. 45 ГПК РФ, может обращаться в суд с требованием о защите неопределенного круга лиц независимо от того, причинен ли вред ОС в результате экономической деятельности ответчика (см., например, Определение Московского городского суда от 22.06.2010 г. по делу N 33-18218, Кассационное определение Амурского областного суда от 15.02.2012 по делу N 33-465/2012 и др.). На право прокурора участвовать в делах, связанных с экологическими правонарушениями, указывает п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда от 18.10.2012 г. N 21.

Судебная практика показывает, что физические лица по экологическим вопросам в качестве истцов обращаются в суды довольно редко. Например, в Щелковском городском суде Московской области за 2014 г. было рассмотрено только два подобных дела: одно – в отношении гражданина И., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 260 ч. 3 УК РФ, совершившего незаконную рубку лесных насаждений в особо крупном размере на участке потерпевшего В., выступившего инициатором данного дела (Дело №... от 28.04.2014 года). Другое дело было рассмотрено по иску гражданина Л. к СНТ «Луч» с требованием ликвидации мусорной свалки. (Дело №... от 19.03.2014 г.).

В сельской местности и в небольших городах судами общей юрисдикции в отношении физических лиц чаще всего возбуждаются уголовные дела, связанные с незаконной рубкой деревьев, незаконными охотой и рыбалкой. В частности, анализ судебной практики Кемеровского областного суда за 2007–2009 гг. показал, что большинство уголовных дел в Кемеровской области возбуждено по ст. 260 (незаконная рубка лесных насаждений). В представленном документе отмечено, что мотив и цель этого

рода преступлений значения не имеют, однако аналитики обратили внимание на проблему, связанную с основными причинами, объясняющими подобные преступления, – в основном они совершаются безработными жителями деревень, которые либо продают незаконно срубленную древесину, так как не имеют иной возможности прокормить семью, либо пускают ее на отопление своего жилья. В этом же документе обращается внимание и на проблему, связанную с правоприменением указанной статьи, а именно – чрезмерную строгость судов по отношению к подсудимым (к лишению свободы были приговорены 15 из 18 осужденных). Ст. 260 УК РФ предусматривает и иные возможные санкции, такие как штраф, условный срок или исправительные работы. Суды Кемеровской области рассматривали состав каждого преступления с учетом индивидуальных обстоятельств, однако часто не применяли подобные санкции, мотивируя это тем, что невозможно предоставить рабочие места для исправительных работ по причине безработицы в деревнях, а штрафы за причиненный ущерб настолько велики, что осужденные просто будут не в состоянии их оплатить. Поэтому, как отмечено в анализе судебной практики, при назначении наказания суды исходили из того, что «наказание должно быть таким, чтобы была возможность его реально исполнить» [4].

Обобщение судебной практики Пензенской области за 2007 г. показало, что в области экологии было совершено 9 уголовных преступлений и все по ст. 260 УК РФ (незаконная рубка лесных насаждений). Но, в отличие от Кемеровской области, основной мерой наказания здесь явилось условное лишение свободы с испытательным сроком или исправительные работы с удержанием 15 % от заработка осужденных в доход государства [5]. В Федеральном законе от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ санкции статей гл. 26 УК РФ были в значительной мере реформированы, однако исследователи обращают внимание на то, что в Обзоре деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей судебная практика по уго-

ловным делам, связанным с рассмотрением судами экологических преступлений, почти не упоминается, что говорит об определенной недооценке состояния судебной практики по рассматриваемой категории дел. В целом, как полагают исследователи, более 90 % наказаний по таким делам все-таки не связано с лишением свободы [6].

Больше половины административных дел (по Пензенской области 22 из 38) связано с несоблюдением санитарно-эпидемиологических и экологических требований при обращении с отходами производства и потребления или иными опасными веществами, ответственность за которые предусматривается ст. 8.2 КоАП РФ. Большинство из указанных производств было возбуждено по заявлению прокуроров [5]. Примерно такая же картина, в целом, характерна и для других регионов нашей страны.

Довольно часто административные дела, связанные с нарушением правил природопользования, возбуждаются по заявлениям государственных организаций. Так, административное производство по заявлению Департамента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Центральному Федеральному округу было возбуждено в отношении ООО «ЭкоПолигон–Щелково», которое, в связи с нарушением правил эксплуатации полигона при ведении деятельности по обращению с отходами, было привлечено к административной ответственности по ст. 8.2 КоАП РФ (Дело № ... от 13.12.2013 г.). В целом, судебная практика показывает, что наибольшее количество административных правонарушений в экологической сфере возбуждается именно по ст. 8.2 КоАП РФ.

Следует отметить, что в целом ряде случаев суды отказывают в исках по причине недоказанности заявленных требований. И это одна из основных проблем, связанных с избежанием наказания лицами, виновными в нарушении экологических норм и правил. Так, Кузьминским районным судом г. Москвы (Дело № ... от 26.09.2011 г.) отказано в удовлетворении требований прокурора ЮВАО г. Москвы в интересах неопределенного

круга лиц к ЗАО «...» о проведении инвентаризации выбросов вредных веществ в атмосферный воздух стационарными источниками предприятия и получении разрешения на выброс вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух. В качестве аргумента судом определено, что доказательств о нарушении ответчиком природоохранного законодательства при рассмотрении данного дела суду не предоставлено. Это решение суда указывает не на противозаконность или неправомочность требований прокурора, а на слабость нормативной базы самого законодательства, сложность доказывания причинно-следственной связи, установление конкретного виновника, определение источника загрязнения и негативных последствий, которые зачастую проявляются не сразу.

Во многом это относится и к применению ст. 250 УК РФ, по которой за 2010 г. по России в суды направлено только 2 из 27 дел [7]. Такой крайне низкий показатель говорит о насущной необходимости совершенствования и ужесточения законодательства в части угроз причинения вреда ОС и здоровью граждан, поскольку сам факт превышения ПДК вредных веществ, например в водоеме, в уголовно-правовом порядке не наказуем. Поэтому исследователи указывают не недопустимость ситуации, когда ОС загрязнена, но при этом не наблюдается явных признаков массовой гибели животных, растительного мира, причинения вреда жизни и здоровью человека и иных тяжких последствий, то в возбуждении уголовного дела отказывается, а уже возбужденное дело прекращается [8].

Юристы и экологи отмечают, что определить уровень загрязнения ОС можно довольно точно, а судебная практика показывает, что в этом вопросе есть существенные недоработки. Исследователи отмечают неэффективность норм, связанных с загрязнением ОС [9]. Экологические преступления, повлекшие причинение вреда здоровью человека, указаны в гл. 26 УК РФ. Создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека зафиксировано в ч.1 ст. 247 УК РФ. В то же время, юристы отмечают, что для того, чтобы

норма указанной статьи «заработала» в полном объеме, в законе, нормативном правовом акте или разъяснении Верховного суда РФ необходимо четко зафиксировать, какое из превышений ПДК (предельно допустимой концентрации) вредных веществ в окружающей среде является административным правонарушением, а какое влечет за собой уголовную ответственность. Без данной конкретизации эта статья остается «только декларацией, нормой не применяемой, а лишь «пугающей» лиц, виновных в загрязнении окружающей среды» [10]. Следует отметить, что необходимо уточнение самого понятия ПДК, которое вводит граждан в заблуждение, когда, с одной стороны, это превышение **уже «предельно (выделено авт.) допустимой концентрации»**, а с другой стороны, превышение ПДК в два, три,...-дцать раз по заявлению официальных лиц и часто даже медицинских работников якобы не несет угрозы здоровью населения.

Этот вопрос вновь стал актуальным осенью 2014 г., когда жители Москвы подверглись «газовой атаке» от неоднократных загрязнений воздуха продуктами горения торфяников, сжигания поврежденной короедом древесины (так называемого «планового сжигания порубочных остатков»), а 10.11.2014 г. – масштабного загрязнения столичного воздуха сероводородом. И если в случае с выбросом сероводорода было начато расследование (Росприроднадзор возбудил дело об административном правонарушении по ст. 8.21 КоАП РФ «нарушение правил охраны атмосферного воздуха»), то в случае с горением древесины и торфяников никаких серьезных выводов не последовало и ни один факт нарушения прав граждан не дошел до судебного разбирательства. Ответственные лица поначалу отрапортовали об отсутствии на их территории очагов возгораний, хотя налицо было несколько очевидных признаков, доказывающих нарушение экологического состояния и причинения вреда здоровью граждан: наличие недопустимой концентрации гари в воздухе и подтвержденные аэрофото- и видеосъемкой доказательства присутствия на территории Московской области многочисленных очагов горения. Только после проведения силами

МЧС *ночных* (курсив авт.) рейдов, были выявлены многочисленные нарушения, потушены очаги горения и запрещено сжигание порубочных остатков вплоть до особого распоряжения. Таким образом, налицо безответственность, халатность и нежелание должностных лиц выполнять свою работу даже в тех случаях, когда это касается их личного здоровья и здоровья членов их семей.

К основным причинам, способствующим возникновению подобных ситуаций, следует отнести недостаток финансирования, фактическую бесхозность и ненадлежащий контроль, а по сути – беспризорность больших участков леса, неудовлетворительную работу государственной лесной охраны. Но самое главное – отсутствие в законодательстве четко зафиксированных профилактических мер, направленных на недопустимость возникновения подобных ситуаций в будущем. То есть, по факту нарушения экологических прав граждан были проведены комплексные мероприятия по устранению последствий, но это не означает, что данные нарушения не повторятся вновь, пока законодательно не будет ужесточена ответственность за породившие их причины.

Отсутствие надлежащего контроля за состоянием ОС в период относительного благополучия, то есть не на момент очередного ЧП, является проблемой, порождающей неуверенность граждан и возможность различного рода экологических правонарушений в самых различных областях. В частности, когда в Москве при пожаре в НИИ вакуумной техники, произошедшем в ноябре 2014 г., взорвались колбы с ртутью, среди жителей столицы это породило панику. Лаборатория при ГУ МЧС зафиксировала превышение ПДК паров ртути в 7 раз в очаге пожара, граждан заверили, что за пределами НИИ превышений не выявлено. Тогда же стало известно, что Мосэкомониторинг, организация, которая постоянно следит за состоянием ОС в Москве, не имеет датчиков для обнаружения в воздухе паров ртути, что говорит об угрозе здоровью граждан в случае неочевидных происшествий с этим опасным веществом. Заместитель начальника центра управления

в кризисных ситуациях Главного управления МЧС России по Москве Дмитрий Федотов заявил, что «если происходит какое-то происшествие с ртутью на том или ином объекте, уже непосредственно выезжает лаборатория МЧС России по Москве и Роспотребнадзор по Москве... Это их полномочия, это благополучие населения, это за ними закреплено» [11]. Таким образом, ситуация с некоторыми опасными веществами в Москве не контролируется постоянно, а фиксируется по факту ЧП. Например, до сих пор никто не несет ответственности за неправильную утилизацию содержащих ртуть приборов, которые в нашей стране будут продаваться до 2020 г. В основном это касается градусников и ламп (особенно модных сейчас энергосберегающих), которые граждане выбрасывают в мусоропроводы, не заботясь о том, что подъезды их жилых домов постепенно становятся опасными для здоровья и даже жизни, но никакой проверки подъездов не ведется. Это, в свою очередь, говорит о еще одной проблеме – крайне низком уровне экологического просвещения граждан и недостаточном контроле со стороны ответственных за экологическую безопасность лиц.

Еще одна экологически опасная ситуация произошла в санитарной зоне Московского нефтеперерабатывающего завода, когда искали источник загрязнения воздуха сероводородом. Анализы проб в различных местах показали превышение ПДК в воздухе в 23 и в 30 раз изопропилбензола, вещества крайне опасного для здоровья людей. По этому факту возбуждено дело по ч. 1 ст. 251 УК РФ «нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ, если эти деяния повлекли загрязнение и иное изменение природных свойств воздуха» [12]. Таким образом, грубейшие нарушения экологических норм чаще всего фиксируются по факту ЧП, а необходимый мониторинг со стороны государства выбросов и отходов от предприятий, представляющих потенциальную угрозу для жителей, отсутствует.

Из вышесказанного становится очевидным низкий процент дел, рассматриваемых в судах по экологическим вопросам.

К сожалению, большинство официальных лиц, как отвечающих за экологическую безопасность, так и создающих экологическую угрозу, уходят от ответственности и не подвергаются никаким наказаниям – ни за недостаточные действия по предотвращению экологических преступлений, ни за очевидное искажение информации о происходящем. Конечно, нельзя сказать, что работа в этом направлении не ведется и к ответственности никто не привлекается, но, по сравнению с масштабами экологических правонарушений, этого явно недостаточно.

Показательно, что географическое положение различных субъектов Российской Федерации в определенной степени обуславливает характер нарушений экологического законодательства. В частности, судебная практика показывает, что в Астраханской, Ростовской и других южных областях, а также в приморских районах севера и востока РФ гражданами в основном совершаются экологические преступления по ст. 256 УК РФ (незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов) [13].

В то же время, можно говорить о целом ряде экологических правонарушений и преступлений, распространенных повсеместно. В первую очередь к ним относятся уже упоминавшиеся нарушения по ст. 8.2 КоАП РФ и, поскольку наша страна продолжает оставаться одной из самых крупных лесных держав, наиболее часто в экологической области совершаются преступления по ст. 260 УК РФ (незаконная рубка лесных насаждений). Здесь наиболее опасными являются преступления, совершенные группой лиц с корыстными целями. Показатели количества таких преступлений не идут ни в какое сравнение с причиненным государству ущербом. В частности, в Амурской области из 198 уголовных дел по ст. 260 УК, рассмотренных за период с 2005 по 2007 г., к преступлениям, совершенным группой лиц, относится только 7, однако ущерб от деятельности этих групп составил около 9 млн руб., что сопоставимо с материальным ущербом по всем остальным преступлениям, совершенным по этой статье [14].

Судебная практика показывает, что в крупных городах возбуждается довольно много дел, связанных с загрязнением ОС и уничтожением зеленых насаждений. Это, в первую очередь, обусловлено перенаселенностью городов и попытками граждан или общественных организаций защитить ОС от дальнейшего загрязнения и уничтожения. И в этом вопросе мелочей быть не может: даже вырубка одного или нескольких деревьев, а также незначительное повреждение озелененной территории может стать предметом судебного разбирательства. В частности, Измайловским районным судом г. Москвы в декабре 2010 г. вынесено Постановление о возмещении ущерба за нарушение природоохранного законодательства в связи с незаконным уничтожением газона (Дело № ...от 23.12.2010 г.). В целом, только в Москве за 2009–2010 гг. рассмотрено около 350 дел, в т. ч. за преступления, совершенные по ст. 260 УК РФ. Отличие преступлений подобного рода в городах от сельской местности заключается в том, что противоправная вырубка деревьев осуществляется не с целью их дальнейшей продажи или отопления жилых помещений, а для освобождения территории под строительство или осуществления иных видов хозяйственной деятельности. И здесь, к сожалению, довольно часто присутствует проблема, связанная с коррупцией чиновников, допускающих строительство на озелененных территориях, предназначенных для отдыха горожан и улучшения экологической обстановки в городах в целом.

В то же время существует целый ряд городов, где проблема нанесения вреда ОС и здоровью граждан носит перманентный характер, однако власть не предпринимает никаких попыток по улучшению ситуации, в том числе и потому, что граждане не знают своих законных прав на благоприятную ОС и не обращаются в массовом порядке в суд. В первую очередь это относится к крупным промышленным городам, таким как Челябинск, Магнитогорск и др., а также к так называемым моногородам, где вся инфраструктура сложилась вокруг одного пред-

прияття, которое и наносит вред ОС, например, Сегежский ЦБК в г. Сегежа в Карелии. Чиновники оправдывают свое бездействие по изменению экологической ситуации тем, что такие предприятия необходимо попросту закрывать, а закрытие лишит работы сотни людей. В то же время, если бы был надлежащим образом усилен государственный контроль с применением положенных по закону санкций, модернизация производств не заставила бы себя ждать.

В целом судебная практика по вопросам охраны ОС показывает, что эта сфера деятельности судов не простаивает и дошедшие до судебного разбирательства дела, в основном, решаются в пользу благополучия граждан. В то же время, существует ряд проблем, как в сфере отношения граждан к состоянию ОС, так и в судебной системе, и решать их необходимо комплексно, а именно:

– Активно привлекать граждан участвовать в защите своих «экологических» интересов и прав в суде, ликвидировать их правовую безграмотность с привлечением печатных СМИ, телевидения и Интернета, активнее работать со школьниками и студентами.

– Бороться с неповоротливостью судебной бюрократической машины, усилить поддержку со стороны государственных органов, ответственных за соблюдение экологического законодательства.

– Государству и обществу самым решительным образом избавляться от коррупции в экологической сфере.

– Внести необходимые поправки и уточнения в статьи законодательства, связанные с нанесением вреда ОС и здоровью граждан, особенно в части статей, касающихся угрозы причинения вреда, а также конкретизирующие нормы гл. 8 КоАП РФ и гл. 26 УК РФ, предусматривающие административную или уголовную ответственность.

– Законодательно ужесточить ответственность должностных лиц за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, за сокрытие информации и введение граждан в заблуждение по вопросам, касающимся охраны ОС и здоровья граждан.

– Законодательно усилить контроль за состоянием ОС с применением всех доступных средств и способов в целом и за предприятиями, несущими потенциальную угрозу здоровью граждан, в частности.

– Законодательно ужесточить меры по профилактике экологических правонарушений и преступлений с определением круга лиц, ответственных за их соблюдение.

Все эти вопросы можно было бы решить при наличии строгого государственного контроля и достаточного количества грамотных специалистов юристов, умеющих, а самое главное, желающих защищать интересы граждан по вопросам охраны ОС [15].

Библиографический список

1. Конституция РФ. Ст. 42.
2. Круглов, В.В. Об эффективности мер уголовной ответственности в области охраны окружающей среды, использования и охраны природных ресурсов в РФ / В.В. Круглов, Е.Ю. Гаевская // Российский юридический журнал. – 2011. – № 4. – С. 194–200.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. N 21 // Российская газета № 25. (от 31.10.2012 г.); ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002.
4. http://kemerovo.news-city.info/docs/sistemse/dok_iegvdo/
5. <http://www.oblsud.penza.ru/articles/2008/04/011.asp>
6. Кашепов, В.П. Развитие законодательства об уголовной ответственности за экологические преступления: <http://www.center-bereg.ru/640.html>
7. Лужбин, А., Швейгер А. Сложности применения ст. 250 УК РФ / А. Лужбин, А. Швейгер // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 53–58.
8. Попов, И.В. В поисках критерия уголовной наказуемости деяний, посягающих на природную среду // Российский следователь. 2010. № 9. С. 13 – 20.
9. Безрук, А.Н. Совершенствование уголовного законодательства, направленного на борьбу с преступлениями, связанными с загрязнением окружающей среды // Правовая политика и правовая жизнь. – 2010. – № 2 (39). – С. 154–159.
10. Тяжкова, И.М. Экологические преступления в новом УК РФ. http://www.jursites.ru/tyazhkova_ekologicheskiespres.
11. Чем мы дышим. <http://www.echo.msk.ru/programs/blogout1/1444506-echo/>
12. Откуда ветер дует. <http://interfax-russia.ru/Moscow/view.asp?id=557407>
13. <https://rospravosudie.com/law>
14. Практика применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дел об ответственности за незаконную рубку леса (по материалам судебной практики Амурской области) <http://greenpressa.ru/forum/viewtopic.php?f=30&t=1873>
15. Майорова, Е.И. Современные проблемы экологического образования // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 2013. – № 5 (97). – С. 119–123.

PROBLEMS OF APPLICATION OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION
IN THE PRE-TRIAL AND JUDICIAL PRACTICE

Adamanova E.V., pg MSFU

caf-pravo@mgul.ac.ru

Moscow State Forest University (MSFU), 1st Institutskaya st., 1, 141005, Mytishi, Moscow reg., Russia

The main problems of pre-trial and judicial practice of law enforcement in the field of ecology, environmental protection and public health protection are regarded. With a relatively small number of trials on environmental issues there is a trend of their growth, the main reasons because of which the solution of environmental disputes either is not considered in the court or if considered not at the appropriate level are analyzed. The main problems are: passivity and unwillingness of citizens to go to court, if the violation of environmental regulations does not affect their personal interests; population's unawareness of the possibility to defend their rights in court on matters relating to the violation of the state of the ecological system and population's unawareness of its right for compensation for damage caused to health as a result of environmental crime; corruption component in the environmental field; problems in the judicial system (time and manner of the trial process, adherence to deadlines, the complexity of proof, conduction of environmental assessments, etc.); problems related to the enforcement of articles of the Criminal Code and of the Administrative Code on the Protection of the environment, such as: vagueness of the text of the law (especially considering the consequences of violations and specification of standards in ch.26 of the Criminal Code and ch.8 of the Administrative Code), a number of concepts and features that are difficult to interpret, a large number of blanket dispositions and objective evidence requiring further treatment to normative legal acts related to environmental legislation; a lack of well-defined responsibility of those who control the state of the environment in the legislation, including incomplete information on industrial emissions in the «online» regime; a lack of responsibility for failure to comply with it, and often a complete lack of preventive measures to prevent environmental crimes.

Key words: jurisprudence, environmental legislation, environmental protection, litigation, pollution of the environment, responsible officials, Ch. 26 of the Criminal Code, Ch. 8 of the Administrative Code.

References

1. *Constitutsiya RF. Statya 42.* [The Constitution of the Russian Federation. Art.42.]
2. Kruglov V.V., Gayevskaya E.U. *Ob effektivnosti mer ugolovnoy otvetstvennosti v oblasti okhrany okruzhayushey sredi, ispolzovaniya e okhrany prirodnykh resursov* [On the effectiveness of criminal responsibility in the field of environmental protection, use and protection of natural resources in the Russian Federation] *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Law Journal], 2011, no. 4, pp. 194-200.
3. *Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoy Federatsii ot 18 octyabrya 2012, № 21; FZ «Ob okhrane okruzhayushey sredi» « ot 10.01.2002.* [The decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 18, 2012, №21; Federal Law «On Environmental Protection» of 10.01.2002.]
4. http://kemerovo.news-city.info/docs/sistemse/dok_iegvdol/
5. <http://www.oblsud.penza.ru/articles/2008/04/011.asp>
6. Cashepov V.P. *Razvitiye zakonodatel'stva ob ugolovnoy otvetstvennosti za ekologicheskiye prestupleniya.* [Development of legislation on criminal liability for environmental crimes] Available at: <http://www.center-bereg.ru/640.html>
7. Luzhbin A., Shveiger A. *Slozhnosty primeneniya st. 250 UC RF* [The complexity of the application of Art. 250 of the Criminal Code] *Ugolovnoye pravo* [Criminal law], 2012, no. 3, pp. 53–58.
8. Popov I.V. *V poiskakh criteriya ugolovnoy nakazuemosti deyaniy, posyagayuschikh na prirodnyuyu sredu* [In search criterion criminal offenses, encroaching on the environment] *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian investigators] 2010, no 9, pp.13-20.
9. Bezruc A.N. *Sovershenstvovaniye ugolovnogo zakonodatel'stva, napravlennogo na bor'bu s prestupleniyami, svyazannymy s zagryazneniem ocruzhayushey sredi* [Improvement of criminal legislation aimed at combating crimes related to pollution] *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and legal life] 2010. no 2 (39), pp. 154-159.
10. Tyazhkova I.M. *Ekologicheskie prestupleniya v novom UC RF.* [Environmental crime in the new Criminal Code] Available at: http://www.jursites.ru/tyazhkova_ekologicheskie_pres.
11. *Chem me dishim* [What do we breathe] Available at: <http://www.echo.msk.ru/programs/blogout1/1444506-echo/>
12. *Otcuda veter duyet* [Where the wind blows] Available at: <http://interfax-russia.ru/Moscow/view.asp?id=557407>
13. <https://rospravosudie.com/law>
14. *Practica primeneniya ugolovnogo i ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva pri rassmotrenii del ob otvetstvennosti za nezakonnyuyu rubku lesa (po materialam sudebnoy practiki Amurskoy oblasti)* [The practice of criminal law and criminal procedural law in cases of liability for illegal logging (based on jurisprudence of the Amur Region)] Available at: <http://greenpressa.ru/forum/viewtopic.php?f=30&t=1873>
15. Maiorova E.I. *Sovremenniyemye problemy ekologicheskogo obrazovaniya* [Modern problems of environmental education]. Moscow State Forest University Bulletin – Lesnoi vestnic. 2013, no. 5 (97), pp. 119–123.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЖАРОБЕЗОПАСНОСТИ ООПТ И ООЗТ г. МОСКВЫ

Г.А. ЗАКАРИН, *асп. каф. права МГУЛ*

caf-pravo@mgul.ac.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д. 1, МГУЛ

Для совершенствования защиты особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и особо охраняемых зеленых территорий (ООЗТ) г. Москвы от пожаров в законодательстве должны быть предусмотрены все возможные меры: профилактика лесных пожаров, мониторинг и экстренное реагирование на возгорания. Должны быть законодательно определены конкретные меры пожарной безопасности на ООПТ и ООЗТ г. Москвы: предупреждение пожаров и мониторинг пожарной опасности; разработка и утверждение планов тушения пожаров; иные меры пожарной безопасности (прокладка просек, устройство противопожарных разрывов, противопожарных минерализованных полос, пожарных водоемов и подъездов к источникам противопожарного водоснабжения и др.) Необходимо стимулировать использование современных технологий связи и видеонаблюдения для снижения затрат на мониторинг и экстренное реагирование. Для ООПТ и ООЗТ г. Москвы препятствием для использования подобных систем служат только некоторые нормативные акты, связанные с охраной государственной тайны. Для эффективного взаимодействия всех сторон, вовлеченных в мониторинг территорий ООПТ и ООЗТ г. Москвы, и экстренного реагирования на возгорания необходимо законодательно урегулировать обязанности каждой стороны в обеспечении защиты лесов от пожаров. Для реализации этого плана предлагается провести целый ряд необходимых мероприятий: законодательно обязать мобильных операторов и собственников мачт сотовой связи предоставлять инфраструктуру для установки средств видеонаблюдения и передачи информации в центр обработки данных и оповещения служб экстренного реагирования; законодательно обязать лесничества, обслуживающие ООПТ и ООЗТ г. Москвы, использовать подобные системы вместо дорогостоящего применения авиации и спутникового мониторинга. Законодательно закрепить за метеорологическими центрами ответственность за своевременное обеспечение центров мониторинга прогнозов погоды с учетом особенностей конкретных ООПТ или ООЗТ г. Москвы, разработать для центров мониторинга нормативные методические документы для определения параметров видеонаблюдения в зависимости от погодных условий. Система видеонаблюдения, включая приложения видеоаналитики (для распознавания возгораний), должна быть сертифицирована, для этого ее необходимо внести в классификацию противопожарных средств. Должны быть законодательно определены источники финансирования лесничеств, обслуживающих ООПТ и ООЗТ г. Москвы, для покупки или аренды подобных систем, их технической поддержки и управления рабочим циклом.

Ключевые слова: территории природного комплекса, пожарная безопасность, мониторинг, экстренное реагирование, видеонаблюдение, операторы сотовой связи, мачты сотовой связи.

Особо охраняемые природные территории Москвы (ООПТ) занимают около 17 процентов площади города. Это территории, на которых расположены природные комплексы и объекты, имеющие особое природоохранное, культурное, научное, эстетическое и оздоровительное значение. На сегодняшний день на территории г. Москвы к ООПТ относятся 119 объектов: от самого крупного из них – национального парка «Лосиный остров», имеющего федеральный статус, до ста различных памятников природы. Территории, расположенные в границах ООПТ, в основном покрыты многолетними лесными насаждениями, которые требуют со стороны их владельцев не только охраны от повреждений или уничтожения в результате незаконных рубок, но и защиты от пожаров и профилактического противопожарного обустройства.

Довольно остро вопрос пожаробезопасности зеленых насаждений г. Москвы встал в 2012 г., когда в результате расширения г. Москвы в границы вошло около 75 тысяч га лесных территорий. Согласно постановлению Правительства Москвы № 423-ПП от 22 августа 2012 г. «Об особо охраняемых зеленых территориях в городе Москве» все лесные массивы на присоединенных к столице территориях были объявлены особо охраняемыми зелеными территориями (ООЗТ). Вместе с тем, становится очевидным, что при всех усилиях властей по максимальному сохранению зеленых насаждений, как в «старой», так и в Новой Москве, антропогенная нагрузка на них с каждым годом будет возрастать. Среди прочих опасностей, которым постоянно подвергаются расположенные в городе зеленые территории, угроза возникновения лесных пожаров представляется наиболее реальной.

Эта угроза заставляет власти использовать как самые современные, так и старые, проверенные временем способы борьбы с пожарами. В частности, в сентябре 2014 г. перед молебном в храме Христа Спасителя, посвященном памяти сотрудников МЧС, погибших при исполнении служебного долга, Глава департамента надзорной деятельности и профилактической работы МЧС России Виктор Климкин напомнил, что при пожарах помогает икона Божьей Матери «Неопалимая Купина». Эта икона считается покровительницей пожарных. В. Климкин рассказал о случае в Костромской области, произошедшем в 2010 г., когда жители одной из деревень вышли навстречу пожару с образом, и пламя обошло деревню стороной [1]. В то же время, на сегодняшний день имеется масса возможностей по использованию современных технологий в борьбе и, что самое главное, в профилактике лесных пожаров. Однако применение таких технологий сталкивается не только с материальными проблемами, но и, в большинстве случаев, с проблемами, связанными с отсутствием законодательной поддержки.

Законы г. Москвы в вопросах, связанных с противопожарной безопасностью на ООПТ и ООЗТ, не вполне соответствует реалиям нашего времени. В частности, охрана произрастающих на ООПТ и ООЗТ зеленых насаждений осуществляется в соответствии с Правилами создания, содержания и охраны зеленых насаждений города Москвы, утвержденными постановлением Правительства Москвы от 10.09.2002 № 743-ПП. Однако вопросы обеспечения пожарной безопасности ООПТ и ООЗТ указанным нормативным правовым актом не регламентируются. Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «Об особо охраняемых природных территориях» также не предусматривает конкретных мер пожарной безопасности.

Охрана и пожарная безопасность ООПТ и ООЗТ г. Москвы в настоящее время обеспечивается Законом г. Москвы от 26.09.2001 № 48 «Об особо охраняемых природных территориях в городе Москве» (в ред. Законов г. Москвы от 14.07.2004 № 48, от 08.12.2004 № 82, от 11.05.2005 № 16,

от 18.01.2006 № 5, от 04.07.2007 № 32, от 21.11.2007 № 45, от 24.09.2008 № 42, от 17.12.2008 № 67, от 29.04.2009 № 9, от 10.06.2009 № 19) и Постановлением Правительства Москвы от 30.09.2008 № 880-ПП «Об утверждении правил пожарной безопасности в городе Москве» с внесенными изменениями от 30.01.2013 № 36-ПП.

Закон г. Москвы от 26.09.2001 № 48 «Об особо охраняемых природных территориях в городе Москве» в ред. Закона г. Москвы от 21.11.2007 № 45 определяет меры противопожарной безопасности на ООПТ. Согласно ст. 30 запрещается сжигать сухие листья, разводить костры, траву, осуществлять весенний пал. Нарушение этих правил предусматривает соответствующие штрафы. Профилактических мер пожарной безопасности ООПТ г. Москвы в данном законе не предусмотрено.

Постановление Правительства Москвы от 30.09.2008 № 880-ПП «Об утверждении правил пожарной безопасности в городе Москве» с внесенными изменениями от 30.01.2013 № 36-ПП распространяется как на ООПТ, так и на ООЗТ. В данном документе вместе с запретительными мерами (разведение костров, сжигание сухой травы, замусоривание указанных территорий, использование мангалов вне специально обустроенных площадок и т. д.) определены и некоторые профилактические меры по предупреждению возможных возгораний. В частности, в обязанности юридических и физических лиц, в ведении которых находятся территории, занятые зелеными насаждениями на ООПТ и ООЗТ г. Москвы, входит своевременная уборка мусора, сухой растительности и других легковоспламеняющихся материалов.

Однако в условиях многомиллионного города меры, предусмотренные этими документами в области пожарной безопасности, не всегда эффективны, поскольку не охватывают всего комплекса проблем. В имеющихся законах не определены конкретные меры пожарной безопасности, такие как предупреждение пожаров и мониторинг пожарной безопасности, разработка и утверждение планов тушения пожаров, а также иные меры пожар-

ной безопасности, в том числе прокладка про-сек, устройство противопожарных разрывов, противопожарных минерализованных полос, пожарных водоемов и подъездов к источникам противопожарного водоснабжения и др.

Наиболее полно меры пожарной безопасности в отношении различных категорий лесов зафиксированы в ст.ст. 52, 53 ЛК РФ, Правилах пожарной безопасности в лесах, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 30.06.2007 № 417 «Об утверждении Правил пожарной безопасности в лесах», постановлении Правительства РФ от 16.04.2011 № 281 «О мерах противопожарного обустройства лесов», а также приказа Рослесхоза от 27.04.2012 № 174 «Об утверждении Нормативов противопожарного обустройства лесов».

Сложность применения этих законов заключается в том, что власти г. Москвы не ввели в состав ООПТ и ООЗТ категорию городских лесов, которая в Законе г. Москвы от 26.09 2001 № 48 «Об особо охраняемых природных территориях в городе Москве» в ред. Закона г. Москвы от 21.11.2007 № 45 предусмотрена, однако конкретно к ней леса в черте города не отнесены. В данном случае речь идет о значительной территории. Вместе с тем, характеристики вошедших в состав Москвы лесов как экологической системы не изменились и, следовательно, требуют проведения мер противопожарного обустройства, аналогичных для участков лесного фонда. Согласно п. 2 ст. 27 закона «Об особо охраняемых природных территориях в городе Москве» охрана и использование территории городских лесов осуществляется в соответствии с Лесным кодексом Российской Федерации и иным законодательством. Но, поскольку городских лесов в г. Москве нет, Лесной кодекс РФ в данном случае применить затруднительно. В то же время ст. 102 ЛК РФ относит леса, расположенные на землях особо охраняемых территорий, к защитным лесам. А в отношении этих лесов ЛК РФ применим. Следовательно, меры пожарной безопасности, отраженные в ст. ст. 52,53 ЛК РФ, применимы к лесам, расположенным на ООПТ г. Москвы. Но на ООПТ г. Москвы, как уже отмечалось,

лесов нет. Они есть на ООЗТ г. Москвы. А в отношении ООЗТ действие ЛК РФ не распространяется, потому что такая категория в нем отсутствует. И вот здесь, на наш взгляд, необходимо использовать такое понятие, как «аналогия права». По такой же аналогии возможно трактовать и другие законы, связанные с противопожарной безопасностью городских лесов.

Часть 4 ст. 1 ГПК РФ допускает применение аналогии в гражданском процессуальном праве. В случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи (далее также – суд) применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права). Применение аналогии закона и права обусловлено необходимостью восстановления пробелов в правовом регулировании порядка рассмотрения и разрешения насущных правовых вопросов, что соответствует принципу законности. При применении аналогии закона и права необходимо иметь в виду, что это возможно при наличии пробела в законе или праве, а не его видимость, что в ситуации с ООЗТ г. Москвы отражает имеющуюся проблему и предполагает выход для ее разрешения.

В свою очередь, и в ЛК РФ противопожарные мероприятия не вполне отвечают реалиям настоящего времени. Исследователи обращают внимание на существенные недоработки в этом законе [2]. Это относится к вопросам финансирования, мерам воздействия на нарушителей, профилактическим мерам и т. д. [3]. Кроме того, существующее законодательство не способствует тому, чтобы в области контроля, особенно в отношении крупных лесных массивов, использовались современные технологии связи и видеонаблюдения, позволяющие снизить затраты на мониторинг и экстренное реагирование.

Для совершенствования защиты ООПТ и ООЗТ г. Москвы от пожаров законодательством должно быть охвачено все: профилактика,

мониторинг и экстренное реагирование. В законодательстве должны быть учтены возможности применения новых технологий в области обнаружения возгораний и определены конкретные меры пожарной безопасности на ООПТ и ООЗТ г. Москвы, а именно:

- 1) предупреждение пожаров и мониторинг пожарной опасности;
- 2) разработка и утверждение планов тушения пожаров;
- 3) иные меры пожарной безопасности, такие как прокладка просек, устройство противопожарных разрывов, противопожарных минерализованных полос, пожарных водоемов и подъездов к источникам противопожарного водоснабжения и др.;
- 4) стимулирование использования современных технологий связи и видеонаблюдения для снижения затрат на мониторинг и экстренное реагирование.

Первые три задачи могут быть решены либо дополнениями в перечисленные законы, либо применением норм ГПК РФ к ООПТ и ООЗТ г. Москвы по аналогии права.

Задача по стимулированию использования современных технологий связи и видеонаблюдения для снижения затрат на мониторинг и экстренное реагирование может быть решена путем законодательного обеспечения связанного взаимодействия всех сторон, вовлеченных в мониторинг территорий ООПТ и ООЗТ г. Москвы и экстренное реагирование на возгорания.

Современные методы мониторинга и обнаружения лесных пожаров рассмотрены в статьях [4–9]. В общем случае, обнаружение лесных пожаров предусматривает строительство, размещение и организацию деятельности пожарных наблюдательных пунктов, грозопеленгацию, наземное и авиационное патрулирование лесов, космический мониторинг лесов, организацию связи и взаимодействия наземных и авиационных служб, оповещение о лесных пожарах.

Метод обнаружения лесных пожаров должен выбираться с учетом развития инфраструктуры и необходимым уровнем охраны лесов. Применение спутников и авиации для обнаружения очагов возгорания на ООПТ и

ООЗТ г. Москвы при низкой облачности малоэффективно и может быть целесообразно лишь при наступлении чрезвычайных ситуаций. То же самое можно сказать и в отношении использования беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) [10]. Их постоянное применение для мониторинга лесных пожаров предполагает существенные материальные затраты. В плохую погоду использование БПЛА может быть затруднено, а то и совсем невозможно. Скорее всего, БПЛА найдут свое применение на территориях, где нет иных способов мониторинга вероятных очагов возгорания или в случаях возникновения каких-либо нештатных ситуаций.

ООПТ и ООЗТ г. Москвы являются территориями, окруженными развитой дорожной сетью, поэтому обнаружение очагов лесных пожаров может производиться с помощью наземного оборудования, установленного на мачтах сотовой связи, которые обычно расположены вдоль дорог, на телевизионных вышках, вышках освещения и др. Это оборудование состоит из видеокамер, инфракрасных камер и тепловизоров, которые с помощью программного обеспечения, установленного на компьютере оператора в центре контроля, обеспечивают высокую эффективность обнаружения лесных пожаров и определения их координат на основе современных технологий: компьютерного зрения, геоинформационных систем (ГИС), технологий распределенных вычислений и Интернет-приложений. С помощью подобных систем каждая точка видеомониторинга может контролировать ситуацию на расстоянии до 30 км [11].

На данный момент для ООПТ и ООЗТ г. Москвы не существует никаких препятствий для использования подобных систем, за исключением некоторых нормативных актов, связанных с охраной государственной тайны. Современные технологии связи способствуют снижению затрат на мониторинг и экстренное реагирование. Для эффективного взаимодействия всех сторон, вовлеченных в мониторинг территорий ООПТ и ООЗТ г. Москвы, и экстренного реагирования на возгорания необходимо законодательно урегулировать

обязанности каждой стороны в обеспечении защиты лесов от пожаров. Для осуществления этого плана предлагается провести ряд необходимых мероприятий.

Во-первых, законодательно обязать мобильных операторов и собственников мачт сотовой связи предоставлять инфраструктуру для установки средств видеонаблюдения и передачи информации в центр обработки данных и оповещения служб экстренного реагирования.

Во-вторых, законодательно обязать лесничества, обслуживающие ООПТ и ООЗТ г. Москвы, использовать подобные системы вместо дорогостоящего применения авиации и спутникового мониторинга (если к данным ООПТ и ООЗТ не применяются нормативные акты для охраны государственной тайны).

В-третьих, законодательно закрепить за метеорологическими центрами ответственность за своевременное обеспечение центров мониторинга прогнозов погоды с учетом особенностей конкретных ООПТ или ООЗТ Москвы.

В-четвертых, разработать для центров мониторинга ООПТ и ООЗТ г. Москвы нормативные методические документы для определения параметров видеонаблюдения в зависимости от погодных условий. Например, чем засушливее погода, тем короче должен быть временной промежуток осмотра камерами определенных участков леса.

В-пятых, система видеонаблюдения, включая приложения видеоаналитики (для распознавания возгорания), должна быть сертифицирована. Для этого ее необходимо внести в классификацию противопожарных средств.

В-шестых, должны быть законодательно определены источники финансирования лесничеств, обслуживающих ООПТ и ООЗТ г. Москвы, для покупки или аренды подобных систем, их технической поддержки и управления жизненным циклом.

Таким образом, на основании вышесказанного, можно сделать следующие **выводы**.

– Предупреждение пожаров и мониторинг пожарной опасности ООПТ и ООЗТ

г. Москвы, разработку и утверждение планов тушения пожаров, а также другие меры пожарной безопасности можно обеспечить либо дополнениями в перечисленные законы, либо применением ГПК РФ к ООЗТ г. Москвы в части аналогии закона и права.

– Стимулирование использования современных технологий связи и видеонаблюдения для снижения затрат на мониторинг и экстренное реагирование необходимо обеспечить путем законодательного обеспечения связанного взаимодействия всех сторон, вовлеченных в профилактику пожаров на ООПТ и ООЗТ г. Москвы, мониторинг указанных территорий и экстренное реагирование на возгорания.

Библиографический список

1. «РИА Новости» от 17.09.14 <http://ria.ru/society/20140917/1024453319.html>
2. Кашин, В.И. Законодательное обеспечение национальной лесной политики России / В.И. Кашин // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 2013. – № 4(96). – С. 12, 14.
3. Исаев, А.С., Коровин, Г.Н. Лесная политика и законодательное обеспечение / А.С. Исаев, Г.Н. Коровин // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 2013. – № 4(96). – С. 19.
4. Кудрин, А.Ю. Современные методы обнаружения и мониторинга лесных пожаров / А.Ю. Кудрин, А.И. Запорожец, Ю.В. Подрезов // Технологии гражданской безопасности. – 2006. – Вып. 4. – Т. 3. – С. 66–67.
5. Воробьев, Ю.Л. Лесные пожары в Российской Федерации (состояние и последствия) / Ю.Л. Воробьев, В.А. Акимов, Ю.И. Соколов // Технологии гражданской безопасности. – 2006. – Вып. 4. – Т. 3 – С. 12–21.
6. Поляков, Р.Ю. Современные технологии предупреждения и ликвидации пожаров на примере Воронежской области / Р.Ю. Поляков, Н.В. Мозговой // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. – 2012. – Вып. 4 (5) – С. 31–33.
7. Актуальные проблемы снижения рисков, смягчения последствий и оперативного реагирования на последствия лесных пожаров на примере Вологодской области / С.А. Соболев // Технологии гражданской безопасности. – 2006. – Вып. 4. – Т. 3 – С. 37–45.
8. Звягинцева, А.В. Оценка современных методик прогнозирования развития пожаров и возможные пути их усовершенствования / А.В. Звягинцева, Д.В. Яковлев, Ф.И. Федянж // Технологии гражданской безопасности. – 2006. – Вып. 4. – Т. 3 – С. 34 –36.
9. Макара, С.В. Современные проблемы регионального лесопользования / С.В. Макара // Бизнес в законе. – 2009. – Вып. 2 – С. 275–282.
10. Зинченко, О.Н. Беспилотные летательные аппараты: применение в целях аэрофотосъемки для картографирования (часть 1) / О.Н. Зинченко. М.: Ракурс, Россия <http://www.racurs.ru/?page=681>.
11. <http://www.lesdozor.ru>

OPPORTUNITIES FOR PRACTICAL AND LEGISLATIVE SUPPORT
OF FIRE SAFETY FOR SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS (SPNA)
AND SPECIALLY PROTECTED GREEN AREAS (SPGA) OF MOSCOW

Zakarin G.A., pg MSFU

caf-pravo@mgul.ac.ru

Moscow State Forest University (MSFU), 1st Institutskaya st., 1, 141005, Mytischki, Moscow reg., Russia

To improve the protection of specially protected natural areas (SPNA) and specially protected green areas (SPGA) in Moscow against fires all the possible measures should be provided in the legislation: prevention of forest fires, monitoring and emergency response to fires. Specific fire safety measures in SPNA and SPGA of Moscow must be legally defined: fire prevention and monitoring of fire threat; development and approval of plans for firefighting; other fire safety measures (laying of rides, installation of fire breaks, fire reservoirs and entrances to the sources of fire water supply, etc.). It is necessary to promote the use of modern communication and surveillance technologies to reduce the costs of monitoring and emergency response. For SPNA and SPGA of Moscow certain regulations relating to the protection of state secrets are an obstacle to the use of such systems. In order to provide effective cooperation among all parties involved in the monitoring of SPNA and SPGA of Moscow, and emergency response to fire it is necessary to regulate the responsibilities of each party to ensure the protection of forests against fires. To implement the proposed plan a number of necessary measures should be taken: to oblige (by law) mobile operators and owners of cellular towers to provide infrastructures to install the systems of video surveillance, transmission of information in the data center and alerting emergency responders systems; to legally oblige the forestries servicing SPNA and SPGA of Moscow, to use such systems, instead of using costly aircraft and satellite monitoring. Meteorological centers should be legally responsible for the timely provision of forecasts to weather monitoring centers, taking into account the specific features of certain SPNA and SPGA of Moscow, to develop regulatory guidance documents for monitoring centers in order to determine the parameters of video surveillance, depending on weather conditions. Video surveillance system, including video analytics applications (for fire detection), must be certified; for this purpose it is necessary to make a classification of fire-fighting equipment. The sources of financing of forestries that protect SPNA and SPGA of Moscow must be legally defined, in order to purchase or lease such systems, provide technical support and manage the work cycle.

Key words: territories of the environmental complex, fire safety, monitoring, emergency response, video surveillance, mobile operators, cellular network masts.

Referenses

1. «RIA Novosti» 17.09.14 Available at: <http://ria.ru/society/20140917/1024453319.html>
2. Kashin V.I. *Zakonodatel'noye obespecheniye natsional'noy lesnoy politiki Rossii* [Legislative support of the national forest policy in Russia]. Moscow State Forest University Bulletin – Lesnoi vestnic. 2013, no. 4 (96), pp. 12-14.
3. Korovin G.N. *Lesnaya politika i zakonodatel'noye obespecheniye* [Forest policy and legislative support]. Moscow State Forest University Bulletin – Lesnoi vestnic, 2013, no. 4 (96), p. 19.
4. Kudrin A.Y., Zaporozhets A.I., Podrezov Y.V. *Sovremenniy metody obnaruzheniya i monitiringa lesnikh pozharov* [Modern methods of detection and monitoring of forest fires] *Tekhnologii grazhdanskoj bezopasnosti* [Technology Civil Security], 2006, no. 4, b. 3, pp. 66-67.
5. Vorobev Y.L., Akimov V.A., Sokolov Y.I. *Lesniye pozhary v Rossiiskoy Federatsii (sostoyanie i posledstviya)* [Forest fires in the Russian Federation (the state and the consequences)] *Tekhnologii grazhdanskoj bezopasnosti* [Technology Civil Security], 2006, no. 4, b.3, pp. 12-21.
6. Polyakov R.Y., Mozgovoy N.V. *Sovremenniy tekhnologii preduprezhdeniya i likvidatsii pozharov na primere Voronezhskoy oblasti* [Modern technology fire prevention and suppression by the example of the Voronezh area] *Vestnic Voronezhskogo instituta GPS MCHS Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of Russian Ministry for Emergency Situations], 2012, no. 4 (5), pp. 31-33.
7. Sobolev S.A. *Actual'niye problemy snizheniya riskov, smyakhcheniya posledstviy i operativnogo reagirovaniya na posledstviya lesnikh pozharov na primere Vologodskoy oblasti* [Actual problems of risk reduction, mitigation and response to the effects of forest fires on the example of the Vologda region] *Tekhnologii grazhdanskoj bezopasnosti* [Technology Civil Security], 2006, no 4, b. 3, pp. 37-45.
8. Zvyagintseva A.V., Yacovlev D.V., Fedyanzh F.I. *Otsenka sovremennikh metodik prognozirovaniya razvitiya pozharov i vozmozhniye puti ikh usovershenstvovaniya* [Evaluation of modern methods of forecasting the development of fires and possible improvements] *Tekhnologii grazhdanskoj bezopasnosti* [Technology Civil Security], 2006, no.4, b.3, pp. 34 -36.
9. Makar S.V. *Sovremenniy problemy regional'nogo lesopol'zovaniya* [Modern problems of regional forest management] *Biznes v zakone* [Business-in-law], 2009, no. 2, pp. 275-282.
10. Zinchenko O.N. *Bespilotniye letatel'niye apparaty: primeneniye v tselyakh aerofotosyomki dlya kartografirvaniya (chast' 1)* [Unmanned aerial vehicles: use of aerial photography for the purpose of mapping (Part 1)] «Racurs», Moscow, Russia. Available at: <http://www.racurs.ru/?page=681>.
11. <http://www.lesdozor.ru>

НЕКОТОРЫЕ ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Е.И. МАЙОРОВА, проф., зав. каф. права МГУЛ, д-р юр. наук

caf-pravo@mgul.ac.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д.1, МГУЛ

Рассматриваются экологические проблемы Баренцева Евро-Арктического трансграничного региона (БЕАР), обусловленные как разведкой, добычей и транспортировкой нефти, так и иными видами негативного антропогенного воздействия. Своеобразие природных условий, богатство природных ресурсов арктических территорий требуют разработки способов охраны уникальных экосистем, в том числе и законодательными мерами. Российская Федерация ратифицировала ряд международных конвенций и соглашений. Международные правовые акты определяют статус Арктики как «особого района», подлежащего специальной международно-правовой защите. Однако они касаются, в основном, охраны морских акваторий и не рассматривают арктические леса, ягодники, реки как объект правовой охраны. Имеются внутренние нормативные правовые акты, регулирующие деятельность наземной обслуживающей нефтедобычу инфраструктуры, но они касаются, в основном, технической безопасности без учета экологического аспекта. При этом в самой малой степени учитывается, что отдельные виды продукции нефтехимической промышленности не только пожароопасны, но и ядовиты. Отсутствует комплексное природоохранное законодательство для сохранения природы российской Арктики, несмотря на то, что антропогенное воздействие приводит к необратимым изменениям. На восточном побережье Белого моря в результате вырубки бореальных лесов происходит почвенная эрозия и перенос песков в реки. Вследствие образования песчаных отложений изменяются русла рек, нарушается нерест рыбы, прекращается малое судоходство, песком заносит жилые поселки. Остановить наступление арктических пустынь можно заложением лесных культур в притундровой зоне, однако законодательных инициатив по решению этой серьезной проблемы в Поморье до сих пор не отмечено. Даже несмотря на приостановку деятельности по добыче нефти на континентальном шельфе, экологическая напряженность в Арктической зоне имеет ярко выраженную тенденцию к возрастанию.

Ключевые слова: БЕАР, Арктическая зона, континентальный шельф, добыча нефти, российский Север, негативное антропогенное влияние, международное законодательство, российское законодательство, бореальные леса, транспортная структура, экология.

Северо-Запад России входит в Баренцев Евро-Арктический трансграничный регион, расположенный в северной части Европы, в основном к северу от полярного круга. С российской стороны он включает Архангельскую и Мурманскую области, Ненецкий АО, Республики Карелия и Коми. Территория субъектов находится на соседних тектонических структурах, на щите Фенноскандии, Балтийской и Российской плитках. Горные хребты, характерные для западной части, расположены на Балтийской плите, а равнины и холмы образуют в целом мягкий рельеф восточных территорий, которые принадлежат к Российской плите. Российский Северо-Запад окружен четырьмя морями: Норвежским на западе, Баренцевым, Белым и Карским – на севере. Печора и Двина являются крупнейшими водотоками, Онежское и Ладожское озера – крупнейшими водоемами. Леса занимают около половины территории, 24 % – тундра, 13,8 % – болота, 7,8 % – ледники и 5,3 % – водные угодья. Бореально-арктический регион является одним из крупнейших резерва-

тов сохранившихся нетронутых природных экосистем на Земле. В отличие от других областей Европы БЕАР изобилует природными ресурсами. Только несколько мест на планете настолько же богаты лесами, рыбой, полезными ископаемыми: рудой и минералами, нефтью и газом [1].

Для решения проблемы защиты уникальной природы северной полярной зоны от техногенных и иных воздействий в 1991 г. состоялась международная конференция, на которой была одобрена Декларация и Стратегия защиты окружающей природной среды Арктики (АЕПС). Восемью приполярными государствами 19 сентября 1996 г. по инициативе Финляндии был создан Арктический совет, включающий Данию, Исландию, Канаду, Норвегию, Россию, США, Финляндию и Швецию.

Опасность нанесения экологического вреда Арктическому региону есть у каждой из восьми стран. Это риски, связанные с нефте- и газоместорождениями: при разведке месторождений, при добыче, хранении, погрузке, при транспортировке, в т. ч. нефтепроводом.

Особенностью рисков Канады является эксплуатация нефтепровода в Норманне, Веллсе и цинковые шахты на побережье; риски Финляндии – стальное производство и целлюлозно-бумажная промышленность в Tornio и Kemi-joku; в Исландии – химическое производство, а также риск извержения вулканов, сход лавин, землетрясения; в Норвегии – судоходство; в Швеции – химическое производство и горнодобывающая промышленность [2].

Правительство Российской Федерации готово идти на риск и планирует использовать возможности региона для добычи углеводородов. Действительно, на шельфе Печорского моря обнаружено шесть месторождений, включая крупные Долгинское, Приразломное, Медынское-море и Северо-Гуляевское. Эксперты отмечают, что территория шельфа изучена мало, поэтому в ближайшие годы могут быть открыты дополнительные месторождения.

Выступая на международном форуме, посвященном освоению Арктики (2008), Владимир Путин заверил, что все планы по развитию региона «будут реализованы с учетом самых строгих экологических стандартов». «Бурная хозяйственная деятельность в Арктике принесет пользу только в том случае, если между интересами экономики и задачей сбережения природы будет обеспечен разумный, грамотный баланс», – заявил он. Это высказывание имеет большое значение, поскольку российские нефтегазовые компании, зачастую пренебрегающие мерами безопасности даже на материке, должны доказать свою способность осуществлять такие сложные проекты, – говорится в опубликованном докладе «Гринпис России» [3, 4].

Правовой базой предполагаемых мероприятий служат «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу», принятые в 2008 г. [5]. При этом п. «в» ч. 6 гл.3 главными целями государственной политики РФ в сфере экологической безопасности объявляют сохранение и обеспечение защиты природной среды Арктики, ликвидацию экологических последствий хозяйствен-

ной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.

«Основы...» учитывают положения, имеющиеся в ряде международно-правовых документов:

1. Конвенция 1973 г., измененная Протоколом 1978 года (МАРПОЛ-73/78) по предотвращению загрязнений с судов – (ратифицирована всеми приарктическими странами).

2. Конвенция ООН 1982 г. по морскому праву (ратифицирована всеми приарктическими государствами).

3. Конвенция 1986 г. об оперативном оповещении о ядерной аварии (Соглашение об оповещении) и Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или аварийной радиационной ситуации. 1986 г. – (не ратифицирована США и Канадой).

4. Международная Конвенция 1990 г. по обеспечению готовности на случай загрязнения нефтью, борьбе с ним и сотрудничеству и Протокол по обеспечению готовности на случай загрязнения опасными и вредными веществами (иными, чем нефть), борьбе с ним и сотрудничеству 2000 года OPRC-HNS 90/00 (ратифицирована всеми странами).

5. Конвенция 1992 г. о трансграничном воздействии промышленных аварий – (не ратифицирована Исландией и США).

6. Международный кодекс 1993 г. по управлению безопасной эксплуатацией судов и предотвращению загрязнения (МКУБ).

7. Международный кодекс 1998 г. о безопасности судов, осуществляющих плавание в полярных водах – Полярный кодекс (ПК). Этот документ имеет целью обеспечение безопасности судоходства и предотвращение загрязнения в результате деятельности судов в полярных водах. ПК учитывает, что в полярных условиях лед может представлять серьезную опасность для всех судов, что вызывает необходимость применения повышенных требований к конструкции судов, относящихся к полярным классам.

(Российская Федерация не ратифицировала Международную Конвенцию 1969 г. относительно вмешательства в открытом море в случаях аварий, приводящих к загряз-

нению нефтью, и Протокол 1973 г. о вмешательстве в открытом море в случаях аварий, приводящих к загрязнению веществами иными, чем нефть (ратифицирована Исландией, Швецией, США).

Перечисленные международные правовые акты определяют статус Арктики как «особого района», подлежащего специальной международно-правовой защите [6]. Особым районом считается территория, где по признанным техническим причинам, относящимся к океанографическим и экологическим условиям, а также специфике перевозок необходимо принятие обязательных методов предотвращения загрязнения моря. Положения Конвенции затрагивают два направления угрозы экологической безопасности Арктического региона. Кроме того, Конвенция содержит нормы реагирования в случае непредвиденных ситуаций, готовности международного сотрудничества к обеспечению безопасности на море, предотвращению несчастных случаев и избежанию причинения ущерба окружающей, в частности морской, среде.

В мире не существует успешных практик по ликвидации нефтяных разливов в ледовых условиях. Если акватория моря покрыта льдами хотя бы на 10 %, механические средства сбора теряют эффективность. Наибольшую тревогу вызывает тот факт, что еще не придумали технологий, чтобы справляться с нефтью, просачивающейся в структуру льда.

На заседании Совбеза президент поручил укрепить границу российской части Арктики. Он подчеркнул, что необходимо отстаивать каждый участок богатого углеводородами континентального шельфа российской части Арктики и морские акватории.

Как известно, самое деструктивное воздействие на окружающую среду оказывает добыча полезных ископаемых. В связи с этим понятна обеспокоенность экологических организаций, включая «Беллону», «Гринпис» и Всемирный фонд дикой природы. Опасения природоохранных объединений усилились, когда в декабре 2011 г. плавучая буровая платформа «Кольская» затонула в водах Охотского моря, унеся жизни 53 из 67 членов экипажа.

Международные экологические организации призвали приостановить новые шельфовые проекты в Арктике.

По сведениям, имеющимся в открытом доступе, себестоимость добычи нефти в России в 2010 г. составила 22 доллара за баррель. Себестоимость добычи нефти на шельфе может достичь 30 долларов за баррель. Специалисты «Гринпис» утверждают, что эта цифра не учитывает стоимость выполнения необходимых стандартов безопасности. По мнению аналитиков, для того, чтобы к 2030 г. обеспечить 10 %-ный прирост добычи нефти в России за счет арктического шельфа, потратить требуется около девяти триллионов рублей. Это данные проекта программы, но они отражают порядок величины затрат, необходимых для полномасштабного освоения нефтяных ресурсов российского арктического шельфа и порядок величины тех ресурсов, которые в результате этих затрат можно будет извлечь и использовать.

Российское правительство, судя по всему, такую альтернативу уже осознало – сейчас работа над проектом госпрограммы разведки российского континентального шельфа и разработки его минеральных ресурсов сокращена. Но ее отдельные элементы продолжают развиваться, и связанные с ними риски могут оказаться весьма ощутимыми для будущего всей страны. Один из них – законодательно неурегулированная добыча нефти на арктическом шельфе с использованием устаревших технологий и оборудования, без принятия надежных мер по предотвращению аварий и ликвидации их последствий. В этой связи представляется необходимым пересмотреть политику освоения арктического шельфа и принять закон, который бы обязывал компании принимать должные меры по ликвидации последствий возможных аварий в ходе добычи на шельфе [7].

Грузопоток на Северном морском пути увеличивается, что требует сооружения береговой инфраструктуры. Ее широкомасштабное возведение на побережье Карского моря (порты и портопункты Ямбург, Харасавэй, Новый порт, Сабетта, Усть-Кара) предусматривает строительство сети как железных,

так и автомобильных дорог к перечисленным портам.

Транспортировка природного сырья не имеет проработанной законодательной базы, учитывающей все издержки экологического характера. Как отмечают специалисты [8], ряд нормативно-правовых документов, в частности «Нормы технологического проектирования морских портов», безнадежно устарели. В последние годы разработаны технические регламенты «О безопасности инфраструктуры железнодорожного транспорта» (Постановление Правительства РФ от 15 июля 2010 г. № 525), «О безопасности объектов морского транспорта» (Постановление Правительства РФ от 12 июля 2010 г. № 620) и «О безопасности железнодорожного подвижного состава» (Постановление Правительства РФ от 15 июля 2010 г. № 524). Однако они касаются, в основном, технической безопасности, без учета экологического аспекта. Между тем, отдельные виды продукции нефтехимической промышленности не только пожароопасны, но и ядовиты (авиационное топливо, дизельная фракция, мазут, сжиженный бутан) в большей или меньшей степени [4]. Размещение многих портовых перегрузочных мощностей в непосредственной близости от городских районов создает дополнительные угрозы экологической безопасности жителей. Перенос таких мощностей в природные условия без учета экологических требований чреват уничтожением ценных с биологической точки зрения экосистем.

Не менее разрушительно влияет на природные экосистемы деятельность в военной сфере. В высоких широтах ведутся работы по восстановлению военных аэродромов, большинство из которых расположено на островах, но имеются и в материковой части: например в Алакургти Мурманской обл. Освоение приарктических территорий военными также угрожает уникальной природе российского Севера [9]. В частности, уже потребовалось и потребуются еще более интенсивное развитие инфраструктуры и транспортной сети, что, безусловно, негативно скажется на экосистеме региона в целом.

Биологи и экологи на международном, национальном и региональном уровнях

особое значение придают сохранению мало нарушенных лесов и болот. Бореальные леса (которые часто называют русским словом «тайга») – это крупнейший биом земли, который играет огромную роль в мировых климатических процессах [10]. От его сохранности зависит будущее планеты. Существует «успокаивающее» мнение, что поскольку наибольшее распространение бореальные леса имеют в удаленных регионах с низкой плотностью населения, то их использование происходит менее интенсивно по сравнению с другими лесами. По этой причине прямое влияние антропогенного фактора здесь слабее, нежели в лесах умеренной и тропической зон. Тем не менее в России бореальные леса включены в цикл промышленного использования. Сравнительно небольшие участки хвойников, сохранившиеся среди обширных пространств вторичных лиственных и смешанных лесов, или последние массивы дикой тайги в Двинско-Пинежском междуречье и самых северных районах области служат источниками сырья для архангельского леспрома. По данным «Гринпис» России [3], заготовка и вывозка древесины из этих лесов обходится с каждым годом все дороже (поскольку наиболее доступные и ценные с хозяйственной точки зрения остатки хвойных лесов истощаются в первую очередь), что делает лесной сектор Архангельской области все менее конкурентоспособным. Кроме того, такая система лесопользования несет угрозу последним остаткам дикой таежной природы и лесам, расположенным вблизи поселений, создавая конфликтные ситуации. Эксплуатация этих лесов путем рубок главного пользования губительна для уязвимых северных экосистем. Интенсивное освоение тайги, добыча древесины в последних естественных лесах уже привели к катастрофическому состоянию на Соломбальском ЦБК; Соломбальском ЛДК остановлен с неясными перспективами, шесть леспромхозов холдинга находятся на грани выживания.

Сохранение лесных массивов оправдано не только с экологической точки зрения. В связи с современными тенденциями перехода к комплексному использованию «лесных по-

лезностей» и устойчивому лесопользованию в регионе приобретают все большее значение пищевые лесные ресурсы. С начала 2000-х гг. резко увеличился спрос на свежемороженые ягоды черники, преимущественно для экспортных поставок. Дикорастущие ягодники выступают в качестве дополнительного источника питания, используются для производства лекарственных препаратов, а также как база для пчеловодства [11].

Известно, что один гектар высокобонитетного леса в год производит в среднем 13–15 м³ древесины и сопутствующей органики (листья, кора), потребляя около 1000 т осадков, а остальную воду пропускает в подземные горизонты, что способствует питанию малых водотоков. Реки в облесенных регионах остаются полноводными, богатыми рыбой, при этом отсутствуют такие явления, как эрозия почв и овраги [10]. На нарушенных территориях в устье реки Варзуги (Мурманская область) в результате рубки леса, а также нерегулируемого выпаса скота и лесных пожаров образовались песчаные пустыни, что является феноменом для северных климатических условий. В результате переноса песков в реки происходит изменение русла, нарушается нерест рыбы, прекращается малое судоходство, песком заносит жилые поселки.

Такая же ситуация характерна для Архангельской области, особенно на восточном побережье Белого моря, где образовались песчаные отложения в устьях рек. Остановить наступление арктических пустынь можно заложением лесных культур в притундровой зоне, однако законодательных инициатив по решению этой серьезной проблемы в Поморье до сих пор не отмечено.

Еще одним негативным направлением воздействия на окружающую среду арктической зоны является жилищное строительство. Очевиден вред, наносимый отчуждением ценных в ландшафтном отношении участков под застройку; особенно губителен этот процесс для водоохраных зон. Строительство дорог приводит к фрагментации территорий и нарушению хрупкого равновесия арктических экосистем. Между тем, глобализация рынков за счет развитых коммуникаций увеличива-

ет многовекторность торгово-экономических связей, поэтому создание разветвленной транспортной сети становится первоочередной задачей. И здесь целесообразно снова вернуться к проблеме сохранения и восстановления лесов, благодаря которым малые реки и притоки крупных рек остаются судоходными и выполняют функции транспортной структуры как в теплый период, так и в зимний, когда могут использоваться в качестве дорог.

Инициатива президента (октябрь 2014 г.) о выделении территорий под развитие транспортной инфраструктуры, в частности развития сети скоростных магистралей, неминуемо затронет и северные районы страны, что приведет к еще большей деградации бореальных биогеоценозов.

Гармоничное развитие региона обязательно должно включать хорошо выраженный баланс между экологическим, экономическим и социальным аспектами. По стратегическому Плану сохранения и использования биоразнообразия соответствующей международной Конвенции, чтобы сохранить уникальные экосистемы, надо, чтобы к 2020 г. не менее 17 % районов суши и внутренних вод и 10 % прибрежных и морских районов стали ООПТ. В настоящее время российские ООПТ в Баренцевом регионе по объему больше, чем европейские. Но если сравнивать в процентном соотношении к площади стран, то Россия – на последнем месте. В Финляндии ООПТ Баренцева региона занимает более 23 %, в Швеции – около 22,5 %, в Норвегии – 14 %, в России – 11 % [1].

Необходимость вложения больших ресурсов для решения одних только эколого-географических проблем устойчивого развития региона замедляет сближение России и соседних стран, нередко сводя его к чисто политическому процессу и преимущественно гуманитарным проектам.

Схожесть климатических условий Северо-Запада России с самыми северными частями Скандинавии и общее природное единство Фенноскандии предполагают, казалось бы, идентичные подходы к решению проблем социально-экономического развития

Европейского Севера. Но после нескольких первых лет баренцевоморской кооперации стали все более заметны политические, экономические и культурные различия.

Экологи Финляндии наблюдают за состоянием дел в России. «В Мурманской области есть определенные проблемы с экологией. Например, на предприятиях Печенги и Никеля существуют проблемы сточных вод. У финской стороны имеются современные технологии, которые могли бы помочь в их решении. Сейчас хороший, серьезный бизнес и экология неразделимы и идут рука об руку». Однако своеобразие российского законодательства, монополизм центральных субъектов экономической деятельности, практика налоговых, таможенных и пограничных структур и коррупционные проблемы мешают продвижению экономических проектов на территории российского Севера с Запада. В частности, инвестиционная активность зарубежных партнеров БЕАР пока невелика, отчасти потому, что в БЕАР имеются только координирующие структуры, но нет органа, отвечающего за общий бюджет этого образования. Тем не менее отмечается возрастание внешнеполитической активности стран, вызванной повышением роли Арктики в мировом ресурсном потенциале и сохранении экологического баланса планеты.

В 2013 г. представители Роснефти заявили о намерении разместить в Росляково большую часть работ, связанных с собственной арктической базой. Новая база должна была взять на себя различные функции, в том числе обслуживание буровых установок и добычных платформ. По информации компании, на базе планировалось создать 1500 рабочих мест. Однако обострение международной обстановки и введение санкций изменили ситуацию. Сейчас полагают, что Роснефть вернется на росляковскую площадку не раньше, чем через 3–5 лет – сейчас «слишком большая неопределенность с курсом рубля и ценами на нефть» [11]. Санкции не позволяют, в частности, норвежской компании «Статойл» продолжать реализацию планов бурения скважин на крайнем севере Баренцева моря совместно с Роснефтью.

В федеральном бюджете России на 2014 г. не было предусмотрено выделение средств на финансирование госпрограммы социально-экономического развития Арктической зоны. Соответствующий законопроект был подготовлен в трех вариантах, но ни один не прошел согласования в правительстве. В ходе парламентских слушаний было официально сообщено, что пока вопрос «заморожен».

Подводя итог сказанному, можно констатировать наличие на российском Севере огромного количества проблем, в т. ч. экологических, и отсутствие краткосрочных перспектив их разрешения. Более того, несмотря на приостановку деятельности по добыче нефти на шельфе, экологическая напряженность в Арктической зоне имеет ярко выраженную тенденцию к возрастанию.

Библиографический список

1. Булатов, В.Н. Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область: Международное сотрудничество. История и современность / В.Н. Булатов, А.А. Шалев. – Архангельск: Поморский госуниверситет, 2001. – 174 с.
2. Гранберг, И.С. и др. Арктика на пороге третьего тысячелетия (ресурсный потенциал и проблемы экологии) / И.С. Гранберг, Н.П. Лаверов, Д.А. Додин. – СПб.: Наука, 2000. – 183 с.
3. <http://www.greenpeace.org/russia/ru/campaigns/protect-the-arctic/> n Защитим Арктику Гринпис России
4. <http://www.savethearctic.org/> Save The Arctic |Greenpeace
5. «РГ» Столичный выпуск № 4877 от 27 марта 2009 г.
6. Нестеренко, Е.А. О формировании международно-правового режима защиты окружающей среды для северной полярной области Земли / Е.А. Нестеренко. – М., 1990. – С. 52.
7. <http://www.themoscowtimes.com/special/environment/rus/bezopasnost-i-tsena-v-skhvatke-za-arkticheskuyu-neft.html>
8. Матишов, Г.Г. Устойчивое развитие морского сегмента БЕАР (приоритеты, реалии, компромиссы) / Г.Г. Матишов, В.В. Денисов, А.П. Жичкин, Д.В. Моисеев // Арктика: экология и экономика, – № 1(9), – 2013. – С. 60–69.
9. Гагаринский, Е.А. Взаимодействие железнодорожного транспорта при экспорте углеводородного сырья и продуктов его переработки / Е.А. Гагаринский // Инновации транспорта. – № 2 (8) – 2012. – С. 23–32.
10. Комлева, Н.А. Арктическая стратегия приарктических государств: общее и особенное / Н.А. Комлева // Арктика и Север, 2011 – № 2. – С. 19–25.
11. Егошина, Т.Л. Недревесные растительные ресурсы России / Т.Л. Егошина. – М.: НИА-Природа, 2005. – 83 с.
12. http://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1365505171-murmanskaya-oblast-menyaet-formatvzaimootnoshenii-s-laplandiei

SOME ECOLOGICAL AND LEGAL PROBLEMS OF ARCTIC REGION

Maierova E.I., Prof. MFSU, Dr. Sci. (Legal)

caf-pravo@mgul.ac.ru

Moscow State Forest University (MSFU) 1st Institutskaya st., 1, 141005, Mytischki, Moscow reg., Russia

The article examines the environmental problems in the Barents Euro-Arctic cross-border region (BEAR) due to the exploration, production and transportation of oil and other kinds of negative human impact. Characteristics of the natural environment, rich natural resources of the Arctic territories require the development of methods of protecting the unique ecosystems, including legislative measures. The Russian Federation has ratified a number of international conventions and agreements. International legal acts determine the status of the Arctic as a «special area» to be under a special international legal protection. However, they concern mainly the protection of marine areas and do not consider the boreal forests, berries, river as an object of legal protection. There are internal legal acts regulating the activity of the ground infrastructure serving the production of oil, but they concern mainly technical safety without the accounting of environmental aspect. However, the fact that certain types of petrochemical products not only are a fire hazard but are also poisonous is barely recognized. The Russian environmental legislation does not provide for comprehensive protection of nature of the Russian Arctic despite the fact that the anthropogenic impact leads to irreversible changes. On the east coast of the White Sea soil erosion and transport of sand in the river occur as a result of deforestation. Due to the formation of sand deposits riverbeds change, fish spawning is broken, small shipping by rivers degrades, sand enters the residential settlements. In order to stop the expansion of the arctic desert the pre-tundra zone can be afforested, but legislative initiatives for solution of this serious problem in Pomorie has not yet been observed. Even despite the suspension of oil production on the continental shelf environmental stress in the Arctic region has a tendency to increase.

Key words: BEAR, Arctic zone, continental shelf, oil, the Russian North, negative anthropogenic influence, international law, the Russian legislation, Arctic forests, transport structure, ecology.

Referenses

1. Bulatov V. N., Chalev A.A. *Barentsev evro-arkticheskiy region i Arkhangel'skaya oblast': Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo. Istoriya i sovremennost'*. [The Barents Euro-Arctic Region and the Arkhangelsk region. international cooperation. History and the Present] Arkhangel'sk Pomorskiy gosuniversitet [Arkhangel'sk Pomor State University] Arkhangel'sk, 2001, 174 p.
2. Granberg I.S. Lavrenov N.P. Dodin D.A. *Arktika na poroge tret'ego tysyacheletiya (resursnyy potentsial i problemy ekologii)*. [Arctic on the threshold of the third millennium (resource potential and ecological problems)] Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2000, 183p.
3. *Zashchitim Arktiku Grinpis Rossii* [Save The Arctic] Greenpeace of Russia] Available at: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/campaigns/protect-the-arctic/>; <http://www.savethearctic.org/> (accessed 17 May 2011)
4. «RG» *Stolichnyy vypusk ot 27 marta 2009 g.* [Capital release from March 27, 2009]
5. Nesterenko E.A. *O formirovaniy mezhdunarodno-pravovogo rezhima zashchity okruzhayushchey sredy dlya severnoy polyarnoy oblasti Zemli*. [On the formation of an international legal regime the protection of the environment for the northern polar region of the Earth] Moscow, 1990, p. 52.
6. Available at: <http://www.themoscowtimes.com/special/environment/rus/bezopasnost-i-tsena-v-skhvatke-za-arkticheskuyu-neft.html> (accessed 21 February 2014)
7. Matichov G.G. Denisov A., Shichin A.P., Moiseev D.V. *Ustoychivoe razvitie morskogo segmenta BEAR (prioritety, realii, kompromissy)* [Sustainable development of the marine segment BEAR (priorities, realities, compromises)] *Arctica: ecologia i economica* [Arctic. Ecology and economy] 2013, no. 1(9), pp. 60-69.
8. Gagarinskiy E.A. *Vzaimodeystvie zhelezodorozhnogo transporta pri eksporte uglevodorodnogo syr'ya i produktov ego pererabotki* [Interaction of rail transport in the export of hydrocarbons and processing raw materials] *Innovacii transporta* [Transport innovation] 2012, no. 2 (8), pp. 23-32.
9. Komlewa T.L. *Arkticheskaya strategiya priarkticheskikh gosudarstv: obshchee i osobennoe* [Arctic strategy Arctic states: general and special] *Arctica i Sever* [Arctic and North] 2011, no. 2, maj, pp.19-25.
10. Egoshina T.L. *Nedrevesnye rastitel'nye resursy Rossii* [Non-Timber Plant Resources of Russia] Moscow, 2005. p. 83.
11. *Murmanskaya oblast' menyaet format vzaimootnosheniy s Laplandiyey* [Murmansk region is changing the format of relations with Lapland]. Available at: http://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1365505171 (accessed 09 August 2014)

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ МИРОВОЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ

В.Г. ЕГОРОВ, проф., зав. каф. истории и культурологии МГУЛ, д-р ист. наук

korrrka@mail.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д. 1, МГУЛ

Рассматриваются сущностные черты и направления развития современной потребительской кооперации, переживающей «ренессанс». Как показывают мировые социально-экономические тренды, потребительские общества не только не утратили значения, но, напротив, активно действуют во многих сферах общественной жизни, в том числе и тех, где функционирование иных форм организации является менее эффективным. Мировая потребительская кооперация во второй половине прошлого столетия пережила кризис, поставивший под сомнение возможность функционирования объединений потребителей в развитых экономиках. Значительная часть интеллектуального сообщества стала придерживаться точки зрения, согласно которой потребительская кооперация «рудимент» адекватна системам с низким уровнем рыночных отношений. Вопреки мнению «скептиков», причина кризиса мировой потребительской кооперации была связана не с природными качествами, а с искривлением последних, заимствованием начальными кооперативными системами методов, присущих частнокапиталистическому предпринимательству. Имелись и те кооперативные учреждения, которые изменили юридический статус, преобразовавшись в акционерные общества. Практически повсеместно в результате заимствования либеральных управленческих моделей из кооперации ушли принципы, без которых ее существование стало невозможным. Возвращение в практику мирового кооперативного движения прямой демократии, ориентации на жизненно важные приоритеты пайщиков способствовало возрождению потребительских союзов. Новый этап кооперативного развития, начавшийся с конца XX столетия и продолжающийся и в наши дни, дал жизнь новому явлению: «кооперации новой волны», т.е. образованию объединений населения в сферах общественной жизни, где до настоящего времени кооперация не присутствовала. Например, в организации домашнего воспитания, социализации инвалидов, специальном образовании и т.д. Имея в виду причины кризиса второй половины прошлого столетия, многие национальные системы исключили из своей практики участие в рыночных отношениях и полностью перешли на обеспечение потребностей пайщиков.

Ключевые слова: кооперация, потребительские общества, кооперативная демократия, потребности пайщиков, кризис кооперативного движения, кооперация «Новой волны».

Потребительская кооперация представляет собой отдельный вид кооперативной организации, формализованную реакцию эксплуатируемой капиталом народной массы или средство противостояния, в первую очередь, пролетарских слоев населения засилью торгового капитала. История создания обществ потребителей тесно связана с самыми ранними этапами становления буржуазного порядка, когда влияние торгового капитала было особенно осязаемо.

Принципы, рожденные благими намерениями работников капитала, на основе которых строились первые потребительские объединения, и не могли быть ничем иным, кроме как орудием борьбы против наступления капитализма, в то же время по своему содержанию не выходящим за его пределы, напротив, полностью соответствующим отношениям, генерируемым этим способом производства.

Кроме того, потребительская кооперация, возникнув, приобретала иной, нежели производственные артели и товарищества, со-

циальный смысл. Если основы последних составляли средние слои населения, интегрирующие свои материальные и трудовые ресурсы в более современную форму хозяйственной организации, то объединения потребителей, как правило, возникали на пролетарской почве и являлись средством борьбы с торговым капиталом или сбора ресурсов для осуществления какой-либо социальной задачи (организации совместного досуга, образования и т. д.). Исключение составляли немногочисленные кооперативы чиновников, студентов, домохозяек, военнослужащих и т. д., не отличающиеся по хозяйственному содержанию от рабочих потребительских объединений. Вместе с тем, в отличие от пролетарских, эти кооперативы были менее политизированы.

С момента появления потребительская кооперация несла в себе генетические противоречия, остающиеся, наряду с приобретенными, актуальными и в наши дни. Главным среди противоречий, составляющих институциональное качество обществ потребителей и определяющим все другие, является противопо-

речие между общественным и хозяйственным содержанием этого феномена. Добровольные объединения потребителей товаров и услуг, по первоначальной сущности, не выходят за рамки обычной общественной организации, имеющей консолидированную целевую установку на совместное получение каких-либо благ, и в этом смысле полностью принадлежат к надстроечной субстанции. В случае, когда потребительские объединения не занимаются коммерцией и не имеют дохода, прибыли, их содержание мало чем отличается от общества книголюбов или клуба любителей верховой езды. Вместе с тем, поставленная в условия повседневных связей с другими хозяйственными субъектами потребительская кооперация получает потенциальную возможность приобретения экономического свойства.

Указанное противоречие между общественным и хозяйственным содержанием потребительской кооперации предполагает выход на другое противоречие. Первоначально являясь орудием борьбы с капиталом, вступая на путь коммерческой деятельности, потребительская кооперация сама «мутирует» в сторону капиталистической организации. Р. Оуэн отмечал это обстоятельство. Чем больше союзы потребителей приспособлялись к условиям капиталистического хозяйства, тем меньше соответствовали первоначальным установкам. Посещая город Карлейл в 1836 г., Р. Оуэн писал: «К моему удивлению, я нашел в различных частях города шесть или семь кооперативных обществ. Общества эти хорошо работают, т. е. получают известную прибыль от совместной продажи в розницу. Однако давно пора покончить со столь распространённым взглядом, будто такие общества и суть та социальная система, к которой мы стремимся, или что эти общества имеют что-либо общее с новым нравственным миром» [1].

Английские ткачи Рочдейла, учредители первых организационных кооперативов, опирались в творческом поиске на формы, взятые из окружающей действительности, которая не могла дать, помимо капиталистических, никаких иных основ функционирования.

Это обстоятельство стало причиной того, что «три из четырех основных принципов рочдэйлских ткачей вытекают не из основ кооперативной идеологии, а из предпринимательских соображений кооператора – организатора» [2].

Реализация оптом закупленного товара по средним розничным ценам, а не по себестоимости, за счет чего, кроме фонда, подлежащего распределению среди членов, формировалась и торговая прибыль общества, экономическая выгода в виде сберегаемых средств, в результате возврата части торговой прибыли сообразно сумме годовых покупок в кооперативе, отсутствие кредитования покупателей, отпуск товаров исключительно за наличный расчет – все эти организационные черты, выдвинутые «рочдэйлскими пионерами» в качестве основополагающих, были заимствованы из существующих капиталистических условий хозяйствования и адекватно воспроизводили эти отношения.

Еще одним характерным противоречием потребительской кооперации, также вытекающим из первого, является возможность превращения этой общественной организации в политическую. Выполняя миссию социальной защиты своих членов, потребительская кооперация была в большей степени, чем другие кооперативные организации, политизирована, причем не в зависимости от той или иной партийной окраски, а в силу своего внутреннего содержания. Так, относительно пролетарских потребительских обществ В.А. Чаянов высказывался совершенно определенно: «... рабочее движение выражается тремя конкретными формами – рабочей партией, профессиональным союзом и рабочей кооперацией» [2].

В соответствии с указанным основным противоречием современная потребительская кооперация дифференцировалась на два направления развития. Такая дифференциация, порой разламывающая кооперативное движение одной страны, особенно наглядно прослеживается на примере потребительской кооперации стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Так же как и в европейских потре-

бительских кооперативах, здесь в 60-е – 80-е годы прошлого столетия наступил спад кооперативного движения.

Потребительские союзы Японии, Сингапура и Южной Кореи в качестве инструмента преодоления кризиса избрали путь укрепления связи с пайщиком через временное разукрупнение. Например, в течение последних 20 лет потребительские кооперативы Японии разделились на региональные, школьные, студенческие, кооперативы при отдельных компаниях. Кооперативное объединение «Цукуора» организовало своих членов в подгруппы по десять хозяйств, называемых «Хан», которые стали первичными звеньями реорганизованной кооперации.

Но самое главное, потребительские общества этих стран отказались от коммерческой составляющей деятельности и сосредоточили все товарообменные операции исключительно в своей членской массе [3].

При этом объединения потребителей этих стран руководствуются основополагающими принципами: чистота и надежность кооперативной продукции; оптово-закупочная система, позволяющая избежать посреднических торговых наценок; товар для своих пайщиков практически по цене производителя; прямые поставки сельскохозяйственной продукции; вовлечение пайщиков в распространение этой продукции. В результате отказа от коммерческой деятельности и мер укрепления связи с пайщиками сегодня членами потребительских кооперативов Японии является каждый шестой житель страны (14 млн пайщиков, годовой оборот потребительских обществ более 30 млрд долл.).

Потребительские кооперативы Австралии, Таиланда, Малайзии и частично Индии выбрали ориентацию на открытый рынок и поиск преимуществ в конкурентной борьбе предпринимателей. Однако общая черта кооперативного движения всех перечисленных стран Азиатско-Тихоокеанского региона состоит в доминанте интересов пайщиков. Например, в Австралии последовательный учет потребностей членской массы привел к таким экзотическим видам деятельности обществ,

как обеспечение членов книжными новинками или даже снабжение их бойцовскими рыбками [4].

Большинство потребительских кооперативов Старого Света пошли по пути коммерциализации деятельности, что обусловило жесткий режим их существования в условиях конкурентной борьбы с предпринимателями. Далеко не всегда победителем в конкуренции оказываются кооперативные объединения. Примером удачного для кооперации исхода этого соревнования может служить Швеция. К концу 1980-х гг. потребительские объединения Швеции начали проигрывать борьбу за покупателя объединениям частных торговцев и крупным торговым фирмам. Обострение конкурентной борьбы привело к ускорению темпов концентрации кооперативной деятельности в результате ликвидации становящихся убыточными отдельных торговых точек. С 1970 до 1988 г. при общем росте членства с 1,6 до 2 млн человек число кооперативных потребительских обществ в стране, входящих в состав Кооперативного союза, сократилось с 232 до 135, а количество принадлежащих им магазинов розничной торговли – с 2,8 до 1,8 тысяч. Шведские кооператоры пошли по пути создания крупных гипермаркетов с удобными автостоянками, внедрения самых современных технологий и методов бизнеса: ввели систему самообслуживания, разнообразия в непродуктовых кооперативах, технологию сильно замороженных продуктов. Еще одним весомым фактором роста стало объединение кооператоров Швеции, Норвегии и Дании в единую организацию Coop Norden [5]. Благодаря проведенным реформам кооперативный бизнес Швеции стал самым передовым и инновационным в Европе. Однако главным фактором, обеспечивающим успешное функционирование кооперативной системы, является строгое следование принципам демократии и социальная направленность ее деятельности. В частности, потребительские кооперативы стали уравнивающим фактором на рынке в вопросах ценообразования в пользу потребителя. Помимо торговых опера-

ций шведские кооператоры активно включаются в решение всех социальных проблем. Например, в настоящее время кооперативы стали значительными игроками на рынке жилищного строительства. Кооперации принадлежит 20 % жилого фонда страны и 30 % объема текущего жилищного строительства. В жилищных обществах состоят более четырех тысяч членов, около 60 % которых составляют лица моложе 30 лет. Поскольку строительство и эксплуатация кооперативного жилья обходятся дешевле, чем в частном и государственном секторах, оно в большей степени привлекает малосостоятельных граждан и молодежь.

Особое место в кооперативном движении Швеции занимают кооперативы, отличающиеся нетрадиционными сферами деятельности.

Сегодня в Швеции действует 72 кооператива в области электроэнергетики, которые имеют 112 ветровых турбин общей мощностью 84 МВт, производящие 190 ГВт/год, что составляет 10 % всей вырабатываемой электроэнергии страны. В 2009–2010 г. число членов ветряных кооперативов увеличилось на 4750 человек и составило почти 20 тыс. пайщиков.

В последнее время правительство Швеции пришло к выводу, что многое могут предложить обществу новые формы кооперации, и **увеличило** материальную поддержку кооперативов, действующих в секторе социального обслуживания. Сейчас существует приблизительно 4500 кооперативов, включая кооперативные детские сады, управляемые родителями, школы, предприятия по уходу за пожилыми людьми, дороговому уходу, уходу за умственно отсталыми, по оказанию физиотерапевтических и стоматологических услуг, службы для инвалидов и т. д.

Правительство очень позитивно относится к созданию новых кооперативов. Шведский Парламент выделил средства для создания фонда развития кооперативов. Деньги, главным образом, используются для финансирования получения информации и консультационных услуг, оказываемых в 24 местных центрах развития по всей стране.

Развитие новых кооперативов в секторе социального обслуживания началось в середине 70-х гг. XX в. с создания кооперативных детских садов родителями и других кооперативов работниками сектора. В тот момент создание последних являлось альтернативой закрытию муниципальных компаний.

В 80-х гг. началось создание молодежных кооперативов, помогавших бороться с безработицей.

Отдельного внимания заслуживают кооперативные детские сады. Большинство из них было основано родителями. Бурное развитие сети кооперативных детских садов обуславливалось тем, что еще в конце 1980-х гг. парламент страны принял соответствующее законодательство. С другой стороны, по сравнению с существующим спросом муниципальных детских садов было явно недостаточно. Кооперативные общества организовывались, прежде всего, в тех муниципалитетах, где было больше всего родителей, ищущих работу. Родители принимали решение об учреждении дневных детских центров, а правление руководило текущей работой.

Кооперативные детские сады предоставляют более дешевые услуги, чем муниципальные, в то время как предприятия в целом дороже, чем другие альтернативы. Этому есть несколько объяснений. Деятельность членов кооператива и добровольная работа снижают затраты на содержание детских садов кооператива. Члены могут время от времени работать в центре, исполнять административные обязанности, заниматься уборкой и содержанием помещения. Кооперативы, работающие в помещении, принадлежащем муниципалитету, обычно платят за него ниже рыночной цены. Благодаря социальной ориентации именно шведское кооперативное движение стало инициатором рождения «кооперативов новой волны».

Таким образом, главным источником успеха шведского кооперативного бизнеса в конкурентной борьбе является строгое следование демократическим принципам и социальная направленность потребительских обществ. И вместе с тем, потребительская

кооперация Швеции представляет собой типичный пример коммерческого учреждения, судьба которого целиком зависит от его способности приспособляться к условиям, диктуемым рынком и доминирующим капиталистическим сектором, что сопряжено с большим риском и не всегда сулит благоприятный исход предприятия. Примером неудачного исхода конкурентной борьбы на потребительском рынке могут служить кооперативы большинства других европейских стран. В период кризиса кооперации 1980-х гг. остро проявилось противоречие между руководящей кооперативной элитой Франции и основной массой пайщиков. Потеря социальной базы и неумение организовывать дело привели к тому, что в 1985 г. свыше 40 % кооперативов, включая центральные органы, прекратили существование. После обвала кооперативной системы на плаву остались только те общества потребителей, которые сохранили демократические принципы функционирования (например, кооператив «Эльзас») [6].

Указанные причины привели к резкому падению кооперативного движения Великобритании. Доля английской потребительской кооперации в розничном товарообороте страны снизилась с 22 % в 1964 г. до 4 % к середине 90-х гг. И только в настоящее время, в связи с наметившимся процессом восстановления демократических норм внутрикооперативной жизни, проявляется тенденция восстановления социальной значимости и возрождения объединений потребителей [7].

Поиск своей «ниши» в конкурентной борьбе привел потребительскую кооперацию Финляндии к переориентации сферы деятельности от системы супермаркетов к сети мелких сельских магазинов. В результате доля кооперативного товарооборота на рубеже веков составила 35 % общенационального [8].

Однако потребительская кооперация Финляндии продолжает ориентироваться на коммерческую деятельность. Менеджеры потребительских обществ Финляндии считают, что кооператив служит не инструментом удовлетворения потребностей пайщиков в то-

варах и услугах, а средством «развития предпринимательства своих пайщиков» и должен «отвечать спросу потребителя на рынке». основополагающим принципом функционирования кооперативов является не максимально комфортное обеспечение членов необходимыми продуктами, а «повышение рентабельности с целью защиты своего будущего». По мнению Sami Kashu, «пайщики не могут относиться к своему предприятию эксплуататорски» [9].

Коммерческая составляющая деятельности потребительских объединений была и остается основной потенциальной трансформацией кооперации в обычное капиталистическое предприятие, чаще в акционерное общество с пакетом акций, контролируемым небольшим кругом бывших руководителей кооперативов [10].

В отличие от потребительских обществ, испытавших метаморфозу перерождения, швейцарские кооперативы были изначально созданы и функционируют как акционерные общества. Основателем потребительской кооперации стал поклонник идей рочдэйлских пионеров М. Датвейлер, крупный предприниматель, владелец розничной сети магазинов и предприятий по производству фруктовых напитков, йогуртов, кексов и т. п.

Не связанный традициями старого кооперативного движения, имея мощный капитал (13,5 млн франков) и используя предпринимательские методы, кооперативный бизнес, объединенный в компании «Миграс», стал быстро развиваться. К 1970-м гг. кооператив имел свой банк, 20 заводов (в том числе нефтеперерабатывающий завод и сеть заправок станций), число служащих увеличилось до 29 тыс. человек.

Потребители достаточно легко могли стать пайщиками – цена акции была лишь 10 франков. Более того, пайщики получали право открывать свой магазин. Поэтому очень быстро число пайщиков достигло 872 тыс. человек, а «Миграс» имел 9,4 % доли рынка. С 1971 г. участие работников в управлении кооперативом поддерживалось через выпуск «М-акций участия», которые должны были

оплачиваться в случае увольнения или ухода работника на пенсию. С 1977 г. работники в обязательном порядке включались в руководящие органы кооператива. Не являясь членом Международного Кооперативного Альянса, «Миграс» выполняет все его принципы, направляя 1 % оборота на культурные и общественные цели, субсидируя до 30 % оплаты своих студентов. Руководствуясь кооперативными принципами заботы об обществе, «Миграс» остановил продажу перерабатываемых бутылок, прекратил использование нитратов и пестицидов в технологическом процессе, наладил выпуск менее вредного бензина, исключил использование пластиковых пакетов и т. д. [11].

Безусловно, говоря о потребительской кооперации Швейцарии, нельзя не согласиться с точкой зрения Л. Вальраса о том, что такие объединения являются ничем иным, как средством, способным «придать высокие моральные и демократические качества капиталистическим методам деятельности» [12].

Типичным примером акционерной организации является потребительская кооперация Норвегии. Расширение членской массы осуществляется здесь за счет гарантированной выплаты бонуса владельцам акций. Более чем 400 потребительских обществ объединились в национальный союз, по структуре и содержанию не отличающийся от акционерного предприятия с единой закупочной системой и стандартным набором товаров в магазинах.

Занимательная ситуация сложилась в кооперативном движении Германии. В середине 1970-х гг. положение немецких потребительских обществ резко ухудшилось. Созданная сеть региональных оптовых магазинов оказалась убыточной. Тем временем управляющие потребительских обществ, пользуясь отсутствием открытости, смогли получить лично для себя большинство акций обществ и стали преобразовывать их в акционерные компании. Основой этого послужила многолетняя оторванность руководства кооперации от пайщиков.

Кооперативное движение Германии раскололось: реорганизованные коопера-

тивы образовали свой союз, который стал второй по величине торговой группой в Германии. В связи с преобразованием кооперативов в фактически акционерные общества к 90-м гг. XX в. в Германии осталось лишь 37 обычных потребительских обществ, объединяющих 650 тыс. человек. При этом объединении кооператоров, которые не перешли в руки предпринимателей и остались верны кооперативным принципам, стали сильнее. Например, кооператив «Дортмунд» сегодня имеет 480 тыс. членов (каждая вторая семья) и контролирует свыше 14 % торговли в своем регионе [13].

Несмотря на влияние доминирующего капиталистического уклада экономики развитых стран и случаи институционального перерождения кооперативных объединений перспективным направлением развития потребительских обществ, как показал современный и полуторавековой опыт их существования, является путь укрепления основополагающих принципов кооперации: демократических норм организации, социальной направленности деятельности и строгого соответствия интересам пайщиков.

Осознание необходимости демократических преобразований современного движения обусловило рождение, в настоящий момент, «кооперативов новой волны», ориентированных исключительно на собственную членскую массу. Типичной, с точки зрения иллюстрации сказанного, явления система EURO Кооп, включающая 60 тысяч розничных магазинов [14].

Самое успешное из национальных объединений потребителей Coop Italia насчитывает 1276 магазинов, Coop UK (Великобритания) – 1800 магазинов, Coop Xorden (Скандинавские страны и Швейцария) – около 2000 магазинов (Для сравнения: число магазинов известной европейской сети Carrefour-Европа составляет 6,5 тысячи, у ASDA, британской дочерней компании Wal-Mart – 316, у Tesko-Европа – 294 торговых предприятия).

О масштабах кооперативных сетей говорит и оборот. Если выручка Carrefour-Европа в 2005 г. составляла 5,7 миллиона евро, ASDA – 38,5, Tesko-Европа – 51,8, то доход

Coop UK, Coop Norden и Coop Italia европейской группы Euro-Coop за тот же год составил 24,4 миллиарда евро. Объединению Coop Italia принадлежит 17,7 процента розничного товарооборота в своей стране. По годовому товарообороту Coop UK среди британских ритейлеров (розничных продавцов) занимает шестое место.

Владельцами системы Coop стали 20 млн пайщиков. Каждый акционер-пайщик может реально влиять на политику сети не только своей территории, но и общеевропейскую. Члены кооперативов сами определяют, что и где строить: огромный торговый центр или небольшие магазинчики. К тому же в странах, входивших в систему, имеются разные предпочтения: гипермаркеты особенно активно развивает Coop Italia, универмаги характерны для Coop UK, Coop Norden принадлежат шесть огромных торговых центров. И, конечно, повсеместно открываются магазинчики «за углом», то есть магазины шаговой доступности.

Вновь созданный магазин Coop приглашает всех желающих жителей района стать его совладельцами и вложить в общий бизнес свои сбережения, которые в дальнейшем определяют размер дивидендов. Владельцы будущего магазина выбирают исполнительный комитет, который руководит постройкой и открытием магазина, решает вопросы с властями и собирает в случае необходимости всех членов кооператива. Исполнительный комитет местного кооператива обращается к региональной или федеральной Coop с просьбой о приеме в национальный потребительский кооператив. Разрешение позволяет им развивать местный магазин под брендом Coop и пользоваться ресурсами не только федеральной сети, но и общеевропейской организации Euro Coop.

Наиболее важные решения по поводу ассортимента, инвестиций и другим вопросам развития принимает собрание членов Coop. На собрании каждый из пайщиков имеет право одного голоса, независимо от доли в капитале. Решение принимается путем открытого голосования. Собрания проводятся не реже одного раза в год.

Покупая продукты в своем магазине, его владелец-покупатель получает не только скидки, подарки и повышенное внимание, но и копит дивиденды. Эти деньги в конце каждого отчетного периода (обычно это месяц) переводятся на электронную карту члена кооператива. Их начисляют пропорционально вкладу в уставный капитал. Например, если за отчетный период кооператор приобрел товаров на 250 евро, а его вклад в открытие магазина составил 5 %, в конце месяца на его карту акционера поступает 12,5 евро.

Значительная часть товаров, продающихся под собственной маркой Coop – это экологически чистая продукция и продукция, произведенная в рамках программы Fair Trade («честная торговля»). Концепцию собственной торговой марки, которая с одобрения всех европейских потребительских кооперативов стала визитной карточкой Coop, придумали в Coop Italia.

В Coop непреложно действует закон: продавец – для покупателя. Последний должен получать удовольствие от покупок. Удовольствие от покупок вместе с дивидендами желают получать все большее число потенциальных совладельцев магазинов Coop в Европе. Пропорционально этому растет и число магазинов под вывеской Coop. Результаты исследований, проведенных в Великобритании, показали, что на первом месте в предпочтениях британских потребителей стоит Coop UK.

К «кооперативам новой волны» относятся и создаваемые в тех областях, в которых их раньше не существовало, и социальными группами, ранее не участвовавшими в кооперативном движении. «Особенностью последних, – пишет Мартти Кемппайнен, – является то, что это относительно новые небольшие общества, в составе которых трудятся энтузиасты, имеющие возможность оказывать непосредственное влияние на деятельность предприятия» [15].

Мотивом к созданию так называемых «социальных кооперативов» стали, прежде всего, этические ценности, «желание нести ответственность за развитие общества» [15]. Конкретным поводом образования такого рода объединений явилась необходимость

предоставления эксклюзивных или более качественных в сравнении с другими услуг населению, поиск путей их удешевления. Социальные кооперативы отличаются от традиционных тем, что в основе их деятельности лежит не товарооборот, а заинтересованный труд самих членов обществ или подвижников благотворительных движений. Большую роль в создании и развитии сети социальных кооперативов играет поддержка муниципальной власти. Например, шведские и финские муниципалитеты покупают услуги кооператоров, частично или полностью компенсируют стоимость услуг для клиентов, выделяют разовые субсидии на обновление оборудования или приобретение транспорта, выделяют помещение бесплатно или по льготной арендной ставке.

Однако при этом участники социально ориентированного кооперативного движения предостерегают от административного контроля над деятельностью обществ, возможность которого муниципалитеты приобретают вместе с увеличением доли финансирования кооперативных организаций. Негативный опыт показывает, что в случае административного доминирования власти кооперативы перерождаются в обычные муниципальные предприятия.

Социальные кооперативы компенсируют несовершенство таких тонких сфер социальных услуг, как уход за детьми, особенно за детьми с запаздывающим развитием, психически нездоровыми людьми, пенсионерами, инвалидами, временно нетрудоспособными гражданами. На кооперативной основе создаются более дешевые, чем муниципальные, медицинские учреждения, особенно стоматологические клиники, детские сады, школы, преимущественно с углубленным изучением предметов для одаренных детей и т. п. В настоящее время в Швеции действуют 4500 социальных кооперативов. Правительство Швеции широко поддерживает их деятельность.

Иллюстрацией сказанного о социальных кооперативах может стать стокгольмский Кооператив Независимого Проживания (STIL) созданный людьми с ограниченными

возможностями. Как следует из названия предприятия, центральной функцией кооператива является обучение, поддержка и помощь людям, имеющим проблемы с опорно-двигательным аппаратом. Основным мотивом создания кооператива была неудовлетворенность инвалидов качеством муниципального обслуживания. В отличие от муниципальных служб кооператив не организует бытовую помощь, но пытается создать такие условия, чтобы инвалиды смогли оценить собственные возможности общественной адаптации и принять жизненное решение. Главным способом улучшения качества жизни инвалидов, по мнению кооператоров, является создание благоприятных условий для их деятельности в обществе, а не создание специальной среды и изолирование от общества.

Лица, участвующие в деятельности кооператива, могут стать его членами, имеющими право на участие в общих собраниях, но не обладающими голосом в вопросах, касающихся самих инвалидов. Кооператив оплачивает консультантов и персонал офиса. Некоторые работники сами инвалиды и полномочные члены кооператива. Многочисленные «персональные помощники» участвуют во многих видах деятельности инвалидов. Большая часть из них совмещает работу и учебу. Потребность в помощниках у членов разная. Некоторым оказывают услуги до 10 персональных помощников, а большинство имеет 5–6 помощников. По отношению к кооперативу помощники являются посторонними, но значительная их часть – кандидаты в члены кооператива.

Социальный кооператив (STIL) финансируется государством из пенсионного фонда и частично за счет частных пожертвований (обычно родственников инвалидов). Паевые взносы самих инвалидов представляют собой символические средства, не играющие существенной роли в бюджете общества. Кооператив преследует цель не зарабатывание денег, а оказание услуг высокого качества.

Кроме непосредственной деятельности, их социальное значение определяется демократическими принципами построения,

возможностью каждого инвалида непосредственно влиять на дела предприятия и принимать управленческие решения, что особенно важно для людей с ограниченными физическими возможностями.

Общественный характер союзов потребительских объединений, объединяющих в своих рядах значительную членскую массу, создает условие для вовлечения кооперации в политический процесс.

Многие национальные кооперативные союзы, как итальянский, изначально организовывались по партийному признаку. После Второй мировой войны в Италии были восстановлены два довоенных федеральных кооперативных союза – католиков и социалистов. Впоследствии появились кооперативы коммунистов и христиан-демократов.

Современное кооперативное движение стремится избегать прямого сотрудничества с политическими партиями. Больше того, многие кооперативы записали в уставы положения, запрещающие политическую деятельность. Хотя в определенном историческом контексте кооперативная солидарность играет весьма позитивную роль. Например, потребительские кооперативы сыграли решающую роль в защите гражданских прав и продвижении демократических реформ в Северной Ирландии [16].

Высокие нравственные ориентиры и значительный духовный потенциал кооперативных объединений потребителей обуславливает неизбежное сближение ценностных основ их деятельности с общественной миссией религиозных институтов. В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» подчеркивается важность и социальная ценность нравственных оснований трудовой деятельности граждан [17].

Общей проблемой потребительской кооперации бывших стран социалистического лагеря, препятствующей дальнейшему развитию, является преодоление последствий ее функционирования в условиях централизации и административно-плановой системы хозяйства.

Сохранение сильной вертикали власти и политического централизма в Китае

обуславливает жесткий государственный контроль над деятельностью потребительской кооперации в этой стране. Несмотря на налоговые льготы (освобождение от налогов на 5 лет, льготные ставки в дальнейшем), потребительские общества Китая фактически развиваются в формате жесткого государственного управления, характерного для кооперативной системы СССР. Организационная система китайской кооперации строго регламентирована. Общества потребителей образуются на средства государства, паевые взносы составляют мизерную долю активов кооперативных предприятий. Формально объединения пайщиков независимы и исключены из системы директивного планирования. Однако фактически вся кооперативная система сохраняет централистские принципы построения: первичное звено подчинено городским, районным властным структурам, верхний эшелон кооперативной иерархии непосредственно управляется государством. Как в худшие времена отечественной истории (1930-е г.), кооперативы Китая, пытающиеся обойти нормы, установленные государством, объявляются «лжекооперативами».

Напротив, резкое обрушение централизма в потребительской кооперации постсоветских стран привело к массовой «приватизации» ее активов и фактическому разрушению инфраструктуры кооперативной системы. Так, на момент развала Советского Союза в республиканский союз потребительской кооперации Казахстана входило 1258 потребительских обществ, 218 райпо и райпотребсоюзов, 19 облпотребсоюзов с большими активами, заключающимися в разветвленной системе сельской розничной торговли, перерабатывающих предприятий, объектов соцкультбыта и т. д.

В начале 1990-х гг. собственность потребительской кооперации Казахстана была передана конкретным физическим и юридическим лицам, и только 31 % активов был сохранен в неделимом фонде и закреплен за кооперативными организациями. В дальнейшем большая часть приватизированной собственности была за бесценок при-

обретена предпринимателями или попросту прекратила физическое существование. Полному уничтожению подверглись сельские объекты бытового обслуживания населения и магазины. Уже к середине 1990-х гг. в связи со сложным финансовым положением потребсоюза половина неделимого фонда была передана местным акиматам, что завершило полный развал бывшей советской кооперативной системы республики [18]. Принятый в 1999 г. закон РК «О сельской потребительской кооперации в Республике Казахстан» никак не повлиял на процесс возрождения кооперации «снизу», на основе инициативы, идущей от населения.

Оригинальный способ трансформации советской потребительской кооперации своей страны предлагают некоторые экономисты – менеджеры Украины. Учитывая «пассивность членской массы кооперации», они предлагают передать кооперативную собственность заинтересованным работникам Центросоюза Украины с дальнейшим объединением кооперативных предприятий в корпорации по отраслевому или кооперационному принципу [19]. Действительно, реализация такого подхода могла бы сохранить активы бывших потребобществ. Однако вновь создаваемая структура не имела бы к кооперации никакого отношения.

Значительно комплементарнее происходит адаптация к новым условиям кооперативных систем европейских стран бывшего соцлагеря. Например, практически полностью сохранила и преумножила свой материальный ресурс потребительская кооперация Болгарии. В системе потребительской кооперации этой страны работают три тысячи магазинов, в основном в маленьких городах и деревнях. В 2005 г. Центросоюз Болгарии совместно со Шведским центром проектов начал реализацию программы по реструктурированию и модернизации торговой деятельности. В результате была создана торговая сеть с официальным логотипом Соор и слоганом «Все вместе за покупками». Правление Центросоюза Болгарии приняло Единую концепцию развития торговой сети Соор и «Руководство для функционирования торговой сети Соор».

Прошли переговоры с крупными производителями и поставщиками о централизованных поставках товаров и оборудования для торговой сети. Первые магазины проекта начали работать в 2006 г., а к концу 2009 г. их число достигло 600, в них продаются товары свыше 5 тысяч наименований.

Сейчас торговая сеть Соор Болгарии располагает более чем 60 тыс. м² торговой площади. В последние два года началось строительство новых магазинов в областных городах. В Софии будет открыт современный логистический центр с площадью для оптовой торговли в 4000 м² и гипермаркетом в 2000 м². Мероприятия по модернизации значительно улучшили конкурентоспособность кооперативной торговли и привели к увеличению доходов и росту удельного веса в национальной торговле быстрореализуемых товаров.

В течение 2009 г. были подписаны государственные контракты о поставках 52 групп товаров, и, несмотря на то что болгарская сеть Соор очень молода, она уверенно стремится занять нишу среди работающих на болгарском рынке торговых сетей. С маркой Соор уже продаются более 120 товаров. Их легко узнать: они имеют гарантированное качество и продаются по конкурентной цене. Среди них минеральная вода, чай из лекарственных трав, мед, вино и т. д.

Сотрудничество между странами Европы создает условия для импорта товаров по максимально выгодным ценам. В начале 2009 г. Центросоюз Болгарии стал акционером альянса Соор EURO для совместной поставки товаров в Венгрию, Чехию и Словакию. Соор EURO имеет собственный бренд Соор Premium, который присвоен более чем полсотне товаров. Некоторые из них уже пользуются хорошим спросом и в болгарской торговой сети Соор [20].

Одним из приоритетов Центросоюза Болгарии является туризм. Учитывая значимость этого направления в условиях сильной конкуренции, которая сложилась в последние несколько лет, реализована масштабная инвестиционная программа по развитию кооперативных курортных комплексов. Сейчас

у Центросоюза Болгарии семь полностью модернизированных гостиничных комплексов на 1400 мест. Среди них три гостиничных комплекса на побережье Черного моря на 760 мест, два – в горах на 190 мест, центры бальнеологии, СПА на 350 мест. Есть также городская гостиница на 100 мест. Все эти туристические объекты имеют единый логотип «Соор – Ваше место для отдыха».

Центросоюз Болгарии ставит цель сделать болгарские кооперативные комплексы любимым местом отдыха для всех членов и работающих в кооперативных организациях Европы. Для этого туристические услуги были представлены на первой мировой выставке кооперативного бизнеса в Лиссабоне и на выставке «Болгария сегодня» в Москве.

«Мы уверены, что тысячи пайщиков и особенно наши друзья из России, с которыми мы многие годы поддерживаем хорошие отношения, воспользуются уникальными возможностями болгарских кооперативных объектов туризма и отдыха», – заявил в своем интервью Петр Стефанов, председатель правления Центросоюза Болгарии [21].

В Стратегии развития Центросоюза Болгарии есть специальный раздел, касающийся обучения и квалификации кадров. В Болгарии нет специального высшего учебного заведения, которое готовило бы кадры для кооперации. В городе Пловдиве Центросоюз имеет учебный центр для подготовки и повышения квалификации кадров Intellect Соор, который лицензирован для профессиональной подготовки по 23 профессиям. За последние пять лет в центре Intellect Соор на различного рода курсах прошли обучение 6500 человек. Каждый год Правление Центросоюза Болгарии принимает конкретную программу обучения кадров, выделяя на это соответствующие средства.

Таким образом, зародившаяся на ранних стадиях развития капитализма потребительская кооперация, пройдя сложный путь подъемов и кризисов, доказала жизнеспособность и востребованность в современных условиях.

Внешние противоречия не становятся, как полагают критики кооперации,

непреодолимым препятствием, а стимулируют дальнейшее развитие, поиск новых современных методов функционирования. Как показал мировой опыт кооперативного движения, непреходящей основой стабильности кооперативов является служение обществу.

Библиографический список

1. Социальные основы кооперации. – М., 1916.
2. Чайнов, А.В. Избранные произведения. Сборник / А.В. Чайнов. – М., 1989.
3. Арикава Риоко. Из опыта работы кооперативов Японии / Арикава Риоко // Экономическая жизнь Дальнего Востока. – 1998. – № 1. – С. 82–85.
4. Нижельская, О.А. Кооперация в Австралии и Новой Зеландии / О.А. Нижельская // Финансы и кредит. – 2007. – № 2. – С. 48–52.
5. Мартынов, В.Д. Кооперативное движение Швеции: лекция для слушателей факультета зарубежных кооператоров / В. Д. Мартынов. – М.: МКИ, 1991.
6. <http://www.m.-economy.su/ast.php32asid=22046>; <http://www.cultinfo.su/fulltext/1/001/008/064/359.htm>
7. Иванов, С.А. Потребительская кооперация / С.А. Иванов // Электронная библиотека ВКИРУК.
8. <http://www.finnlands.com>; www.infofin.ru.
9. Sami Kashu. Факторы успеха в работе финских кооперативов / Sami Kashu. – Петрозаводск, 2008.
10. Современные тенденции мирового кооперативного движения // <http://www.sibupk.nsk.su/public/chairs/cooper/TeorCoop/Histiry/g/7.htm#3>
11. Ефремова, Г.М. Принципы международного кооперативного движения / Г.М. Ефремова // Проблемы развития рынка потребительских товаров: Материалы к науч.- практ. конф. 23–24 мая 2005 г. – Ч. 1.
12. Селигмэн, Б. Основные течения современной экономической мысли / Б. Селигмэн. – М., 1968.
13. Уколова, Л.В. Кооперативные организации Германии. Законодательство, структура, деятельность / Л.В. Уколова. – Белгород, 1998.
14. Баженов, Ю. Новый век кооперации / Ю. Баженов. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 239 с.
15. http://www.creditcoop.su/index.php?option=com_content&view=article&id=105:eucooop&catid=34:countries&directory=34.
16. Кемппайнен, М. О кооперативных обществах как поставщиках услуг – опыт Финляндии и Швеции / М. Кемппайнен // Факторы успеха в работе финских кооператоров. – Петрозаводск, 30.05.2008.
17. http://www.creditcoop.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=122:ireland&catid=34:countries&directory=34.
18. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М., 2008.
19. Потребительская кооперация Казахстана. 1994. – № 3–4.
20. Бабенко, С. Потребительская кооперация: реформирование отношений собственности / С. Бабенко // Зеркало недели. – 2002. – № 13, 6 апреля.
21. <http://ru.woodmizer-planet.com>; <http://www.doncoop.ru>.
22. www.coophotels.bg.

CONSUMER COOPERATION: A MODERN WORLD EXPERIENCE OF DEVELOPMENT

Egorov V.G., Prof., Dr. Sci. (Historical)

korrika@mail.ru

Moscow State Forest University (MSFU), 1st Institutskaya st., 1, 141005, Mytischki, Moscow reg., Russia

The essential features and trends of modern consumer cooperation development in the stage of «renaissance» are considered. As the global socio-economic trends show, consumer societies not only did not lose their value, but, on the contrary, are actively functioning in many areas of public life, including those where the functioning of other forms of organization is less effective. World consumer cooperatives in the second half of the last century survived the crisis, which put into question the possibility of functioning of the consumers associations in the developed economies. A significant part of the intellectual community became adherent to the point of view that the consumer cooperatives «vestige» are adequate systems with low market relations. Despite the claims of the «skeptics», the cause of the crisis of the consumer cooperation world was not connected with its natural qualities but with the violations from them, borrowing techniques inherent in the private-capitalist enterprise by the initial cooperative systems. There were also those cooperative institutions that have changed their legal status, turning into a joint stock company. Often, as a result of borrowing the liberal managerial models of cooperation, principles, without which its existence was impossible, disappeared. The return of global cooperative movement of direct democracy to the practice, the focus on vital priorities of the shareholders contributed to the revival of consumer unions. The new stage of the cooperative development, which began at the end of the XX century and has continued to the modern society, gave birth to a new phenomenon: «the new wave of cooperation», i.e. establishment of the associations of the population in the areas of public life, where hitherto cooperation has not been present, for example, the organization of home care, socialization of physically challenged, specific education, etc. Bearing in mind the reasons for the crisis of the second half of the last century, many national systems excluded participation in the market relations and completely switched to meeting the needs of shareholders.

Keywords: cooperation, consumer societies, cooperative democracy, needs of shareholders, the crisis of the cooperative movement, cooperation «New Wave».

Referenses

1. *Sotsial'nye osnovy kooperatsii* [Social Foundations of Cooperation]. Moscow, 1916.
2. Chayanov A.V. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Collection. Comp. EV Serova. Moscow, 1989.
3. Arikava Rioko. *Iz opyta raboty kooperativov Yaponii* [From the experience of cooperatives in Japan] *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka* [The economic life of the Far East] 1998, no.1, pp. 82–85.
4. Nizhel'skaya O.A. *Kooperatsiya v Avstralii i Novoy Zelandii* [Cooperation in Australia and New Zealand] *Finansy i kredit* [Finances and Credit]. Moscow, 2007, no. 2, pp. 48–52.
5. Martynov V.D. *Kooperativnoe dvizhenie Shvetsii: lektsiya dlya slushateley fakul'teta zarubezhnykh kooperatorov* [The cooperative movement in Sweden: a lecture for the students of the Faculty of foreign cooperators] Moscow: Publ. МКИ, 1991.
6. Available at: <http://www.m.-economy.su/ast.php32asid=22046>; and <http://www.cultinfo.su/fulltext/1/001/008/064/359.htm> (accessed 28 November 2014).
7. Ivanov S. A. *Potrebitel'skaya kooperatsiya* [Consumer cooperation] *Elektronnaya biblioteka VKIRUK* [Digital Library VKIRUK].
8. Available at: www.finnlands.com; www.infofin.ru (accessed 7May 2014).
9. Sami Kashu. *Factory uspekha v rabote finskikh kooperativov* [Success factors in Finnish cooperatives] Petrozavodsk, 2008, pp. 11–12.
10. *Sovremennyye tendentsii mirovogo kooperativnogo dvizheniya* [Modern trends in the global co-operative movement] Available at: <http://www.sibupk.nsk.su/public/chairs/cooper/TeorCoop/Histiry/g/7.htm#3>.
11. Efremova G.M. *Printsipy mezhdunarodnogo kooperativnogo dvizheniya* [The principles of the international cooperative movement] *Problemy razvitiya rynka potrebitel'skikh tovarov* [Problems of development of the market of consumer goods] *Materialy k nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Part1. Moscow, 23–24 maya 2005.
12. Seligmen B. *Osnovnye techeniya sovremennoy ekonomicheskoy mysli* [The main flow of modern economic thought] Moscow, 1968.
13. Ukolova L.V. *Kooperativnye organizatsii Germanii. Zakonodatel'stvo, struktura, deyatel'nost'* [Cooperative organizations in Germany. Legislation, structure, activity] Belgorod, 1998.
14. Bazhenov Yu. *Novyy vek kooperatsii* [New age of cooperation] Available at: http://www.creditcoop.su/index.php?option=com_content&view=article&id=105:eurocoop&catid=34:countries&directory(accessed 12 Desember 2014).
15. Kempaynen M. *O kooperativnykh obshchestvakh kak postavshchikakh uslug – opyt Finlyandii i Shvetsii* [Cooperative Societies as a service provider – the experience of Finland and Sweden] *Factory uspekha v rabote finskikh kooperatorov* [Success factors in Finnish cooperators] Petrozavodsk, 30.05.2008.
16. Available at: http://www.creditcoop.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=122:ireland&catid=34:countries&directory=34.
17. *Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Bases of the Social Concept of the Russian Orthodox Church] Moscow, 2008, pp.88–89.
18. *Potrebitel'skaya kooperatsiya Kazakhstana* [Consumer cooperation of Kazakhstan] Alma-Ata,1994, no. 3–4.
19. Babenko S. *Potrebitel'skaya kooperatsiya: reformirovanie otnosheniy sobstvennosti* [Consumer cooperation: reform of property relations] *Zerkalo nedeli* [Mirror weeks] Moscow, 2002, no.13, 6 april.
20. Available at: <http://ru.woodmizer-planet.com>; <http://www.doncoop.ru> (accessed 2 February 2014).
21. Available at: www.coophotels.bg (accessed 5 February 2014).

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО, ЗЕМСТВА И КУСТАРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ: ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

О.А. ЗОЗУЛЯ, доц. каф. истории и политологии МАМИ, канд. ист. наук

ozozulya@mail.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный машиностроительный университет»
107023 г. Москва, ул. Большая Семеновская, д. 38., МАМИ

Проведено исследование проблемы формирования системы взаимоотношений правительственных органов, земств и кустарей во второй половине XIX – начале XX в. Собранный фактический и статистический материал позволяет выделить основные направления и этапы деятельности государственных органов по организации помощи и поддержки кустарной промышленности. Акцентируется внимание на ряде магистральных направлений, избранных Министерством земледелия и государственных имуществ в целях поддержки промышленного сектора крестьянского хозяйственного комплекса. Рассмотрены различные предложения о предоставлении помощи кустарным промысловикам, которые, по мнению правительственных органов и земств, должны были содействовать оживлению и укреплению крестьянской экономики. Кредитная политика, организация музейного дела, создание системы профессионального образования, борьба за освобождение кустарей от многочисленных посредников и предоставление государственных заказов, совершенствование артельного законодательства и многие другие инициативы постепенно выстраивались в определенную систему поддержки мелкого крестьянского производства, которое не потеряло актуальности и в настоящее время, когда в условиях современного кризиса на государственном уровне идет поиск конкретных решений по поддержке мелкого и среднего бизнеса. В работе показано, что правительство определило, законодательно регламентировало и частично субсидировало мероприятия по поддержке неzemледельческих промыслов, возложив их практическую реализацию на земские и иные неправительственные организации. Однако дальнейшая трансформация кустарного производства сдерживалась недостатком кредитных средств, засильем скупщика на рынке, нечеткостью кредитно-кооперативной политики правительства и требовало слаженной работы правительственных учреждений, организаций общественности и финансовых структур. Не менее важным являлось определение перспектив развития неzemледельческого производства в условиях модернизационной парадигмы.

Ключевые слова: кустарные промыслы, модернизация, государственная политика, земство, артель, кооперативы кустарей, крестьянское хозяйство.

Тематика исследования перспектив встраивания традиционного крестьянского хозяйства, одним из компонентов которого являлись кустарные промыслы, в рыночную экономику рубежа XIX–XX вв. в последнее время все более актуализируется. Государство сегодня декларирует смену экономических, финансовых и социальных приоритетов, делает конкретные шаги по поддержанию малого и среднего бизнеса, отчетливо понимая, что именно он утилизирует значительную часть рабочей силы и смягчает социальную напряженность, обостряющуюся в условиях разорения крупных фирм в кризисные периоды. В этой связи обращение к опыту осуществления государственной поддержки и помощи мелкому производителю, изучение достижений и ошибок в этой сфере на рубеже прошлых веков, становится все более востребованным, а анализ политики по оказанию государством помощи мелкому производству, изучение становления системы взаимоотношений «государство – местные органы – кустари» выделяется в качестве важного на-

правления исследовательской работы в области выявления специфики формирования российского капитализма и приобретает в современных кризисных условиях все большую значимость.

Во второй половине XIX в. в России непросто пробивали себе дорогу идеи осуществления социально ориентированной экономической политики. Но когда в периоды кризиса протекционизм российского правительства в сфере экономики, который выразился в насаждении капитализма «сверху» и поощрении создания тяжелой промышленности за счет иностранных инвестиций, продемонстрировал свою ограниченность, подход к народному крестьянскому хозяйству на официальном уровне претерпел значительные изменения. Новая тенденция нашла отражение в деятельности правительственных органов, повлияла на развитие законодательства и изменила отношение общественности к «кустарному делу».

В дореволюционной России мелкая (кустарная) промышленность являлась час-

тью крестьянской экономики, а неземледельческие занятия сельского населения на протяжении веков составляли неотъемлемую часть жизни деревни. Объективно появлению и развитию сельской (крестьянской) промышленности способствовал ряд факторов: растущее год от года после отмены крепостного права малоземелье крестьян, кризис традиционной низкопродуктивной системы земледелия, высокие выкупные платежи и другие налоги, которые можно было выплатить в условиях низкопроизводительного сельского хозяйства только обращаясь к дополнительным заработкам. Способствующими обстоятельствами для развития кустарных промыслов, по мнению ряда авторов, были суровый климат, освобождавший крестьянина на несколько месяцев в году от сельскохозяйственных работ, громадность территории, сдерживавшая формирование всероссийского рынка и развитие экономических связей с другими странами, и продолжительный период ограничения свободы крестьян в условиях крепостной зависимости [2]. Неудовлетворенный труд в течение 4–7 зимних месяцев стал, действительно, важным аргументом в вопросе развития кустарных промыслов, доходы от которых составляли значительную часть бюджета крестьянского хозяйства. В начале XX в. в Московской губернии крестьяне получали от промыслов в среднем до 76 %, в Нижегородской – от 33 % до 40 % дохода [5].

К субъективным факторам развития кустарных промыслов, в первую очередь, следует отнести позицию самих владельцев крепостных крестьян, которые прямо или косвенно способствовали формированию целых районов кустарных производств, которые в XIX веке дворянский экономист В.П. Безобразов называл кустарными гнездами, а современные авторы чаще употребляют термин «промышленные кластеры».

Технический прогресс и развитие крупного машинного производства наносили по традиционным российским промыслам сильный удар, например, фабричные ткани вытесняли с рынка продукцию ткачей-кустарей, а возникающая химическая промышлен-

ность подрывала дегтярный и прочие виды промыслов, связанные с производством смазочных, красящих и т. п. веществ. В условиях конкуренции выживали те промыслы, которые могли обеспечить себе определенный сегмент потребительского рынка.

Осложнялось положение кустарей тем, что затруднениями, связанными со скупкой сырья и сбытом готовой продукции, недостатком оборотных средств, пользовались ростовщики, скупщики и раздатчики, в зависимости от которых все более попадали крестьяне [4]. Например, в Костромской губернии в Красносельской волости, где население занималось производством ювелирных изделий из меди, бронзы и серебра, мастер-кустарь, получая от скупщика материал и приобретая продукты в рассрочку, вынужден был сдавать произведенные изделия ему же оптом по произвольным ценам, зарабатывая лишь 4–5 % от их рыночной стоимости. Производя в год товара на 1000 руб., он получал на руки только 40 или 50 руб., а остальное шло скупщику [14]. В дальнейшем скупщики, пользуясь задолженностью крестьян, старались различными способами противодействовать образованию кустарных артелей в деревне, рассматривая кооперативные объединения как непосредственного и опасного конкурента. Они запугивали односельчан, пытались их перессорить, изгоняли образованных людей, участвующих в создании ассоциаций, обвиняли последних перед властями в политической неблагонадежности [12].

Кроме того, в ряде отраслей шел естественный процесс складывания рассеянной мануфактуры, что также приводило кустарей к обнищанию и потере экономической самостоятельности, пауперизации и превращению в наемных рабочих.

Большинство российских экономистов считало такое положение чреватым опасными экономическими и социально-политическими последствиями, сокращением числа собственников и обеднением трудового населения; оно наносило урон фискальным интересам казны, вело к сокращению платежеспособности налогоплательщиков и грозило обществу потерей стабильности и

социальными взрывами. Поэтому в пореформенный период в российском обществе идея развития кустарной промышленности (кустарного дела) стала достаточно популярной. Ее поддерживали ученые, земские деятели, энтузиасты-предприниматели и, в конце концов, государственные деятели. Мелкому крестьянскому производству отводилась важная народно-хозяйственная и социальная роль. При обсуждении в Государственном совете в 1896 г. вопроса о том, какое положение занимает кустарные промыслы в ряду других видов промышленности, министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов иллюстрировал значимость данного сектора крестьянского хозяйства конкретными цифрами: в одних только земских губерниях 2 млн взрослых кустарей в общей сумме зарабатывали от 80 до 100 млн руб. в год [6], отхожие промыслы давали дополнительный заработок в 20–30 млн руб. в год. В то же время на фабриках и заводах в тот же период было задействовано 1 млн 170 тыс. рабочих, заработки которых не превышали 100 млн руб. [7].

Под влиянием объективных обстоятельств трансформировалась правительственная политика в отношении кустарей и ремесленников, поскольку крестьянское производство стало рассматриваться как один из факторов повышения материального благосостояния крестьян, сдерживающий их пролетаризацию и распространение массовых рабочих выступлений, которые сотрясали Запад.

В 1860–70-е гг. как отдельные общественные деятели, так и целые научные и хозяйственные организации, земства и правительственные учреждения начинают активно изучать состояние кустарных промыслов и предлагают либо способы поддержки имеющихся, либо пути организации новых производств, способных поднять благосостояние народа.

Одна из первых попыток научно осмыслить проблему кустарного производства в системе российской народнохозяйственной жизни была предпринята в работе А.К. Корсака [4]. Она положила начало спорам и дискуссиям 60-х гг. XIX в. о роли и значении кустарного дела в экономической жизни страны.

В дальнейшем недостаточная определенность объекта исследования, отсутствие опыта, запутанность этого вопроса и в то же время серьезность и важность его изучения послужили поводом к созданию в 70-е гг. XIX в. при Министерстве финансов специальной Комиссии по исследованию кустарной промышленности, в которую были включены представители трех министерств: финансов, государственных имуществ и внутренних дел, и научных обществ, тесно сотрудничавших с правительством. В состав Кустарной комиссии вошли известные экономисты и статистики: П.А. Васильченко, Ю.Я. Янсон, А.И. Ходской, В.И. Вешняков и др. Главным идейным руководителем комиссии, ставшим затем ее председателем, был сотрудник министерства финансов Е.Н. Андреев, секретарь Русского технического общества, автор работы «Кустарная промышленность России» [1].

Комиссия определила причины роста заинтересованности правительства в развитии кустарного производства. Таковыми были широкое распространение кустарных промыслов в «земских губерниях», связь кустарей с земледелием и то, что кустарные промыслы служили дополнительным источником доходов для крестьянских хозяйств, которые направлялись на уплату налогов [16].

По завершении исследования Комиссия предприняла ряд шагов по поддержке и совершенствованию кустарных промыслов: она способствовала организации школы кружевниц в Петербурге, инициировала закладку ивовой плантации в казенном (государственном) Охтинском лесничестве недалеко от Петербурга, которая должна была послужить основой для развития кустарного корзиноплетения. Кроме того, были составлены проекты уставов Воткинской и Тульской артелей кустарных мастеров [7].

Впоследствии руководство политикой в отношении кустарных промыслов было окончательно сосредоточено в Министерстве государственных имуществ как непосредственно связанном с развитием земледелия. Министр финансов М.Н. Вышнеградский аргументировал необходимость перевода кус-

тарного направления в другое министерство тем, что крестьянские промыслы «находятся в прочной связи с земледелием, являются необходимым подспорьем для сельского земледельческого населения, посвящающего им досуги от полевых работ, подверженных вследствие климатических условий продолжительным перерывам во время осенних и зимних месяцев», и дают «земледельческому классу необходимые заработки как для уплаты казенных и общественных повинностей, так и денежные средства для нужд сельского хозяйства и, избавляя от необходимости искать себе заработков на стороне, в отхожих промыслах и на фабриках, служит к сохранению связи сельского населения с земледелием» [16]. Таким образом, связь кустарей с сельским хозяйством и незаинтересованность финансового ведомства предопределили выбор министерства, получившего в ведение кустарную промышленность.

Деятельность государственных органов по организации и управлению кустарной промышленности можно условно разделить на три этапа. На первом этапе, который хронологически ограничен 1884–1894 гг., циркулярно были поставлены в известность все губернаторы о передаче кустарного дела в департамент министерства и высказана просьба о предоставлении имеющихся сведений о нуждах кустарной промышленности в соответствующий департамент. Кроме того, министерство обратилось в Общество содействия русской промышленности и торговли с просьбой о помощи в оценке состояния данной отрасли экономики [7].

Ответ не заставил себя ждать, и уже в мае 1889 г. последовало заключение на запрос министерства. Фактически речь шла о развернутой программе организации содействия кустарям. В ответе обращалось внимание на необходимость создания системы получения текущей статистики о кустарных промыслах, поскольку невозможно было осуществлять помощь кустарям, не представляя ни их численности, ни размеров производства. Далее отмечалось, что необходимо оказать помощь кустарям в плане расширения знаний в области новой техники и совершенствования

приемов обработки изделий. Подчеркивалось, что важно организовать снабжение кустарей сырыми материалами в удобных для кустарей объемах, предоставлять им заказы через государственные и земские организации, развивать систему кредитных учреждений, создавать в начальных школах курсы обучения ремеслам. И, наконец, указав на важность дальнейшего развития в кустарных промыслах артельного начала, общество особо акцентировало внимание министерства на необходимости поддержки существующих артелей [7].

После реорганизации оно стало получать регулярные ассигнования на обслуживание кустарного дела в России, пока еще в незначительных размерах – 35 тыс. рублей в год [11]. Эти средства позволили провести некоторые мероприятия общего характера: начать проводить регулярные исследования состояния развития промыслов, техники кустарных производств, изучать потребности промыслов, снабжать кустарей сырыми материалами, лесом и железом. Специалисты должны были найти ответы на вопросы:

– Каким путем приобретает сырой материал и может ли быть оказана помощь в приобретении на более выгодных условиях?

– Каких технических улучшений требует то или иное производство и какие образовательные заведения необходимо для этого создавать?

– Какие кустарные промыслы отвечают современным потребностям рынка и могут быть поддержаны правительством?

– Каковы пути сбыта местной кустарной промышленности, есть ли торговые склады для защиты кустарей от скупщиков?

– Может ли быть организован при участии органов местного самоуправления и кредитных учреждений кредит кустарям для содействия по закупке сырых материалов и сбыту готовых изделий [10]?

На данном этапе были предприняты и первые шаги по устройству локальных кустарных выставок и местных складов-музеев. Кроме того, предпринимались попытки организации адресной помощи сельским производителям ремесленных изделий.

Второй период (1894–1909 гг.) был связан с деятельностью реорганизованного МГИ. Законом от 21 марта 1894 г. оно преобразовывалось в Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ). В этот период управление делами кустарной промышленности было сосредоточено во вновь учрежденном кустарном комитете при отделе сельской экономии и сельскохозяйственной статистики министерства, на которое была возложена обязанность «попечения о развитии кустарными промыслами сельского населения» [9]. В распоряжение комитета стали отпускаться значительные средства, что позволило придать более устойчивый и планомерный характер помощи правительственных органов. Кроме того, в конце XIX – начале XX в. под влиянием экономических причин и нарастания революционных настроений правительство стало активнее поощрять развитие кустарной промышленности.

В деятельности МЗиГИ в рассматриваемый период можно вычленил несколько магистральных направлений. Прежде всего, ведомство привлекало к работе по попечению кустарной промышленности местные учреждения: земства, сельскохозяйственные общества и комитеты. Земства открывали музеи и склады кустарных изделий, организовывали торговлю на крупнейших ярмарках – Макарьевской, Казанской, Котельнической. Деятельность местных органов самоуправления была нацелена на расширение рынка сбыта кустарной продукции, на выявление пользующихся большим спросом изделия (токарные, столярные, сельскохозяйственные и т. д.) При музеях стали создаваться учебные мастерские.

Другим важным направлением работы комитета стал поиск путей освобождения кустарей из «удушающих объятий» ростовщиков и посредников. Определяя в качестве приоритетной задачи помощь кустарям с целью повышения производительности и увеличения их заработков, председатель кустарного комитета Ф.С. Голицын особое внимание уделял предложениям, которые должны были уменьшить излишнее посредничество и избавить кустарей от засилья скупщиков. Речь

шла о получении кустарями доступа к государственным заказам и к источникам более дешевого сырья. С 1887 г. МЗиГИ ходатайствовало о передаче кустарям госзаказов.

Первым откликнулось морское ведомство и сделало заказ кустарям на производство небольшого количества напильников. Дело было новое, и запас инструментов на складах был достаточный, но предложение нашло поддержку, и первая партия напильников была принята даже без предварительных испытаний. Впоследствии выяснилось, что качество инструментов оставляет желать лучшего, и пришлось ввести систему контроля. Но в целом, за период 1888–1902 гг. заказы увеличились как по ассортименту, так и по стоимости и составляли 62 тыс. 724 руб. Удалось также повысить и качество кустарных изделий [7]. Военные ведомства заказывали особые ящики для винтовок, сукно, тесьму, рогожу, обувь. Большую роль сыграли земства. Так, например, новооскольское уездное земство способствовало получению заказов на шитье сапог для армии [10].

Деятельность МЗиГИ требовала законодательного оформления. Поэтому снабжение кустарей через посредство земств сырьем стало производиться на основании особых льготных правил. Правила о предоставлении кустарям поставок для военного ведомства были пересмотрены [13]. В 1902 г. в новой редакции Правил сделано важное дополнение: поставки сырья предоставлялись без торгов, по взаимному соглашению государственных учреждений, или с торгов, но без залога под поручительство МЗиГИ, земств, а также кустарных учреждений (комитетов, обществ, школ). Кроме того, было сделано и еще одно немаловажное дополнение: «поставки кустарям их изделий для военного ведомства, в том числе и таких изделий, на которые производится отпуск казенных материалов, подчиняются всем как общим, так и частным условиям подрядных заготовлений, кроме платежа промысловых, актовых и гербовых сборов и предоставления залогов под обеспечение: а) неустойки, б) задаточных денег, выдаваемых вперед, в счет договорной платы, в половинной стои-

Материальная помощь МЗиГИ «кустарному делу» 1901–1904 гг.
Material assistance of the MZGI to the «handicraft business» 1901-1904

Получатели кредита	1901 г.	1902 г.	1908 г.	1904 г. (информация неполная)
Кустарные склады, музеи, комитеты	17 765	21 080	24 680	28 080
Ткацкие, ковровые, школы и мастерские	22 639	30 643	35 904	31 361
Корзиночные мастерские	3 545	5 660	3 900	4 700
Гончарные мастерские	1 600	1 700	1 700	1 600
Гранильные, смолокурные, пчеловодные, скорняжные и кузнечные мастерские	3 500	5 000	6 250	500

мости всего подряда и в) отпускаемых казенных материалов...» [7]. Залоги заменялись поручительством земских управ, уполномоченных земскими собраниями и утвержденными Министерством внутренних дел.

Еще одним направлением деятельности организационного характера являлось содействие министерства различным обществам и учреждениям, которые занимались делами кустарной промышленности. Речь шла не только о земствах, но и о влиятельных организациях в сфере промышленности, поддерживаемых правительством. В начале XX в. была проведена первая Всероссийская кустарная выставка и созван первый съезд деятелей по кустарной промышленности.

Поскольку, как обращал внимание профессор Д.И. Менделеев, мелкие предприятия часто «гибнут, встречая соперничество крупных производств» из-за невозможности использовать современные технические средства и не имея средств на их приобретение [8], постольку значительно возрастало внимание государственных и общественных органов организации доступного для кустарей денежного кредита.

Объединенные данные о предоставлении пособий учреждениям и лицам за период с 1901 по 1904 год были собраны в отчете министерства и их можно представить в виде табл. 1 [7].

Руководители комиссии отдавали себе отчет в том, что обширность государства, разбросанность и разнообразие кустарных промыслов требовали гораздо больших материальных затрат на помощь кустарям в расширении их технических знаний, внедрении новых машин и приспособлений и техниче-

ских усовершенствований. Особо отмечалась необходимость распространения положительного опыта организации кустарного производства, что и стало основным направлением деятельности на новом этапе.

Третий период начался в 1909 г. С 1909 по 1914 год пришло не только осознание особого значения этой отрасли, но и увеличились ассигнования на развитие «кустарного дела».

Рост ассигнований, отпускаемых из средств Государственного казначейства на нужды кустарной промышленности за рассматриваемый период, может быть представлен следующим образом:

1888–1890 гг. по 30 000 руб.;
 1891 г. – 40 000 руб.;
 1891–1894 гг. по 60 000 руб.;
 1895–1897 гг. по 80 000 руб.;
 1898–1901 гг. по 100 000 руб.;
 1902–1908 гг. по 160 000 руб.;
 1909 г. 492 415 руб.;
 1910 г. – 773 547 руб.;
 1911 г. – 1 045 826 руб.;
 1912 г. – 1 531 884 руб.

Рост ассигнований отражал возрастающее внимание правительства к кустарной промышленности и признание ее «крупного значения в экономической жизни крестьянства» [11].

Деятельность ГЗиЗД расширялась, диверсифицировалась. Основные мероприятия в сфере кустарной промышленности можно сгруппировать следующим образом:

- статистико-экономические обследования кустарных промыслов;
- оказание технической и материальной помощи земствам, кустарным комитетам, сельскохозяйственным обществам и иным

общественным и частным организациям, а также отдельным лицам, способствующим развитию кустарных промыслов;

- отпуск денежных средств в виде ссуд, безвозвратных пособий, средств на командирование специалистов и инструкторов для руководства на местах при организации кустарных школ, учебных мастерских, складов хранения сырья и готовых кустарных изделий для дальнейшей их продажи, а также для участия в экспертизе на кустарных выставках, для производства показательных работ и т. д.;

- содействие в организации, кредитовании кустарных артелей, снабжении их сырьем материалами и оказании им технической помощи;

- учреждение и содержание инструкторских школ и учебно-показательных мастерских, а также персонала и инструкторов по отдельным видам кустарных производств;

- содержание кустарного музея в Петербурге с целью содействия распространению среди кустарей новых рисунков, образцов, чертежей, моделей усовершенствованных орудий;

- устройство кустарных всероссийских выставок и содействие в устройстве местных губернских выставок с поощрением почетными, денежными и другими наградами;

- издание специальных технических руководств, обзоров и сборников сведений по кустарной промышленности;

- организация разъездной агентуры для ознакомления с кустарными изделиями населения отдаленных районов, продажи и приема заказов как в России, так и за границей;

- отыскание наиболее выгодных рынков сбыта кустарных изделий в стране и за рубежом, а также посредничество по приему поставок кустарных изделий для разных казенных учреждений.

Предполагалось, что народные промыслы оживятся, окрепнут и станут более надежной опорой в экономике русского крестьянства. Были выдвинуты предложения о предоставлении кустарным промыслам помощи:

- а) создание земствами складов сырья и готовых изделий для кустарей, т. е. облегчение для них условий закупки и сбыта;

- б) открытие кустарям кредита из земских бюджетов;

- в) организация выставок, музеев и мастерских образцов кустарных изделий. Наиболее известными были кустарные музеи в Москве (ныне Музей народного искусства), Рузе, Рязани, Луховицах;

- г) объединение кустарей для совместной хозяйственной деятельности, т. е. их кооперирование.

В 1902 г. принимается примерный устав артели, в 1906 г. были внесены дополнения и кустари получили законные основания для регистрации своих объединений на уровне губернии. И хотя в этом процессе возникало много осложнений, волокиты и трудностей, тем не менее, кооперативы кустарей становились осязаемой реальностью хозяйственной жизни России. М.И. Туган-Барановский приводил статистические данные по увеличению числа кооперативных объединений с начала века до начала Первой мировой войны, которые представлены в нижеприведенной табл. 2 [17].

Приведенные цифры свидетельствовали как о продолжающемся распространении кооперативных форм, так и о тенденции развития кустарных ассоциаций, что вынуждало правительство все более ориентироваться в своей политике (особенно кредитной) на данную форму хозяйственного объединения. Защитники российского традиционализма стали даже рассматривать кооперативы как основную составляющую или главное средство борьбы против капиталистической эксплуатации.

Не вдаваясь в борьбу мнений о перспективах развития кустарной кооперации, в расхождении во взглядах народников, марксистов и либералов, выражающих интересы различных идеологических направлений, следует, на наш взгляд, солидаризироваться с позицией В.Г. Егорова, который предлагает рассматривать кооперацию в контексте теории модернизации. Он обращает внимание на то, что в хозяйственном плане, возникновение

Численность кооперативов в России в начале XX в.
The number of cooperatives in Russia at the beginning of the XX century

Общее число кооперативов в России	1901–1902 г.	1915 г.
Кредитных кооперативов	837	14 350
Потребительских обществ	600	10 900
Сельскохозяйственных обществ	137	5 000
Сельскохозяйственных товариществ	–	1 650
Маслодельных артелей	51	2 700
Кустарных и иных артелей	–	600
Итого	1 625	35 200

кооперативных объединений было связано с «эволюционным шагом мелкого производства к укрупнению», с заполнением «экономической ниши адекватной организационной формой», позволяющей удовлетворять индивидуальные и групповые потребности, основанные на узкой сырьевой базе [3].

Таким образом, в начале XX в. правительство определило, законодательно регламентировало и частично субсидировало мероприятия по поддержке неземледельческих промыслов, возложив их практическую реализацию на земские и иные неправительственные организации. Однако многие вопросы дальнейшей трансформации кустарного производства упирались в недостаток кредитных средств, засилье скупщика на рынке, нечеткость кредитно-кооперативной политики правительства и требовало слаженной работы правительственных учреждений, организаций общественности и финансовых структур. Не менее важным являлось определение перспектив развития неземледельческого производства в условиях модернизационной парадигмы. В отчете отдела сельскохозяйственной экономики и сельскохозяйственной статистики МЗиГИ обращалось внимание на то, что «задачей правительства в области экономической жизни страны является развитие производительных сил народа». Но «пока все существующие нужды кустарной промышленности не получают надлежащего удовлетворения, до тех пор правительственные усилия, направленные к подъему производительных сил в России, будут носить односторонний характер и, как не затрагивающие глубины народной жизни, не принесут ожидаемых результатов» [5].

Библиографический список

1. Андреев, Е.Н. Кустарная промышленность России / Е.Н. Андреев. – Санкт-Петербург, 1885.
2. Водарский, Я.Е. Сельские кустарные промыслы европейской России на рубеже XIX–XX столетий / Я.Е. Водарский, Э.Г. Истомина. – М., 2004.
3. Егоров, В.Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве / В.Г. Егоров. – Казань, 2005.
4. Корсак, А. О формировании промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России / А. Корсак. – М., 1861.
5. Кустарная промышленность, ее нужды и меры для их удовлетворения. – СПб., 1909.
6. Зозуля, О.А. Земские инициативы в контексте политики государства по повышению эффективности функционирования кустарной промышленности (на примере Московской и Нижегородской губерний) / О.А. Зозуля // Известия Пензенского гос. пед. ун-та. – 2012. – №7.
7. Голицын, Ф.С. Кустарное дело в России. Исторический ход развития кустарного дела в России. Деятельность правительств, земств и частных лиц / Ф.С. Голицын. – Т.1. – СПб., 1904.
8. Менделеев, Д.И. Фабрично-заводская промышленность и торговля России / Д.И. Менделеев. – СПб., 1893.
9. О преобразовании министерства государственных имуществ в министерство земледелия и государственных имуществ // Государственный совет. Департамент законов. Материалы. Т. 228 (1893). – СПб., 1893.
10. Обзор деятельности правительства на пользу кустарной промышленности (1888–1902). – СПб., 1902.
11. Обзор правительственного содействия кустарной промышленности. – СПб., 1913.
12. Петров, Е.П. Кооперация среди кустарей / Е.П. Петров. – М., 1912.
13. Правила по предоставлению кустарям поставок для военного ведомства, высочайше утвержденное 15 июля 1897 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. XVII отд. II. – СПб., 1900.
14. Скалон, В.Ю. Артели на Руси / В.Ю. Скалон // Грамотей. Народный журнал. – 1872. – № 10.
15. Субботин, А. Поездка по кустарным промыслам и кустарные артели / А. Субботин. – М., 1893.
16. Тарновский, К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. / К.Н. Тарновский. – М., 1995.
17. Туган-Барановский, М.И. Социальные основы кооперации / М.И. Туган-Барановский. – Л., 1921.

RUSSIAN GOVERNMENT, ZEMSTVOS AND CRAFTSMEN IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY:
RELATIONSHIP FORMATION

Zozulya O.A., Assoc. Prof., MAMI, Ph.D. (History)

ozozulya@mail.ru

Moscow State University of Mechanical Engineering (MAMI), Bolshaya Semenovskaya str., 38, 107023, Moscow, Russia

The problem of setting up a system of relations between the governmental bodies, zemstvos and craftsmen in the second half of XIX – beginning of XX century has been investigated. Collected evidence and statistical material allowed to identify major directions and stages of public authorities activities on organization of assistance and support to the handicraft industry. The article focuses on several main directions chosen by the Ministry of Agriculture and State Property to support the industrial sector of the peasant economic complex. The author examines various offers for assistance to the craftsmen, which, according to the opinion of the government and local authorities, should have contributed to the revival and strengthening of the peasant economy. Credit policies, organization of museum work, establishment of the professional education system, the fight for the liberation of artisans from numerous intermediaries and provision of public orders, improving artisanal legislation and many other initiatives gradually lined up in a small peasant production support system, which has not lost its relevance even today, when in response to the present economic crisis the government is searching for specific solutions to support small and medium-sized businesses. The article shows that the government identified legally regulated and partially subsidized activities to support non-agricultural industries, assigning practical implementation to rural and other non-governmental organizations. However, many questions regarding further transformation of handicraft production rested on the lack of credit, the dominance of the buyers in the market, blurred credit and cooperative policies of the government and required coordinated work of government agencies, public organizations and financial institutions. Not least important is the definition of the development prospects of non-agricultural production in the conditions of modernization paradigm.

Keywords: crafts, modernization, public policy, zemstvo, artel, artisan cooperatives, peasant economics.

References

1. Andreev E.N. *Kustarnaya promyshlennost' Rossii* [Handicraft industry of Russia]. St. Petersburg., 1885.
2. Vodarskiy Ya.E., Istomina E.G. *Sel'skie kustarnye promysly evropeyskoy Rossii na rubezhe XIX–XX stoletiy* [Handicraft industry in the European part of Russia at the turn of the XIX–XX centuries]. Moscow, 2004.
3. Egorov V.G. *Otechestvennaya kooperatsiya v melkom promyshlennom proizvodstve* [Russian cooperation in small industry]. Kazan, 2005.
4. Korsak A. *O formirovaniy promyshlennosti voobshche i o znachenii domashnego proizvodstva (kustarnoy i domashney promyshlennosti) v Zapadnoy Evrope i Rossii* [About the formation of the industry in general and about the importance of home production (handicraft and home industry) in Western Europe and Russia]. Moscow, 1861.
5. *Kustarnaya promyshlennost', ee nuzhdy i mery dlya ikh udovletvoreniya* [Handicraft industry, its needs and measures to satisfy them]. St. Petersburg, 1909.
6. Zozulya O.A. *Zemskie initsiativy v kontekste politiki gosudarstva po povysheniyu effektivnosti funktsionirovaniya kustarnoy promyshlennosti (na primere Moskovskoy i Nizhegorodskoy guberniy)* [Initiatives of zemstvo in the context of government policy on increasing the efficiency of the handicrafts (evidence from Moscow and Nizhny Novgorod provinces)]. *Izvestia Penzenskogo gos. ped. un-ta*. 2012. № 7.
7. Golicyn F.S. *Kustarnoe delo v Rossii. Istoricheskiy khod razvitiya kustarnogo dela v Rossii. Deyatel'nost' pravitel'stv, zemstv i chastnykh lits* [Handicraft business in Russia. Historical development of handicraft industry in Russia. Government action, self-government and individuals.]. vol. I. St. Petersburg, 1904.
8. Mendeleev D.I. *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii* [Factory Industry and Trade of Russia]. St. Petersburg, 1893.
9. *O preobrazovanii ministerstva gosudarstvennykh imushchestv v ministerstvo zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv* [About the transformation of the Ministry of State Property in the Ministry of Agriculture and State Property] // *Gosudarstvenniy sovet. Departament zakonov. Materialy* [The Council of State. Department of laws. Materials]. Vol. 228 (1893). St. Petersburg, 1893.
10. *Obzor deyatel'nosti pravitel'stva na pol'zu kustarnoy promyshlennosti (1888–1902)* [Review of the government to benefit domestic industry (1888–1902)]. St. Petersburg, 1902.
11. *Obzor pravitel'stvennogo soдействия kustarnoy promyshlennosti* [Review of the government to promote the handicraft industry]. St. Petersburg, 1913.
12. Petrov E.P. *Kooperatsiya sredi kustarey* [Cooperation among craftsmen]. Moscow, 1912.
13. *Pravila po predostavleniyu kustaryam postavok dlya voennogo vedomstva, vysochayshe utverzhdennoe 15 iyulya 1897 g.* [The Rules for the provision of supplies for military establishment: the highest approved July 15, 1897] // *PSZRI*. Ed. 3. Vol. XVII, Part. III. St. Petersburg, 1900.
14. Skalon V.Ju. *Arteli na Rusi* [Artel in Russia] // *Gramotej. Narodniy zhurnal* [Gramotey People zhurnal], 1872. №10.
15. Subbotin A. *Poezdka po kustarnym promyslam i kustarnye arteli* [The trip to handicraft cooperatives areas]. Moscow, 1893.
16. Tarnovskiy K.N. *Melkaya promyshlennost' Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Small industry of Russia in the late XIX– the beginning of XX century]. Moscow, 1995.
17. Tugan-Baranovskiy M.I. *Sotsial'nye osnovy kooperatsii* [Social bases of cooperation]. Leningrad, 1921.

О ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ПЛАНИРОВАНИЯ ГЕРМАНИЕЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)

С.Я. ЛАВРЕНОВ, проф. каф. истории и культурологии МГУЛ, д-р полит. наук

lavrs2009@yandex.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д. 1, МГУЛ

Рассматриваются особенности политических и идеологических установок руководства нацистской Германии в отношении Советского Союза. Вопреки расхожему в современной западной историографии мнению о том, что принятие стратегических решений (в том числе относительно подготовки нападения на СССР), носило во многом импровизационный характер, доказано, что план нападения на Советский Союз изначально не подвергался сомнению. Вся предшествующая агрессии политика нацистской Германии была направлена не только на формирование доминирующих позиций на европейском континенте, но и на создание наиболее благоприятных условий для вторжения в советскую страну. Война на Востоке, в отличие от других военных кампаний Гитлера, изначально носила бескомпромиссный расово-идеологический характер, ее конечной целью являлась «германизация» и колонизация значительной части территории Советского Союза. Предпосылкой этого являлось уничтожение советской государственности без каких-либо шансов ее, пусть в усеченной форме, возрождения.

Ключевые слова: германский фашизм, немецкая геополитика, борьба за «жизненное пространство», завоевательные планы, генеральный план «Ост».

Концептуальные основы внешней политики Германии, в случае прихода к власти нацистов, были определены Гитлером еще в 1924–1925 гг. В целом они представляли конгломерат гипертрофированной «национальной» идеи, стремления к реваншу за поражение в Первой мировой войне, расовой нетерпимости и антисемитизма, помноженных на постулат о необходимости возобновления энергичной борьбы за расширение «жизненного пространства». Гитлер исходил из императива о том, что отношения между народами изначально носят характер биологической борьбы за выживание [1].

Авторы многотомного фундаментального немецкого издания «Третий рейх и Вторая мировая война» констатировали, что в программных установках Гитлера завоевание жизненного пространства на Востоке и уничтожение «еврейского большевизма» были настолько взаимосвязаны, что речь шла о расово-биологических основах политики Гитлера по завоеванию жизненного пространства Советского Союза [2].

Завоевательные планы германского фашизма по содержанию являлись во многом продолжением прежних экспансионистских замыслов кайзеровской Германии времен Первой мировой войны. К ним, прежде всего, относится замысел о создании под патронажем Германии так называемой

«Срединной Европы», планы завоевания новых территорий, выдвинутые, в частности, в «Меморандуме германских профессоров» (8 июля 1915 г.), в котором обосновывалась необходимость подчинения Германии ряда европейских стран, а также территорий, входивших в состав Российской империи (Украины, Прибалтики и др.). В частности, генерал Ханс фон Сект, активный участник Первой мировой войны, а затем командующий рейхсвером был сторонником того, чтобы сосредоточить основные усилия Германии, прежде всего, в Европе [3].

Однако при нацистах подобные планы обрели не только заверченный, но и значительно более масштабный характер. «Чем для Англии была Индия, – заявил Гитлер в своей ставке в сентябре 1941 г., – тем для нас станет восточное пространство... Колонии – владения сомнительного достоинства. А эта земля всегда будет нашей» [4]. Это заявление не означало отказа от планов завоевания других европейских стран с последующим переходом к борьбе за мировое господство. Геббельс в дневнике отмечал: «Фюрер выражает непоколебимую уверенность, что империя завладеет вскоре всей Европой... Тогда практически откроется дорога к мировому господству. Кто владеет Европой, тот тем самым захватит в свои руки руководство миром» [5, 6].

Значительный вклад в обоснование основ политико-стратегического планирования Германии в этот период внесла немецкая школа геополитики, представленная, прежде всего, К. Хаусхофером, юристом и политологом К. Шмиттом, а также их сторонниками и последователями. Отстранившись от обоснования расово-идеологического характера предстоящей войны, немецкие геополитики сосредоточились на обосновании необходимости и «правомерности» целеустремленной борьбы Германии за расширение «жизненного пространства». К. Хаусхофер при этом не ограничился реанимированием концепции «Срединной Европы», значительно расширив зону территориальных притязаний Германии. В основу его концепции легла идея так называемых «пан-регионов» – больших, континентального масштаба пространств, представляющих собой в экономическом отношении самодостаточное и при этом защищенное военной силой пространство. Германии предстояло стать центром одного из пан-регионов, объединяющего Европу, Ближний Восток и Африку.

В последующем Хаусхофер, убежденный в неизбежности глобального противостояния крупнейших морских держав (прежде всего, США и Великобритании) и континентальных (Германии и СССР), пришел к выводу, неприемлемому для нацистского руководства. Речь шла о целесообразности, с его точки зрения, создания союзнического блока между Германией, СССР и Японией. Хаусхофер не испытывал каких-либо симпатий к Советскому Союзу, но учитывал важность его стратегического положения как связующего трансконтинентального звена между Европой и Тихоокеанским побережьем.

Тезис о неизбежности столкновения морских и континентальных держав разделял также К. Шмитт. Свое видение мировой ситуации он изложил в концепции «большого пространства» (Grossraum) [7]. В европейском «большом пространстве» (как и в хаусхоферском «пан-регионе») ведущая роль должна была принадлежать Германии. Однако К. Шмитт прохладно относился к идее насильственного пути формирования

европейского «большого пространства», предпочитая политико-экономический путь его конструирования. В условиях нацистской Германии доктрина Шмитта, тем не менее, стала дополнительным аргументом в пользу инициирования активной борьбы за «жизненное пространство».

Эти два подхода – радикальный и умеренный – к содержанию внешней и военной политики Германии, единые по сути, но различающиеся по способам достижения цели, заняли доминирующее место среди нацистской правящей элиты (за исключением возможного блока с СССР, сама идея о котором изначально отвергалась Гитлером). В остальном подвергшиеся нацификации германские политические, военные и экономические элиты, оказавшиеся под впечатлением первых политико-дипломатических и военных успехов Гитлера, поддержали его план экспансии. Широкий консенсус существовал, как минимум, по следующим принципиальным вопросам: безусловное возвращение того, что было утрачено Германией в результате Первой мировой войны; достижение военных целей, которые Германия ставила перед собой в Первой мировой войне (в том числе завоевание территорий в Восточной Европе); дальнейшее расширение «жизненного пространства» на Восток за счет ликвидации СССР. Однако в отношении того, как должны решаться эти задачи, по-прежнему существовали определенные разногласия.

Часть элиты относилась с опасением к возможной конфронтации с западными державами, полагая, что рано или поздно это неизбежно приведет к войне на два фронта, в которой Германия, несмотря на любые титанические усилия с ее стороны, будет обречена на поражение. Этот сегмент политико-экономической элиты исходил из целесообразности политико-дипломатического пути решения поставленных задач, попыток «принудить» западные державы к территориальным и экономическим уступкам Германии на основе объединения усилий в борьбе против «большевизма». Характерным представителем данного направления являлся

Я. Шахт, занимавший до 1938 г. пост имперского министра экономики, президента Рейхсбанка (до 1939 г.) и пользовавшийся большим влиянием среди военных и промышленников Германии, а также в правительственных кругах стран Запада. Разделяли эти взгляды и часть высшего генералитета (Бломберг, Фрич и др.), оказавшаяся, впрочем, не у дел после того, как осмелилась высказать свои сомнения относительно реалистичности завоевательной программы Гитлера. Подавляющая часть германской элиты с пониманием относилась к взглядам Гитлера о неотвратимости «большой» войны и необходимости ускоренной подготовки к ней.

Впервые в концептуальном изложении цели германской экспансии были оглашены Гитлером на совещании в имперской канцелярии, состоявшемся 5 ноября 1937 г., на котором присутствовало высшее военное руководство страны. Формальным поводом для созыва совещания стали претензии адмирала Э. Редера относительно недополучения стали и иного сырья, что ставило программу строительства германского военно-морского флота под угрозу срыва.

Необходимость перехода к политике завоеваний, заявил Гитлер на совещании, обусловлена тем, что режим экономической автаркии невозможен для Германии, поскольку не позволяет обеспечить ее достаточным количеством сырья и продовольствия. В «эпоху хозяйственных империй», – утверждал Гитлер, – «захват большого жизненного пространства» является единственным спасением. Поэтому «добиться решения германского вопроса можно только путем насилия...». На совещании прозвучала однозначная установка Гитлера на подготовку Германии к войне [4]. Для расширения экономического потенциала Германии Гитлер планировал провести в Европе ряд «малых» войн. В качестве первых объектов экспансии были названы Австрия и Чехословакия.

Сроки полномасштабной войны с Англией и Францией отодвигались к периоду не позже 1941–1944/45 годов, поскольку, по мнению Гитлера, осталось всего лишь пять или шесть лет до того, как «два антагонис-

та, вдохновленных ненавистью» (Англия и Франция) сократят разрыв с Германией в уровне вооружений [8].

Ставка в реализации выдвинутой политической программы делалась на «молниеносную войну». Это было обусловлено тем, что проблемы, с которыми столкнулась нацистская Германия, оказались во многом схожими с теми, что стояли перед кайзеровской Германией перед началом Первой мировой войны. Главные из них – угроза ведения войны на два фронта, неготовность страны из-за ресурсного дефицита к длительной войне и связанная с этим необходимость быстрого овладения ресурсным потенциалом побежденных стран. Последнее требование было сформулировано еще известным немецким военным теоретиком К. Клаузевицем, исходившим из того, что контрибуция с побежденной стороны должна предоставить возможность вести войну за счет противника, а не за свой собственный. Шлиффен, планируя вторжение в нейтральную Бельгию, руководствовался, в частности, намерением получить солидную военную компенсацию от Бельгии после того, как будет захвачен Брюссель [9]. Нацистским режимом этому аспекту планируемой войны придавалось особое значение.

Гитлер рассчитывал достичь поставленных целей, используя не только военный, но и весь арсенал политико-дипломатических и дезинформационных средств. Играя на противоречиях между ведущими европейскими державами, манипулируя их стремлением канализировать германскую агрессию на восток, он рассчитывал не допустить образования антигерманской коалиции, то есть любыми средствами избежать той критической ситуации, в которой оказалась Германия в период Первой мировой войны. Его рискованная политика на первых порах приносила впечатляющие плоды, укрепив миф о непогрешимости фюрера и обеспечив ему тем самым широкую социальную поддержку.

После аншлюса Австрии (1938 г.) и захвата Чехословакии (1939 г.) главным в повестке дня Гитлера стал вопрос о том, в каком направлении следует наносить пер-

вый удар в надвигающейся «большой» войне – на Западе или на Востоке. Этот вопрос гитлеровскому руководству приходилось решать в рамках той стратегической схемы, которой придерживался кайзеровский генеральный штаб, исходя из сложившихся международно-политических реалий, выбирая в качестве объекта первого удара наиболее слабого на тот момент, по его мнению, оппонента. Гитлеровские генштабисты пришли к выводу, что наиболее целесообразным решением является первоначальный разгром Франции, а затем Советского Союза. Это решение было принято несмотря на то, что в долгосрочной программе завоевательной стратегии Германии главным объектом экспансионистских устремлений изначально являлся СССР [4]. Для установления господства Германии в Европе, а также создания необходимого плацдарма для развертывания в последующем борьбы за мировое господство Германия нуждалась в огромном ресурсном потенциале Советского Союза.

Во «Второй книге» (написанной в 1928 г.) Гитлер посвятил отдельную главу «восточной политике», которая была отнесена к важнейшим внешнеполитическим вопросам национал-социалистического движения в Германии [10]. В концентрированном виде идеи, изложенные в ней, были высказаны Гитлером в разговоре со своими сподвижниками, незадолго до прихода последнего к власти: «Не только русские пограничные территории, но вся Россия должна быть расчленена на составные части, – заявил он. – Эти компоненты являются естественной имперской территорией Германии» [11].

Тем не менее завоевание Советского Союза было отнесено нацистским руководством на отдаленную перспективу, чему были веские причины. Во-первых, проблема нападения на Советский Союз была взаимосвязана с позицией, которую могли занять Франция и Англия в отношении «восточной политики» Германии. Несмотря на то, что Париж и Лондон были заинтересованы в подобном векторе германской агрессии,

трудно было ожидать, что эта поддержка будет длиться бесконечно. Гитлер небезосновательно исходил из того, что эти ведущие западные державы вынашивают замыслы обескровить в ожесточенном противостоянии как Советский Союз, так и Германию. Соответственно, стоило вермахту втянуться в затяжные бои на территории Советского Союза, как, рано или поздно, следовало ожидать удара с тыла. Особое опасение у Гитлера вызывала безопасность Рурской области, главной промышленной базы Германии [12].

Планам поочередного разгрома сначала Франции, а затем Советского Союза могла помешать возможность формирования антигерманской коалиции между Москвой, с одной стороны, и Лондоном и Парижем, с другой, если бы у последних возобладал прагматичный подход в оценке сложившейся военно-стратегической обстановки, отодвинув укоренившийся антисоветизм на задний план. Берлин был готов на все, чтобы не допустить даже признака подобного союза. Его намерению способствовали устойчивые заблуждения Лондона и Парижа относительно истинных намерений Берлина в той сложной политико-дипломатической игре, которую вел Гитлер. Последний отнюдь не собирался возглавлять «крестовый поход» против СССР от лица всего Запада, таская «каштаны из огня» для других. Помимо агрессивных замыслов в отношении СССР, руководство Третьего рейха не оставляло мысли о реванше, сведении счетов с западными демократиями, навязавшими Германии в 1919 г. жесткие условия Версальского мирного договора и вдобавок лишившие страну значительной части ее заморских территорий. В этой связи уничтожение «вечного» противника Франции рассматривалось в Берлине в качестве безальтернативной задачи. Разгром Франции, как представлялось в Берлине, означал также изоляцию Англии, что позволяло склонить ее если не к союзническим отношениям, то к устойчивому нейтралитету, заставить признать притязания Берлина на доминирующую роль в континентальной Европе.

Чтобы не допустить формирования союза между западными державами и Советским Союзом, Гитлер был готов, вопреки своим принципиальным политико-стратегическим установкам, пойти на временное сближение с Советским Союзом, что совершенно не означало его отказа от принципиального решения о нападении на Советский Союз после того, как им будут решены поставленные задачи на Западе. Соответственно заключение пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом в августе 1939 г. не являлось импровизированным решением Гитлера в ответ на вялотекущие переговоры между СССР и англо-французской стороной, а было давно обдуманым шагом. С точки зрения Берлина, заключение пакта, помимо возможности избежать угрозы войны на два фронта, позволяло сделать еще один необходимый шаг для подготовки к войне против Советского Союза. Проблема для Берлина заключалась в том, что, в отличие от ситуации накануне Первой мировой войны, ни Германия, ни ее союзники в тот период не имели географического соприкосновения с СССР. Получить общую обширную границу с Советским Союзом, поблизости от которой можно было бы заблаговременно, а главное, скрытно сосредоточить армию вторжения можно было только после завоевания Польши. В этом заключалась одна из важных причин того, что свой следующий удар Гитлер решил нанести не по Франции, а против польского государства, обосновав соответствующим образом свои соображения на совещании с высшим генералитетом 22 августа 1939 г. [10]. В беседе с В. Кейтелем он уточнил, что означала для него необходимость «обращения на Восток»: «Наши интересы состоят в следующем: обеспечить этот район (Польшу – С.Л.) в качестве выдвинутого вперед плацдарма, который может быть использован в военном отношении и для сосредоточения...» [13].

Разгром Польши, вплотную приблизивший вермахт к границам СССР, вызвал необходимость очередного обсуждения вопроса о том, в каком направлении вермахт должен был направить свой следующий удар –

«против Востока и после этого против Запада или наоборот?». Этот вопрос он поставил 23 ноября 1939 г. в имперской канцелярии на совещании с высшими генералами и, ссылаясь на опыт Первой мировой войны, сам же дал на него ответ. Гитлер констатировал, что впервые за многие десятилетия Германия не стоит перед необходимостью ведения войны на два фронта. Выбор в пользу первоочередного наступления на Францию он обосновал следующим образом: «...мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе» [14]. Подобное решение было обусловлено тем, что Германия в тот момент уже находилась в состоянии, пусть «странной», но войны с Францией и Англией. Скорейший разгром Франции позволял Гитлеру не только «высвободить тыл» на западе для того, чтобы легче было «разгромить большевизм» [15], но и существенно расширить ресурсную базу предстоящей войны против Советского Союза.

Гитлер торопился исходя из убеждения, что время работает не на Германию, что с каждым месяцем его главные противники, осознавая растущую угрозу, стремятся укрепить свой военный потенциал, а международно-политическая обстановка меняется не в его пользу, свидетельством чему являлось постепенное сближение Великобритании и США, которые могли в скором времени отказать от изоляционистской политики.

В беседе с командирами дивизий перед началом Арденнского наступления 12 декабря 1944 г. Гитлер задним числом подтвердил, что на процесс принятия им решения в тот период влияла целая совокупность изменчивых факторов, но одним из главных было соображение о том, что, несмотря на огромные средства, потраченные на перевооружение, Германия обладает лишь «временным превосходством» [16].

Если неизбежность войны с Францией и Советским Союзом не подвергалась сомнению в нацистской Германии, то отношение Берлина к Англии прошло длительную и болезненную эволюцию. Даже после совещания 1937 г., когда расчет на союз с

Англией публично был признан несостоятельным, двойственный курс Гитлера по отношению к этой стране, сопровождающийся неоднократными попытками найти с Лондоном компромисс, сохранялся и в дальнейшем. Осознав, наконец, что Лондон ни при каких обстоятельствах не согласится с ролью второй скрипки в «европейском концерте», 23 мая 1939 г. Гитлер был вынужден констатировать: «Наша цель будет всегда заключаться в том, чтобы поставить Англию на колени» [17].

Однако и этот вывод не означал окончательного приговора. Очередную надежду на достижение компромисса с Англией дала вялотекущая «странная» война на Западе в 1940 г., последовавшая после захвата Германией Польши. Создавалось впечатление, что Англия и Франция не хотят сжигать «последние мосты» с Германией, все еще рассчитывая, что Гитлер все-таки повернет острие следующего удара на Восток. В противном случае вермахт, по мнению немецкого историка А. Хильгрубера, просто не выдержал бы объединенного удара Англии и Франции в сентябре 1939 г. «Тогда бы не только судьба Польши, но и все развитие второй мировой войны пошло по иному руслу» [18].

После разгрома Франции Гитлер некоторое время ожидал, что Англия будет вынуждена пойти на переговоры и даже, в случае компромисса, захочет присоединиться к германо-итальянскому блоку. Об этом он говорил 2 июня 1940 г., в разгар французской кампании в штабе генерал-фельдмаршала фон Рундштедта в Шарлевиле, задним числом объясняя свой приказ об «остановке» немецких танковых войск перед Дюнкерком. По его словам, Англия должна была лишь признать гегемонию Германии на континенте и даже могла не возвращать колонии. Главное – «настало время разделаться с большевизмом» [13].

Когда этого не произошло, Гитлер оказался перед сложной дилеммой, от решения которой зависел весь дальнейший ход войны. А. Хойзингер, начальник оперативного управления в штабе Ф. Гальдера, прокомментировал это следующим образом:

«После блицкрига в Польше и Франции немецкое политическое и военное руководство находилось в состоянии неуверенности. Оно не знало, что делать, колебалось и зондировало, поставив Германию в качестве великой континентальной державы перед проблемой ведения войны против великой морской державы Англии... С лета 1940 г. до весны 1941 г. он (Гитлер – С.Л.) колебался, медлил, не чувствуя уверенности и не имея твердой линии» [13].

Безусловно, любое государственное решение подобного уровня сопровождается подчас мучительными сомнениями и колебаниями, однако нельзя согласиться с тем, что Гитлеру в этот период пришлось импровизировать, что у него не было цельного плана дальнейшей войны. Действительно, в те судьбоносные месяцы обсуждалось не только нападение на СССР, но и в качестве одного из вариантов – план «Зеелеве» (операция по вторжению в Англию), как, впрочем, и другие планы возможных действий. Однако в конечном счете приоритет был отдан в пользу создания наиболее благоприятных условий для нападения на Советский Союз. Именно в этом аспекте, с целью надежно обезопасить тыл Германии в готовящейся войне против Советского Союза, рассматривалась в тот момент задача продолжения борьбы против Англии, которая должна была привести, на различных условиях, к выводу ее из войны еще до того момента, когда Лондон мог рассчитывать на действенную помощь США.

Однако «поставить на колени» Англию в кратчайшие сроки, как планировал Берлин, не удалось. Когда в конце сентября 1940 г. стало ясно, что шансы на успех десантной операции против Англии носят все более иллюзорный характер, Гитлер стал исходить из того, что окончательный отказ Англии от сопротивления возможен только после разгрома Советского Союза. В этом случае Лондону просто не на кого будет рассчитывать. Это решение фактически означало сознательное намерение открыть второй фронт, то есть прийти к той стратегической ситуации, которую Гитлер до этого всячески стремился избежать.

Оставляя непокоренную Англию в тылу, Берлин, в своем сверхрискованном решении, рассчитывал на скоротечный разгром СССР, исходя из предшествующих успехов блицкрига, значительного увеличения экономической и ресурсной базы Германии, уверенности в неоспоримом преимуществе вермахта перед Красной армией. К тому времени Германии удалось подчинить Австрию, Чехословакию, Польшу, Бельгию, Люксембург, Нидерланды, Францию (оккупированную частично), Данию, Норвегию, позже – Югославию, Грецию, Албанию, расширить коалицию за счет Болгарии, Румынии и Венгрии. Практически вся Европа лежала у ног Гитлера.

По сравнению с завоевательной политикой на западе экспансионистская программа нацистской Германии на восточном направлении отличалась радикально. Разгром Советского Союза должен был сопровождаться не только увеличением «экспортных возможностей», но и «германизацией», то есть беспощадной колонизацией завоеванных территорий. Русских, как, впрочем, и всех славян, нацисты относили к неполноценной расе, недостойной иметь своей государственности. «У славян вообще, – заявлял Гитлер, – отсутствует всякая способность к какой-либо организаторской деятельности. Они не обладают никакой государствообразующей и созидательной силой» [19].

Провозглашенный расовый характер войны на Востоке должен был мобилизовать боевой дух вермахта на бескомпромиссную борьбу с противником, обеспечить реализацию политики «гарантирования» завоеванных побед, предполагавшую подавление любых очагов сопротивления покоренных народов, в том числе за счет уничтожения значительной их части. Политика геноцида стала одним из главных составных компонентов планируемой оккупационной политики. Уже в 1934 г., в одной из бесед с Раушнинггом, Гитлер заявил о необходимости разработать методы депопуляции, под которой он понимал «уничтожение целых расовых единиц», то есть народов, недостойных

на равное с немцами право на существование [20].

Весной 1940 г. в Главном управлении имперской безопасности был разработан секретный меморандум «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей» [21]. В документе, в качестве важнейшей задачи «восточной политики», предусматривалось очищение захваченных на востоке территорий от представителей «чужой» расы, эти территории объявлялись объектами колонизации и германизации. 30 марта 1941 г. на совещании высшего генералитета Гитлер заявил, что в войне против Советского Союза борьба будет вестись «на уничтожение, что это будет истребительная война в полном смысле этого слова». Это война будет резко отличаться от войны на Западе, это будет «борьба между расами», «борьба идеологий», «борьба на уничтожение» [22].

Вскоре после вторжения вермахта на советскую территорию Гитлер поведал узкому кругу приближенных, что его основная цель в войне против СССР – лишить восточные народы «какой бы то ни было формы государственной организации и в соответствии с этим держать их на возможно более низком уровне культуры». «Наш руководящий принцип, – говорил он, – должен заключаться в том, что эти народы имеют одно-единственное оправдание своего существования – быть полезными для нас в экономическом отношении» [23].

Исходя из этого штабом ОКВ 13 марта 1941 г. была подготовлена специальная «Инструкция об особых областях» к директиве №21 (план «Барбаросса», в котором были определены специальные акции по установлению жесткого оккупационного режима [24]. В дополнение к этому документу, 13 мая 1941 г. за подписью фельдмаршала Кейтеля была издана директива «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях войск», «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращение с русскими» от 1 июня 1941 г. и ряд других документов, выводивших любые, в том числе преступные действия вермах-

та против гражданского населения, из-под юрисдикции немецких военно-полевых судов [21].

Долгосрочные цели немецкой оккупационной политики были определены Генеральным планом «Ост», разработанным в Главном управлении по имперской безопасности, возглавляемым Г. Гиммлером. Представленные в распоряжение Нюрнбергского военного трибунала «Замечания и предложения по генеральному плану «Ост» рейхсфюрера войск СС», подписанные начальником отдела колонизации 1-го главного политического управления «Восточного министерства» доктором Ветцелем 27 апреля 1942 г. дают достаточное представление о планируемой немецкой политике в отношении народов Восточной Европы [25], которая предполагала выселение значительной части населения с территории Польши и западной части СССР, оставленные подлежали онемечиванию. Планомерное уничтожение славянских народов Восточной Европы и колонизация их земель были рассчитаны на «целые поколения» [26].

«Генеральный план «Ост» был дополнен предложениями «Восточного министерства» о политике по отношению к русскому народу. Это ведомство во главе с А. Розенбергом предлагало разбить «территорию, населенную русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие» и тем самым окончательно разобщить их.

Проведением подобной политики гитлеровцы намеревались подорвать жизненные силы русского народа и тем самым гарантировать долговременность немецкого господства. Этим зловещим планам в отношении народов Советского Союза не удалось осуществиться лишь благодаря организующей силе тогдашнего руководства страны, стойкости и самопожертвованию командиров и бойцов Красной армии, трудовой доблести подавляющей части советских людей, не щадивших ни сил, ни самой жизни ради того, чтобы «коричневая чума» не воцарилась на земле их предков.

Библиографический список

1. Шубин, А. Идеология фашизма: сравнительные аспекты / А. Шубин // Война на уничтожение. – М.: Фонд «Историческая память», 2014.
2. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983. Bd 4.
3. Hilger G., Meyer A. The Incompatible Allies. New York, 1953.
4. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе 1933–1941. / В.И. Дашичев. – М.: Наука, 1973. – С. 123–130.
5. Goebbels J. Tagebücher. Hsrg. von L. Lochner. Zürich, 1948, p. 326).
6. H. Rauschnig. Gespräche mit Hitler. Zürich, 1940.
7. Schmitt K. Großraum gegen Universalismus. Der völkerrechtliche Kampf und die Monroe-Doktrin// »Zeitschrift der Akademie für deutsches Recht», 1940, N 7.
8. Robertson E.M. Hitler's Pre-War Policy and Military Plans, 1933–1939. Citadel Press, 1967.
9. Такман, Б. Первый блицкриг. Август 1914 / Б. Такман. – М., 1999.
10. Безыменский, Л. Особая папка «Барбаросса» / Л. Безыменский. – М.: АПН, 1972.
11. Кульков Е.Н. Актуальные проблемы Второй мировой войны. Подготовка Германии и ее союзников к нападению на СССР / Е.Н. Кульков // Вестник МГИМО-Университет, 2009. – № 5.
12. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, vols. 1-XXXXII. Nurenberg, 1947–1949. Vol. XXXVII, Doc. 052-L.
13. Gorlitz W., Generalfeldmarschall Keitel – Verbrecher oder Offizier? Gottingen, 1961.
14. Jacobsen H.A. 1939–1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, Darmstadt, 1961.
15. Below N. Als Hitlers Adjutant, 1937–1945. München, 1980.
16. «Hitlers Lagebesprechungen» Stuttgart, 1962.
17. Табуи, Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы / Ж. Табуи. – М., 2005.
18. Hillgruber A. Hitlers Strategic, Politik und Kriegsführung 1940–1941, Frankfurt am Main, 1965.
19. Hitlers Zweites Buch, Stuttgart. 1961.
20. Rauschnig H. The Voice of Distraction. London, 1940.
21. Литвин, А. Нацистская политика геноцида на территории Белоруссии (июнь 1941-июнь 1944 гг.): общие черты и особенности практического осуществления / А. Литвин. – М.: Фонд «Историческая память», 2010.
22. Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. – М., 1967.
23. Hitler's Table Talks. London, 1953.
24. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. – Изд. 3-е. – М.: Экономика 1985. – С. 20–24.
25. Generalny plan Wschodni: Zbior dokumentow/Pod. Red. Cz.Madaicyzka. Warshawa, 1990. pp.16–21.
26. Болтин, Е.А. Немецко-фашистский оккупационный режим / Е.А. Болтин. – М., 1965.

ON POLITICAL AND IDEOLOGICAL GROUNDS OF GERMANY PLANNING
OF WAR AGAINST THE SOVIET UNION (TO THE 70TH ANNIVERSARY OF VICTORY
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR)

Lavrenov S., Prof. MSFU, Dr. Sci (Historical)

lavrs2009@yandex.ru

Moscow State Forest University, MSFU, 1st Institutskaya st., 1, 141005, Mytischki, Moscow reg., Russia

Specific features of political and ideological goals of nazist Germany concerning leadership over the Soviet Union have been singled out. On the contrary to a wide-spread view in the modern western historiography that decision-making (incl. planning of the aggression against the SU) predominantly carries improvisational character, planning of war against the Soviet Union was the imperative one. All the preceding strategic measures of nazist Germany were oriented not only on the forming the dominating positions in the European continent but on creation of the profitable preconditions for intrusion to the Soviet Union. War on the East, unlike other Hitler's military campaigns, had straight-out racial and ideological character, its ultimate purpose was 'germanization' and colonization of a substantial part of the Soviet territory. Prerequisite of it was the destruction of the Soviet state system without any chance, even in restricted form, of its reestablishment.

Keywords: German fascism, German geopolitics, struggle for 'Lebensraum', aggressive plans, General plan «Ost».

References

1. Shubin A. *Ideologia fashizma: sravnitel'nye aspekty Voyna na unichtozhenie*. [The ideology of fascism: comparative aspects. War of annihilation]. *Fond «Istoricheskaya pamyat'»* [Foundation «Historical Memory»]. Moscow, 2014.
2. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart. Bd 4.
3. Hilger G., Meyer A. *The Incompatible Allies*. New York, 1953.
4. Dashichev V. *Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma. Istoricheskie ocherki. Dokumenty i materialy. T.1. Podgotovka i razvertyvanie natsistskoy agressii v Evrope 1933–1941*. [Bankruptcy of strategy of the German fascism. Historical Essays. Documents and materials. V.I. Preparation and Expansion of Nazist Aggression in Europe 1933–1941. Moscow: Nauka, 1973.
5. Goebbels J. *Tagebuecher*. Hrsg. von L. Lochner. Zurich, 1948.
6. Rauschnig H. *Gespraech mit Hitler*. Zurich, 1940.
7. Schmitt K. *Großraum gegen Universalismus. Der völkerrechtliche Kampf und die Monroe-Doktrin* // «Zeitschrift der Akademie für deutsches Recht», 1940, no. 7.
8. Robertson E.M. *Hitler's Pre-War Policy and Military Plans, 1933-1939*. Citadel Press, 1967.
9. Tuchman B. *First Blitzkrieg. August 1914*. Moscow AST, SPb.: Terra Fantastica, 1999.
10. Bezymenskiy L. *Osobaya papka «Barbarossa»* [A special Document «Barbarossa»]. Moscow, Publ. APN, 1972.
11. Kul'kov E.N. *Aktual'nye problemy Vtoroy mirovoy voyny. Podgotovka Germanii i ee soyuznikov k napadeniyu na SSSR* [Actual Problems of the Second World War. Preparation of Germany and its allies to aggression against the Soviet Union]. *Vestnik MGIMO-Universitet*, 2009. № 5.
12. *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, vols. 1-XXXXII. Nuremberg, 1947-1949. Vol. XXXVII, Doc. 052-L*.
13. Gortitz W., *Generalfeldmarschall Keitel – Verbrecher oder Offizier?* Gottingen, 1961.
14. Jacobsen H.A. *1939–1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik– und Dokumenten*, Darmstadt, 1961.
15. Below N. *Als Hitlers Adjutant, 1937–1945*. München, 1980.
16. «Hitlers Lagebesprechungen» Stuttgart, 1962.
17. Tabui J. *Dvadsat' let diplomateskoy bor'by* [Twenty years of diplomatic struggle] Moscow, 2005.
18. Hillgruber A. *Hitlers Strategic, Politik und Kriegsfuehrung 1940–1941*, Frankfurt am Main, 1965.
19. *Hitlers Zweites Buch*, Stuttgart, 1961.
20. H. Rauschnig. *The Voice of Distraction*. London, 1940.
21. *Natsistskaya politika genotsida na territorii Belorussii (iyun' 1941 – iyun' 1944 gg.): obshchiye cherty i osobennosti prakticheskogo osuschestvleniya* [Nazi policy of genocide on the territory of Belarus (June 1941–June 1944.): Common and specific features implementation] *Fond «Istoricheskaya pamyat'»* [Foundation «Historical Memory»]. Moscow, 2010.
22. *Sovershenno sekretno! Tol'ko dlya komandovaniya! Strategia fashistskoy Germanii v voyne protiv SSSR: Dorumenty i materialy*. [Top Secret! Only to command! The strategy of Nazi Germany in the war against the Soviet Union: Documents and Materials]. Moscow, Publ. Nauka, 1967.
23. *Hitler's Table Talks*. London, 1953.
24. *Prestupnye tseli – prestupnye sredstva. Dokumenty ob okkupatsionnoy politike fashistskoy Germanii na territorii USSR* [Criminal purpose – criminal means. Documents about the occupation policy of Nazi Germany in the USSR]. Moscow, 1985, pp. 20–24.
25. *Generalny plan Wschodni: Zbior dokumentow / Pod. Red. Cz.Madaiczka*. [General East layout: Zbior of dokumentow/ Under. Editor Cz. Madaiczka]. Warszawa, 1990, pp.16–21.
26. Boltin E.A. *Nemetsko-fashistskiy okkupatsionnyy rezhim* [Germany fascist occupation regime]. Moscow, 1965.

«IMPERIUM SACRUM» КАК ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОСНОВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ПАРАДИГМЫ

М.В. ПАЛЕОЛОГ, доц. каф. этики и религиоведения МГПУ, канд. ист. наук,
С.М. ЧИСТОВА, доц. каф. истории и культурологии МГУЛ, канд. ист. наук

mpaleolog@mail.ru, caf-miok@mgul.ac.ru

ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»
1292266 Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4 корп.1
ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д.1, МГУЛ

Формирование понятия «IMPERIUM SACRUM» относится к эпохе античности. Греческая культура стала связующим звеном, объединившим большую часть древнего мира. Римская империя, пришедшая на смену эллинистическому миру, сформировала универсальное понятие государства. Понятие «Pax Romana», «римский мир», ставило знак равенства между понятиями «мировое государство», «цивилизация» и «культурный мир». В эпоху Средневековья на Западе универсальная идея «Imperium Sacrum» сформировалась окончательно и стала ключевой для развития государства и церкви. Византия унаследовала римские традиции, возведя их в абсолют. Греки создали новую модель универсальной вселенской империи, основным признаком которой стала «симфония властей», ставшая государственной идеологией Византии. Киевская Русь после принятия христианства в 988 году стала частью византийского «Pax Christiana» и легко вписывалась в византийские политические концепты как часть т.н. «Византийского содружества наций». Русские князья выстраивали свои отношения с церковью в рамках традиционного византийского цезарепапизма. После падения Византии и создания Османской империи Московская Русь оставалась единственным независимым православным государством. Идея панрусизма, смешанная с идеей «византийского наследства», привела русскую политическую мысль к идее панславизма. Институты «царства» и «автокефальной церкви» были воплощены в жизнь при Иване IV и его ближайших преемниках. Со времен правления первых Романовых формула Филофея «Москва – третий Рим» начала истолковываться в политическом смысле и идея «византийского наследства» стала доминирующей в социально-историческом развитии российского государства. Идеей восстановления Византийской империи под эгидой Московского царя была обусловлена вся реформаторская политика Алексея Михайловича в отношении церкви. Попытки Запада трансформировать российские идеологические концепты в конкретную политическую программу борьбы с Османской империей оказались недостаточно успешными, а помощь России в дальнейшем способствовала освобождению балканских и кавказских народов от туркополии и сохранению их как самостоятельных этносов. Петр I разрушил устои старинных московских традиций и превратил Церковь в государственный орган, подчиненный императору. Но, уничтожив прежнюю мессианскую концепцию Вселенской православной державы, Петр I создал новую идеологию Священной империи и определил программу дальнейшего социально-исторического развития России, существовавшую до 1917 года.

Ключевые слова: Священная Империя, симфония властей, Москва – третий Рим, византийское наследство, панславизм, панрусизм.

Формирование понятия «IMPERIUM SACRUM» в европейской традиции

Зарождение идеи универсальной мировой державы относится еще к эпохе античности, когда она начала воплощаться в жизнь благодаря походам Александра Македонского. В IV в. до н.э. огромные пространства древней Ойкумены, пусть и на короткий срок, были впервые объединены под эгидой Македонской державы. Благодаря этому греческая культура стала связующим звеном, объединившим большую часть древнего мира. В рамках формирования универсальной культуры складывались те институты, которые будут определять ее культурологический и политический облик на будущие столетия.

Римская империя, пришедшая на смену эллинистическому миру, сформировала

универсальное понятие государства, которое практически ассоциировалось со всем цивилизованным миром. Особое понятие «Pax Romana» – «римский мир», появившееся во времена древнего Рима, фактически ставило знак равенства между понятиями «мировое государство», «цивилизация» и «культурный мир».

Связующим фактором универсальной культуры и универсальной мировой империи в римскую эпоху являлся латинский язык. Как греческий язык в эллинистическую эпоху определял единство эллинистической, а в средние века Византийской культуры, так латинский язык определял единство римской культуры и культуры Западной Европы Средневековья.

Единое культурно-политическое пространство, начиная с римской эпохи, было

одним из универсальных институтов, определявших единство цивилизации. Слияние культурного и политического стало характерным для представления об универсальной мировой державе. В эпоху Средневековья на Западе универсальная идея «*Imperium Sacrum*» – Священной империи – сформировалась окончательно. Эта идея стала ключевой для развития концепции средневековой государственности и приобрела особое значение как для развития государства, так и для развития церкви. Императоры и папы Средневековья стремились воссоздать канувший в Лету *Pax Romana* (Римский мир).

Важным элементом универсальной культуры был институт самоидентификации. Понятие «римлянин» стало тем универсальным понятием, которое объединило разные народы в единое культурно-политическое пространство как во времена Римской империи, так и в более позднее время. Долгое время для имперской и культурной самоидентификации византийцы также использовали понятие «ромей», т. е. римлянин. В Западной Европе универсальная держава определялась как Римская (*Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae* – лат. Священная Римская империя Германской нации).

Западное Средневековье унаследовало именно такую идею универсального мирового государства – с единым языком, единым культурно-политическим пространством и собственной самоидентификацией. Естественно, что христианство внесло особые коррективы в концепцию священной империи. Подражая Древнему Риму, средневековые теологи создавали свои универсалистские модели.

Византия, вслед за Древним Римом, строила свой мировой порядок – «*Pax Christiana*», который стал продолжением идеи универсальной державы-цивилизации – *Imperium Sacrum*. В свою очередь, продолжением *Pax Christiana* впоследствии станет российский *Pax Rossica*.

Византия или Восточная Римская империя унаследовала римские традиции, возведя их в абсолюты: «Модель миропорядка в Византии мыслилась следующей: один Бог – один василевс – единая Вселенская Римская

империя. Византийский император мыслился только как Вселенский, как глава Ойкумены, отец «семьи государей и народов» [1].

Император считал себя наместником Бога на земле и полагал, что через него осуществляется божественная власть над миром. Только император, в силу особого статуса, мог повелевать и империей и священством. По мнению британского историка С. Рансимена, византийский император Юстиниан I (527–565 гг.) разделил понятия «*Imperium*» и «*sacerdotium*» (лат. *священство*), но это не помешало ему считать свою власть единственным источником закона: «По воле Божьей мы правим империей, которая предана нам Его Божественной Властью» или «Один Бог и Император, слушающийся воли Божьей, могут справедливо править миром. Император должен милосердием подражать Богу, Богу, по милости которого единственно действует Его образ, чья власть, в свою очередь, простирается и на священство» [2].

Сохранив воспоминания о *Pax Romana*, греки, опираясь на авторитет Библии и Отцов церкви, создали идею новой универсальной вселенской империи, основным признаком которой стала так называемая «симфония властей». Эта идея впервые была сформулирована в VI в. н.э., и отношения Церкви и государства в ней мыслились не в паритетно-правовом, а в гармоничном развитии. Л.А. Тихомиров так определил идею «симфонии властей»: «По Юстинианову законодательству ... в государстве признавалось существование двух равноправных властей. В предисловии к VI новелле законодатель говорит: «Всевышняя благодать сообщила человечеству два величайших дара: священство и царство (императорская власть). Первое заботится об угождении Богу, второе о прочих предметах человеческих. Оба же происходят от одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни» [3].

«Симфония властей» – это своего рода универсальная модель гармоничного сосуществования духовной и светской власти в рамках одного вселенского государства. Василевс был обязан заботиться и охранять церковь, а священство должно было духовным ав-

торитетом церкви и молитвой поддерживать власть василевса. В идеале обе силы не могли существовать друг без друга, поскольку: «...византийский самодержец (автократор) выступил властью верховной в отношении подданных, но не безусловной, не абсолютной, ибо имеет определенное, обуславливающее эту власть содержание, а именно: волю и закон Бога, Которому он служит. Около этой Верховной власти стояла постоянная живая Церковь, носительница Божественной нравственной воли, и сам самодержец был лишь членом, но не господином Церкви» [3].

Таким образом, доктрина «симфонии властей» стала государственной идеологией Византии. Весь быт императорского двора, нравы, царящие в империи, должны были демонстрировать мощь и незыблемость мировой Ромейской державы василевсов. Вслед за римлянами византийцы ввели в употребление универсальное понятие «ромей», которое должно было сплотить многочисленные народы Византийской империи в единое политическое пространство, и воплотило бы в себе единую мировую империю.

Таким образом, идея «священной империи» в Византии приобрела следующую форму: ее основой стала доктрина «симфонии властей», идеологическим выражением было положение: «Один Бог на небе один православный василевс на земле», и, наконец, третьим элементом, присущим имперской идеологии, стало универсальное понятие «ромей» для обозначения подданных империи вне их принадлежности к той или иной нации. Это понятие явилось своего рода символом для обозначения единой национально-государственной общности, воплотившей в себе идею Imperium Sacrum.

В отличие от Византии, где идея универсальной империи развивалась в рамках теории «симфонии властей» и конфликт между властью светской и властью духовной отсутствовал, на Западе и император, и папа претендовали на абсолютную власть в мировой христианской державе. В Западной Европе римские первосвященники и императоры Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae объявляли себя наследниками ми-

ровой Римской империи. И папы, и западные императоры претендовали на титул Vicarius Christi (наместника Иисуса Христа), – все это в конечном итоге привело к длительной борьбе между папством и императорами.

Римские первосвященники рассматривали себя наследниками римских императоров, претендуя на их мировую власть. В эпоху Средневековья институт папства как хранитель мировой религии благодаря Августину Блаженному и другим Отцам церкви, выступал как центр притяжения христианского мира. В то же время, в рамках идеи мировой державы, духовная власть Imperium Sacrum была только одной из двух составляющих. Второй составляющей было представление о вселенской власти императора. В Средние века единство народов воспринималось в рамках христианской религии. В языческую эпоху народы были разъединены, появление учения о едином Боге способствовало их объединению [4]. Церковное единство выражало духовное единение, а символом единения политического становилась Священная империя.

Понятия «Imperium» и «sacerdotium», выразившиеся в Византии через идею «симфонии властей», в сознании человека средневекового Запада воплощались через теорию «двух мечей». Эта теория была сформулирована папой Геласием I в V веке. В трактате «Tomus de anathematis vinculo» после утверждения, что до Христа цари и правители выполняли жреческие функции, папа Геласий I сделал вывод, что Христос, помня о слабости человека, «разделил функции двух властных компетенций и сделал их самостоятельными сферами. Духовная сфера держит известную дистанцию по отношению к обстоятельствам здешнего мира, и, с другой стороны, тот, кто имеет дело с земными вещами, не должен претендовать на руководство делами божественными» [5].

На Западе идея разделения духовной и светской власти, а также их равенство, были выражены в так называемом «Константиновом даре», который относил идею разделения властей к IV веку. «Константинов дар» был включен в т. н. Лжеисидоровы декреталии

(сборники посланий Отцов церкви и римских пап по разным догматическим вопросам. Лжеисидоровы декреталии приписывались епископу Исидору Севильскому). Эта фальсификация была создана в VIII в., а ее подложность была доказана Лоренцо Валлой в XV в. Согласно этому документу, в IV в. император Константин Великий, в знак благодарности к папе Сильвестру I, исцелившему императора от проказы, на четвертый день после своего крещения решил оставить Рим и основать новую столицу на Босфоре. Император хотел, чтобы светское правительство не ограничивало свободы духовного лидера христиан – папы. Константин якобы даровал папе Сильвестру I и его преемникам верховную власть над Италией и странами Запада, а также ряд привилегий и достоинств, принадлежавших императору и римскому сенату. Папской резиденцией должен был стать Латеранский дворец в Риме, папа должен был носить соответствующие регалии (диадему, ожерелье, пурпурную мантию, скипетр) и при его особе должен был находиться внушительный штат камергеров [4].

Фактически, со второй половины XI в., папы установили вселенскую папскую теократическую монархию. Так как формально, после 1054 г., Западная и Восточная христианские церкви прекратили общение, то с этого времени и папство и византийские императоры стали игнорировать притязания друг друга на титул *Vicarius Christi*. Совсем иначе папы относились к притязаниям священно-римских императоров. Папа Григорий VII (1073–1085 гг.) рассматривал государство как низшую сферу Царствия Божия, высшим проявлением которого являлась Церковь. Если папа господствовал в высшей сфере Божьего царства, то это тем более давало ему право распоряжаться и в низшей сфере – государстве. Духовную и светскую власть он различал лишь как высшую и низшую инстанции в пределах одной и той же *respublica Christiana*. Государство, чтобы стать правомерным христианским союзом, должно было слиться с Церковью и поглотиться ею [6]. Таким образом, при папе Григории VII была окончательно сформулирована идея папского примата, источником

которого стал так называемый «Диктат папы» (*Dictatus papae*). Этот состоящий из двадцати семи пунктов документ, по сути, стал апологией притязаний пап на верховную власть в западно-христианском мире.

Папская власть достигла апогея при Иннокентии III (1198–1216 гг.), который сразу проявил себя сторонником крайних притязаний папства. Именно он первым ввел в официальную титулатуру Римских понтификов титул: *Vicarius Christi* «Наместник Иисуса Христа» [7]. Духовное господство Иннокентий III понимал как неограниченную материальную и духовную силу и толковал полноту власти как право распоряжаться и светскими, и духовными делами. За годы его понтификата влияние папства на все стороны жизни христианского мира стало безграничным. Иннокентий сравнивал власть папы с солнцем, а императорскую власть с луной. А поскольку луна светит отраженным светом солнца, то и императорская и королевская власть должна быть подчинена Римскому понтифику. В.И. Герье полагал, что в этот период сама Церковь приняла вид государства, а папство впервые осуществило «политический тип централизованной монархии с самодержавным правителем и правильно организованной администрацией, заправляющей из столицы отдаленными окраинами» [8].

Таким образом, идея о том, что кафедра св. Петра есть императорский трон церкви, в эпоху Высокого Средневековья стала общепризнанной. В ходе длительной борьбы папы сумели присвоить себе право распоряжаться императорской короной. Однако, в свою очередь, эта постоянная борьба и внутри самой церкви и с германскими императорами ослабила папство. Окончательным результатом этого процесса стало представление о том, что Римская церковь и Священная Римская империя представляют собой две стороны одной медали. Римский первосвященник являлся высшим судьей в сфере религии и духовных вопросов, а император должен был поддерживать мир во всей вселенной. «По отношению к Церкви он является Адвокатом, – титул, заимствованный из обычая церквей и монастырей избирать какого-нибудь могу-

щественного барона, который защищал бы их земли и предводительствовал их держателями на войне» [4]. В свою очередь, двойственность представлений средневекового человека об Imperium Sacrum проистекала из дуалистической природы самого Христа.

И хотя, на первый взгляд, процесс формирования идеи «священной мировой империи» в Византии и в Западной Европе мало чем отличался, поскольку имел общие корни, его политическое воплощение привело к диаметрально противоположным результатам. На Востоке, в Византии, идея Imperium Sacrum, уходящая в свои вселенские цивилизационные аспекты, являлась фактором единения имперского и культурного пространств. На Западе идея Imperium Sacrum, в первую очередь, воплощалась в политико-правовом аспекте, что, в конечном итоге, привело к политической борьбе между церковью и светской властью.

Формирование понятия «IMPERIUM SACRUM» в русской традиции

После принятия христианства в 988 г. Киевская Русь стала частью византийского «Paх Christiana» и легко вписалась в византийские политические концепты как часть т. н. «Византийского содружества наций», о котором в свое время писал Д. Оболенский [9]. Русские князья как носители верховной власти, подражая византийским василевсам, выстраивали свои отношения с церковью в рамках традиционного византийского цезарепапизма.

В период феодальной раздробленности и особенно в период монголо-татарского ига византийский цезарепапизм постепенно уступил место эсхатологическим чаяниям, связанным с существованием и назначением русского государства. В этот период пути церкви и княжеской власти разошлись. Для сохранения своего статуса русские князья вынуждены были проводить политику коллаборационизма, в то время как русская церковь оставалась связующим фактором русского национального единства. Правда, для достижения этого Русская православная церковь вынуждена была принять верховную власть

золотоордынских ханов, также как в свое время власть византийских императоров, а позднее власть великих князей киевских. Используя терпимость новой власти к чужой религии, Церковь сумела приспособиться к реалиям времени, что в дальнейшем способствовало и возрождению российской государственности.

Начиная с Ивана III (1462–1505), русская политическая традиция и идеология развивались под воздействием эсхатологических и мессианских мечтаний. В первую очередь это относилось к государственной власти, но с течением времени и, конечно, не без непосредственного участия этой власти стало характерным для идеологии всего русского народа, который воспринимал политику своего государства, его социально-историческое и духовное развитие как некую сакральную миссию. Результатом этого симбиоза в конечном итоге стали идеи «византийского наследства», «симфонии властей», панрусизма и панславизма. Вальтер Шубарт отмечал: «Русский и в этом отличается от европейцев. Его национальной идеей является спасение человечества русскими» [10]. Эта миссия по спасению человечества стала вполне естественной для русской политической мысли, когда русский народ не представлял себя без связи с судьбами всего мира, и даже начавшаяся при Петре I секуляризация политических идей не смогла разорвать этих прочных связей.

Эсхатологические идеи, проникшие на Русь вместе с христианством еще в конце X в., только с конца XV в. начали играть особую роль в формировании политических взглядов и дальнейшего социально-исторического и духовного развития. Во многом это произошло из-за того, что не сбылись опасения по поводу ожидавшегося в конце седьмого тысячелетия (по старому стилю) конца света. Со временем чисто религиозная по сути эсхатологическая парадигма стала востребованной в сфере идеологии.

Светским выражением эсхатологических чаяний русского народа стала знаменитая доктрина «Москва – третий Рим». Именно она позволила сформировать в русской поли-

тической традиции представление об особой миссии русского народа в мировой истории. В отличие от древнееврейской эсхатологической традиции, где евреи ожидали прихода Мессии, который спасет и сплотит еврейский народ, в русской традиции мессианская функция переносилась на весь русский народ. Таким образом, социально-исторический процесс превращался в мистерию, целью которой становилась мессианская жертва русского народа.

П.Н. Милюков отмечал, что Иван III сразу же воспринял идею панрусизма, подсказанную ему германским императорским послом Поппелем [11]. Именно из этой идеи вытекали претензии Великого князя Московского, сформулированные в новом титуле «Государь всея Руси». Таким образом, Московский великий князь превращался в фигуру сакральную, осуществляющую судьбоносную миссию объединения всех русских земель под своей властью. Благодаря этому Москва превращалась в центр единения, а главное, защиты русских, вне зависимости от того, являлись ли они подданными Московского князя или нет. Именно поэтому Великие князья Литовские и короли Польские отказывались признавать этот титул Ивана III, но все их попытки протеста отменялись с присутствием московским дипломатам уверенностью и апломбом: «Государь наш ничего высокого не писал и никакой новости не вставил. Он от начала – правый *уроженец* – *государь* всея Руси, чем его Бог подаровал от дедов и прадедов.... Все, отнятое у Литвы, – «наша вотчина». «Да и не то одно – наша вотчина, что ныне за нами: вся русская земля, Божией волей, из старины от наших прародителей – наша вотчина» [11].

Таким образом, с конца XV в. стал формироваться комплекс политических традиций дальнейшего развития русского государства. Объединив под своей властью большую часть русских земель, Москва определила для себя новые цели, и теперь Московское царство было не просто одним из православных государств, а претендовало на положение единого мирового православного царства.

Своеобразную часть «византийского наследия» русское государство получи-

ло благодаря браку Ивана III с племянницей последнего византийского императора Зоей (получившей в России имя Софья) Палеолог. Породнившись с византийской императорской династией, Великие князья Московские аргументированно наследовали и притязания византийских василевсов на мировое господство. Идея панрусизма, смешанная с идеей «византийского наследия», неизбежно вела политическое развитие русского государства к идее панславизма. Византийская идеология, привезенная в Москву Зоей Палеолог, оказала существенное влияние на формирование социально-исторического и политического развития русского государства.

В соответствии с византийской имперской доктриной мировое государство обязательно должно было быть христианским (православным). После падения Византии и создания Османской империи единственным независимым православным государством оставалась Московская Русь. Вселенские православные патриархи, регулярно обращаясь за помощью и защитой к московским князьям, помогли Москве ощутить себя наследницей мировой православной империи. Московские великие князья начали использовать титулы царя и самодержца, которые являлись дословным переводом титулов византийских императоров – василевс и автократор.

Однако воссозданная на русской почве имперская идея не была оригинальной. Социально-исторический процесс развития России в эпоху Ивана III заимствовал концепты, созданные южнославянскими народами во времена Сербского и Болгарского царств. П.Н. Милюков полагал, что именно они являлись естественными воспитателями русских национальных чувств. Южные славяне давно мечтали создать либо сербско-греческую, либо болгаро-греческую империи, а их идеалами были собственные славянские императоры и патриархи. В свое время и болгарский царь Александр, и сербский Душан пытались примерить на себя порфиру византийских василевсов и именно они первыми использовали титулы «царь» и «самодержец». П.Н. Милюков, цитируя болгарскую рукопись XIV в.,

написанную по приказу болгарского «царя и самодержца» Иоанна Александра, указал на хорошо знакомые нам параллели: «Все это приключилось со старым Римом; наш же новый Царьград стоит и растет, крепится и омолаживается. Пусть он и до конца растет, – о Царь, всеми царствующий, – принявши (в себя) такого светлого и светоносного царя, великого владыку и изрядного Победоносца, происходящего из корени Асеня, преизящного царя болгар, – я разумею Александра прекроткого и милостивого и мнихолубивого, нищих кормильца, великого царя болгар, чью державу да исчислят неисчислимыя солнца» [11].

После того как турки-османы покорили «новый» Царьград – Тырново, южные славяне начали искать новый источник своих политико-эсхатологических надежд. Этим источником стала далекая и неизведанная, но близкая по духу и вере Москва. Впервые идеи панславизма на Руси были озвучены болгаринном по национальности митрополитом Киприаном.

При сыне Ивана III Василии III представление о Москве как о единственной хранительнице православных традиций еще больше закрепилось в сознании русской интеллектуальной элиты того времени. Именно при Василии III была сформулирована знаменитая идея «Москва – третий Рим», создателем которой был инок псковского Елеазарова монастыря Филофей. В письме московскому дьяку Мисюрю Мунехину он сформулировал идею священной вселенской державы, согласно которой Москва стала законной наследницей предшествующих мировых держав: два Рима пали, а третий Рим – Москва – стоял и стоять будет вечно, а четвертому Риму не бывать.

Внук Ивана III Иван IV (Грозный) стал непосредственно претворять в жизнь представления о священной мировой державе. Согласно византийской традиции священная мировая империя должна иметь своего царя и независимую церковь во главе с патриархом. Первым шагом на пути создания мировой православной империи, по сути *Rex Rossica*, стало принятие Иваном IV в 1547 г. царского

титула. Впервые венчанный царь осознавал ответственность присвоения этого титула, поскольку дипломатическая иерархия средневековья четко определяла статус «царств» того времени – царский титул признавался за византийскими императорами, германскими императорами и наследниками Золотой орды. Иван Грозный стремился встать наравне с императорами византийскими и германскими и окончательно избавиться от унижительной зависимости от ордынского наследия, сравнившись статусом с бывшими золотоордынскими ханами, именовавшимися на Руси царями. Покорив Казань и Астрахань, Иван Грозный относительно законно начал титуловать себя царем Казанским и Астраханским. Юридическое подтверждение титула московского царя произошло только в 1561 г., когда собор Константинопольской церкви провозгласил Ивана Грозного «царем и государем православных христиан во всей вселенной» [13]. В том же 1561 г. константинопольский патриарх и другие вселенские патриархи признали царский титул Ивана Грозного и провозгласили его единственным защитником мирового православия. Великий князь Московский получил законное право титуловаться царем и владыкой всех православных христиан, а также считать себя наместником Бога на земле. С этого момента Россия уже не могла равнодушно смотреть на владычество мусульман над христианскими землями на Балканском полуострове и на Востоке, что в дальнейшем, явилось одной из главных причин постоянных русско-турецких войн, начиная с конца XVII до конца XIX в.

Для обоснования своих претензий на вселенское господство Московские Великие князья использовали не только идею «византийского наследства», но и специально созданную генеалогическую легенду. Складывался круг сказаний, подтверждающих правопреемство русским государством вселенских инсигний Византии. Несмотря на то, что Иван Грозный приходился внуком племяннице последнего византийского императора, в политической реальности использовалась генеалогическая легенда о родстве по мужской линии с римскими императорами.

Идея «римского родства» подтверждалось генеалогическим «Сказанием о князьях Владимирских», предположительно созданным в период правления Василия III. В этом тексте прослеживалось родство Рюрика с неким Прусом – братом римского императора Октавиана Августа. Таким образом, московские государи, будучи «сродниками Римских кесарей», считали себя вправе претендовать на особую сакральную и политическую роль в мировой истории. Иван Грозный в посланиях неоднократно указывал на свое превосходство благодаря «римскому родству». В письме к шведскому королю Юхану III Грозный писал: «Мы от Августа кесаря родством ведемся, а ты усужаешь нам противно Богу» и ему, отпрыску «мужичьего рода» (отец Юхана III – Густав Ваза был не прирожденным, а избранным королем), «нелзя ровняться с великими государи» [13]. В другом письме Грозный позволил себе элементарную ругань в адрес Юхана III: «А с тобою перелаиваться, и ты себе найди такова ж страдника, каков еси сам страдник, да с ним перелаивайся» [14].

Со временем легендарная родословная стала восприниматься как вполне традиционная, а многими православными народами и как фактор, указывающий на вселенскую и сакральную роль не только русского самодержца, но и всего российского государства.

Еще одним важным элементом идеи «симфонии властей» в русской политической мысли являлась идея церковной автокефалии. Формально русская православная церковь считалась самостоятельной с 1441 г., когда после подписания Ферраро-Флорентийской унии были прекращены все контакты Москвы с Константинопольской церковью. В 1448 г. глава Русской церкви митрополит Иона впервые был избран Собором русских епископов без хиротонии (поставления) в Константинополе. Однако русская православная церковь формально оставалась частью Константинопольского патриархата вплоть до 1589 г., когда Московская митрополия *de jure* при сыне Ивана IV Федоре Иоанновиче получила автокефалию. Митрополит Московский Иов был рукоположен в сан патриарха Вселенским патриархом Иеремией II Константинополь-

ским и другими вселенскими патриархами. По договоренности между Москвой и вселенскими патриархами за патриархом Московским и всея Руси в иерархии православных кафедр было признано пятое место после вселенских кафедр. В свою очередь, Русская церковь возглавила список поместных национальных церквей, отодвинув на задний план даже более древние (например Грузинскую) поместные церкви. Таким образом, с 1589 г. Российское государство стало полностью соответствовать понятию вселенской православной империи по византийскому образцу, т. е. отныне Москва имела своего царя и своего патриарха. И эта «симфония властей» воплощалась в жизнь в Московском государстве вплоть до эпохи Петра I.

В то же время сакральный авторитет Русской православной церкви также требовал некоторого обоснования. Постепенно сформировался комплекс сказаний, обосновывающих особую роль Русской церкви в истории вселенского православия. В связи с этим стали актуальными сказания, с помощью которых обосновывались церковные претензии Москвы на автокефальность – «Сказание о хождении святого апостола Андрея Первозванного» и «Сказание о белом клобуке».

«Сказание о хождении святого апостола Андрея Первозванного» приводится еще в «Повести временных лет», но особенно актуальным оно стало в конце XVI в., во времена царя Федора Ивановича, когда Русская православная церковь получила автокефалию. Б.Ф. Годунов стремился добиться третьего места для Московской патриархии в перечне вселенских православных церквей. Московское правительство, ссылаясь на «Повесть временных лет», пыталось доказать равенство вновь образованного патриархата с древними вселенскими кафедрами. И хотя данная затея провалилась, апостольское происхождение русского православия от апостола Андрея Первозванного стало активно использоваться церковью и русским правительством для достижения своих политических целей.

«Сказание о белом клобуке» распространилось в русской идеологической традиции XVI – XVII вв. для подтверждения

преимущества Московского царства как вселенской державы от Византии, а также для обоснования претензии русской церкви на особый статус в христианском мире. Это сказание атрибутировалось как послание Дмитрия Герасимова (Дмитрия Толмача) к новгородскому архиепископу Геннадию. Согласно этому сказанию белый клобук – символ священства – был получен римским папой Сильвестром I от императора Константина Великого. После «отпадения ветхого Рима» от православия белый клобук был перенесен в Византию, а затем на Русь в Новгород Великий. Появление в Новгороде белого клобука связывалось с именем архиепископа Василия Калики (1330 – 1352 гг.). При московском митрополите Макарии (в 1526–1542 гг. новгородском архиепископе) идея белого клобука была перенесена в Москву, где органично вписалась в доктрину «Москвы – третьего Рима» [12]. И хотя в повести шла речь о новгородском архиепископе, «Повесть о белом клобуке» со времен митрополита Макария считалась достаточным аргументом для обоснования притязаний Москвы на первенство как политическое, так и духовное. Однако в 1667 г., вероятно после более детального прочтения, Собор признал «Повесть о белом клобуке» «лживой» выдумкой.

В конце XVI – начале XVII вв., когда в Смутное время была ослаблена позиция государственной власти, слова о мессианской роли русской православной церкви во весь голос зазвучали из уст патриарха Гермогена. Угроза оказаться под властью католической Речи Посполитой способствовала сплочению русского народа, защитившего свою страну, несмотря на отсутствие политической власти.

Утрированной версией византийской «симфонии властей» стало почти четырнадцатилетнее совместное правление царя Михаила Федоровича и его отца патриарха Филарета, поскольку последний «не очень жаловал» своего сына как царя. В этот период сакральная доктрина «Москва – третий Рим» вновь стала актуальной. И, если до воцарения династии Романовых данный тезис воспринимался исключительно в мессианско-эсха-

тологическом значении, т. е. святая Русь – наследница Византии – хранительница чистоты вселенского православия, то со времени первых Романовых формула Филофея начала истолковываться в политическом смысле. В этом плане именно идея «византийского наследства» стала доминирующей в социально-историческом развитии российского государства.

В дальнейшем реформаторская политика царя Алексея Михайловича в отношении церкви была обусловлена идеей восстановления Византийской империи под эгидой московского царя. Верным союзником царя в проведении церковной реформы был патриарх Никон. Как Алексей Михайлович хотел стать в Москве новым византийским василевсом, так Никон хотел стать новым вселенским патриархом, возглавив всю вселенскую православную иерархию. Никон хотел сосредоточить в России все восточные христианские святыни. Именно этим была обусловлена постройка Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, главный храм которого в точности копировал Храм Гроба Господня в Иерусалиме, а маленькая речушка, протекающая у стен монастыря, была наречена Иорданом.

По мнению исследователя истории церкви Б.П. Кутузова, реформа русской православной церкви не имела богословской необходимости [15]. Настоящим инициатором церковной реформы была светская власть в лице царя Алексея Михайловича. В XVII в. российские самодержцы воспитывались в византийском духе, поэтому Алексей Михайлович получил грекофильское воспитание, и именно с него русские цари начали предпринимать конкретные шаги для того, чтобы получить византийский трон.

Б.П. Кутузов считал, что вековая мечта российского самодержавия – Константинополь с проливами, была внушена русскому правительству Ватиканом, который, чтобы втянуть Россию в борьбу с Османской империей, еще со времен Василия III пытался превратить чисто эсхатологические концепции русской религиозной мысли в конкретные политические действия. Такими методами вати-

канская дипломатия стремилась расправиться со своими идеологическими противниками и заодно подчинить Святому престолу «восточных схизматиков».

В качестве одного из первых агентов Ватикана Б.П. Кутузов рассматривал Максима Грека [15], хотя он был, скорее, агентом Константинополя, поскольку не верил в миссию Москвы как третьего Рима и призывал Василия III к освобождению Балкан и Греции от турецкого ига и объединению христиан вокруг Константинопольского патриаршего престола.

Как агента Ватикана рассматривал Б.П. Кутузов и Юрия Крижанича, старавшего склонить русского царя Алексея Михайловича к борьбе против Османской империи в союзе с болгарами, сербами и другими европейскими народами, а в качестве залога прочного военного союза, выдвигавшего идею церковной унии между католиками и православными [15]. Иначе воспринимал Юрия Крижанича П.Н. Милюков, считая его апологетом русской национальной идеи, оказавшей сильное влияние на дальнейшее социально-историческое развитие России [11].

Не менее жестко, чем Ю. Крижанича, Б.П. Кутузов охарактеризовал и Милеску Спафария, воспитанника иезуитов, также стремившегося вовлечь Россию в борьбу с турками. [15]. Но основными проводниками разрушительной политики Ватикана в России, по мнению Б.П. Кутузова, были выходцы из Киево-Могилянской академии. И, хотя к малоросскому духовенству в Москве относились с недоверием, подозревая его в тайном католичестве, многие идеи, привнесенные этими людьми, обрели на русской почве своих сторонников и способствовали тому, что в русском сознании чисто церковная эсхатологическая доктрина «Москва – третий Рим» превратилась в политический манифест, почти на двести лет определивший социально-историческое развитие Русского государства. В конечном итоге планы Ватикана провалились, а помощь России способствовала освобождению балканских и кавказских народов от Османского ига и сохранению их как самостоятельных этносов.

Существует мнение, что мистический дух был отличительной чертой русского государства вплоть до правления Петра I, поскольку именно Петр разрушил устои старинных московских традиций и превратил церковь в государственный орган, подчиненный императору. Но первый российский император, уничтожив прежнюю мессианскую концепцию – Вселенской православной державы, создал новую идеологию – Священной империи. Именно Петр I определил программу дальнейшего социально-исторического развития России, просуществовавшую до 1917 г., а в целом характерную и для советского периода в истории нашей страны.

Библиографический список

1. Андреева, Л.А. «Местник Божий» на царском троне / Л.А. Андреева. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002 г. – 224 с.
2. Рансимен, С. Восточная схизма. Византийская теократия / С. Рансимен. – М.: Наука, Восточная литература РАН, 1998. – 238 с.
3. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров. – М.: Облиздат, ТОО «Алир», 1998. – 672 с.
4. Брайс, Джеймс. Священная Римская империя / Джеймс Брайс. – М.: Изд. М. Комиссарова, 1891 – 383 с.
5. Задворный, В. История римских пап от св. Феликса II до Пелагия II / В. Задворный. – М.: Колледж католической теологии им. св. Фомы Аквинского, 1997.– 202 с.
6. Трубецкой, Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Миросозерцание Блаженного Августина / Е.Н. Трубецкой. – М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1892–1897. – Ч. 1–2. – 270 с.
7. Гергей, Е. История папства: (Пер. с венгр.)/Е. Гергей. – М.: Республика, 1996. – 464 с.
8. Герье, В.И. Торжество теократического начала // Вестник Европы. – 1892. – С. 28.
9. Оболенский, Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. – М.: Янус-К, 1998. – 655 с.
10. Шубарт, Вальтер. Европа и душа Востока / Вальтер Шубарт. – М.: Русская идея, 2000 г. – 443 с.
11. Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры / П.Н. Милюков. – СПб: Изд-во Издание журнала «Мир Божий», 1901–1903. Т. 3. – 436 с.
12. Сторчак, В.М. Тема российского мессианизма в общественно-политической и философской мысли России / В.М. Сторчак – М.: РАГС, 2003. – 147 с.
13. Кобрин, В. Иван Грозный / В. Кобрин. – М.: Московский рабочий, 1989. – 175 с.
14. Успенский, Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б.А. Успенский. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 668 с.
15. Кутузов, Б.П. Церковная «реформа» XVII века / Б.П. Кутузов. – М., 2003. – 573 с.

«IMPERIUM SACRUM» AS A SPIRITUAL AND POLITICAL FOUNDATION
OF THE RUSSIAN IMPERIAL PARADIGM

Paleolog M.V., Assoc. Prof. MCPU, Ph.D (History); Chistova S.M., Assoc Prof., MSFU, Ph.D (History)

mpaleolog@mail.ru, caf-miok@mgul.ac.ru

Moscow City Pedagogical University (MCPU), 2nd sel'skokhozyaistvenniy pr., 4, korp.1, 129226, Moscow, Russia; Moscow State Forest University (MSFU), 1st Institut'skaya st., 1, 141005, Mytischki, Moscow reg., Russia

Formation of the concept of «IMPERIUM SACRUM» refers to the antiquity. The Greek culture was the link that united most parts of the ancient world. The Roman Empire, which replaced the Hellenistic world, formed a universal concept of the state. The concept of «Pax Romana», «Roman world», equated the concepts of «world state», «civilization» and «civilized world». In the Middle Ages in the West the idea of a universal «Imperium Sacrum» was formed and finally became a key to the development of the state and the church. Byzantium inherited the Roman tradition, bringing it to the absolute. The Greeks created a new model of universal empire, the main feature of which was a «symphony of powers», which became the state ideology of Byzantium. Kievan Rus, after the adoption of Christianity in 988, became part of the Byzantine «Pax Christiana» and fits easily into the Byzantine political concepts as a part of the so-called «Byzantine Commonwealth of Nations.» Russian princes built relations with the church in the traditional Byzantine Caesaropapism. After the fall of the Byzantine Empire and the creation of the Ottoman Empire, the only independent Orthodox state remained was Muscovy. The idea of Pan-Rusizm, mixed with the idea of «Byzantine heritage», has led to the idea of Pan-Slavism. Institutions of «kingdom» and «autocephalous church» have been implemented under the reign of Ivan IV and his immediate successors. Since the reign of the first Romanov, Philotheus' formula «Moscow is the Third Rome» began to be interpreted in a political sense, and the idea of the «Byzantine heritage» has become dominant in the socio-historical development of the Russian state. The idea of the restoration of the Byzantine Empire under the auspices of the Moscow tsars was due to all the reformist political decisions made by Alexei Mikhailovich in relation to the church. The Western attempts to transform Russian ideological concepts into a concrete political program against the Ottoman Empire were not very successful, and Russian help further contributed to rescue the Balkan and Caucasian peoples from turcoples and preserve them as separate ethnic groups. Peter I destroyed the foundations of the ancient Moscow traditions and turned Church into a state body subordinate to the emperor. But destroying the old messianic concept, Universal Orthodox power, Peter I created a new ideology, the Holy Empire, and established a program for further socio-historical development of Russia, which lasted until 1917.

Keywords: Imperium Sacrum, symphony of powers, Moscow – the third Rome, Pan-Slavizm, panrusizm.

Referenses

1. Andreeva L.A. «Mestnic Bozhii» na tsarskom trone. [«God's vicegerent» on the royal throne]. Moscow: Publ. Tsentr tsivilizatsionnikh i regional'nikh issledovaniy RAN, 2002. 224 p.
2. Ransimen S. Vostochnaya skhizma. Vizantiyskaya teokratiya. [Eastern schism. Byzantine theocracy] Moscow: Nauka, Vostochnaya literature RAN Publ., 1998, 238 p.
3. Tikhomirov L.A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical state]. Moscow: Publ. «Oblizdat», TOO «Alir», 1998. 672 p.
4. Brays, Dzheym The Holy Roman Empire. Moscow, Publ. M. Komissarova, 1891. 383 p. (in Russia).
5. Zadvorniy V. The history of the popes from St. Felix II to Pelagius II. Moscow: Publ. College of Catholic Theology. St. Thomas Aquinas, 1997. 202 p.
6. Trubetskoy E.N. Religiozno-j,shchestvenniy ideal zapadnogo khristianstva v V veke. Mirosozertsaniye Blazhennogo Avgustina. [Religious and social ideal of Western Christianity in the V century. Worldview Augustine] Moscow: Publ. E. Lissnera I Y. Romana, 1892–1897. 270 p.
7. Gergey E. Istoriya papstva [History of the Papacy] Moscow: Publ. Respublica, 1996. 464 p.
8. Ger'e V.I. Torzhestvo teokraticheskogo nachala [The triumph of the theocratic beginning]. Vestnik Evropy [Herald of Europe], 1892. p. 28.
9. Obolenskiy D. izantiiskoye sodruzhestvo Natsiy. Shest' vizantiiskikh portretov [The Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits]. Moscow: Publ. Yanus-K, 1998. 655 p.
10. Val'ter Shubart Evropa i dusha Vostoka [Europe and the East soul] Moscow, Publ. Russkaya ideya, 2000. 443 p.
11. Milyukov P.N. Ocherki po istorii russkoy kul'tury [Essays on the History of Russian Culture T. 3.]. Sankt-Peterburg: «Mir Bozhii» Publ., 1901-1903. 436 p.
12. Storchak V.M. Tema Rossiyskogo messiannisma v obschestvenno-politicheskoy i filosofskoy mysly Rossii [Subject Russian messianism in the socio-political and philosophical thought in Russia] Moscow: RAGS Publ., 2003. 147 p.
13. Kobrin, B. Ivan Groznyy [Ivan the Terrible] Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1989. 175 p.
14. Uspenskiy B.A. Tsar' I patriarch: kharizma vlasty v Rossii (Vizantiyskaya model' i yeyo russkoye pereosmislениye) [The king and the patriarch: the charisma of power in Russia (the Byzantine model and its Russian rethinking)]. Moscow, 1998. 668 p.
15. Kutuzov B.P. Tserkovnaya reforma XVII veka [Church «reform» XVII century]. Moscow, «TRI-L» Publ., 2003. 573 p.

ОБУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ ОБЩИХ ВУЗОВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1920–1930-е ГОДЫ)

Е.В. ПАНИН, доц. каф. истории и политологии МАМИ, канд. ист. наук,
О.А. ЗОЗУЛЯ, доц. каф. истории и политологии» МАМИ, канд. ист. наук

ehonko@mail.ru, ozozulya@mail.ru

Университет Машиностроения (МАМИ), 107023 г. Москва, ул. Большая Семеновская, д. 38

Рассматривается вопрос об особенностях обучения представителей национальных меньшинств в советских высших учебных заведениях общего типа. Отмечается внимание советского правительства к повышению уровня образования в стране. Для отдельных национальностей создавались специальные университеты и институты, для них были предусмотрены места во всех высших учебных заведениях. Акцентируется внимание на том, что данные вопросы рассматривались на самых высоких инстанциях – партийных форумах, заседаниях правительства. Приведены конкретные цифры о численном составе представителей национальных меньшинств в советских высших учебных заведениях. Делается вывод о нацеленности советской национальной политики на сохранение и развитие национальной идентичности многочисленных этнических групп, проживавших в Советском Союзе.

Ключевые слова: национальная политика, Советский Союз, высшее образование, национальное меньшинство, высшее учебное заведение, национальное отделение.

С самого начала революционных преобразований в Советской России особое внимание большевики уделяли решению национального вопроса и в его рамках – проблеме национальных меньшинств, в том числе выходцев из других государств. Уже в первых документах советской власти провозглашалось равноправное и свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп Советской России.

Большое значение придавалось организации и развитию национального образования и подготовке новых идеологически выдержанных кадров из представителей национальных меньшинств.

В этом процессе особая роль принадлежала высшим учебным заведениям. Национальный вопрос – один из наиболее значимых, решению которого советское правительство уделяло серьезнейшее внимание с первых дней существования. Новая власть заявила о намерении кардинально изменить положение различных национальностей, в том числе национальных меньшинств, проживавших на территории России, большую часть которых большевики считали культурно отсталыми и угнетаемыми при царском режиме.

После революции в стране происходили процессы усиления центробежных тенденций. В этой связи, пришедшие к власти большевики стремились сохранить национальные окраины в рамках единого государства, при-

влечь их население к социалистическим идеям и к социалистическому строительству. Советские руководители планировали, что выпускники национальных вузов и отделений образуют слой новых руководящих кадров на местах, носителей и распространителей коммунистической идеологии среди национальных меньшинств России. Таким образом, по замыслу большевиков, позиции их власти в регионах значительно укрепились.

Представители различных национальностей обучались как в общих вузах, так и в специализированных институтах и университетах. Цель данной работы – на основе имеющегося комплекса источников рассмотреть вопросы получения высшего образования нацменьшинств в специально для них созданных отделениях общих вузов.

Как правило, представители нацменьшинств попадали в вузы по распределению (квотам) Наркомпроса. Национальные отделы этого государственного учреждения представляли заявки на выделение квот в те или иные вузы. Так, Польский отдел Совнацмена (Совета по делам национальных меньшинств) Наркомпроса подал в 1925 г. заявку на 20 мест для обучения представителей польской национальности в Академии Коммунистического воспитания, 2-м МГУ, Ленинградском институте имени Герцена, Донском, Иркутском и Смоленском университетах. Большая часть заявок относилась к педагогическим факульте-

там. Гораздо большей была заявка еврейского отдела – 400 мест на 1925–1926 учебный год. «Из них: преподавателей родного языка, литературы Еврейский отдел считает возможным получить через Еврейское отделение педфака при втором МГУ. Что же касается преподавателей-обществоведов, естественнонаучных и технических дисциплин, то таковые должны быть распределены по соответствующим факультетам вузов» [1. Д. 98. Л. 6].

О необходимости расширения возможности для национальных меньшинств в получении высшего образования Наркомпрос стал все громче говорить в середине 1920-х гг. Имеющегося количества национальных квот в общие вузы и существовавших национальных отделений при них было недостаточно.

В 1925 г. было принято специальное Постановление СНК о подготовке преподавателей для школ национальностей нерусского языка [2. 1925. № 81. Ст. 617]. Оно стимулировало открытие прежде всего средних специальных учебных заведений педагогического профиля для национальных меньшинств и национальных отделений при вузах. В конце 1931 г. насчитывалось 82 национальных педагогических техникума, в 1933 г. их сеть в РСФСР (без учета АССР) превысила цифру 100 [3. 1933. № 6. С. 21–22]. Но основную роль в подготовке необходимых педагогических кадров для национальных школ продолжали сохранять краткосрочные курсы, выпускники которых, особенно восточной группы, отличались низким общеобразовательным уровнем. Лица с низшим образованием и даже с незаконченным низшим в составе педагогов этих народностей доходило до 70–80 % против 25–35 % среди западных национальных меньшинств [3. 1930. №3. С. 25].

Один из авторов, Г. Гасилов, занимавшийся в начале 1930-х гг. изучением проблемы подготовки национальных кадров, называл подобных преподавателей «недоделанными учителями-комсомольцами», хотя в то же время отмечал их энтузиазм и активность, преданность советской власти. Он задавал вопрос: «Как можно требовать от учителя, недавно ликвидировавшего неграмотность и прошедшего 5-месячные курсы,

осуществления программы ГУС, понимания марксистско-ленинского существа, применения исследовательских методов в работе с учащимися?» [3. 1930, № 3. С. 25–26].

С середины 1920-х годов активизировался процесс создания национальных отделений. При русскоязычных университетах и пединститутах создавались отделения для национальных меньшинств. Одним из первых подобных отделений было эстонское отделение в Ленинградском педагогическом институте имени А.И. Герцена, открытое в 1925 г. В 1926 г. в том же вузе были открыты латышское, финское и польское отделения, в начале 1930-х гг. к ним было добавлено и немецкое. Вместе с отделением народов Севера организационно они были объединены в общее нацменотделение института. В общей сложности за время своего существования (до 1932 г.) оно выпустило 183 педагога [4].

Национальные отделы наркомпроса регулярно ставили перед правительством вопрос о создании национальных педагогических кадров. В 1926 г. было принято Постановление СНК РСФСР «По докладу НКПроса о просветительной работе среди национальных меньшинств РСФСР». Данный документ ставил задачей «открытие необходимого количества педагогических учебных заведений для национальных меньшинств, в соответствии с планом введения всеобщего обучения и обратить внимание на обеспечение учащихся стипендиями... Обратить особое внимание на подготовку научных работников из среды национальных меньшинств, путем прикомандирования их к научно-исследовательским институтам и вузам, в качестве научных сотрудников и аспирантов и включить в планы соответствующих научных, художественных и музейных учреждений и вузов обслуживание национальных меньшинств» [1. Д.163. Л.38-38об.].

С 1925/1926 учебного года в высших учебных заведения начинается активное открытие национальных отделений: «1) при Педфаке 2 МГУ в Москве отделение еврейское; 2) при Восточном пединституте в Казани отделения: чувашское, тюрко-татарское, марийское и вотское; 3) при Кубанском высшем пединституте – украинское; 4) при Ле-

нинградском пединституте имени Герцена – латышское, польское, финское и эстонское; 5) при педфаке Пермского государственного университета – коми отделение; 6) при Саратовском госуниверситете – немецкое; 7) при Крымском пединституте (в Симферополе) – тюрко-татарское; 8) при Горском пединституте (г. Владикавказ) – осетинское и чечено-ингушское; 9) при педфаке Иркутского госуниверситета – бурят-монгольское – всего – 16 отделений. План развертывания этих отделений рассчитан таким образом, чтобы в 1929 г. получить первые выпуски соответствующих работников» [1. Д. 90. Л. 60].

Еще один важный и широко обсуждаемый со второй половины 1920-х годов вопрос – о языке преподавания в средних и высших образовательных учреждениях для национальных меньшинств. Специальное постановление от 26 декабря 1930 г. предусматривало немедленный перевод преподавания всех дисциплин, всей внутренней и общественной жизни в них на родной язык. Были установлены даже предельные сроки осуществления данной программы – 1932/33 учебный год – для техникумов, 1933/34 год – для вузов и национальных отделений. При этом особым пунктом Постановления разрешалось продление сроков перехода для культурно отсталых национальностей по особым ходатайствам в Наркомпрос самих вузов или техникумов либо местных органов власти [1. Д. 193. Л. 30–31]. Однако процесс перевода шел весьма неспешно. В 1930/31 году на родной язык перешли всего 30 % всей сети педа-

гогических техникумов, к началу 1932 г. этот процент вырос до 45 [3].

11 мая 1930г. Секретариат ЦК принял постановление о расширении сети коммунистических вузов с новой структурой. Этим же постановлением предусматривалось открытие дополнительной сети национальных отделений в университетах, а также подготовительных отделений для национальных меньшинств. При Нижневолжском коммунистическом университете учредили калмыцкое и немецкое, в Средневолжском – мордовское, в Дальневосточном – китайское и корейское отделения, Северо-Кавказском – для горских народов, в Нижегородском – подготовительное отделение для чувашей, вотяков, мари, при Сибирском университете – подготовительное отделение для национальных меньшинств Сибири [5]. Распределением на работу выпускников этих вузов занимался секретариат ЦК ВКП(б).

В общей сложности по национальным квотам в 1926/27 году в 69 вузов РСФСР было принято 4937 человек, «что составляет 23,5 % всех принятых в вуз, против 3881 человека, или 19,6 % в 1925 г. Народов западной культуры принято 3710, а восточных и отсталых национальностей – 1227 человек [1. Д. 193. Л. 4 (об.)].

В журнале «Просвещение национальностей» (1929 год, № 1) были помещены данные о динамике удельного веса западной и восточной групп национальных меньшинств в вузах страны за 1925–1929 гг.

Наибольшее количество мест традиционно занимали немцы. Так, в 1927/28 году в вузах СССР всех профилей обучалось 994 немца, в т. ч. в РСФСР – 720 чел., на Украине – 164, в Закавказье – 86, в Белоруссии – 5; в университетах – 361 чел., в пединститутах – 126, в мединститутах – 78 [6].

В советских учебных заведениях из иностранных национальных меньшинств особенно много обучалось китайцев. В основном места для них выделялись на Дальнем Востоке. В 1933 г. там функционировали: Китайское отделение Далькомвуза в Хабаровске; Китайское отделение совпартшколы в Чите; Китайский педагогический техникум, отделение рабфака, отделение пединститута и Дальневосточная

Т а б л и ц а

Удельный вес представителей национальных меньшинств в вузах РСФСР (в процентах)*
The share of national minorities in the universities of the RSFSR (percent)

Учебный год	Культурная группа	Культурно-отсталая группа
1925–1926	21,1	4,6
1926–1927	16,0	8,6
1927–1928	19,1	5,3
1928–1929	18,4	6,9

* Источник: Просвещение национальностей. 1929. №1. С. 63. (Данные в источнике в форме таблицы).

краевая китайская совпартшкола во Владивостоке. По состоянию на 1 января 1932 г. во всех учебных заведениях края обучалось всего 809 китайцев и 3828 детей китайских мигрантов [7]. Китайским командирам был открыт прием в Военную академию им. М.В. Фрунзе, Военно-политическую академию им. Н.Г. Толмачева, Летную военно-теоретическую школу, Высшую артиллерийскую школу, на курсы «Выстрел» и т. д. [8].

Если в интернациональных коммунистических университетах иностранцы обучались для отправки на родину с целью поднятия революционного движения, то обучая их в общих вузах, советское правительство заботилось и о дальнейшем использовании полученных ими знаний и навыков.

Еще в 1921 г. Совет труда и обороны, говоря о важности удовлетворения экономики страны квалифицированным техническим персоналом, принимает Постановление «О студентах-иностранцах высших технических учебных заведений». Согласно ему «1. Все студенты ВТУЗ (высших технических учебных заведений – *авт.*), не установившие до 15 июня сего года своего иностранного подданства и не зарегистрированные как иностранцы в своих учебных заведениях, но получающие от государства стипендию, при окончании ими ВТУЗ поступают в распоряжение хозяйствующих органов РСФСР на общих основаниях, с обязательством служить по своей специальности срок, равный сроку пребывания в ВТУЗ на материальном обеспечении РСФСР... 2. Все студенты-иностранцы ВТУЗ, не заканчивающие своего образования в этом году, обязаны или принять на себя впредь обязательство по 1-му пункту или исключаются со всех видов материального обеспечения» [2. 3 сентября 1921 г. № 50. Ст. 273].

В 1920–1930-х гг. в стране существовал ряд национальных высших учебных заведений, готовивших квалифицированные педагогические и сельскохозяйственные национальные кадры. Кроме того, была возвращена сеть национальных отделений во многих общих университетах и институтах. Помимо этого, представители национальных

меньшинств обучались на общих отделениях вузов, куда попадали, как правило, по специальным квотам, составлявшимся Национальными отделами Наркомпроса и утверждавшимся Совнаркомом РСФСР.

Высшая школа – многоуровневая и сложная система. Ее функции многообразны: обучение, воспитание, подготовка кадров специалистов. Все советские годы она целиком была подчинена главной задаче – социалистическому строительству и формированию «нового» советского человека.

С момента прихода к власти большевиков высшая школа стала обширным полем для экспериментов. А.В. Луначарский признавал, что «...перестройка высшей школы является еще более трудной задачей», чем реформирование школьной системы [9]. Создание интернациональных коммунистических университетов, национальных вузов и национальных отделений при общих высших учебных заведениях можно рассматривать как часть этого эксперимента.

В стране очень остро стояла проблема подготовки национальных кадров, в том числе и из представителей многочисленных национальных меньшинств, подавляющая часть которых не имела своих вузов до революции.

Проведенное исследование приводит к выводу, что с первых послереволюционных лет и на протяжении всех 1920-х гг. политика советской власти была нацелена на сохранение и развитие культурного многообразия национальностей Российского (советского) государства. Одним из проявлений подобной политики является создание учебных заведений разного уровня, где могли обучаться представители многочисленных и стоящих на разных ступенях социально-экономического и культурного развития национальных меньшинств.

Проведенный анализ документов приводит к выводу, что государство стремилось в максимальной степени улучшать материальные и бытовые условия жизни как студентов, так и преподавателей коммунистических университетов и национальных вузов, о чем свидетельствуют достаточно высокие стипендии и иные способы материальной поддержки

студентов, а также заработная плата преподавателей. Уровень стипендии был сопоставим со средней заработной платой по стране. Оклады преподавателей, как правило, превышали данный показатель.

В середине – второй половине 1930-х гг. декларируется постулат об окончательном решении национального вопроса в СССР, в том числе и проблемы национальных меньшинств [10]. Усиливаются процессы русификации и унификации. В связи с этим национальная культура, система национального образования, в том числе и высшего, целенаправленно уничтожаются.

Причины свертывания системы национального образования советскими исследователями объяснялись, главным образом, достижением всеми национальными меньшинствами фактического равенства, а также необходимостью подготовки кадров специалистов для определенных отраслей народного хозяйства, уже без учета национальной специфики.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 296. Оп.1.
2. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства 1917–1918, 1919, 1920 и 1921. – М.: Сов. право, 1922.
3. Просвещение национальностей. 1926–1933 гг. – М., 1934.
4. Смирнова, Т.М. Национальность – питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке / Т.М. Смирнова. – СПб.: Сударыня, 2002. 584 с.
5. Чеботарева, В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. / В. Г. Чеботарева. – М.: ГУ МДН, 2008. – 832 с.
6. Немцы России. Энциклопедия в 3-х т. – М.: ЭРН, 1995–2006. – 806 с.
7. Залеская, О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.) / О.В. Залеская – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 380 с.
8. Ларин, А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность / А.Г. Ларин – М.: Восточная книга, 2009. – 512 с.
9. Луначарский, А.В. О воспитании и образовании / А.В. Луначарский – М.: Педагогика, 1976. – 631 с.
10. Rybina M.V., Panin E.V. The multicultural education and the Soviet educational system for national minorities // International Conference on European Science and Technology. Munich, Germany, 2012.

THE EDUCATION OF NATIONAL MINORITIES IN THE NATIONAL OFFICES OF GENERAL HIGH SCHOOLS OF SOVIET RUSSIA (1920-1930)

Panin E.V., Assoc. Prof. MAMI, Ph.D (History); Zozulya O.A., Assoc. Prof. MAMI, Ph.D (History)

ehonko@mail.ru, ozozulya@mail.ru

University of Mechanical Engineering (MAMI), 107023, Moscow, Bolshaya Semenovskaya str., 38

The features of the education of national minorities in the Soviet higher educational institutions of general type were singled out. The research notes the attention of the Soviet government to increasing the level of education in the country. There were special universities and institutes created for certain nationalities; they had special places in all higher education institutions across the country. Attention is drawn to the fact that these issues were considered at the highest level – party forums, meetings of the government. The article includes concrete figures on the proportion of the national minorities, studying in Soviet universities. It is concluded that the Soviet national policy was focused on the preservation and development of the national identity of many ethnic groups living in the Soviet Union.

Keywords: National policy, the Soviet Union, higher education, national minority, higher educational institutions, national office.

References

1. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 296. Op.1 [State Archive of the Russian Federation. Fund 296. Inventory 1].
2. Sbranie zakoneni i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva [Collection of statutes and ordinances of workers' and peasants government]. Moscow: Sovetskoye pravo [Soviet law], 2008.
3. Prosveshchenie natsional'nostey.[The education for nationalities]. Moscow, 1934.
4. Natsional'nost' – piterskie. Natsional'nye men'shinstva Peterburga i Leningradskoy oblasti v XX veke [Nationality – St. Petersburg'. National minorities of Petersburg and Leningrad region in the twentieth century]. Saint Petersburg: Sudarynya, 2002. pp. 534.
5. Chebotareva V.G. Natsional'naya politika Rossiyskoy Federatsii. 1925–1938. [National Policy of the Russian Federation. 1925–1938]. Moscow, 2008.
6. Nemtsy Rossii. Entsiklopediya v 3-kh t. [Russian Germans. Encyclopedia 3 Vols.]. Moscow, 1995–2006.
7. Zallesskaya O.V. Kitayskie migranty na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1938) [Chinese migrants in the Russian Far East (1917–1938)]. Vladivostok, 2009.
8. Larin A.G. Kitayskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost' [Chinese migrants in Russia. History and modernity]. Moscow, 2009.
9. Lunacharskiy A.V. O vospitanii i obrazovanii [About upbringing and education]. Moscow, 1976.
10. Rybina M.V., Panin E.V. The multicultural education and the Soviet educational system for national minorities. International Conference on European Science and Technology. Munich, Germany, 2012.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА СВОБОДЫ ВОЛИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Ю.Н. СКОЛЯР, асп. каф. философии МГУЛ

jskoliar@yandex.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д. 1, МГУЛ

Автор рассматривает проблему свободы воли в экзистенциальной философии, выделяя ее специфические особенности, совершая переход от общеполитической постановки проблемы через экзистенциально-философскую к вопросу о наивысших духовных ценностях, раскрываемых в философии религиозной. Понимание свободы воли как возможности добра характерно для христианства, истоки этого представления находятся в Псалмах Ветхого Завета и в Посланиях Апостола Павла. Уделено внимание философскому наследию Боэция, как посреднику между Блаженным Августином и схоластикой, Мейстеру Экхарту, как одному из первых, кто исследовал проблему существования в градации способов бытия и объясняют причины, продуцирующие различные виды существования, обозначая веру и свободу воли основными онтологическими характеристиками. Экзистенциальная мысль, начиная со Средних Веков, делает акцент на смысле «воли», а «свобода» выступает как состояние воли, откуда вытекает понятие о свободе воли из самой воли. При этом воля исследуется в связи с верой. Воля также рассматривается как составляющая структуры внутренней душевно-духовной жизни. В новой философии Вильгельм Дильтей, как основатель наук о духе, дает подробный психологический анализ волевого акта, показывающий волю как структурную единицу, способную давать удовлетворение побуждения и счастье смирения. Экзистенциальная философия XX века в статье представлена творчеством Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса, где, следуя религиозной традиции, свойство воли быть свободной находит себя в аутентичном бытии. В статье применен методологический прием философских построений Хайдеггера и Г. Сковороды, описывающий природу свободы воли, исходя их «несвободы». Наиболее полное и глубокое исследование проблемы свободы воли найдено в религиозной философии, куда приходит всякая мысль о существовании. Воля, находясь в неразрывной связи с верой, объясняет свое свободное состояние полнотой и истинностью веры. Вера, онтологизируясь, создает бытие, где воля свободна в живом союзе человека с Богом, в свободной передаче себя воле Бога.

Ключевые слова: свобода, воля, вера, экзистенция, человек, трансценденция, бытие.

Общая постановка философской проблемы свободы воли формулируется как «вопрос о свободе человека в своих действиях» [3]; воля же представляется как «сознательное и направленное регулирование человеком своей деятельности» [10]. По замечанию Ханны Арентс: «свобода воли и свобода стали синонимами» [1]. В экзистенциально-философском рассмотрении свобода воли связана с высшими духовными ценностями. Известно, что Лютер и Кальвин отрицали существование свободы воли, признавая ее иллюзорной выдумкой, того же мнения придерживаются материалисты, детерминисты и позитивисты, отождествляя свободу воли с самостоятельной способностью действия. Сегодня нередко свободу причисляют к свойствам разума. «Только единство разума и воли, в качестве разумной воли позволяет понять свободу как категорию человеческого бытия» [4]. По мнению А.А. Гусейнова, причисление свободы к свойству воли есть признание зла природным дефектом.

Понимание свободы воли как возможности добра характерно для христианства, и истоки этого представления восходят к Псалмам Ветхого завета, Посланиям Апостола Павла и развиваются затем, хотя и не всегда

последовательно, Блаженным Августином, Боэцием, Экхартом, Беме, Григорием Сковородой, Кьеркегором; возрождаются «русским духовным ренессансом»: Н.А. Бердяевым, И.А. Ильиным, Н.О. Лосским, Л. Шестовым.

Для экзистенциальной философии свобода воли – проблема, связанная с последними основаниями индивидуальной природы, она не является предметом постижения разума, а достигается в религиозном опыте. Свобода нерациональна, и поскольку природа человека богочеловеческая, то и воля человека свободна при ее передаче воле Бога.

Еще Кьеркегор и Достоевский усматривали «неустроенность» и разрушительность самостоятельной свободы выбора и решений самостоятельной свободы, безраздельное господство свободы вызывает болезнь духа. Путь к добру – это путь не умствования, а живого чувства, личностной связи – любви, Бог предвидит истинный поступок, поступок свободный в его наивысшем смысле, когда, по сути, он лишен собственной прихоти, и вот здесь и происходит согласие воли Бога и воли человека.

Средневековая проблематика свободы воли в основных чертах восходит к традиции августиновского “De libero arbitrio”; посред-

ником между Августином и схоластикой выступает Боэций. Воля у Боэция есть в природе человеческой души, и эта природа такова, что она всегда отступает от истины, и делает это потому, что увлекается суждениями, порождающими, в свою очередь, туман, который препятствует ясному видению вещей. Свобода воли, тождественная свободе действия у Боэция есть воля, которая осознала себя свободной, есть само отпадение от Бога суть причина того, отчего в человека бытие и «то, что есть» не могут быть тождественны, как они тождественны в Боге. Суждения Бога непреложны и его свобода – совершенна, следовательно, свобода человека тем более совершенна, чем он ближе к Богу. И тем она менее свободна, чем более подчинена страстям тела, прихотям и непременно выполнению прахских требований, – в итоге эта свобода превращается в рабство и люди становятся влекомыми судьбой. Так, Боэций в VI веке представляет аутентичный и неаутентичный способы бытийствования и причины, приводящие людей на такие разные виды существования. Причем, воля у Боэция признается синонимом свободы и свободной ее делает разум, следовательно, всегда остается выбор, всегда остается врожденная идея и всегда, как следствие, есть степени свободы этой самой воли, где наивысшей степенью свободы является, ее, воли, подчинение воле Бога, то есть самая большая свобода – не стремиться жить по собственным установлениям.

Экзистенциальная мысль акцентирует смысл «воля», а «свобода» есть состояние воли. Придерживаясь способа дедукции Фомы Аквинского, аналитически выводим понятие о свободе воли из самого понятия воли как способности к самопознанию, к порождению особой причинности, зависимости от божественной причинности.

Вильгельм Дильтей, мыслитель, являющийся основателем наук о духе, в своей «Описательной психологии» дает анализ волевого акта, рассматривая его в процессе соединения и развития частей душевной структуры как способность давать удовлетворение побуждениям и счастье смирения, отклоняющее страдание. Связь эта целесообразная, так как ведет к полноте жизни. Любая целесообразность такого

рода, приписываемая обществу, есть взятая из внутреннего переживания человека. Доминирование волевой составляющей, конституирование ею структуры всего процесса внутренней жизни человека создает симультанность перцепции и стремлений. В трактовке понимающей психологии Дильтея, волевая деятельность воспитывается внутренними процессами и внешним движением; она идеализируется и подчиняет себе все другие соединения внутренней деятельности с внешним миром. Способность воли «воспитываться» дает ей возможность доминировать и подчинять себе новых рабов из той же внутренней структуры. Складывается служение воли и ее целям, несвобода, неотрешенность, неаутентичность. Чувственные и представленные душевные ряды проистекают от «игры раздражения до отвлеченного мыслительного процесса или до творчески оформленного, а другие, волевые – идут от мотивов до процессов движения» [2]. Волевое действие включает в себе намерение внести изменение в жизнь, оно уже имеет представление о цели, намеченной во внешнем мире. Или, наоборот, волевое действие направлено на преодоление изменений душевной жизни, если эти изменения вызывают внешние действия. Но, тем не менее, именно «тот момент, когда дисциплина внутренних волевых движений возымеет власть над человеком, составляет эпоху в его религиозно-нравственном развитии». Приобретенная связь душевной жизни так обнимает отношения, навыки и определения воли, таким образом, что мы часто не осознаем правила, которым наши действия подчиняются, и здесь главным предметом анализа человеческой воли выступает религиозная вера.

Дильтей пишет, что постижение замкнутой в себе личности находит себя в трансцендентной философии. В практическом поведении происходит такая же объективизация, какую мы находим в различных формах познания мира в чувственном представлении и мышлении. Частное волевое действие в индивидуе выражает длительное направления воли, «которое может заполнить целую жизнь, хотя и не сознается нами постоянно». Миром практическим, объективизированным руководят длительные отношения, переходящие от человека к человеку.

Постижение свободы воли, как в теоретическом, так и в практическом плане, свойственно глубокой субъективности, в которой находят свое осмысление все категории экзистенциальной философии. Дильтей называет Сократа первым из мудрецов, возвышающимся до осознания внутреннего нравственного процесса, без которого невозможно образование законченной личности. «Познай самого себя» направлено на единообразие в человеческой природе, но из этого общезначимого выделяется нечто непостижимое, относящееся к сокровенной глубине субъективности. Дильтей находит в идеале мудреца замкнутую в себе личность, где подчеркивание воли в мышлении есть выработка убеждения, придающего действиям единство и сознание цели, ограниченность личности вовне путем превозможения силы внешних болей и наслаждений. Идеал мудреца обретает центр тяжести внутри самого себя именно вследствие сознательной силы замкнутой в себе личности.

Невозможность определения свободы воли как явления приводит мысль к детерминации явления, противоположного несвободе воли. Вот как об этом говорят Мартин Хайдеггер и Григорий Сковорода. В развернутой концепции человеческого бытия немецкого экзистенциалиста Мартина Хайдеггера бытие представлено и как предметное бытие, и как экзистенция или свободное человеческое существование, связанное с трансценденцией – рационально непостижимой границей любого бытия и мышления. У Хайдеггера, в качестве свободы, выступает резолюционность, а не инертность, само бытие уже имеет в себе эту утвержденную свободу. Отсюда вытекает соответствующее поведение субъекта и на этом же базируется осуществление бытия в дифференциальности его модальностей. Свобода, таким образом, высветляет Сущее, которое содержит бытие в своей аддитивности, но именно Сущее содержит бытие. Посредством свободы осуществляется отношение к Сущему, которое, тем не менее, остается скрытым, и скрытым именно в своей Тайне. Отношение к Сущему через свободу не высвечивает, а затемняет Тайну. Свобода дает человеку осознание его конечности и рациональную ориентацию в Бытии-в-мире. Бытие-в-мире – это, по всей видимости, и есть та раци-

ональная повседневность, где допуск в Сущее присутствует, но невозможно увеличить континуум обнаружения Сущего. Более того, субъектом дефинируется такое нераскрытие тайны, как существование лабиринтов бытия, лабиринты обыденности ратифицируются как субстанциональный фрагмент экзистенции. Причем, Тайна выступает как то, что может не обнаруживаться, но не может не быть. «Тайна свободы воли сама по себе отказывается от модусов забвения, она отнюдь не желает обслуживать само забвение, она лишь оставляет индивида посреди настоящей онтологической обыденности; таким образом, покинутый субъект дополняет свою сферу онтологизации-экзистенции новыми и новыми запросами, желаниями, планами, идеями несвободой воли, а в данном случае индивид не опирается на забвение Сущего, а измеряет свой способ экзистенции с помощью Идеи и Замыслов» [4]. Именно то, что Хайдеггер именует как Идеи и Замыслы, есть то, что инкарнируется именно свободой действия: «Субъект теряет свою квинтэссенция, ему как бы не хватает Человека...». Хайдеггер дает определение несвободы воли, в его терминологии существует еще одна категория – это инзистенция, в дословном переводе с французского это звучит как «настойчивость», «упорство», *insistence* [1]. Аналогичная категория есть и у Сковороды, находит свое оригинальное представление инзистенция, предикативно выступающая модальностью Бытия-Присутствия, с учетом того, что в онтологии Сковороды реально существует один мир, но дифинивно инкарнируются два: «Земнородный ничем скорее не попадает в несчастье, как *скоропалительной наглостью*...» [3]. То есть Идеи и Замыслы и надежда на свою мощь и собственную силу продуцируют в человеке то, что отделяет его от Доступа к Сущему. Становясь ругателями мудрых и противниками Бога, люди попадают в мучительное безумие, континуальность их бытийствования замыкается, затемняется просвет Сущего. Сама Экзистенция, в которой мерилom Сущего выступают Идея и Замысел, где познание себя самого затуманено внешними преходящими знаниями, превращается в инзистенцию, которая выступает в качестве предиката бытия. Достоверное Бытие есть инзистенция экзистенции, настой-

чивость и упорство жизни. Это упорство материализует Истину, но квинтэссенция Истины не достигается в матрице бытия, инициированной Идеями и Замыслами, то есть самоцельной свободой действия. Хайдеггер это сам же и доказывает: «Субъект инзистентен в том случае, когда он апеллирует к обыденности Сущего, то есть он инзистентен как индивид, апеллированный к экзистенции, потому что он в своих действиях отдает приоритеты тому Сущему, которое ратифицирует его собственное измерение» [4]. Создаваемое бытие-в-мире коррелируется инзистентией, человек, обладая свободой действия, самостоятельно создает себе свой мир, где о Тайне, о квинтэссенции Экзистенции имеется представление, затуманенное, но и эта затуманенность объяснена субъекту, им же самим, посредством его резолюционирующей рациональности как лабиринт повседневности, являющейся также модальностью бытия-в-мире. «Когда ратифицируются данные измерения, то человечество отворачивается от феноменов Тайны», – пишет Хайдеггер. Открыть завесу подзабытой Тайны есть не что иное, как познать себя, ибо не познать себя – то же, что и потерять себя, раствориться в суеверии Бытия-Повседневности. Под Идеями и Замыслами Хайдеггера, у Сковороды высвечиваются мнения, которые и есть суть оковы Повседневности.

Именно свобода дает человеку выбор, и выбор этот, в первую очередь, инкарнируется как способность судить. Таким образом, человек, влюбляясь в тело, в прах, в видимое, в землю судит то, что единственно принадлежит Богу. Почитающий такого рода тление есть нечестивый и, следовательно, думающий, что не может иметь свое собственное бытие, без видимого, тленного бытия. Он боготворит пепел и приписывает внешней действительности собственную жизнь. Сковорода говорит о том, что разум и воля не всегда подвластны человеку и счастлив и спокоен человек не будет, если все будет делаться по его воле, еще опаснее, когда человек желает, чтобы его воля была согласна с «искуснейшими головами в свете», потому что неизвестно, какая голова искусней. Для Сковороды, завесу Тайны, затемнение приоткрытости допуска к Сущему составляет наше, человеческое погружение в плотский мир страстей и

суеверия. Согласно его религиозной философии, видеть только видимость означает не что иное, как не верить в единого Бога, не иметь в себе истинного человека. «Истинное око и вера – все одно», – пишет Сковорода. Вера не может содержать инзистенцию, это взаимоисключающие понятия. Природное, биологическое в человеке, экзистенциальной философией и у Хайдеггера, и у Сковороды рассматривается как тень его истинной сущности. Относительно воли и разума возникают некоторые вопросы, связанные, в первую очередь с тем, что значение рациональности не просто теряет свою функциональность, но и не имеет полномочий, не ратифицирует сферу Допуска к Сущему.

Карл Ясперс в исследовании человека называет два пути: предмет человека, отданный анатомии, физиологии, социологии и психологии и свобода человека, чье исследование принадлежит исключительно философии. Сама свобода неотделима от осознания конечности, и это один из основных тезисов экзистенциальной философии. И в качестве экзистенции эта конечность означает, что человек *изначально* не может быть обязан самому себе. Он сам и его бытие – подарок трансценденции. Как пишет Ясперс: «Трансцендентная помощь являет ему себя в том, что он может быть собой» [9]. Предмет такой свободы сугубо предмет философской веры, поскольку превращение свободы в содержательное знание превращает веру в суеверие. Свобода воли обретается осознанной связанностью с трансценденцией, поскольку невозможно существование посредством самого себя. Как пишет Водолагин, исследуя творчество К. Ясперса: «Именно рефлексивно-волевые акты придают унаследованному человеком от природы слепому и темному «жизненному порыву» некую кажущуюся бессознательной целесообразность и смысловую направленность, формируют ценностное измерение жизни» [2].

Для Ясперса психология, психоанализ как мировоззрение есть современная форма суеверия. Свобода человека в том, что он причастен в своей конечности к бесконечной трансценденции. И эта свобода – дар всех человеческих возможностей, при руководстве трансценденцией, несравнимой ни с каким другим, мирским руководством, поскольку она не обладает объектив-

ной однозначностью. Органом Божьего гласа становится самопознание. И это основополагающий тезис экзистенциальной философии. Решения, принятые из сокровенной глубины, полагаются человеком как послушные Богу, без всякой объективной гарантии. Руководство совершается суждением человека о его собственной деятельности, истинность суждений заключена в глубине и степени самопознания. Как и Г. Сковорода, Карл Ясперс также призывает обратиться в поиске истины к Библии, считая ее одной из основ западноевропейской философии. Изучая Библию, индивид осознает себя созданным Богом в своем единичном существовании и в таком качестве обретает свободу в единстве с трансцендентным Богом, здесь он становится независим от мира. Отклонения здесь могут состоять в эгоистичной назойливости, которая может сопровождать встречу с Богом. Сковорода именует это «скоропалительной наглостью», Хайдеггер – инзистенцией экзистенции. Другая опасность, или характеристика несвободы воли, – это склонность к уверенности в знании воли Божьей, «которая становится источником фанатизма» [6].

Экзистенциальная философия – мост, перекинутый от религии к философии. У Хайдеггера – его *dasein* – в полном, развернутом смысле – глубоко религиозное бытие в том его открытии, что нет никакой привязки к тленному миру, к миру видимому. Вот почему для Хайдеггера так значим Экхарт, который закладывает и теоретизирует отношения связи бытия и мира, обнажает подлинность и неподлинность бытия. И связь эта опосредуется в желании, в укоренении себя в мире через желание быть довольным собой. Для сознания религиозного бытия такое желание – это быть исполненным волей Бога в своем стремлении к божественному совершенству.

Рассуждения Мейстера Экхарта нашли продолжение у Ясперса, Хайдеггера и других мыслителей в проблеме вопроса человеческого существования. В их идеях нашла продолжение категория Экхарта «отрешенность». Для Экхарта отрешенность выше любви. Любовь приводит к терпению чего-то ради Бога, а отрешенность ничего, кроме Бога, не воспринимает. И Экхарт объясняет это так: то, что должно быть воспринято, должно быть воспринято чем-то.

А отрешенность настолько близка к «ничто», настолько тонка, что для себя самого там места не найти. Только для Бога. Экхарт считает возможность такого восприятия в особом способе так же, как это происходит в познании познаваемого, оно зависит от того, кто это познает, а не само от себя. Отрешенность у Экхарта выше смирения, поскольку смирение может существовать без отрешенности, а истинная отрешенность без смирения невозможна. Смирение доводит до некоторой степени самоуничтожения, отрешенность же – нет, поскольку она трудно отделима от «ничто». Смирение, склоняясь перед творениями, восходит от себя к твари, а отрешенность пребывает сама в себе. Такое восхождение прекрасно, но пребывание в себе более высокое дело. Экхарт также обращается к Боэцию, цитируя его: «Люди, зачем вы ищете вовне то, что внутри вас?». Отрешенному духу Бог дарует себя – то есть свободу. «Отрешенность приводит к чистоте, чистота – к простоте, а последняя же – к неизменяемости» [5]. Этими качествами осуществляется подобие Богу.

Таким образом, между волей и верой существует зависимость. Вера – от воли. Откровение: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» [3. 20]. Антропоморфные свойства Бога, его человеческие качества выражают сочувствие и стремление к тем, кто не верит. Человеку свойственны сомнения и метания, интересы славы, богатства и власти, в этой сомнительной для счастья опоре, человеку необходима вера как оплот и фундамент.

Свобода воли – это возвращение «Я» к самому себе, осознание бессознательного восхождения от чувственного представления к сознательному целеполаганию не только себя конечным и сотворенным, причастным к бесконечному, но и других разумных «Я», и, таким образом, свободная воля реализуется в обществе. Свобода воли в экзистенциальной философии трактуется как следование указаниям трансцендентного Бога, которые находят свое выражение в форме символов и шифров бытия, которые озвучиваются совестью.

Г. Сковорода, говоря о счастье, называет его радостью сердца, сердце есть средоточие всей духовной жизни индивида, есть центр ос-

новых душевных сил – ума, воли и чувства. Именно сердцу принадлежит вера, во власти действия которой находится восстановление утраченного союза человека с Богом и свободная передача своей воли – воле Бога. Вера в Бога есть экзистенциальное выражение свободы воли, есть неукоренение человека в видимом мире. Осуществляется такая воля в невидимом и непостижимом, то есть в вере. «Вера же есть существование ожидаемого и уверенность в невидимом» [Евр., 11, 1]. Как писал Лосский, достижением в вере непосредственного, личного общения с Богом приобретается ум Христов, образуется онтологическая связь, а не только психическое состояние. И основание у такой веры не страх, не корысть, не настойчивое требование исполнения сиюминутных желаний, не стремление к обладанию, а любовь как совокупность всех совершенств.

Библиографический список

1. Арентд, Ханна. Что есть свобода. Перевод Д.М. Носова / Ханна Арентд // Вопросы философии. – 2014. – № 4. – С. 32–50.
2. Водолагин, А.В. Волонтиативная теория психики / А.В. Водолагин // Вопросы философии. – 2014. – №1. – С. 140–143.
3. Гальцева, Р. Свобода воли / Р. Гальцева // Философская энциклопедия. – 1967. – Т. 4. – С. 564–568.
4. Гусейнов, А.А. Философские заметки / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2009. – № 10. – С. 3–6.
5. Дильтей, В. Описательная психология / Вильгельм Дильтей. – М.: Антология Гуманитарных Наук, 2001. – 129 с.
6. Скворода, Г. Сочинения / Григорий Скворода. – Минск: Современный литератор, 1999. – 704 с.
7. Хайдеггер, М. Мысли / Мартин Хайдеггер. – Минск: Современное слово, 1998. – 384 с.
8. Экхарт, М. Духовные проповеди и рассуждения / Мейстер Экхарт. – СПб.: Амфора. 2008. – 255 с.
9. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / Карл Ясперс. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
10. Ярошевский, М. Воля / М. Ярошевский // Философская энциклопедия. – 1967. – Т. 1. – С. 284–285.

STUDY OF THE PHENOMENON OF FREE WILL IN THE EXISTENTIAL PHILOSOPHY

Skolyar Y.N., pg. MSFU

jaskoliar@yandex.ru

Moscow State Forest University, 141005, Moscow Region., Mytishchi-5, 1st Institutskaya Str. 1, MSFU

The problem of studying free will in existential philosophy is considered, its specific features are highlighted, making a transition from the general philosophical problem statement through existential-philosophical one to the problem of the highest spiritual values disclosed in religious philosophy. Understanding of free will as a possibility of good is typical of Christianity, the origins of this conception are in the Psalms of the Old Testament and in the Epistles of Apostle Paul. Attention is paid to philosophical heritage of Boethius as an intermediary between Augustine and scholasticism, Meister Eckhart as one of the first who studied the problem of existence by grading methods of beings. Boethius and Eckhart lay notions of authentic and inauthentic ways of being and explain the reasons producing different ways of existence, indicating faith and free will as the main ontological characteristics. Since the Middle Ages existential thought makes emphasis on the sense of «faith», and «freedom» appears as a state of will, hence the notion of free will from the will itself. At the same time will is studied in connection with faith. The will is considered also to be a component of a structure of mental and spiritual life. In theoretical philosophy Wilhelm Dilthey, the founder of the spirit sciences, gives a detailed psychological analysis of volition, showing the will as a structural unit capable to give satisfaction of motivation and happiness of humility. Existential philosophy of the twentieth century is presented by the works of Martin Heidegger and Karl Jaspers, who, following the religious tradition, claim that free will finds itself in authentic existence. In this article the methodological technique of philosophical constructs of Heidegger and G.Skvoroda are applied describing the nature of free will on the basis of «unfreedom». The most complete and deep study of problem of free will is found in religious philosophy, which is a goal for any idea of existence. Will, being linked with faith inseparably, explains its free state through completeness and truth of faith. Faith, being ontologised, creates a being where the will is free in a live union of man with God, in a free transfer of oneself to the will of God.

Keywords. Freedom, will, faith, existence, man, transcendence, being.

References

1. Arendt, Hanna. *Chto est' svoboda* [What is freedom.] *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2014. № 4. pp. 32–50.
2. Vodolagin, A.V. *Volyuntativnaya teoriya psikhiki* [Volitional theory of the mind] *Voprosy filo-sofii* [Problems of Philosophy]. 2014. №1. pp. 140–143.
3. Gal'tseva, R. *Svoboda voli* [Free will] *Filosofskaya entsiklopediya* [Encyclopedia of Philosophy]. 1967. Vol. 4. pp. 564–568.
4. Guseynov, A.A. *Filosofskie zametki* [philosophical notes] *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2009. № 10. pp. 3–6.
5. Diltey, V. *Opisatel'naya psikhologiya* [Descriptive Psychology] *Antologiya Gumanitarnykh Nauk* [Anthology of Humanities]. Moscow, 2001. 129 p.
6. Skovoroda, G. *Sochineniya* [Works]. Minsk: Sovremennyy literator, 1999. 704 p.
7. Heidegger, M. *Mysli* [Thoughts]. Minsk: Sovremennoe slovo, 1998. 384 p.
8. Ekhart, M. *Dukhovnye propovedi i rassuzhdeniya* [Spiritual sermons and discourses] Saint Petersburg: Amfora. 2008. 255 p.
9. Jaspers, K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history] Moscow: Respublika, 1994. 527 p.
10. Yaroshevskiy, M. *Volya* [Will] *Filosofskaya entsiklopediya* [Encyclopedia of Philosophy]. 1967. Vol. 1. pp. 284–285.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА КСЕНОФОБИИ

П.Н. ТИХВИНСКИЙ, *ст. преподаватель каф. философии МГУЛ*

caf-phil@mgul.ac.ru

ФГБОУ ВПО МГУЛ «Московский государственный университет леса»
141005, Московская область, г. Мытищи-5, ул. 1-ая Институтская, д. 1, МГУЛ

В природе ксенофобии лежит естественный страх перед неизвестным, как правило, в условиях информационной изоляции больших и малых социальных групп среди не знающих чужих обычаев и традиций людей. Так возникает мнение о варварских нравах этих «чужих», иногда искусственно распространяются недостоверные слухи. Есть предположение о существующей практике намеренного культивирования ксенофобии как проверенного метода управления группой лиц (масштаб и ситуации могут варьироваться причудливым образом). Принцип – объединение общей идеей (создание «образа врага», разжигание ненависти ксенофобии по отношению к кому-либо) ради достижения своих иногда внешне неочевидных целей. Возможна и неосознанная трансляция чувства от одного поколения другому, что может закрепляться в устных и письменных источниках, например, устном народном творчестве, мифах, священных книгах и пр. Очень часто ксенофобия является причиной агрессивного национализма и экстремизма в современном обществе, в том числе и российском. Она провоцирует и усиливает социальную напряженность, служит мощным фактором роста насилия и преступности. В настоящее время ксенофобия в российском обществе приобрела характер явной угрозы личности, обществу и государству, хотя до недавнего времени отсутствовало осознание ксенофобии и этнической нетерпимости как существенных факторов, угрожающих стабильному социально-политическому развитию страны. Не сформирован общественный консенсус по поводу основных направлений и конкретных мер, которые позволили бы преодолеть порождаемые ксенофобией угрозы, и отсутствуют системные исследования причин этого явления. Выбор объектов ненависти крайне разнообразен. Есть люди и социальные группы, которые не любят русских, африканцев, азербайджанцев, другие – евреев или американцев. По данным российского социолога Льва Гудкова, в нашей стране вероятность ксенофобских конфликтов составляет 75–80 %. Таким образом, среднестатистический ксенофоб может избирать в качестве объекта приложения своей ненависти и «черных», и евреев, и китайцев, и перуанцев, представителей иной субкультуры, сексуального меньшинства. Ему достаточно только одного факта, что перед ним чужой (инакомыслящий). В данной статье автор рассматривает социально-психологические аспекты ксенофобии и ее проявлений в контексте философской рефлексии.

Ключевые слова: ксенофобия, национализм, экстремизм, этническая нетерпимость, общественный консенсус, российское общество, социально-психологические аспекты.

Население России во все времена отличалось выраженной индифферентностью по отношению к инородцам, отсутствием интереса к иному происхождению, стремлением никак не выделять их из своей среды. Однако сегодня в стране происходит усиление ксенофобии и рост числа сторонников тезиса «Россия для русских». Будучи сама по себе нерадикальной, ксенофобия может стать знаменем этноцентрического движения новых русских националистов, что затруднит проведение социально-экономических и политических преобразований, объединение общественности вокруг гуманистических, демократических идеалов. Это определяет актуальность ее изучения.

Ксенофобия – явление актуально существующее, внешне кажется хорошо знакомым. Само слово вызывает ступор иногда ярких до физической осязательности, а иногда смутных ассоциаций. Здесь и тайные козни инквизиции, и изгнание мавров из Испании, и преследование за веру и неверие, и межэтническая напряженность, и повышенная

подозрительность. Но в целом оно изучено плохо. Нет и достаточно эксплицитных определений этого понятия. В коротких справках термин «ксенофобия» сводится к этимологии, оно рассматривается как проявление страха, недоверия, ненависти ко всему незнакомому. Например, во вступительной статье книги Нейла Смелзера (Neil J. Smelser) «Социология» (1994) определение ксенофобии звучит так: «Ксенофобия – страх и ненависть ко всему чуждому образу жизни данного общества». Такое понимание ксенофобии близко к нашему пониманию [1].

При этом понятие «ксенофобия» достаточно распространено в социологической и особенно политологической литературе. Им пользуются и дипломаты, и политические журналисты, и психологи, и социологи. В психологии ксенофобия выражает особую степень внешней и внутренней конфликтности замкнутой личности, ее болезненно отчужденный характер.

По сути, ксенофобия – понятие маргинальное, оно захватывает границы различных

смысловых полей с широким диапазоном. Многозначность понятия позволяет сказать, что феномен и теоретическое понимание ксенофобии остаются проблемой. Какие факторы стимулируют это явление? Каковы социальные и психологические потенции этого явления? Каким слоям и социальным группам присуща ксенофобия? Поиски ответов на эти вопросы требуют достаточно сложных размышлений.

По типу существования ксенофобия не может считаться строгим термином. Действительно, ксенофобию можно и не увидеть в самых очевидных общественных перипетиях, но можно обнаружить и в неявных ситуациях. Но в большинстве понятий гуманитарных, социальных, психологических наук это не является однозначным термином. Относительную строгость понятие «ксенофобия» приобретает лишь тогда, когда происходит сознательное ограничение выделенной проблематики. В этом случае понятие приобретает конкретность в определенном смысловом контексте. Термины в области социологической рефлексии вероятности парадигмально по сути. В данном случае ксенофобия как социально-психологический феномен рассматривается не в эссенциальном (сущностном) контексте, а в номинальном. Смысловая оппозиция «эссенциализма» и «номинализма» принадлежит Карлу Попперу, который развивает идеи схоластов в их дискуссии о реализме и номинализме. Иначе говоря, мы ставим вопрос не «что это такое?» (что такое ксенофобия, определено этимологией), а «что это значит?», «какой в этом смысл?», «в каких отношениях?», «при каких обстоятельствах?» возникает феномен ксенофобии.

Карл Поппер (Karl Raimund Popper) справедливо замечал, что проблемы общественных наук до сих пор решаются эссенциалистскими методами. В этом заключается одна из главных причин их отсталости. В этом кроются особые трудности для социологов, ибо «сфера его исследований пребывает в постоянном движении. Область общественной жизни, всецело охваченная потоком истории, не имеет устойчивой сущности» [2]. Проблемы ксенофобии могут ставиться только в вероятностном, парадигмальном ключе.

С точки зрения номинативного вероятностного подхода, феномен ксенофобии держится на двух опорных смыслах: *xenos* – чужие, посторонние, иностранцы, и *phobos* – страх, неприязнь, ненависть. Феномен ксенофобии стар, как мир человеческих отношений, но в своем номинативном своеобразии, как нам представляется, он впервые фиксируется в книге Ездры Ветхого Завета. В библейской притче о попрании Древнего Закона идет речь о кризисе племенных норм и представлений у древних евреев [3].

Первая фиксация фобии и, очевидно, самого этого понятия в литературе относится к 1617 г. и отмечена в Англии. Новое время со своими социальными и психологическими сюжетами лишь немного уступает коллизиям нашего времени. Слово «фобия» появляется через тринадцать лет после постановки шекспировского «Гамлета» в лондонском «Глобусе» и за тридцать лет до начала Английской буржуазной революции. Разгон парламента, Кромвель, казнь короля, подавление ирландского сопротивления, пуритане... Нервы и чувства были напряжены до предела!

Первые классификации фобий и начало их систематического изучения относятся к 1871 г., когда немецкий психиатр Карл Вестфаль (Westphal Karl Friedrich Otto) описал одну из самых популярных фобий – агрофобию (боязнь открытых пространств). К 1914 г. американский психиатр Грэнвилл Стэнли Холл (Hall, Granville Stanley) насчитал 135 видов фобий. Современные западные справочники обнаруживают свыше 400 фобий. Психологи отмечают, что фобии резко проявляются изолированно от других невротических навязчивых состояний, они, как правило, выступают в пучке, комплексе, представляя собой фобический синдром. Практически все особенности фобического синдрома, его бивалентный и даже амбивалентный характер соответствует синдрому ксенофобии, с той лишь разницей, что психологическое протекание процесса ксенофобии с разной степенью выраженности носит не столько индивидуальный, сколько коллективный, групповой или массовый характер

и, следовательно, имеет мотивировку. Очень часто уровень критики ксенофобических представлений опускается до низшей точки, переходя в прямую агрессию [4].

Границы ксенофобии достаточно размыты, возможна их интерференция с хорошо знакомыми феноменами, например с антисемитизмом. Ксенофобия легко связывается с конспирологией, со шпиономанией, страхом перед всяческими заговорами. В плане социальной практики и борьбы за раздел власти, т. е. политики, это страх перед иностранцами [5].

Но что такое чужое? Кто такие иностранцы? В пределах нынешней культуры (забудем на некоторое время о прошлом) это меньше всего иностранцы по паспорту и совсем не те, кто живет за границей. Между тем «чужое» всегда предстает как «малопонятное», «затемненное», «умышленно мистифицированное».

Можно ли квалифицировать как ксенофобию ненависть к врагу, который очевиден и чьи намерения понятны? Иначе говоря, может ли считаться фобией страх перед реальной опасностью? Нет, потому что это адекватная реакция, она подтверждается не только внешней установкой, но и опытом. Ненависть к врагу является вполне закономерным чувством, но для того чтобы появилась фобия, образ врага должен быть сильно обработан воображением.

Принято считать, что понятие «ксенофобия» стали употреблять в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. во Франкфуртской социологической школе М. Хоркхаймера, Э. Фромма и М. В. Адорно [5].

Франкфуртская школа связывала это понятие не столько с психологической патологией, сколько с возникновением феномена «авторитарной личности» и с типом социальной организации, которая в социологии получила название «общность».

Созданная по естественно-органическим законам социальная группа типа «общность», как правило, авторитарна и патрицентрична. Состояния ксенофобии (страх, подозрительность, агрессивное противостояние окружающим) возникают тогда, когда связи «спянные кровью», оказываются не-

достаточными, когда «вождь-отец» теряет авторитет или физическую силу; когда слабеют естественные родовые законы и необходимо прибегать к силовым механическим методам, восстанавливающим статус с консолидацией [6]. Что же приходит на смену распадающейся целостности, «холизму» группы, основанных на естественных связях? Прежде всего, личный интерес, который и выделяет индивидуальность из целостного коллектива, тогда все или многие начинают ощущать себя индивидуальностями, строя свое поведение на социальном или экономическом интересе. Так разрушается «общность», но так возникает «общество». Как правило, в этот период появляется персонаж, выполняющий роль дублера «отца», своего рода эрзац племенного вождя считает Эдвард Шилз (Edward Shils) [6].

Эрих Фромм (Erich Seligmann Fromm) тесно связывал феномен ксенофобии с садистским характером. «Садистский характер боится всего, что ненадежно и непредсказуемо, – пишет Эрих Фромм, – обещает неожиданности, которые потребуют от него нестандартных поступков и решений. И потому, он боится самой жизни. Садистский характер поведения человека всегда связан с ксенофобией и неопобией – все чужое, новое представляет для него интерес, но в то же время вызывает страх» [7].

Ксенофобия достаточно легко внушается лицам и группам, ей подверженным, однако столь же легко, подчас спонтанно, переоценивается. В противном случае она переходит в систему целенаправленных действий – в политику. Степень подверженности ксенофобии зависит от многих личных и общественных обстоятельств. Известно, что консолидация фиксируется в группе прежде всего тогда, когда группе в формах общности грозит опасность. В данном случае не так уж важно, подлинная это опасность или мнимая. Опасность должна персонифицироваться в личности или социальной группе. Известно, что система лучше всего испытывается в противопоставлении другой системе, однако «система» – абстрактное понятие, а ксенофоб мыслит конкретно и образно. Поэтому системе придается характер лица, персоны.

Персонализация приобретает исключительно негативную окраску. Чаще всего такая характеристика совпадает с национальными или этническими чертами. Под этническими характеристиками понимают исторически-реальные, а также вымышленные и фантастические.

Причин войн много, и обсуждение их всегда сопровождается дискуссией. Здесь интересны замечания П.А. Сорокина – они содержат в себе возможности психологических и социологических интерпретаций. П.А. Сорокин пишет: «Войны возникают или увеличиваются, когда ослабевает единство в освоении высших ценностей» [8]. Это происходит, по мнению П.А. Сорокина, тогда, когда группы вступают в контакт, «прямые и постоянные сношения». «Сношения реально обнаруживают несовместимость противоположных ценностей, что ясно наблюдалось в древние и более недавние времена».

Ксенофобический синдром указывает на дискомфорт и внутреннюю конфликтность человека. Границы этого конфликта могут происходить не только между территориями и народами, общностями и обществами, но и внутри душевного пространства, расщепляя его цельность. Между тем, человек по своей антропологической природе стремится к целостности. Будучи целостным, он тяготеет к семье, группе, этнической и профессиональной идентичности. Однако социальная действительность неизбежно эту целостность нарушает и требует множественности ролей, типов и стилей поведения. Состояния многих людей балансируют на грани «быть в пределах» и «выйти из пределов», «объединиться» и вместе с тем «разъединиться». Отсюда ошибки, неврозы, чувство заброшенности и невозможности самоактуализации и самоидентификации. И здесь возникают первые импульсы к ксенофобическому синдрому.

Общество сегодня переживает кризис основных связей и структурных опор – это утверждение стало общим местом и само по себе не вызывает сомнения. Вопрос в том, как социальный кризис изменяет сознание, мутирует его. Какие исследованные признаки общества исчезают (возможно, отмирают), а

какие, напротив того, появляются? В связи с этим возникает ряд гипотез.

Основная гипотеза: это кризис общества, основанного на многочисленных формах единства: от единства ментальности и единства судьбы, до признания кровнородственной нерасторжимости. Это общество, аналогичное племени, создало государство, основанное на органических племенных законах. По известному определению: государство – это племя, у которого есть пушки. Отсюда и характер кризиса общественного сознания и его медленного, часто мучительного изменения – это кризис трибализма (от *tribe* – племя) [2].

Кризис трибализма и коллективизма особенно сильно отложился на самосознании молодежи. Сегодня это вовсе не однородная и устойчивая социальная страта, какой она казалась сравнительно недавно. Напротив, это достаточно индивидуализированный и даже автономизированный феномен, с ослабленными социальными скрепами, с отсутствием лидерства и влиятельной идеологии. В такой же степени отсутствием даже приблизительной однородности отличается студенчество. Каждый единичный представитель современного студенчества считает себя членом некоей консорции, т. е. социальной группы с единой судьбой. Здесь даже возраст становится номинальной условностью, а не психологическим, социальным или социокультурным референтом.

Следующая гипотеза – это прямая зависимость между этническим идентитентом и ксенофобией. И то, и другое, как мы считаем, является производной от кризиса племенного сознания.

Этническое чувство начинает вытеснять все остальные формы социального самоутверждения: ролевые, статусные, профессиональные, региональные. Причем это именно чувство, не имеющее отчетливых логических понятий и представлений.

И, наконец, третья гипотеза, в какой-то степени объединяющая две предыдущие и выходящая на новый уровень осмысления ксенофобии. Она связывает ксенофобию с «глобальной деколонизацией», борьбой за мультирасовое общество, повсеместное при-

знание гражданских прав, главенство принципа суверенитета человека от его личных свойств и убеждений, характерного для многоликого и многослойного универсального процесса постмодернизации мира, который, в свою очередь, порождает феномен сетевой культуры, проявляющийся в новых формах социальной организации и психологии [9].

Оценивая ксенофобию как общественную девиацию, мы, тем не менее, не склонны давать ей моральную оценку. Во-первых, потому что мораль – не наша область. Во-вторых, потому что не знаем, что такое нормальное развитие общества. Во всяком случае, развитие человеческого общества давало гораздо большее количество девиаций, нежели разумных, основанных на нравственных целях направлений. В-третьих, потому что ксенофобия аналогична фобии, т. е. неврозу, а это болезнь, соответственно она имеет естественно-физическую основу.

Различные признаки ксенофобии встречаются часто, однако подлинная «целостная и комплексная» ксенофобия – явление достаточно редкое. Подлинная ксенофобия возникает в результате сложного исторического кумулятивного процесса. Вспышки ксенофобии в России переживались тяжело, и их последствия ощущались достаточно долго. Достаточно часто встречается симуляция или имитация ксенофобии, которая может носить как комический, так и трагический характер. И симуляция, и имитация широко используются в многочисленных националистических, патриотических и патриоцентрических движениях. Однако следует отметить, что ксенофобический синдром толпы, ставшей коллективным реципиентом ксенофобических импульсов, может быть вполне подменным.

Проявления ксенофобии разнородны и многочисленны. Выделим две основные социально-психологические и социокультурные доминанты, которые позволяют классифицировать проявления ксенофобических тенденций [10]. Ксенофобия символической доминанты, существующая на «идеациональном» (в понятиях П.А. Сорокина) уровне [11].

Ксенофобия социально-прагматической доминанты, к ним относятся все виды изо-

ляций, депортаций, остракизмов, по признаку иррациональной чуждости и опасности [12].

В заключение, не претендуя на полноту и окончательность обобщений, выделим ряд существенно важных аспектов, определяющих социально-психологический феномен ксенофобии:

- ксенофобия – социальное явление, ядро которого содержит нервно-психологическое напряжение. Это напряжение выражается в страхе, ненависти, подозрительности, скрытой или открытой агрессии по отношению к тем, кого в данной общности считают «чужим», «не своим», «иноверцем», «инородцем» и т. д.;

- ксенофобия порождается социальным кризисом общества или социальной группы, с которой в той или иной степени интериоризируется личность;

- одной из наиболее распространенных форм ксенофобии является агрессивно-неприятное отношение к лицам иной национальности, этнической группе;

- ксенофобия исторически обусловлена. Стереотип восприятия «чужого» вырабатывается годами, десятилетиями, иногда – веками. Очень редко основывается на личном опыте;

- ксенофобия обладает в разных сочетаниях и пропорциях остаточными, социально-мотивированными и ситуативно-возобновляемыми потенциями;

- ксенофобия присуща представителям замкнутых (или полужамкнутых) социальных групп, которые в данный момент под влиянием тех или иных социальных обстоятельств переживают кризис и которым угрожает потеря социального статуса, социальной значимости и престижа;

- ксенофобией страдают лица, ориентированные этноцентрически и патриоцентрически;

- противоположным полюсом ксенофобии является мизопатия – отрицание всего отечественного, всего, что связано с этнической культурой.

Сегодня в России идеология конформизма приобретает все более тонкие черты. Вместе с тем, в обществе подспудно идет

поиск новых форм коллективности, которые обеспечили бы человеку и его близким большую комфортность в повседневной жизни.

Библиографический список

1. Смелзер, Н. Социология. Пер. с англ. / Н. Смелзер. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
2. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона / К. Поппер. – М.: Феникс, 1992. – 487 с.
3. Князев, А. Ветхий Завет / А. Князев // Исторические книги (машинопись). – Париж, 1952. – С. 500–512.
4. Косидовский, З. Библейские сказания / З. Косидовский. – Милан–Москва: Христианская Россия, 1992. – 482 с.
5. Дугин, А.Г. Конспирология. Монография / А.Г. Дугин. – М.: Арктогея, 1993. – 131 с.
6. Sociological research method. <http://www.sagepub.com/isw6/articles/ch3roth.pdf>.
7. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности. пер. с англ. / Э. Фромм. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
8. Сорокин, П.А. Причины войн и условия мира / П.А. Сорокин // Социологические исследования. – 1993. – № 12.
9. Российские стратегические исследования, под ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Логос, 2002. – 192 с.
10. Лотман, Ю.М. Статьи по типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Тарту: Тартуский государственный университет, 1970. – 109, 48 с.
11. О неврозах. Дифференциальная диагностика нервных болезней: Руководство для врачей / Под редакцией Г. А. Акимова и М. М. Одинака. – СПб.: Гиппократ, 2001. – 664 с.
12. Длин, Н.А. Россия и мировое сообщество: Запад и Восток / Н.А. Длин. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. – 406 с.

SOCIAL-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE PHENOMENON OF XENOPHOBIA

Tihvinsky P.N., Senior Lecturer MSFU

caf-phil@mgul.ac.ru

Moscow State Forest University (MSFU), 1 st, Institutskaya st.1, 141005, Mytischki, Moscow reg., Russia

In the nature, xenophobia is a natural fear of the unknown, as a rule, under conditions of information isolation of large and small social groups among others who do not know the customs and traditions of the people. So it is a view of the barbaric customs of these «strangers», sometimes false rumors are artificially spread. There is an assumption about the current practice of intentional cultivation of xenophobia as a proven method of managing a group of persons (scale and the situation may vary). Principle of the common idea (creation of «enemy image», inciting hatred, xenophobia, against anyone) to achieve their sometimes seemingly non-obvious purposes. There is also an unconscious feeling heritage continuing from one generation to another; it can be mounted in oral sources, written sources, such as folklore and myths, sacred books, and other sources. Very often the xenophobia causes aggressive nationalism and extremism in the modern society, including the Russian one. It provokes and exacerbates social tensions and is a powerful factor in the growth of violence and crime. Currently xenophobia in the Russian society has become a clear threat to the individual, society and the state, although until recently there was no awareness of xenophobia and ethnic intolerance as significant threats to sustainable socio-political development of the country. A public consensus on the main directions and specific measures that would counter the threat posed by xenophobia has not been achieved, and there is a lack of a systematic research into the causes of this phenomenon. Selecting objects of hatred is very diverse, there are people and social groups who do not like Russian, African, Azerbaijanis, Jews or Americans. According to the Russian sociologist Lev Gudkov, in our country, the probability of xenophobic conflict is 75–80 %, so the average xenophobe may elect as its object of hatred «the black» and Jews, and Chinese, and Peruvians, representatives of different subcultures, sexual minorities. He needs only one fact – the person is a stranger (dissenting). In this article, the author examines the social and psychological aspects of xenophobia and its manifestations in the context of philosophical reflection.

Keywords: xenophobia, nationalism, extremism, ethnic intolerance, social consensus, the Russian society, the social and psychological aspects.

References

1. Smelzer N. *Sotsiologiya. Per. s angl.* [Sociology. Translation from English]. Moscow: Feniks, 1994. 688 p.
2. Popper K. *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi* [The Open Society and Its Enemies], T. 1. *Chary Platona* [Vol. 1. Charms of Plato]. Moscow: Feniks, 1992. 487 p.
3. Knyazev A., prot. *Vetkhyy Zavet. Istoricheskiye knigi (mashinopis')* [The Old Testament. Historical books (typescript)]. Paris, 1952.
4. Kosidovskiy Z. *Bibleyskiye skazaniya* [Bible legends] Milan–Moscow: Khristianskaya Rossiya, 1992. 482 p.
5. Dugin A.G. *Konspirologiya. Monografiya* [Conspirology. Monograph]. Moscow: Arctogeya, 1993. 131 p.
6. Sociological research method. <http://www.sagepub.com/isw6/articles/ch3roth.pdf>.
7. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti. Per. s angl. Avtorskaya vstupitel'naya stat'ya P.S. Gurevicha* [Anatomy of human destructiveness. Translated from English. Author's opening chapter P.S. Gurevich]. Moscow: Respublika, 1994. 447 p.
8. Sorokin P.A. *Prichiny voyn i usloviya mira. Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Causes of war and peace terms. Sociological studies]. 1993. № 12.
9. *Rossiyskiye strategicheskiye issledovaniya* [Russian strategic research]. Moscow: Logos, 2002. 192 p.
10. Lotman Y.M. *Tipologii kul'tury. Stat'i* [Typology of culture. Articles]. Tartu, 1970.
11. *O nevrozakh. Differentsial'naya diagnostika nervnykh bolezney: Rukovodstvo dlya vrachey* [About neuroses. Differential diagnosis of neurological diseases: a guide for doctors]. Saint-Petersburg: Gippokrat, 2001. 664 p.
12. Dlin N.A. *Rossiya i mirovoye soobshchestvo: Zapad i Vostok* [Russia and the world community: West and East]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2001. 406 p.

О ПЕРВЫХ ЭТАПАХ ИЗУЧЕНИЯ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ГОГОЛЯ И НАУЧНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Е.Г. ПАДЕРИНА, *ст. науч. сотр. Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, проф. каф. русского языка и литературы МГУЛ, д-р. филол. наук*

kbogan@yandex.ru

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ИМЛИ)
121069, Поварская 25а, Москва, Россия

По разным причинам знания о творчестве Гоголя-драматурга накапливаются неритмично, и разные научные аспекты (творческая биография, история создания отдельных пьес, поэтика и т.п.) изучаются неравномерно. Время от времени предпринимаются попытки систематизировать факты и резюмировать достигнутое знание. Актуальность обзорных научных описаний повышается со сменой идеологических ориентиров, поскольку речь идет о классике отечественной литературы и театра, признанном сатирике и обличителе пороков. В статье рассмотрены основные виды научных описаний гоголевского драматургического творчества, решаемые ими задачи (академические, просветительские, отчетные) и позитивные стороны. Особое внимание уделено первым периодам системного изучения гоголевской драматургии, когда определились основные направления, цели и задачи. Важную роль в систематизации научного знания о творчестве классика играют академические издательские проекты. На первых этапах они носили монографический характер, а потому образовывали единую концепцию творческих достижений Гоголя-драматурга. Многие реальные достижения первых этапов системного подхода в данном сегменте гоголеведения не были учтены в дальнейшем. В то же время, отдельные предварительные толкования позднее утвердились и стали стереотипами, тормозящими научное развитие. Особенно прочно укоренилось стереотипное восприятие Гоголя как автора одного шедевра («Ревизор»), написавшего еще несколько небольших бытовых комедий. Нарушения научной преемственности требуют коррекции. Намеченные на начальных этапах изучения драматургии Гоголя цели до сих пор не достигнуты, и даже не все завершённые пьесы исследованы. Перед нами стоит та же задача: сформировать полную и непротиворечивую научную концепцию драматургического наследия Гоголя. Поэтому важна ревизия всего имеющегося знания и возвращение забытого, начатое в данной статье.

Ключевые слова: Гоголь, драматургия, комедии, драматургический язык, жанровые поиски, научное описание, текстология, комментирование.

Гоголь написал не так много пьес: три комедии («Ревизор», «Женитьба», «Игроки»), четыре драматических отрывка («Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывок»), программный «Театральный разъезд», в определении жанра которого гоголеведение до сих пор не обрело единодушия, но в содержательной весомости никто не сомневается, и драматическую сцену «Развязка Ревизора», балансирующую без малого 170 лет на грани признания ее ошибкой гения. И в этой части гоголевского наследия, то есть в совокупности завершённых пьес, скрыты парадоксы, не получившие пока объяснения. Так, например, не определено место «Ревизора» (вершины творчества комедиографа) в становлении драматургического языка Гоголя [1]. Между тем, ясного представления о феноменологии драматургического мышления Гоголя невозможно сформировать без концептуального освоения всех драматических его замыслов, а задумано Гоголем было существенно больше, чем завершено. Многие задуманные сюжеты не получили завершённой формы, а часть задуманного была позднее переработана так серьезно, что

первоначальный замысел сохранил только условную связь с окончательным произведением. Такие пьесы, как «Женитьба» и «Игроки», были созданы Гоголем по истечении 7–8 лет обдумывания и черновой работы; начатые до возникновения идеи «Ревизора» и «Мертвых душ», они обрели окончательный вид (удовлетворяющую автора художественную идею) уже после издания названных шедевров. Это, безусловно, затрудняет описание творческого наследия драматурга, прежде всего в хронологическом аспекте.

Драматургическое наследие Гоголя, как и всякое другое литературное наследие, изучается в трех аспектах – биографическом, текстологическом и поэтологическом. Поскольку эти направления тесно связаны между собой, зависят одно от другого, постольку в общем наращивании научного знания то одно, то другое направление гоголеведения выдвигается вперед и для опоры, а тем более для обеспечения концептуальной полноты (не только окончательной, но и относительной) вынуждено «поджидать» результаты развития двух других исследовательских аспектов. Кроме этих,

общих, закономерностей в развитии гоголеведения свою роль, хотя и не главенствующую, сыграл и унаследованный нами небольшой (а в отношении некоторых замыслов – откровенно скудный) объем фактических данных о творческой лаборатории Гоголя-драматурга, а также реформаторский потенциал его пьес.

В результате перед нами по-прежнему стоит тот же круг задач, что и в начале пути:

1. Рассмотрение поэтики Гоголя-драматурга в совокупности завершенных пьес.

2. Аналитическое обозрение всего корпуса драматических текстов (в том числе черновых) и построение творческого пути драматурга в хронологии замыслов и становления каждой пьесы как художественного целого.

3. Построение полной творческой биографии Гоголя, особым сегментом которой выступает драматургия.

Попытки решить эти задачи предпринимались неоднократно, зачастую они создавали ощущение окончательного решения поставленных целей, но приходится констатировать, что этот вектор гоголеведения далеко не всегда был развивающимся. Отчасти это связано с тем, что нарушался определяющий научное развитие принцип преемственности. Поэтому мы считаем целесообразным вернуться к начальным этапам формирования общей концепции драматического творчества классика.

Для начала рассмотрим виды обзорных научных описаний гоголевского наследия вообще и драматургического в частности.

Научные обзоры творчества (целиком или сегментированного) классика по определению должны удовлетворять требованию концептуальной полноты освещения избранного аспекта. В интересующем нас плане выделяются аналитические описания гоголевских комедий, всех завершенных пьес, всех драматических текстов (включая незавершенные и черновые редакции завершенных) или, наконец, всего творческого наследия. Требование относительной полноты само по себе является следствием уверенности в достаточном для этого объеме знания, а эта уверенность может сформироваться в недрах научного сознания, а может носить директивный характер. Это значит, что научные обзоры фактически отвечают

на тот или иной запрос, лишь одним из которых является имманентная развитию научной мысли задача.

Основную роль в наращивании устойчивого знания и интенсификации научного процесса играет, безусловно, академическое гоголеведение, то есть методичное «кабинетное» изучение всего наследия, накопление данных, поступательное продвижение к полной и непротиворечивой концепции. Основным побудительным фактором экспликации аналитических выводов является достаточный объем сведений о своеобразии мышления драматурга, об общем и частном в комедиях, всех пьесах, творчестве в целом (общее в драматургии и прозе, специфическое в драматургии), об истории создания каждой пьесы, последовательности возникновения замыслов и о поступательной реализации этих замыслов или части из них. Кроме аналитического описания и резюмирования наличного знания, важным компонентом таких концепций выступает знание о недостающих фактах, документах, описаниях и т. п. и соответственно возможность (как правило, реализованная) сформулировать стратегические и насущные научные задачи, указать на перспективные направления в научном освоении общей проблемы составления полной творческой биографии классика.

Важную, хотя и дополнительную в движении научной мысли, роль играет просветительский и образовательный вектор, формирующий концепцию предварительного, по сути, характера, основанную на доступном (понятном, понятном) сегменте академического знания о драматическом творчестве Гоголя. Соответствующие концепции тоже, как и фундаментальная наука, указывают (кроме резюмирования наличных данных) на лакуны в освоении творческого наследия. Однако и достигнутое, и искомое знание они представляют в очищенном от «излишних» подробностей виде. Такая редукция свойственна не только окончательному виду просветительской концепции, но в определенной мере и предварительному этапу, что зачастую приводит к формированию неожиданных, но перспективных гипотез и прогнозов.

Наконец, третьей и наиболее распространенной формой концептуальных обзоров драматургического творчества Гоголя являются – «юбилейные» обзоры, которые не только резюмируют, но и в определенном смысле ревизуют научные достижения гоголеведения, в частности, отвечая на публичный и массовый запрос.

Необходимо учитывать, что такого рода запрос (публичный) обязательно смещает акценты в понимании классического наследия как таковом. Если в поступательном наращивании научного знания статус классика индексирует, прежде всего, качество самого наследия (значительность, глубину, художественную ценность и т. п. и отсюда – неисчерпаемость), то в юбилейном аспекте – превалирует ответственность потомков перед классиком и, как следствие, – номенклатурно-политический и народно-хозяйственный оттенки: научный обзор в таком случае представляет собой отчет и одновременно своеобразную выставку достижений в изучении классика, что, разумеется, исключает признание в том, что еще многое и многое требует внимания, усилий и пр., прежде чем мы приблизимся к адекватному пониманию написанного. В отношении классика театра (а театр является общественной кафедрой, что было отмечено еще самим Гоголем и всегда ощущалось властью, особенно жестко цензурирующей именно театральную литературу) ответственность ученых «перед народом» увеличивается в разы. В эпохи перемен, кроме того, «к ответу» призывается и сам классик, личность и творческое наследие которого подвергается ревизии с точки зрения соответствия статусу и/или современности. А Гоголь был признан классиком при жизни и сам испытал на себе соответствующее этому давлению, выраженное в различных «законных» требованиях читателей, зрителей, критиков и друзей, обращенных к нему как автору и к его произведениям. По смерти писателя такое давление, сочетающее идеологический запрос времени и изменения массового художественного вкуса, испытывало его наследие, что наиболее внятно проявилось в юбилейные годы. Разумеется, эта закономерная тенденция повлияла и на восприятие, и на научное освоение драматургического наследия Гоголя.

Обратимся к первому этапу изучения драматургического творчества Гоголя и посмотрим на то, какие основные методологические принципы закладывались и какие перспективные научные задачи ставились.

Первым обобщением идейного содержания завершенных пьес Гоголя стала статья профессора Московского университета О.Ф. Миллера «Область отрожденной личности», посвященная 50-летию написания и постановки «Ревизора» [2]. Обобщая творческие достижения Гоголя-комедиографа, Миллер сосредоточился на сатирическом пафосе классика. Его статья представляет собой интерпретацию общего для всего корпуса гоголевских комедий образа действительности как погрязшей в мирских и суетных заботах, «отрожденной» от христианского «мира» «области» жизни, полной человеческих пороков, достигших и большей силы, и большей власти над людьми за счет «кооперации». По сути, это критика гоголевских комедийных персонажей, приписанная Миллером целиком авторскому взгляду. В этом плане юбилейный обзор был сделан в русле общего восприятия гоголевского наследия к концу XIX века. В это время наиболее востребованным был критический пафос классика, а театральная культура переживала кризисное состояние. Тем не менее, общая просветительская модальность статьи (с публицистическими и дидактическими мотивами) не помешала Миллеру в качестве смыслового ядра своей концепции избрать «Развязку Ревизора», в которой он усмотрел гоголевское обобщение мотива «услужливой совести». Это представляется важным, поскольку «Развязка...» вместе с «Выбранными местами из переписки с друзьями» составляла одиозный пункт творческой биографии Гоголя еще при его жизни, и как до Миллера, так и много лет после не включалась в научные концепции, будучи критикуемая исключительно с идеологических позиций. Кроме того, следует отметить филологическое оснащение обзора сведениями об общих мотивах, коллизиях, литературных связях. В частности, уже Миллером были отмечены следующие, в дальнейшем повторенные гоголеведами без ссылок или заново открытые наблюдения: 1) общий мотив тяж-

бы, по-разному развернувшийся в «Повести о том, как поссорились...» (спор ради спора как «искусство ради искусства») и в «Тяжбе» («с поползновением на кусок», то есть с корыстной целью; 2) аналогичные коллизии мнимого союза и мнимого успеха в «Ревизоре» и «Игроках»; 3) одинаковое стремление к «просвещению» Хлестакова и Ихарева; 4) мотив «делового безделья» в «Утре делового человека» и литературная параллель к нему в образе Молчалина у Грибоедова; 5) литературная параллель между героинями «Отрывка» и «Горе от ума». Кроме этого Миллер вычленил два объекта комедийной критики Гоголя – житейское плутовство и чиновно-бюрократическое, в последнем случае денежная нажива заменяется или опосредуется чинами и знаками отличия [2].

Основы системного анализа всего драматургического наследия Гоголя были заложены академиком Н.С. Тихонравовым. Приступив в 1885 г. к изучению гоголевских рукописей, Тихонравов в 1890 г. опубликовал в журнале «Артист» (№ 5) первую концепцию эволюционного развития комедийных замыслов Гоголя с привлечением сведений о черновых редакциях комедий и комических сцен [3]. Но статья не охватывает и всего комедийного наследия Гоголя, в следующих номерах должно было быть опубликовано ее продолжение, но по неизвестным причинам этого не случилось. В то же время Тихонравов выступил текстологом и редактором-составителем 10-го издания Собрания сочинений классика русской литературы [4]. Опыт текстологического исследования и подготовки всего, известного на тот момент, рукописного наследия Гоголя принес значительные для науки результаты. В числе прочего это касается и драматического творчества Гоголя. В основе подготовленного им к изданию и описанного в примечаниях корпуса драматических текстов лежит первая научная историко-литературная концепция драматургии Гоголя, а в ее основу, в свою очередь, положено изучение всех черновых материалов драматического типа, с одной стороны, и установление системных связей с творческой биографией автора в целом, с другой. В результате предложенная Тихонравовым дати-

ровка каждого автографа в большинстве случаев подтверждается последующими изысканиями, а общая согласованность данных о творческих историях отдельных произведений позволяет эксплицировать представление ученого о творческой эволюции драматурга. Подчеркнем при этом, что в своих выводах и предположениях Тихонравов осознанно не претендовал на окончательность, и вместе с его наблюдениями и обширной на тот момент фактической базой его концепция носит характер предварительной, но прочной базы для последующих изысканий.

Тихонравов успел выпустить первые пять томов издания в 1889 году, скоропостижно скончавшись 27 ноября 1893 г., но подготовил все или почти все тексты, вошедшие в шестой и седьмой тома, вышедшие под редакцией В.И. Шенрока в 1896 г. [5]. Издание готовилось и выходило из печати не в строгой последовательности томов [6], и в нем нет четкого композиционного членения на прозаические, драматические, публицистические и проч. произведения. Это затруднило восприятие научной концепции ученых в целом, а дискретная форма спровоцировала дробность наследования заложенной научной традиции, обращение к ней как к сумме частных суждений. Роль В.И. Шенрока в завершении издательского проекта тоже весома. Он, в частности, разобрал тихонравовские рукописи и рабочие материалы, сверил подготовленные тексты с гоголевскими автографами, уточнил многие эдичионные решения и конкретные чтения трудно разбираемых мест, составил недостающие комментарии, а также – и это тоже важно – подготовил полный справочный аппарат ко всему изданию в виде именных и предметных указателей, хронологической канвы творческой биографии классика и пр. Словом, Шенрок за сравнительно короткий срок должен был освоить, и систематически освоить, весь объем концептуальных суждений, текстологических наблюдений и выводов о творчестве Гоголя (и, разумеется, драматургии), принадлежащих Тихонравову, чтобы в двух последних томах апеллировать к этому достигнутому рубежу, а отчасти – и оппонировать тем или иным выводам предшественни-

ка. Кроме этого необходимо указать на четыре тома составленной за эти же годы (1892–1897) Шенроком подробной творческой биографии Гоголя [7], сочетающей историко-биографический и историко-литературный аспекты, а также сравнительно типологический компонент и комментарий, и историко-биографического описания; в это историко-биографическое повествование включены и творческие истории драматических замыслов Гоголя.

Таким образом, на заложенных Тихонравовым методологических основаниях изучения гоголевского наследия выросла первая попытка осмыслить *перспективы изучения драматургического творчества Гоголя*, принадлежащая В.И. Шенроку; это опубликованное в 1892 году в журнале «Артист» обширное исследование «Драматические произведения Гоголя (Заметки и наблюдения)» [8]. Если Тихонравов как гоголевед выступил по преимуществу с позиций текстолога и историка литературы, то Шенрок в своей статье – с позиций филолога и текстолога. Подчеркнув, что «вполне обстоятельные примечания к сочинениям Гоголя академика Н.С.Тихонравова» не могут быть исчерпывающими, потому что налицо «недостаток волне точных хронологических данных о том, в какой последовательности и как именно создавались и обрабатывались они («драматические произведения». – *Е.П.*) автором» [5], Шенрок указал на несколько важных научных аспектов дальнейшего изучения драматургии Гоголя, которые могли бы до некоторой степени компенсировать такое положение дел с фактическими данными. Указанные Шенроком возможности до сих пор актуальны и далеко не исчерпаны; к ним относятся: 1) исследование «последовательности в появлении в разных произведениях Гоголя одинаковых или сходных образов, преимущественно занимавших в тот или иной период его творческую фантазию»; 2) пристальный «пересмотр материалов для заимствованных им сюжетов»; 3) привлечение и внимательное изучение черновых материалов, в том числе «первоначальных отрывочных набросков, которые сохранились в записных книжках автора» [8].

Как филолог Шенрок сформулировал основной «фокус» гоголевской комедийной

интриги: комическое положение героев «создается не внешними условиями и не одной только в них комической стороной», «они (герои. – *Е.П.*) сами ставят себя в него беспрепятственно какими-нибудь нелепыми поступками и соображениями» (в качестве иллюстрации своей мысли Шенрок приводит параллель коллизий Городничего и Ихарева) [8].

Таким образом, на первом этапе изучения гоголевской драматургии были заложены научные основы для построения эволюционной концепции драматургического наследия Гоголя (Тихонравов), основы концепции комедиографической поэтики (Миллер и Шенрок), а также намечены перспективы изучения творческой биографии драматурга, связанные, с одной стороны, с наджанровой общностью художественного интереса автора к определенным темам, характерам, ситуациям, мотивам, с другой стороны – с автографической историей становления замысла драматического типа (Шенрок).

Следующие попытки осмыслить комедиографическое и – шире – драматургическое наследие Гоголя были предприняты в связи с пятидесятилетием со дня кончины классика, т. е. в 1902 г. Памятная дата отмечалась с чрезвычайным размахом, в том числе на театральных сценах страны были поставлены практически все гоголевские пьесы (включая «Театральный разъезд», не предназначенный Гоголем для сцены). Но изучение драматического творчества великого комедиографа не продвинулось далеко вперед. Это связано с теми же отмеченными тенденциями, только усилившимися к началу XX века. Так, известному историку литературы Николаю Котляревскому Гоголь казался «драматургом-бытописателем», в «Ревизоре» не хватало сатирической остроты, «Женитьба» представлялась «первой по времени художественной “бытовой комедией”», а «Игроки» – мастерски инструментальным «анекдотом в лицах» [9]. Отметим характерное изменение понятий (например, художественной драматургии и художественной сатиры), запрос на более внятные формы социальной критики, и показательные оценки – снисходительная «Женитьбы» и уничижительная «Игроков».

Из обзорных статей о драматургии Гоголя только одна заслуживает внимания как решающая научные задачи, а именно статья Н. Бокардова «Комедии Гоголя» в известном юбилейном научном сборнике «Памяти Гоголя», изданном в Киеве Обществом Нестора-летописца [10]. Автор сосредоточил внимание только на трех гоголевских комедиях, а именно – на «Ревизоре», «Женитьбе» и «Игроках». Соответственно, обозреваемый им драматургический объем далек от полноты, но статья, тем не менее, представляет интерес. Прежде всего, Бокардов рассмотрел определенный сегмент гоголевской комедиографии (комедии с завершенной интригой) и первым охарактеризовал типы этих интриг в их отношении к традиции, кроме того, он представил типологическое описание идеологического ядра и авторского смеха в этих комедиях.

Большая часть статьи Бокардова представляет собой экспликацию критической идеи каждой из трех комедий и всех вместе, и предложенная трактовка авторской позиции Гоголя-комедиографа близка высказанной О. Миллером, хотя и не повторяет ее буквально и не ссылается на нее [10]. По сути дела, Бокардов так же, как и Миллер, очерчивает область «отрозненной» личности, которую Гоголь, по мнению автора, «видел в темных красках»; сообразно этому сформулированы и идеи трех гоголевских комедий: в «Ревизоре» «бесправный человек неизбежно клонится в своих стремлениях к глупости»; в «Женитьбе» – «ограниченному человеку не свойственны высокие идеалы; он способен лишь к пародии на идеал»; в «Игроках» – «бессовестный человек в самом себе несет мздовоздаяние. <...> Истинно умный человек есть честный человек» [10]. Новым в сравнении с предшественником в концепции Бокардова является впервые прозвучавшая уверенность в положительном пафосе гоголевской критики: «Гоголь отрицательным методом (*eductio ad absurdum*) провозгласил союз совести и ума, честности и образования, самоотвержения и гениальности» [10].

Что касается описания поэтики трех комедий, то Бокардов невольно шагнул назад относительно суждения Шенрока. «Он

(Гоголь. – *Е.П.*) взял целый ряд бесчестных людей, – пишет Бокардов, – и поставил их в комическое положение. Секрет построения комедии Гоголя в том, что каждый бесчестный человек поставлен у него в глупое положение» [10]. Между тем, это не собственно гоголевский, а традиционный «секрет» комедийной интриги сатирического типа; Шенрок же, повторим, первым акцентировал оригинальность Гоголя-комедиографа, указав, что гоголевские комедийные персонажи *сами ставят себя в неловкое и смешное положение*, хотя и невольно обманываясь (см. выше).

Давая типологическую характеристику интригам трех гоголевских комедий, Бокардов искал опору в традиционных видах, от которых, как теперь очевидно, Гоголь скорее отталкивался, используя их для миражного уровня («Ревизор» соотнесен в статье с комедией ошибок, «Женитьба» – с «комедией нравов и характеров», «Игроки» – с «комедией борьбы» французского образца [10]). Поэтому данная ученым характеристика носит сугубо предварительный характер, но имеющий, однако, ценность как первое приближение, а кроме того, устанавливающий важную параллель с французской драматургией гоголевской эпохи. Дело в том, что теоретическая концепция «французской драмы борьбы» была сформулирована в конце XIX в. [11] в большой степени под влиянием поэтики «хорошо сделанной пьесы» Э. Скриба. Во второй половине 1830-х годов комедии, водевили и мелодрамы Скриба были чрезвычайно популярны не только во Франции, но и в России, и в Италии, с которой в большей степени связаны театральные впечатления Гоголя – автора «Игроков». Основными признаками этого вида интриги является неведение зрителя о том, «к чему сведется действие», и нарастание зрительского любопытства, и в изощренном устройстве интриги «Игроков» мы вполне обосновано можем усмотреть определенную эстетическую и художественную полемику со Скрибом. Кроме этого к прогрессивным, без сомнения, суждениям Бокардова относится впервые прозвучавшая в научной литературе общая оценка «Игроков»: «Комедия “Игроки” достойна особенного внимания. Эта комедия менее известна, чем “Ре-

визор”. Но только при сопоставлении ее с «Ревизором» можно понять Гоголя» [10].

В том же научном издании, что и работа Бокардова, вышла еще одна статья – «Комедии Н.В. Гоголя в связи с развитием русской комедии и другими его произведениями» А.М. Лободы [12], ничего не прибавляющая к известному до нее и не выходящая за рамки юбилейной риторике. Мы упоминаем о ней как о первом случае; в дальнейшем такой тип научного пустословия получит достаточно широкое распространение в застойный советский период.

Вместе с тем, юбилейный 1902 год, не многое принеся в изучении драматического творчества Гоголя, отмечен общим продвижением гоголеведения. Из тех достижений, которые в последующем отразились на изучении гоголевской драматургии, следует отметить работу по установлению хронологии драматических замыслов. Результаты такой работы, скрытые от широкого читателя, в каждом отдельном случае лежат в основе редакторской концепции очередного издания собрания сочинений классика. Особо необходимо выделить в этом плане исследование А.И. Кирпичникова, результаты которых использованы им в комментариях к изданным под его редакцией гоголевским текстам [13], а также приведены в известной брошюре, посвященной темным местам гоголевской биографии [14]. Концепция Кирпичникова привлекла пристальное внимание ученого сообщества к проблеме соотношения замысла с биографическим контекстом (в том числе – выраженным в эпистолярном, мемуарном и прочих документах) и проблеме достоверности, фактической точности и т. п., привлекаемых в качестве источников мемуарных и эпистолярных данных.

Через десять лет собрание гоголевских сочинений (в 4 т.) под своей редакцией выпустил Н.И. Коробка, поместив в отдельный том все завершённые Гоголем пьесы и некоторые незавершённые и черновые драматические тексты [15]. Коробка серьезное внимание в своем текстологическом комментарии впервые отвел творческой истории «Женитьбы» [15] – самой запутанной и составившей без малого 10 лет авторской

работы. Ученый в целом двигался по стопам Тихонравова, но предложил новое текстологическое и эдиционное решение объективных сложностей научного исследования и издания гоголевских черновигов, образующих единый, но причудливый по своей конфигурации путь автора к созданию художественного произведения драматического типа. Вопрос о качественном (жанр, степень завершенности, стадии становления замысла и т. п.) составе драматургического наследия Гоголя по истечении 100 лет все еще сохраняет научную актуальность.

В дальнейшем гоголеведение продолжало накапливать знания о Гоголе-драматурге и двигаться к ясному представлению об оставленном им наследии, и все-таки намеченные на начальных этапах изучения драматургии Гоголя цели до сих пор не достигнуты, и даже не все завершённые пьесы исследованы. Перед нами стоит та же задача: сформировать полную и непротиворечивую научную концепцию драматургического наследия Гоголя. На этом основано наше убеждение в том, что необходима ревизия всего имеющегося знания и актуализация забытого, начатая в данной статье.

Библиографический список

1. Падерина, Е.Г. Современные проблемы изучения драматургии Н.В. Гоголя / Е.Г. Падерина // Феномен Гоголя. Под ред. М.Н. Виролайнен и А.А. Карпова. – СПб.: Петрополис, 2011. – С. 574–589.
2. Миллер, О.Ф. Область отрожденной личности (по поводу 50-летия «Ревизора») / О.Ф. Миллер // Исторический Вестник. – 1886. – Июнь. – С. 656–668.
3. Тихонравов, Н.С. М.С. Щепкин и Н.В. Гоголь / Н.С. Тихонравов // Артист. – 1890. – № 5. – С. 84–99.
4. Сочинения Н.В. Гоголя. – Изд. 10-е. – Т. 1–5 / Под ред. Н.И. Тихонравова. – М., 1889.
5. Сочинения Н.В. Гоголя. – Изд. 10-е. – Т. 6–7 / Под ред. В.И. Шенрока. – М.; СПб., 1896.
6. Шенрок, В.И. Н.С. Тихонравов как издатель сочинений Гоголя [Речь, произнесенная 13 марта 1894 г. в Обществе Любителей Российской Словесности.] / В.И. Шенрок // Памяти Николая Савича Тихонравова. – М., 1894. – С. 92–120.
7. Шенрок, В.И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 1–4 / В.И. Шенрок. – М., 1892–1897.
8. Шенрок, В.И. Драматические произведения Гоголя (Заметки и наблюдения) / В.И. Шенрок // Артист. – 1892. – № 20. – Февраль. – С. 72–89.
9. Котляревский, Н. Николай Васильевич Гоголь. 1829–1842. Очерк из истории русской повести и драмы / Н. Котляревский. – СПб., 1903. – С. 257–261.

10. Бокардов, Н.К. Комедии Гоголя (литературный этюд) / Н.К. Бокардов // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора-летописца / Под ред. Н.П. Дашкевича. – Киев, 1902. – С. 258–287.
11. Fagnet E. Drame ancient, drame moderne. Paris, 1898. P. 159–163.
12. Лобода, А.М. Комедии Н.В.Гоголя в связи с развитием русской комедии и другими его произведениями / А.М. Лобода // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца. / Под ред. Н.П. Дашкевича. – Киев, 1902. – С. 288–303.
13. Гоголь, Н.В. Собрание сочинений Т. II. / Н.В. Гоголь. Под ред. А.И. Кирпичникова. – М., 1902.
14. Кирпичников, А.И. Сомнения и противоречия в биографии Гоголя. Ч. I–II / А.И. Кирпичников. – Санкт-Петербург, 1901. – 50 с.
15. Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений. Т. IV: Комедии и драматические отрывки. / Н.В. Гоголь. – СПб., 1912.

ON THE FIRST STAGES OF STUDYING GOGOL'S DRAMATIC ART AND SCIENTIFIC CONTINUITY

Paderina E.G., Senior Researcher Institute of world literature RAS, Assoc. Prof. MSFU, Dr. Sci. (Philology)

kbogan@yandex.ru

Institute of world literature RAS, 121069, Moscow, Povarskaya 25a, Russia

For various reasons, knowledge about the works of Gogol as a dramatist does not accumulate continuously, and different scientific aspects (creative biography, history of individual plays, poetry, etc) have not been studied yet. From time to time attempts at systematization and summarization of the existing knowledge are being made. Relevance of the overview articles grows with the shift of ideological orientations, as he is a classic of Russian literature and theatre, an acclaimed satiric and exposé of prophets. This paper reviews general types of scientific descriptions of Gogol's dramaturgic work, their goals (academic, educational, reporting) and their positive sides. Special attention is given to early periods of systematic research of Gogol's playwrights when main directions and goals were formulated. Academic publishing projects play an important role in the systematization of existing scientific research of classic's works. At first they were more of a monographic type and thus formed a complete concept of creative achievements of Gogol's playwrights. Many actual achievements at the early stages of systematic research in this segment of studies of Gogol's works were not taken into account later. At the same time certain individual preliminary interpretations were later confirmed and became stereotypes, stagnating scientific growth. Stereotypical view of Gogol as the author of one masterpiece ("Inspector") and few minor domestic comedies, established itself especially strong. Such omissions in scientific succession require correction. Goals formulated at early stages of studying Gogol's playwrights have not yet been achieved, and even not all completed plays have been studied. We are facing the same task: to form a complete and non-contradictory scientific concept of Gogol's dramaturgic legacy. This is why the revision of all existing knowledge started in this paper is important.

Keywords: Gogol, dramaturgy, comedy, dramaturgical poetics, genre search, scientific description, textual criticism, comments.

Referenses

1. Paderina E.G. *Sovremennye problemy izucheniya dramaturgii N.V. Gogolya* [Modern problems of studying drama N.V. Gogol] *Fenomen Gogolya* [The Phenomenon of Gogol]. Saint-Petersburg, 2011, pp. 574–589.
2. Miller O.F. *Oblast' otroznennoy lichnosti (po povodu 50-letiya «Revizora»)* [Area outcast personality (on the occasion of 50th anniversary of «the Inspector»)] *Istoricheskiy Vestnik* [Historical Herald] 1886. June, pp. 656–668.
3. Tikhonravov N.S. *M.S. Shchepkin i N.V. Gogol'* [M.S. Sheprin and N.V. Gogol] *Artist*, 1890, no. 5, pp. 84–99.
4. *Sochineniya N.V. Gogolya*. [Works by N.V. Gogol]. Publ. 10. Vol 1-5. Ed. by N.S. Tikhonravov. Moscow, 1889.
5. *Sochineniya N.V. Gogolya*. [Works by N.V. Gogol]. Publ. 10. Vol. 6-7. Ed. by V.I. Shenrok. Moscow, 1896.
6. Shenrok V.I. *N.S. Tikhonravov kak izdatel' sochineniy Gogolya* [The Tikhonravov as the publisher of the works of Gogol (Speech delivered on March 13, 1894, in the Society of lovers of Russian Literature)] *Pamyati Nikolaya Savicha Tikhonravova* [In Memory Of Nikolai Savvich Tikhonravov]. Moscow, 1894, pp. 92–120.
7. Shenrok V.I. *Materialy dlya biografii Gogolya. T. 1–4* [Materials for a biography of Gogol]. Vol. 1–4. Moscow, 1892–1897.
8. Shenrok V.I. *Dramaticheskie proizvedeniya Gogolya (Zametki i nablyudeniya)* [Dramatic works of Gogol (Notes and observations)]. *Artist*, 1892, no. 20, pp. 72–89.
9. Kotlyarevskiy N. *Nikolay Vasil'evich Gogol'. 1829–1842. Ocherk iz istorii russkoy povesti i dramy* [Nikolai Vasil'evich Gogol. 1829-1842. Essay on the history of Russian novels and drama]. Saint-Petersburg, 1903, pp. 257–261.
10. Bokardov N.K. *Komedii Gogolya (literaturnyy etyud)* [Gogol's Comedy (literature study)] *Pamyati Gogolya*. Nauchno-literaturnyy sbornik, izdannyy Istoricheskim Obshchestvom Nestora-letopista [Memory Gogol. Scientific and literary collection, published by the Historical Society of Nestor the chronicler. Ed. by N.P. Dashkevich]. Kiev, 1902, pp. 258–287.
11. Fagnet E. Drame ancient, drame moderne. Paris, 1898, pp. 159–163.
12. Loboda A.M. *Komedii N.V. Gogolya v svyazi s razvitiem russkoy komedii i drugimi ego proizvedeniyami* [Comedy of N.V.Gogol in connection with the development of Russian Comedy and other works] *Pamyati Gogolya*. Nauchno-literaturnyy sbornik, izdannyy Istoricheskim obshchestvom Nestora-letopista [Memory Gogol. Scientific and literary collection, published by the Historical Society of Nestor the chronicler. Ed. by N.P. Dashkevich]. Kiev, 1902, pp. 258–287.
13. Gogol' N.V. *Sobranie sochineniyu T. II*. [Collected works]. Vol. 2, Moscow, 1902.
14. Kirpichnikov A.I. *Somneniya i protivorechiya v biografii Gogolya. Ch. I–II* [Doubts and contradictions in the biography of Gogol]. Vol. I-II. Saint-Petersburg, 1901.
15. Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochineniy. T. IV: Komedii i dramaticheskie otryvki* [The complete works. Vol. IV: Comedy and Drama passages]. Saint-Petersburg, 1912.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТЕВЫХ РЕСУРСОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ

Е.В. ТЕМНОВА, доц. каф. языковой подготовки МГУЛ, канд. филол. наук

caf-perevod@mgul.ac.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д.1, МГУЛ

Приведено описание информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) при подготовке по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация» и «Перевод и переводоведение» на базе изучения английского языка как первого иностранного с использованием методического потенциала сетевых ресурсов и инструментов с целью формирования навыков аудирования. Приведены примеры и описан опыт работы с сетевыми инструментами, а также приведена первичная классификация сетевых источников для проведения занятий по практике английского языка и практикума по культуре речевого общения. Большое внимание уделяется самостоятельной работе студентов, которая является неотъемлемой частью смешанного обучения при работе с материалами по аудированию. Эффективность смешанного обучения должна строиться на базе специальной языковой среды, которая включает комплекс электронных коммуникационных средств, которые, в свою очередь, должны организовать взаимодействие субъектов учебного процесса посредством использования современных технологий. Аудирование как самостоятельный вид речевой деятельности является необходимым звеном в условиях отечественного академического образования. На современном этапе развития сетевых технологий на первый план выходит обучение при помощи сетевых ресурсов. Аудиоматериалы длительностью звучания до 6 минут могут быть использованы для аудиторной работы. В процессе обучения по теоретическим дисциплинам могут быть использованы материалы видеолекций длительностью звучания свыше 40 минут. Использование сетевых ресурсов в вузе повышает стимулирующую, информативную, а также оценочно-контролирующую значимость предоставляемого материала, что способствует развитию более творческого подхода к аспекту аудирования в условиях современного вуза. При этом спектр профессионально-направленных ситуаций должен быть расширен таким образом, чтобы способствовать повышению мотивации студентов, а также способствовать формированию речевых умений для решения реальных коммуникативных задач с применением полученных на занятиях по практике английского языка и практикума по культуре речевого общения знаний.

Ключевые слова: межкультурное общение, аудирование, социокультурная компетенция, сетевые ресурсы, аутентичные материалы, видеоматериалы, сетевые инструменты ИКТ.

На волне изменений в обществе, а также в средствах коммуникации возникает необходимость повышения уровня как коммуникативной, так и социокультурной компетенции изучающих иностранный язык.

Переход на личностно-ориентированную образовательную парадигму и повышение конкурентоспособности отечественных специалистов в рамках установления единой зоны высшего образования требует все большего уровня компетентности от будущих специалистов профессиональной подготовки.

Аудирование, будучи неотъемлемым звеном устной коммуникации на иностранном языке, обеспечивает адекватность речевой деятельности говорящего в различных ситуациях межкультурного общения на профессиональном уровне.

Аудирование как самостоятельный вид речевой деятельности является необходимым звеном в условиях отечественного академического образования, а также частью говорения в рамках диалогической и полилогической форм общения. Согласно мнению

отечественных методистов конца XX и начала XXI в., таких как И.А. Зимняя, Н.В. Гез, Е.И. Пассов и др., уровень навыков аудирования нередко отстает от уровня умений в других видах речевой деятельности, например письма, что выявили результаты некоторых форм государственной итоговой аттестации, в частности ЕГЭ.

Важно подчеркнуть, что требования к владению иностранным языком также зафиксированы в одной из соответствующих директив Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком» (Common European Framework of Reference, *CEFR*), в которой обращается внимание на то, что в «ситуациях общения и обучения могут решаться задачи, имеющие как языковой, так и неязыковой характер. Решение этих задач осуществляется в процессе речевой деятельности и требует достижения определенного уровня коммуникативной компетенции. Особое значение при этом приобретает владение коммуникативными и учебными стратегиями» [1].

Межкультурное общение является основной характеристикой изучающего иностранный язык в современном обществе, поэтому наиболее важен факт, насколько использование стратегий помогает достигнуть коммуникативной цели.

Аудирование иноязычной речи представляется важным умением в связи с переходом к информационному обществу и одним из основных способов получения информации.

В сфере профессионального общения передача говорящим и прием слушающим информации в рамках коммуникативного акта обусловлено тем, насколько точно, полно и адекватно воспринято сообщение. В связи с этим наиболее остро стоит вопрос об обучении и развитии навыков аудирования у студентов профессиональной лингвистической подготовки.

Исходя из вышесказанного, следует подчеркнуть, что аудирование также играет важную роль в формировании социокультурной компетенции при профессиональной подготовке студентов лингвистических специальностей. На современном этапе развития сетевых технологий на первый план выходит обучение при помощи сетевых ресурсов.

Таким образом, на занятиях по практике речи и культуре речевого общения языковых вузов на всех этапах необходимо как можно больше времени уделять аудированию, направленному на полное понимание информации. Для этого Интернет предлагает безграничные возможности работы с иноязычными источниками, включая использование аутентичных аудиоматериалов. Многие из них могут быть использованы во время аудиторных занятий, а также при размещении на сайтах учебных дисциплин для самостоятельной работы студентов.

Рассмотрим некоторые возможные формы работы с аутентичными материалами, которые предлагает Интернет.

Материалы, предлагаемые такими ресурсами, как [2] и [3], могут быть использованы на младших курсах профессиональной подготовки лингвистических специальностей.

Длительность звучания монологического произведения не более 1–2 мин. Материалы указанных источников сопровождаются тщательно разработанным комплексом упражнений, включающим: 1 – отдельные тестовые задания, 2 – комплексы упражнений для контроля понимания услышанного, 3 – упражнения по развитию лексических и речевых навыков.

В качестве примеров аудиоматериалов с контролем понимания в форме тестов можно привести следующие:

A Visitor from Space –

<http://esl-lab.com/report1/report1.htm>

[4];

Dating Woes –

<http://esl-lab.com/trouble/troublerd1.htm>

[4];

Losing Weight –

<http://learnenglish.britishcouncil.org/en/i-wanna-talk-about/losing-weight>

[3].

Особой популярностью пользуются диалоги *Six Minute English* (длительность звучания аудиоматериала составляет 6 минут), размещенные на ресурсе

<http://www.bbc.co.uk/worldservice/learningenglish/general/sixminute>

[5].

Например, *End of the world?* –

http://www.bbc.co.uk/worldservice/learningenglish/general/sixminute/2012/12/121220_6min_end_of_the_world.shtml

[5].

Аудиоматериалы сопровождаются скриптами, что значительно облегчает подготовку преподавателя при работе с ними. Материалы вышеуказанных ресурсов также могут быть использованы при подготовке специалистов неязыковых вузов.

Среди ресурсов с аутентичными аудиоматериалами, сопровождающимися учебно-методическим комплексом, важно отметить сайт Шона Бенвила [2]. Контент сайта постоянно пополняется новостными текстами наиболее актуального содержания и предлагает разработанный комплекс упражнений, который включает *Warm-Up, Before Reading/Listening*, непосредственно текст новостного содержания или статью общеполитического характера, его аудио

запись длительностью до 2 мин (в некоторых случаях имеется опция британского или американского стандарта английского языка с выбором гендерного звучания – женский голос или мужской голос), *While Reading/Listening* (упражнения на развитие вокабуляра), упражнения по развитию навыков аудирования (чаще всего задания *Listen and fill in the gaps*), *After Reading/Listening* (языковые и условно-речевые упражнения на закреплённые темы) и др.

Пример такого актуального содержания можно найти по ссылке http://www.breakingnewsenglish.com/1303/130315-pope_francis.html [2], *Catholic Church chooses Argentinian Pope (15th March, 2013)*.

Для старших курсов языковых вузов с профессиональной подготовкой по специальности «Переводоведение» и «Межкультурная коммуникация» могут быть использованы аутентичные видеоматериалы. Например, в качестве самостоятельной работы могут быть предложены материалы ресурса [6]. Данный ресурс широко используется автором в рамках тематики практикума по культуре речевого общения. Длительность звучания не ограничена: от 1 минуты до нескольких часов. Сайт предлагает видеолекции как общекультурного характера, так и узкоспециального круга тем. Так, например, автор часто использует видеоматериалы для ведения дискуссии с формулировкой *Watch a video, state a problem and perform a discussion in a microgroup (3–4 prs)* в рамках практикума по культуре речевого общения на старших курсах по специальности «Лингвистика». Например, в рамках темы «Religion» для данной цели могут быть использованы видеоматериалы лекции *On God and the mass destruction* http://www.ted.com/talks/tom_honey_on_god_and_the_tsunami.html [6].

В процессе изучения теоретических дисциплин могут быть использованы материалы видеолекций представителей современной лингвистики.

Сеть предлагает невероятное количество видеоматериалов длительностью более 40 минут. Ниже приведены примеры некоторых из них, которые автор данной статьи

использует в рамках курса по теории английского языка, лексикологии английского языка, а также практикума по культуре речевого общения [10–15].

В рамках курса практикума по культуре речевого общения на старших курсах подготовки по специальности «Переводоведение» и «Межкультурная коммуникация» существует возможность воспроизводить с помощью сетевых ресурсов обучающие видеоматериалы. Так, одна из тем курса *Human Brain* предусматривает владение студентами знаниями, а соответственно и лексикой, прежде всего на родном языке, о строении и функциях человеческого мозга. Следует признать, что тема весьма специфична для студентов-гуманитариев (в отличие от студентов медицинского профиля), и они далеко не всегда могут охарактеризовать функции долей человеческого мозга даже на родном языке. На помощь приходят находящиеся в широком доступе в сети Интернет, в частности на ресурсе [7], необходимые для этой цели обучающие видеоматериалы, которые не только способствуют развитию иноязычных лексических навыков по теме, но также дают полное представление о предмете. Среди прочих могут быть использованы источники [16, 17].

В качестве самостоятельных видов работы с видеоматериалами длительностью свыше 40 минут можно предложить следующие:

- составление студентами вокабуляра, направленного на освоение ключевых слов и понятий по заданной теме;
- разработка студентами комплекса упражнений;
- письменное изложение услышанного в форме Summary;
- составление студентами глоссария по теме.

Перечисленные виды работы должны не только сформировать у студентов лингвистическую, но также социокультурную компетенцию, что является условием профессионально-ориентированного обучения иностранному языку с целью подготовки высококвалифицированных специалистов любого профиля.

Библиографический список

1. Общеευропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка. Текст / Дж.Л.М. Трим, Д. Косте, Б. Норт [и др.]. Департамент современных языков г. Страсбурга: Cambridge University Press, 2001. – 245 с.
2. <http://www.breakingnewsenglish.com/>
3. <http://learnenglish.britishcouncil.org>
4. <http://esl-lab.com/>
5. <http://www.bbc.co.uk/worldservice/learningenglish/general/sixminute>
6. www.ted.com
7. www.youtube.com
8. <http://learningenglish.voanews.com>
9. <http://videlectures.net/>
10. Noam Chomsky: Language and Other Cognitive Processes https://www.youtube.com/watch?v=6i_W6Afed2k
11. George Lakoff Idea Framing, Metaphors, and Your Brain https://www.youtube.com/watch?v=S_CWBjyIERY&list=PLVtju8qOxD_7Dq32lSksM7ZOObSKC99eWY
12. George Lakoff |What Studying the Brain Tells Us About Arts Education <https://www.youtube.com/watch?v=fpIa16Bynzg>
13. Discriminatory Discourse and The Role of The Media–1 <https://www.youtube.com/watch?v=td0rTEZivXI>
14. Discriminatory Discourse and The Role of The Media–2 <https://www.youtube.com/watch?v=TdypIWHa20c>
15. Why Facebook Won't Get You Any More Friends http://videlectures.net/icwsm2012_dunbar_facebook/
16. Basic Parts of the Brain – Part 1–3D Anatomy Tutorial <https://www.youtube.com/watch?v=D1zkVBHPh5c>
17. What is Alzheimer's disease? <https://www.youtube.com/watch?v=9Wv9jrk-gXc>.

SOME ASPECTS OF NETWORK RESOURCES WHEN TEACHING LISTENING COMPREHENSION

Temnova E.V., Assoc. Prof. MSFU.

caf-perevod@mgul.ac.ru

Moscow State Forest University, 141005, Mytischki, Moscow reg., Russia; 1st Institutskaya st., 1, MSFU

The Information and Communications Technologies (ICT) when preparing to «Linguistics and Intercultural Communication» and «Translation and Translation» curriculum based on the study of English as the first foreign language using network resources and tools to develop listening skills are described. All the necessary examples are given, experience of using networking tools is described, also a primary classification of network resources on communication and English language practice is introduced. Much attention is paid to learners' individual studies which is an integral part of a mixed learning approach when working with sources on listening and comprehension. The efficacy of mixed learning should be built on the basis of micro language environment and includes a range of electronic means of communication, which should organize the interaction between teachers and students via the use of modern technologies. Listening and comprehension as an independent type of speech activity is an essential part of university education. Video and audio tracks with duration up to 6 minutes can be used in class. Theoretical disciplines can involve additional use of video lectures of more than 40 minutes long which shall be discussed within the framework of learners' individual studies. The use of network resources at university enhances a stimulating, informative, evaluating and monitoring function which in its turn strengthens the development of a more creative approach to listening and comprehension. Use of listening and audiovisual activities alone will hardly be successful. The students should be allowed to get deeper into the comprehension-learning process. The range of professional situations is to be aimed at increasing students' motivation and it should also contribute to the development of speech skills in order to solve actual communication problems.

Keywords: intercultural communication, listening, socio-cultural competence, network resources, authentic materials, videos, web-based tools of ICT.

References

1. Dzh.L.M. Trim, D. Koste, B. Nort *Obshcheevropeyskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: Izuchenie, prepodavanie, otsenka. Tekst / Departament sovremennykh yazykov g. Strasburga [Common European Framework of Reference, CEFR Learning, Learning, teaching, assessment. Department of modern-language variables of Strasbourg]. Cambridge University Press, 2001. 245 p.*
2. <http://www.breakingnewsenglish.com/>
3. <http://learnenglish.britishcouncil.org>
4. <http://esl-lab.com/>
5. <http://www.bbc.co.uk/worldservice/learningenglish/general/sixminute>
6. www.ted.com
7. www.youtube.com
8. <http://learningenglish.voanews.com>
9. <http://videlectures.net/>
10. Noam Chomsky: Language and Other Cognitive Processes https://www.youtube.com/watch?v=6i_W6Afed2k
11. George Lakoff Idea Framing, Metaphors, and Your Brain https://www.youtube.com/watch?v=S_CWBjyIERY&list=PLVtju8qOxD_7Dq32lSksM7ZOObSKC99eWY
12. George Lakoff |What Studying the Brain Tells Us About Arts Education <https://www.youtube.com/watch?v=fpIa16Bynzg>
13. Discriminatory Discourse and The Role of The Media–1 <https://www.youtube.com/watch?v=td0rTEZivXI>
14. Discriminatory Discourse and The Role of The Media–2 <https://www.youtube.com/watch?v=TdypIWHa20c>
15. Why Facebook Won't Get You Any More Friends http://videlectures.net/icwsm2012_dunbar_facebook/
16. Basic Parts of the Brain – Part 1–3D Anatomy Tutorial <https://www.youtube.com/watch?v=D1zkVBHPh5c>
17. What is Alzheimer's disease? <https://www.youtube.com/watch?v=9Wv9jrk-gXc>.

POLITICAL TERMINOLOGY AND NOMENCLATURE UNITS
IN NON-PROFESSIONAL DISCOURSE

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И НОМЕНКЛАТУРА
В РАМКАХ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

А.А. КОСАРИНА, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова,
А.Е. ФЕДОТОВА, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

alex7979@yandex.ru

ФГБОУ ВО МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов

В условиях современного мира, при активном процессе глобализации и развитии информационных технологий, политика играет все большую и большую роль в жизни общества. Принимая это во внимание, можно заметить, что медиа попадают под все большее влияние политики, и как следствие, политическая терминология все чаще встречается в непрофессиональном дискурсе – газетах, журналах, сериалах, на телевидении, радио и т.д. Предметом особого интереса является анализ функционирования политических терминов в непрофессиональном дискурсе с целью выявить особые черты употребления терминов. Сравнивая непрофессиональный дискурс с профессиональным, можно заметить, что он гораздо менее официален, поэтому в нем нет строгих регламентированных правил использования терминологии. Непрофессиональный дискурс отличается экспрессивностью, поскольку ориентирован на целевую аудиторию, поэтому даже термины попадают под влияние экспрессии. Следовательно, можно утверждать, что термины в непрофессиональном дискурсе имеют ряд характеристик, которые не встречаются в профессиональном дискурсе. Материалом для изучения особенных черт политических терминов в непрофессиональном дискурсе в этой статье послужит первый сезон американского сериала «Карточный домик» (House of cards) 2013. Поскольку сериалы, как и газеты, журналы, телевидение и радио относятся к сфере непрофессионального дискурса, они могут послужить наглядным примером для анализа функционирования и выявления особых черт политических терминов в данном типе дискурса.

Ключевые слова: политическая терминология, непрофессиональный дискурс, терминологизация, политическая лексика, номенклатура.

Nowadays politics is gaining great importance for people and, thus, political terminology is frequently observed practically in all the spheres of our lives. The best example to illustrate it is to analyze its use in non-professional discourse, represented by mass media – television, radio, newspapers and films.

The material to study political terminology in this article is the first season of an American political drama television series – House of Cards (2013) and a number of newspapers from 1836 to 2015.

The research has shown that the series comprises a great variety of political terms used in unusual contexts and combinations, while the newspapers perfectly illustrate the process of terminologization, determinologization and other processes within the frameworks of political studies. The following groups of specific features of the use of political terms in this type of non-professional discourse can be singled out:

1) specific features which can be observed in the **form** of the terms;

2) specific features which can be observed in the **content** of the terms;

3) **stylistic** specific features.

Each of these groups comprises more concrete devices and features. The first group includes the following: coinage of new terms which do not exist in the language, inaccuracy and mistakes in the writing of terms and an attempt at copying the intonation of oral speech in the written text, which also results in the wrong terminological form.

In non-professional discourse new terms can be easily **coined**. There are different ways to coin new terms, at least two of them can be observed. The first one is to coin a new term using the form of another term, to make them sound similar and to show that the newly-coined term has the same qualities as the existing one. Thus, in the phrase: “I’d like to coin the phrase “trickle-down diplomacy” this method is used. According to terminological dictionaries the term **trickle-down diplomacy** [Season 1; series 1] does not exist, but there is a term **trickle-down economics** – “a term used to describe the belief that if high income earners gain an increase in salary, then everyone in the economy will benefit as their increased income and wealth filter

through to all sections in society.” (<http://www.economicshelp.org/blog/174/economics/trickle-down-economics/>).

Another example is the word Balkanization:

Balkanization – the deliberate fragmentation of a region into a number of independent or quasi-independent, mutually hostile centres of power; the purpose being the prevention of a unified, concentrated threat to the imposer.

The term appeared in 1918, when Dr. Emil Rathenau, head of the German General Electrical Company, used the term for the first time:

‘If the indemnities are high we shall have nothing with which to expand our industries and there will be a great tide of emigration, probably to South America, the Far East and certainly to Russia. The result will be the Balkanization of Europe’.

By the end of the 20th century, the process of terminologization has already finished, the unit is fixed in dictionaries [13, p. 45] and is seen as a proper term to such an extent that new terms are coined on the basis of this one:

*‘The U.S. has a vital stake in an orderly Soviet evolution that does not lead to the **Balkanization**, let alone the **Lebanonization** of this world heartland’.* (The U. S. Legion, March 1991).

Terms can be coined from other terms, general lexis and nomenclature units. The issue of the distinction between terminology and nomenclature is highly important and has been studied by a number of scientists [1; 5-9].

Another way of coining new terms is to coin them using a term and a noun of the general lexis. Such combinations are not likely to be seen in professional discourse, however, in non-professional discourse they are quite often used. For example in the phrase *“I’m working with my staff-Republicans”* **staff-Republicans** [Season 1; series 2] is a term, meaning colleagues from the Republican party. In terminological dictionaries such term is not registered.

Another way of coining terms is to use a slang word instead of it. Thus, in non-professional discourse a slang word can function as a term. For example, in the following phrase:

*“I count votes. **Yeas, nays, neutrals, abstaining**”* **yes, nays** and **neutrals** [Season 1; series 8] gain terminological meaning, defining electors who voted “for”, who voted “against” and who refrained from voting. Such terms are not registered in terminological dictionaries, however they function as terms.

A conclusion can be made that replacing terms with slang words is done for the purpose of expressivity. Non-professional discourse is informal and audience-oriented, thus, it should be attractive and expressive, in order to attract people. Slang words, which replace terms, turn out to be a good means to do it.

In non-professional discourse, terms can be written inaccurately, with mistakes. The first reason for it is that in written non-professional discourse an attempt at reproducing emotions is made. Thus, for example the phrase *“Why? Im-immigration is too controversial”* [Season 1; series 1] shows a kind of emotional trembling resulting in the form of the term **immigration** – “the movement into a new country of a person who is not a citizen of that country, to live there permanently” [10], which in this context is written with an extra – *im* prefix.

Another example of the kind is the phrase *“It’s a communist **“agua-larchy.”** Oligar **“Oliguarchy”**”* [Season 1; series 1]. Here the term **oligarchy** – “a political system that is controlled by a small group of individuals, who govern in their own interests” [10] is misspelled two times. The situation is that the Congressman, who pronounces it, is drunk and is not able to say it in the right way. So, once again, the informal discourse makes use of the wrong way of the form of the term.

Non-professional discourse is also characterized by variants of spelling. For example, The spelling of the term **J-curve** has not yet been standardized; the variants used in the dictionaries and texts of institutional and non-institutional discourse include **J curve, J-curve, j-curve**.

As far as the content plane of the terms in non-professional discourse is concerned, it includes: a wide use of metaphors, a wide use of expressive and stylistically-marked terms, word-play with terminological meanings and the ambiguity of terminological meanings.

The style of non-professional political discourse can be characterized as expressive, emotional, dynamic. Political **metaphor-based terms** turn out to be one of the most popular means of expression used in it. Their function is to give more momentum to the conversation in the series and to make it more attractive to the target audience. For example, in the phrase *“Leave ideology to the armchair generals”* [Season 1; series 1] a metaphor-based term **armchair general** can be observed. This term has recently appeared and is not fixed in many terminological dictionaries, however it has a synonym – an **armchair strategist**. Its meaning in the political dictionary is defined as “one who pontificates about world events; a sofa sophist. The armchair is a place of comfort from which to make discomfiting remarks; it can also be used as a symbol of laziness” [2, p. 25]. The term **armchair generals** appeared in 1967 in the newspaper “The New York Times” when a correspondent Max Frankel wrote: “In most wars, the armchairs are full of generals refighting every battle”.

There are not only metaphor-based terms in non-professional discourse, but also **terms used with metaphors**. The example is *“When we all voted for you, I didn’t think that every one of those votes was another nail in our coffin”* [Season 1; series 8]. Here **votes** is a derivative of the term **voting** – “an expedient for reaching a consensus in order to either avoid an extensive analysis of the issue of hand, lacking the ability or the willingness to undertake such analysis or cutting analysis short by shifting the responsibility for the outcome to the voters. Voting is most often used to legitimize (or to reject) public policy when consensus cannot be easily reached through political interaction (or market interaction), particularly in a democracy where to achieve crystallized opinion is difficult” [3, p. 548] is compared to the nail in a coffin, meaning that it was a great problem to the voters.

Apart from metaphors non-professional discourse makes use metonymy through **terminological personification**. The example is the following phrase *“Congress will survive without you.”* [Season 1; series 2] **Congress** is a term, the meaning of which is fixed in the terminological dictionary “a representative assembly,

such as the U.S. Congress. In the U.S., Congress consists of the House of Representatives and the Senate. Congress also refers to the two-year period which starts on January 3 each odd-numbered year, in which each particular Congress holds its meetings and debates” [10]. The verb **survive** in the dictionary of the general lexis is described as follows: “to continue to live or exist, especially after coming close to dying or being destroyed or after being in a difficult or threatening situation” [11]. Thus, it can be concluded that in this particular context, **congress** is viewed as a kind of a living being, thus, it is personification.

In non-professional discourse **wordplay with the form and meaning of the term** can be observed. An example is part of a dialogue which sounds as follows:

– *Kern is a boy scout.*

– *Nobody’s a boy scout. Not even boy scouts.* [Season 1; series 1]

The first phrase includes a political metaphor. In politics **Boy Scout** is “a naive politician; one with a head-in-the-clouds approach to government. Boy Scout is a derisive comment, made by cynical reporters or politicians, about those who do not bear the scars of compromise” [2, p. 77]. However, the metaphorical meaning of the term is played upon, since the response is *“Nobody is a boy scout, not even boy scouts”*. The interlocutor downplays the metaphorical meaning of the term and understands it as the general one.

Another example is the term **Lebensraum**:

Lebensraum – german geopolitical term meaning ‘living space’. The term can be credited to General Haushofer (1869-1946) and his team at the Institute of Geopolitics in Munich, but was popularized by Adolf Hitler in *Mein Kampf*. <...> Hitler used it as a part of his thesis that it was Germany’s destiny to control the East and therefore other states must accede to her request for lebensraum.

Mr. Adolf Hitler, of Germany, has come out with the astounding statement that his people are sadly in need of Lebensraum. In order to relieve this crying need, this column suggests that all humanitarians send Mr. Hitler at least one recording of Lebensraum, by Liszt, which is Liszt under Victor records. (Daily Illini, 7 March 1942)

Specific stylistic features mean that two types of terminological combinations are used in non-professional discourse. First of all, there are terms used together with adjectives and nouns of official discourse. For example, the phrase “*Oh, Jim Matthews, his right **honorable** vice-president*” [Season 1; series 1] sounds official if not a little pompous, though the character who pronounces it says it ironically. Another example of the kind is the phrase “*We are no longer **bound by allegiances***” [Season 1; series 1], which can be easily used in professional discourse but is too elaborated for everyday communication.

The second group includes **terms used with expressive or stylistically-marked adjectives and nouns** which can be considered to be slang words. This group is also quite large as non-professional discourse includes informal communication between people. This tendency of use of slang is not typical of professional discourse, however in mass media, series etc. it makes the style more dynamic and informal.

For example such expression as “*Tax reform isn't sexy enough*” [Season 1; series 1] includes an official term **tax reform** and expressive adjective **sexy** which is defined as: 1) attractive in a physical way; 2) interesting and exciting [11]. Tax reform can be neither attractive in a physical way, nor exciting. Thus, it can be said that this epithet is not typical and very informal.

Another feature of non-professional political discourse is a **wide use of contracted terminological forms**. The examples of such expressions are as follows:

“*Walker ran as a moderate*” [Season 1; series 1]. The adjective **moderate** has the following definition in the political dictionary: “not extreme. Moderate political policies are those that occupy the middle ground, between the right and the left, and that do not try to effect fundamental societal change. As such, moderate is the opposite of radical.” Here moderate means a **moderate candidate**, used in a contracted form, which is unacceptable for professional discourse but quite acceptable in non-professional one, especially in conversation.

Thus, it can be concluded, that terms in non-professional discourse have certain functional specific features which are not typical of them

in professional discourse. Terms used in non-professional discourse are often metaphor-based and expressive. They can be used with slang words or stylistically marked adjectives and nouns. Terms can be personified. More often than not, a wordplay with terms or their meaning can be found in this kind of discourse. Concerning the expression plane, the following observations can be made:

- 1) terms can be written with mistakes;
- 2) new terms can be easily coined either according to the model of an existing term or without it.

As far as the specific features of style of non-professional discourse is concerned, it should be stated that its style includes the elements of professional discourse, such as term, attributes typical of official documents. However, in general, the style is not formal, as wordplay upon the meanings of the terms, personifications and use of slang words instead of terms is frequent. Another specific feature is a wide use of contracted terminological forms typical of informal discourse.

Библиографический список

1. Анисимова А.Г. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук: дисс.... д-ра филол. наук / А.Г. Анисимова. – М., 2010, С. 60–120.
2. William Safire “Safire’s Political Dictionary”. – Oxford University Press; Revised edition (March 31, 2008).
3. Walter John Raymond “Dictionary of Politics: Selected American and Foreign Political and Legal Terms”. – Brunswick Publishing Corporation; 7th edition.
4. Cambridge Dictionary Online (<http://dictionary.cambridge.org/ru>).
5. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение / С.В. Гринев-Гриневич – М.: Академия, 2008.
6. Мельников Г.П. Основы терминоведения / Г.П. Мельников – М.: Ун-т дружбы народов, 1991.
7. Olga Akhmanova, Galina Agapova ‘Terminology: theory and method’, Moscow, MSU, 1974.
8. Кондрашов В.В. О характере и системности единиц военной номенклатуры в странах английского языка / В.В. Кондрашов // Актуальные вопросы лексикологии. – Новосибирск, 1971.
9. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012.
10. American Spirit Political Dictionary (<http://www.americanspirit.com/>).
11. Cambridge Dictionary of British English Online (<http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/survive>).
12. <http://www.economicshelp.org/blog/174/economics/trickle-down-economics/>.
13. Graham Evans, Jeffrey Newham, Dictionary of International Relations, London: Penguin Books, 1998.

POLITICAL TERMINOLOGY AND NOMENCLATURE UNITS IN NON-PROFESSIONAL DISCOURSE

Kosarina A.A., Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; **Fedotov A.Ye.**, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

alexa7979@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology
Russia, 119991, Moscow, 1-51 Leninskiye Gory, GSP-1, 1st Corps Humanitarian faculties

In the modern world, the epoch of globalization and information technologies, politics occupies a great part in people's lives. Taking this fact into account, it can be observed that mass media is becoming gradually influenced by politics, and, thus, political terminology is frequently observed in non-professional discourse – newspapers and magazines, TV series and films, television, radio, etc. The issue of a special interest is to analyze the functioning of political terminology in non-professional discourse in order to single out specific features of its use. Non-professional discourse compared to the professional one is not official, thus, there are no strict or registered rules of terminology use. It is also highly expressive and audience-oriented, thus, terms are inevitably facing this expressivity. So, it can be stated that terms in non-professional discourse have certain specific features which are not typical of them in professional discourse. The material to study specific features of terms in non-professional discourse in this article is the first season of an American political drama television series – House of Cards (2013). TV series as newspapers, radio programs, magazines, etc. belong to non-professional type of discourse and thus, they can serve as a good example to study and analyze specific features and functioning of terminological units.

Keywords: political terminology, non-professional discourse, terminologization, political lexis, nomenclature.

References

1. Anisimova A.G. *Metodologiya perevoda angloyazychnykh terminov gumanitarnykh i obshchestvenno-politicheskikh nauk* [Methodology translation English terms humanities and socio-political sciences], diss... doctor filol. Sciences. Moscow, 2010, pp. 60-120.
2. William Safire "Safire's Political Dictionary". – Oxford University Press; Revised edition (March 31, 2008)
3. Walter John Raymond "Dictionary of Politics: Selected American and Foreign Political and Legal Terms". Brunswick Publishing Corporation; 7th edition,
4. Cambridge Dictionary Online (<http://dictionary.cambridge.org/ru>)
5. Grinev-Grinevich C.V. *Terminovedenie* [Terminology]. Moscow, Akademiya, 2008.
6. Mel'nikov G. P. *Osnovy terminovedeniya* [Fundamentals of terminology]. Moscow: Moscow, Publishing House of the Univ of Peoples' Friendship, 1991.
7. Olga Akhmanova, Galina Agapova 'Terminology: theory and method', Moscow, MSU, 1974
8. Kondrashov V. V. *O kharaktere i sistemnosti edinits voennoy nomenklatury v stranakh angliyskogo yazyka* [The nature of military units and systematic nomenclature in English-speaking countries]. Aktual'nye voprosy leksikologii [Actual questions of lexicology]. Novosibirsk, 1971.
9. Cuperanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [Common Terminology: Theory]. Moscow: Book House "LIBROKOM", 2012.
10. American Spirit Political Dictionary (<http://www.iamericanspirit.com/>).
11. Cambridge Dictionary of British English Online (<http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/survive>).
12. <http://www.economicshelp.org/blog/174/economics/trickle-down-economics/>.
13. Graham Evans, Jeffrey Newham, *Dictionary of International Relations*, London: Penguin Books, 1998.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ВУЗЕ. МЕТОДЫ ВНЕДРЕНИЯ

А.С. АГАФОНОВА, доц. каф. истории и культурологии МГУЛ, канд. культурологии МГУЛ

caf-miok@mgul.ac.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д.1, МГУЛ

Во времена высоких технологий, быстрого жизненного темпа, новых форм обучения, УМК в электронном виде, дистанционное обучение стало необходимостью и является частью вузовской системы. Создание подобного комплекса говорит о повышении уровня образовательной деятельности университета, об эффективной системе информационного обеспечения учебного процесса. Профессиональное внедрение в учебный процесс компьютерных технологий является неотъемлемой частью современного образования. Электронный учебно-методический комплекс как вид обеспечения учебного процесса включает все необходимые компоненты для организации учебной деятельности, обеспечивает полный дидактический цикл обучения и предназначен для оптимизации усвоения необходимых знаний. Конечно, для создания электронного УМК рядовому преподавателю требуется серьезная техническая поддержка, организационные и информационно-методические условия. Автор является разработчиком учебно-методических комплексов для трех дисциплин, поэтому предложенная статья является некой компиляцией из той работы, которая была проведена при создании УМК, и непосредственного ежедневного труда с методистами и студентами дистанционного обучения. Это и теория, и создание тестового багажа, и проблемы, с которыми приходится сталкиваться и преодолевать их в дистанционном процессе. Данная статья носит описательно-аналитический характер и может быть использована для работы в системе дистанционного обучения как преподавателями, так и студентами.

Ключевые слова: дистанционное обучение, электронный УМК, тесты.

Электронный УМК в вузе на примере гуманитарных дисциплин

Гуманитарные дисциплины многоплановы, многолики. Конечно, они предполагают изучение сложной терминологии, богатого визуального материала и стилевой специфики. Гуманитарные дисциплины, особенно в технических вузах, способствует обогащению внутреннего мира, интеллекта, росту профессиональных навыков, готовят к тому, чтобы стать хорошим специалистом.

Мультимедийные технологии и интерактивные возможности позволили реализовать такую форму обучения, как дистанционная. Термин дистанционное обучение включает в себя два понятия. Дистанционное – то есть совершаемое на расстоянии [1]. Обучение – процесс взаимодействия между учителем и учащимся, в результате которого у обучаемого формируются знания, умения, навыки. Таким образом, дистанционное обучение можно трактовать как процесс взаимодействия между преподавателем и студентом, при котором участники находятся на расстоянии друг от друга, в результате чего у студента формируются определенные знания, умения, навыки [2]. В приказе Министерства образования России дистанционное обучение понимается как обучение, «обеспечивающееся применением совокупности образовательных

технологий, при которых целенаправленное опосредованное или не полностью опосредованное взаимодействие обучающегося и преподавателя осуществляется независимо от места их нахождения и распределения во времени на основе педагогически организованных информационных технологий, прежде всего, с использованием средств телекоммуникации» [3].

Для любой дисциплины дистанционное обучение начинается с разработки учебно-методического комплекса. Авторы монографии «Электронные учебно-методические комплексы: проектирование, дизайн, инструментальные средства» [4] обозначили специфику электронного УМК, и мы приводим ее здесь, т. к. согласны с их видением комплекса. Итак, электронный УМК это:

- интерактивность – возможность создания диалога с обучающей системой;
- актуализация – возможность своевременного обновления учебно-методического материала;
- интеграция – возможность включения и постоянного обновления ссылок на другие электронные источники информации;
- адаптация – возможность подстраиваться под индивидуальные запросы преподавателя и студента;
- визуализация – возможность использования цветового оформления;

- научность – достаточная глубина, научная достоверность изложения учебного материала;
- доступность;
- наглядность;
- сознательность – учит студентов самостоятельным действиям при проработывании учебно-методического материала, четко-му пониманию целей и задач;
- систематичность и последовательность.

При создании электронного УМК преподавателю нужно четко определить учебные цели и сделать все возможное для доступности материала студенту. Подготовить студента к освоению дисциплины, то есть «наполнить» интерфейс всеми необходимыми данными для самостоятельной работы. Для этого должны быть составлены все вопросы для контрольных, расчетно-графических, лабораторных и других работ, предоставлена литература, которая может помочь студенту, и разработаны итоговые квалифицированные тесты. Электронный УМК должен все время обновляться с учетом новых стандартов в сфере образования, выпуска научных изданий, пособий. На наш взгляд, учебный материал нужно преподносить компактно, без излишней перегруженности, обязательно сопровождать наглядным материалом в виде фото, иллюстраций, схем, диаграмм. Прежде чем сдавать итоговый контроль, студентам надо давать возможность пройти пробные тесты, чтобы у него была четкая картина правильности изучения учебного материала.

Компьютерная система обучения не исключает общения между студентом и преподавателем. Студент может задавать вопросы, пользуясь скайпом, электронной почтой или в примечаниях, когда сдает промежуточные контроли в виде рефератов, самостоятельных, лабораторных и прочих работ. Таким же образом осуществляется и обратная связь. То есть студент не остается один на один с компьютерной программой, он всегда может получить разъяснения от самого преподавателя или методиста. Поэтому дистанционное обучение подразумевает под собой и «живую» связь студента с преподавателем.

Содержание электронного учебно-методического комплекса должно состоять из последовательно наполненных блоков. *Инструктивно-методический материал* включает рабочую программу. Студенты могут ознакомиться с содержанием изучаемой дисциплины, с примерным перечнем вопросов для итогового контроля. *Учебно-методический материал*, который должен быть представлен литературой, имеющейся в вузовской библиотеке, и постоянно пополняться современными учебными пособиями. Надо отметить, что в наши дни выпускается много качественной литературы по гуманитарным дисциплинам, как учебной, так и дополнительной, в том числе фундаментальных трудов отечественных исследователей. Студентам надо предлагать современные издания наряду с работами прошлых лет, не теряющих актуальность. Большим подспорьем могут являться печатные материалы по дисциплине, написанные преподавателем, который разрабатывал УМК. Если в университете есть свое издательство, это создает уникальную возможность для преподавателей писать и печатать необходимые учебные пособия.

Следующий блок – *тестовый материал*. На наш взгляд, необходимо предлагать разнообразные тесты, прежде всего для самопроверки. Они позволят не только ознакомиться с возможными вопросами в зачетно-экзаменационный период, но и четче представить диапазон изучаемой дисциплины. Итоговые тесты, предусмотренные учебным планом университета, на основании которого студенту будет проставляться зачет–экзамен, должны быть наполнены вопросами по всему изучаемому курсу. В такой дисциплине, как культурология, лучше всего часть тестов создавать иллюстративных. С одной стороны, это может затруднить ответ, с другой будет – способствовать развитию визуальной памяти. Оценочная система, как нам представляется, оптимальна и зависит от сложности вопросов. Например, при создании каждого задания выбираем балл за его решение от 1 до 3, в зависимости от степени сложности вопроса. 1 балл автор назначает за те вопросы, которые говорят об общем

кругозоре и не должны представлять особую сложность. Допустим, вопрос «Особенности архитектурных построек мусульманского мира». Предлагаем варианты решения:

1 применение куполов и купольных конструктивных систем,

2 использование стрельчатых арок,

3 изображения военной символики.

Два балла проставляем за те задания, которые требуют более углубленного изучения или при кажущейся легкости требуют время на осмысление. Например, на вопрос «искусство, основанное на коммерции» при вариантах ответов:

1 хэппенинг

2 поп-арт

3 ташизм

4 соц-арт

ответ может показаться очевидным.

Но для того, чтобы ответить правильно, студент должен быть уверен, что он знает, что такое хэппенинг, ташизм и соц-арт, а это подразумевает уже не обычный кругозор, а более детальную проработку материала. Три балла «получают» те вопросы, которые требуют глубокого знания по предмету. Допустим, выбрать правильный ответ на вопрос, «что такое инкультурация». Вопросы в тесте, оцениваемые по самому высокому баллу, подразумевают знание теории, категориальный аппарат, терминологию по всему курсу. Вопросы повышенной сложности исключают такой вариант ответа, как наличие личного багажа впечатлений и общей эрудированности, а подразумевают точное знание, приобретенного именно в процессе обучения.

Еще один ответственный блок УМК – задание для самостоятельной работы студентов, которое может включать контрольные работы, рефераты, курсовые проекты, творческие задания. Преподавателю необходимо составить тематику для этих заданий, предложить рекомендуемую литературу и разъяснить правила выполнения. Т. к. студенты изучают курс самостоятельно, очень важно изначально четко и доступно сформулировать требования к самостоятельным работам, иначе, исходя из опыта автора, посто-

янно будут идти уточняющие вопросы. Так, к примеру, в первый год обучения, не дав разъяснений о том, сколько и в каких группах пишется контрольных и рефератов по дисциплине «Отечественная история», автор получал массу писем по электронной почте с уточнениями. Исключая персональные данные студентов, цитируем их вопросы (тексты оригинальные):

«Вас беспокоит студент 1 курса дистанционного обучения. У меня возникли 2 вопроса по выполнению работ, в которых я, к сожалению, не смог самостоятельно разобраться. Как оформляется реферат (это первое задание такого типа, а каких-либо конкретных инструкций найти не получилось). При выполнении контрольных работ указано использовать темы 1–29 и 30–55, это означает использовать какую-то определенную тему или по пункту по каждой теме? Какой объем должен быть у контрольной работы (указано в пределах 20–24 страниц ученической тетради, а как это представить в электронном виде, шрифт, кол-во листов)?»;

«Я хотел узнать. Мне одну или две контрольные написать надо? На тетради рукописно и отсканировать. Можно ли в электронном виде напечатать. Реферат написать на какую тему и в каком виде? И еще, все тесты следует пройти?»;

«Подскажите пожалуйста по самостоятельной работе. Мне не понятны контрольные работы. Их две штуки, в каждой список тем, нам надо выбрать тему в каждой контрольной работе и написать в виде реферата? В итоге получится две работы?»;

«На всякий случай хотел уточнить, необходимо ли по моей специальности выполнять КР2?»;

«Скажите, для студентов, которые обучаются на дистанционной форме, также как для заочников необходимо писать контрольную работу в тетради? Сканировать и прикреплять в личном кабинете? Либо можно печатную работу прикрепить для проверки?».

Безусловно, такая обратная связь позволяет преподавателю выявлять и исправлять все недочеты в разработанном учебно-методическом комплексе.

Так как основой образовательного процесса при системе дистанционного обучения является самостоятельная работа студента, то контролироваться и оцениваться она должна со всей серьезностью. Необходимо делать замечания, указывать на неточности, не допускать предоставление скопированной из Интернета готовой работы. Преподаватель не может выполнять лишь наблюдательные функции, ему необходимо руководить процессом обучения – консультировать, осуществлять контроль качества знаний, мотивировать, применять педагогические и воспитательные методы, дискутировать, помогать в создании проектов. Надо отметить, что при таком подходе большинство студентов проделывают большую творческую работу, находят очень интересные материалы, прикладывают личные фотографии и работают с архивными документами. Хотелось бы в данной статье привести фрагменты из двух контрольных работ, выполненных студентами дистанционного обучения (фрагменты приведены с согласия авторов).

Из работы «Народные промыслы и ремесла Тульского края»

«В наши дни тульские пряничники выпекают пряники всевозможных видов и размеров, весом от 50 г до 5 кг, а по торжественным случаям могут приготовить пудовый (16 кг) пряник. Ежедневно в Туле, по разным оценкам, выпускается от 7 до 12 тонн сладкого лакомства, а основанный в 1997 г. музей тульского пряника ежегодно принимает 33 тыс. посетителей. Древнее ремесло продолжает жить. На западе Тульской области, в ста с лишним километрах от Тулы, на границе с Калужской и Орловской областями, расположен старинный город Белев. В наши дни это обычный российский районный город, бедный, неухоженный, практически лишенный промышленности и с неясными перспективами развития. А когда-то Белев в богатстве и великолепии мог соперничать с Тулой, белевские купцы делали миллионные обороты, а барки с их товарами шли по Оке, на которой стоит древний город, до самой Нижегородской ярмарки. С тех славных времен

дошло до наших дней необычное лакомство, не похожее ни на одну из современных сладостей – белевская пастила.

Окрестности Белева с давних времен славились яблочными садами, не утратившими значения и в наши дни. Белевская пастила известна с 1888 года, когда местный купец Амвросий Прохоров, обладающей коммерческой жилкой и желающий заработать за счет своих шикарнейших яблочных садов, начал выпуск пастилы, или постилы, как раньше ее называли. С тех пор и до наших дней лучшая пастила получается из антоновки, в которой содержится сухих веществ до 15 %. Можно использовать и славянку, однако пастила в этом случае получается жидковатой. Тогда срочно требуется добавить к славянке до 10 % пюре срыжапеля. Этот сорт яблок – большая редкость даже в белевских городских садах, это слишком старый сорт.

Неповторимый вкус и аромат белевской пастилы обеспечивался двумя компонентами: отборным кисло-сладким антоновским яблоком и свежестью диетического куриного яйца. Применение каких-либо пряностей или ароматических добавок не допускается. Пастила должна пахнуть неповторимым яблочным запахом печеной антоновки. Сначала яблоки пекут в печи, затем снимают шкуру и отделяют мякоть, которую взбивают с сахаром и взбитым яичным белком. Воздушную смесь запекают пластами толщиной с дамский пальчик в печи или духовке, промазывают яичным белком и соединяют между собой, что дает белевской пастиле характерную слоеную структуру, отличающую ее от других отечественных пастил, например от коломенской. Затем пастилу обрезают по форме и натирают сахарной пудрой. Пастила обретает вид сладкой буханочки. Последняя, самая ответственная стадия – выдержка в печи для пропитки при постоянной небольшой температуре в течение 8 часов. Изначально использовалась русская печь. Для производства классической белевской пастилы необходимы исключительно березовые дрова, а время ее приготовления должно совпадать с первыми заморозками. Запекать

антоновку лучше всего на медном противне и строго соблюдать описанный выше технологический процесс. Малейшие отклонения могут безвозвратно загубить вкус продукта. Кстати, выход готового продукта весьма невелик – из 10 кг яблок получается не более 2–3 кг пастилы. Зато правильно приготовленная и правильно упакованная пастила (после изготовления ее заворачивают в чистую белую ткань или в папиросную бумагу) может храниться несколько месяцев, постепенно подсыхая, но не теряя при этом неповторимого вкуса.

При столь сложной технологии изготовления неудивительно, что белевская пастила как продукт никогда не была массовой. В советское время за пределами тульской земли она была практически неизвестна, несмотря на то, что ее вплоть до конца 1980-х гг. производил белевский консервный завод, основанный, кстати сказать, еще до революции. В начале 1990-х завод закрылся, затем возобновил работу, но пастилу уже не выпускал. Впрочем, в Белеве никогда не прерывалась традиция изготовления домашней пастилы, которая жива и в наше время. В последние годы сразу несколько изготовителей предприняли попытки возродить производство старинного лакомства. Конечно, массовым оно не станет (на сегодня цена 1 кг пастилы колеблется в пределах от 800 до 2000 рублей), но у гостей Тулы лакомство пользуется устойчивым спросом [5].

*Из работы «Жизнь и творчество
И.С. Тургенева в Спасском-Лутовиново»*

«Орловский край. Родные места Ивана Сергеевича Тургенева. Орел – город, где он родился. Спасское-Лутовиново – родовое поместье в Мценском уезде. С детских лет и до конца жизни оно было для писателя любимым местом, куда он постоянно стремился. Творчество Тургенева тесно связано с Орловским краем. В Спасском-Лутовиново им задумано и создано большинство произведений, которые вошли в сокровищницу русской и мировой литературы. Прекрасная природа, широта полей, цветущие луга, глубокие овраги, жизнь простого народа, простой русский

язык стали источниками его бессмертных «Записок охотника», повестей, романов.

Спасское-Лутовиново – родовое имение Тургенева по линии матери. Необъяснимое чувство покоя и величия ощущается в этом месте. Среди вековых лип графского парка прошли и мои детство, юность. Сюда приходила я за душевным покоем, в жаркий летний день приятно было побродить под тенистыми аллеями. Тургеневский дуб всегда притягивал к себе, словно магнитом. Под его ветвями всегда чувствовала себя спокойно и уверенно. «Когда Вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу...» – так писал И.С. Тургенев Я.П. Полонскому. Эти строки всегда звучат в устах любого гида в этом замечательном месте.

Эту работу я посвящаю своему любимому папе и нашей последней прогулке к тургеневскому дубу» [6].

Из этих отрывков видно, с какой любовью обучающиеся писали самостоятельную работу, как серьезно отнеслись к выбору темы и какую провели большую предварительную работу. В этих и многих других работах студентами приложены личные фотографии. То есть взаимодействуя, принимая активное участие, направляя работу студентов дистанционного обучения, можно добиться очень ощутимых результатов.

Дистанционное обучение. Методы внедрения и трудности

С появлением дистанционного обучения поменялись роль и место преподавателя в учебном процессе. Усложнилась разработка курсов, повысились требования к качеству учебных материалов, возросла роль обучаемого в учебном процессе [7].

Автор работы «Информационные технологии и средства дистанционного обучения» отмечает, что «дистанционные технологии обучения можно рассматривать как естественный этап эволюции традиционной системы образования. От доски с мелом до электронной доски и компьютерных обучающих систем, от книжной библиотеки до электронной, от обычной аудитории до виртуальной аудитории любого масштаба» [8]. Такая

эволюция неизменно сопровождается необходимостью для преподавателей соответствовать новым веяниям. И трудности, с которыми приходится сталкиваться в первую очередь, носят технический характер. Замечательно, когда в вузе есть специалисты, которые могут создать программу для дистанционного обучения. Соответственно все технические сбои, недоработки, могут исправляться в он-лайн режиме. К тому же специалисты могут консультировать преподавателей и помогать им в освоении программы. Если же программа приобретена на стороне и ее разработчиками не являются вузовские специалисты, преподавателям, особенно тем, кто не имеет хороших навыков работы с компьютером, приходится вдвойне тяжелее. А проблемы могут возникнуть не только у преподавателя.

Из писем студентов (исключая персональные данные, тексты оригинальные)

«Пытался загрузить в систему контрольные работы и реферат, но там системное время на час больше московского, а загрузка уже недоступна. Отправляю их в письме»;

«Только сейчас вспомнила, что в отправленном мною вчера вечером реферате по истории я забыла указать список используемой литературы. Подскажите, как мне поступить в данной ситуации? Удалить отправленный реферат? Как это сделать?»;

«Не прикрепляется файл. Что делать?».

То есть в процессе обучения, кроме преподавателей, должны участвовать и представители других подсистем современного образования, специалисты по компьютерной графике, сетевым технологиям, консультанты по обучению [9].

Определенной сложностью при создании УМК для дистанционного обучения может стать дисциплина, которая будет новой как для студентов, так и для преподавателя. Соответственно нет предварительных заготовок, макетов, наборок, большой учебно-методической базы, которые могли бы послужить основой для создания электронного УМК по этому предмету. Т. е. нужна намного

большая предварительная подготовка, чем в случае с давно читаемыми дисциплинами. В таком случае возникает трудность заполнения «интерфейса» дисциплины. Возможно, его придется заполнять постепенно, согласуясь с рабочей программой, закупленной литературой, разработкой тестов и пр. В работе «Подготовка преподавателей к дистанционному обучению» автор отмечает: «Определяя дистанционные образовательные ресурсы как административно-управленческий, научно-педагогический и учебно-методический интерактивный комплекс, в разработке, пополнении и использовании контента которого задействованы все участники образовательного процесса посредством среды Интернет, мы говорим о том, что проблемой на сегодня является неподготовленность преподавателей к разработке и использованию дистанционных образовательных ресурсов в учебном процессе» [10]. В связи с этим есть необходимость серьезной подготовки преподавателей, чтобы они качественно могли предоставлять интерактивный учебный курс и взаимодействовать с обучаемыми.

В заключение хотелось бы сказать, что дистанционное обучение, создание электронного УМК – процесс одновременно интересный и трудоемкий. Занимаясь системой дистанционного обучения, мы пришли к выводу, что это эффективная система, способствующая одновременно повышению уровня квалификации преподавателя и освоению новых инновационных методов студентом. Эта система обучения профессионально встает в один ряд с такими привычными формами, как очное, вечернее, заочное. Думаем, что дистанционное обучение будет очень популярно, прежде всего, в связи с удобством для работающих людей, тех, кто живет в удаленных уголках России, тех, кто не хочет уезжать из родного города, чтобы учиться в избранном университете. Создается возможность для более глубокого изучения свойств объектов и процессов за счет когнитивного потенциала мультимедиа, использования математических и имитационных моделей, удаленного доступа к уникальным приборам и лабораторным установкам [11].

Библиографический список

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Оникс, 1988.
2. Волженина, Н.В. Организация самостоятельной работы студентов в процессе дистанционного обучения/Учеб. пос. / Н.В. Волженина. – Барнаул: Алтайский ун-т, 2008. – 59 с.
3. Приказ Министерства образования России от 18.12.2002 № 4452 «Методика применения дистанционных образовательных технологий (дистанционное обучение)».
4. Шалкина, Т.Н. Электронные учебно-методические комплексы: проектирование, дизайн, инструментальные средства / Т.Н. Шалкина, В.В. Запорожко, А.А. Рычкова. – Оренбург: ОГУ, 2008. – 160 с.
5. Пагаева, З.Э. Народные промыслы и ремесла Тульского края / З.Э. Пагаева. – М., 2013 – 26 с.
6. Гревцова, В.В. Жизнь и творчество Тургенева в Спасском-Лутовиново / В.В. Гревцова. – М., 2012. – 28 с.
7. Иванов, В.А. Дистанционное обучение – наиболее перспективная форма заочного образования / В.А. Иванов, И.Б. Удалова // Вестник НГТУ. – 2011.
8. Ибрагимов, И.М. Информационные технологии и средства дистанционного обучения / И.М. Ибрагимов. – М.: Академия, 2007 – 336 с.
9. Дистанционное обучение. Библиотека социолога. Лекция 13. [http:// sociolog.in.ua](http://sociolog.in.ua).
10. Громова, Т.В. Подготовка преподавателя к дистанционному обучению / Т.В. Громова // Народное образование. – 2006. – №5 – С. 153–156.
11. Соловов, А.В. Электронное обучение: проблематика, дидактика, технология / А.В. Соловов. – Самара: Новая техника, 2006. – 464 с.

DISTANCE EDUCATION IN HIGH SCHOOL. IMPLEMENTATION METHODS

Agafonova A.S., Assoc. Prof. MSFU, Ph. D (Cultural)

caf-miok@mgul.ac.ru

Moscow State Forest University, 141005, Mytischki, Moscow reg., Russia; 1st Institutskaya st., 1, MSFU

In times of high-tech, fast pace of life, new forms of education, teaching materials in electronic form, distant learning has become a necessity and is part of the university system. The foundation of such a complex shows an increase in the level of educational activities of the university, and indicates an effective system of information support of educational process. Professional introduction of computer technologies into the удалит educational process is an integral part of modern education. Electronic training complex as a part of educational process includes all the components necessary for the organization of training activities, provides a full cycle of didactic training and is designed to optimize the development of the necessary knowledge. Of course, to create electronic teaching materials classroom teachers require serious technical support and appropriate organizational, informational and methodological conditions. The author himself develops educational and methodical complex for the three disciplines, so the proposed article is a compilation of some of the work that has been carried out when creating teaching materials and daily work with methodists and distant students. This includes theory, creation of test baggage and problems encountered and overcome during distant education. This article is descriptive and analytical in nature and can be used for work in the system of distant learning by both teachers and students.

Keywords: distant learning, electronic teaching materials, tests.

References

1. Burns S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. Moscow: Onyx Publ. 1988.
2. Volzhenina N.V. *Organizatsiya samostoyatel'noy raboty studentov v protsesse distantsionnogo obucheniya*. [Organization of independent work of students in the distance learning] *Ucheb. posob.* [Study. Benefits]. Barnaul: Publishing House of the Altai Univ. Press. 2008. 59 p.
3. *Prikaz Ministerstva obrazovaniya Rossii ot 18.12.2002 № 4452 o «Metodike primeneniya distantsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologiy (distantsionnom obuchenii)»* [Ministry of Education of Russia from 18.12.2002 № 4452 of the «Method of use distance educational technologies (distance learning)»].
4. Shalkina T.N., Zaporozhko V.V., Rychkova A.A. *Elektronnye uchebno-metodicheskie komplekсы: proektirovanie, dizayn, instrumental'nye sredstva* [Electronic educational-methodical complexes: design, design tools]. Orenburg: SEI OSU Publ. 2008.160 p.
5. Pagaeva Z.E. *Narodnye promysly i remesla Tul'skogo kraя* [Folk arts and crafts of the Tula region] Referat [Abstract]. Moscow, 2013. 26 p.
6. Grevtsova V.V. *Zhizn' i tvorchestvo Turgeneva v Spasskom-Lutovinovo* [Life and Work of Turgenev in Spassky Lutovinovo] Referat [Abstract]. Moscow, 2012. 28 p.
7. Ivanov V.A., Udalova I.B. *Distantsionnoe obuchenie – naibolee perspektivnaya forma zaochnogo obrazovaniya* [Distance learning – the most promising form of absentee-education] *Vestnik NGTU* [Bulletin of the NSTU]. 2011.
8. Ibragimov I.M. *Informatsionnye tekhnologii i sredstva distantsionnogo obucheniya* [Information technology and distance learning]. Moscow: Academy Publ., 2007. 336 p.
9. *Distantsionnoe obuchenie. Biblioteka sotsiologa. Lektsiya 13 [Internet resurs]* Distance Learning. Library sociologist. Lecture 13 [http:// sociolog.in.ua](http://sociolog.in.ua).
10. Gromov T.V. *Podgotovka prepodavatelya k distantsionnomu obucheniyu* [Preparation of teachers for distance education]. *Narodnoe obrazovanie* [Education]. 2006. no. 5, pp. 153–156.
11. Soloviev A.V. *Elektronnoe obuchenie: problematika, didaktika, tekhnologiya* [E-learning: problems, didactics, technology]. Samara: New technic, 2006, 464 p.

ПЯТНАДЦАТЬ ВЫПУСКОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ» В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ЛЕСА

Л.Б. БАХТИГУЛОВА, проф., зав. каф. психологии и педагогики МГУЛ, канд. пед. наук

caf-pedagog@mgul.ac.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи, ул. 1-я Институтская, 1, МГУЛ

Данная статья содержит анализ основных итогов деятельности кафедры педагогики и психологии по организации подготовки специалистов – педагогов профессионального обучения. Раскрыто ключевое значение Учебно-методического объединения в области профессионально-педагогического образования Российской Федерации (УМО по ППО РФ) в решении организационных и научно-методических вопросов подготовки специалистов. Освещены цели и задачи подготовки по специальности «Профессиональное обучение» в связи с существующими кадровыми проблемами в системе профессионального образования. Рассмотрены особенности подготовки по специальности «Профессиональное обучение», циклы дисциплин, практики. Освещены вопросы трудоустройства выпускников. Выполнен анализ сотрудничества кафедры с другими организациями.

Ключевые слова: специальность «Профессиональное обучение», Учебно-методическое объединение в области профессионально-педагогического образования Российской Федерации (УМО по ППО РФ), реорганизация профессионального образования, психолого-педагогическая подготовка, экономическая подготовка, трудоустройство выпускников, педагогическая практика, образовательные стандарты, методические вопросы, образовательные программы.

Открытие специальности «Профессиональное обучение» отвечает целям и задачам проводимой в Российской Федерации реорганизации народного образования. Прежде всего, оно обусловлено дефицитом преподавателей профессиональных дисциплин, модулей и междисциплинарных курсов в учебных заведениях, осуществляющих подготовку рабочих и специалистов: профессиональных училищах, лицеях и колледжах, лесхозах-техникумах и совхозах-техникумах, что подтверждается данными Минобрнауки России, а также запросами этих учебных заведений на педагогические кадры. В основном на преподавательских должностях работают инженеры и технические специалисты, не имеющие специальной психолого-педагогической подготовки.

Студенты изучают психолого-педагогические, общенаучные, экономические, общетехнические и общеинженерные дисциплины, овладевают широким кругом гуманитарных знаний: изучают историю отечества и мировой культуры, философию, право; приобретают навыки делового общения и менеджмента; осваивают отечественные и зарубежные методы психодиагностики – разнообразные методики опросов, анкетирования, компьютерного тестирования. Психолого-педагогическая подготовка помогает приоб-

рести уверенность в себе, умение управлять большими и сложными коллективами, быстро ориентироваться в новой обстановке, стрессоустойчивость. Что касается экономической подготовки, то студенты специальности «Профессиональное обучение» изучают такие экономические предметы, как «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Экономика предприятия», «Экономика отрасли», «Управление качеством», «Маркетинг», «Менеджмент» и многие другие, а также отраслевые предметы, которые позволяют им уверенно ориентироваться в экономике лесного хозяйства, деревообработки, мебельной промышленности, землепользования и природных ресурсов.

Выпускники специальности могут не только работать преподавателями, но и выполнять функции экономиста, менеджера на предприятиях лесного комплекса и в различных экономических структурах. Они находят работу в банковском, страховом секторе, управлении продажами, как специалисты по бухгалтерскому учету, маркетингу и рекламе. Есть среди них и те, кто открыл собственное дело.

Педагогическая практика студентов, обучающихся по специальности «Профессиональное обучение», одно из важнейших звеньев учебно-воспитательного процесса кафедры педагогики и психологии. Это ак-

тивная и эффективная форма подготовки будущих специалистов к профессионально-педагогической деятельности. За время учебы студенты проходят шесть практик, три производственные (по рабочей профессии – на втором и третьем курсе – и технологическую), две педагогические (активную и стажерскую) и преддипломную. Базами практик являются профессиональные училища, техникумы и колледжи (в основном, Москвы и Московской области), предприятия и организации лесной, деревообрабатывающей, мебельной и многих других отраслей, в том числе и государственные организации. Преподавательским коллективом кафедры разработаны методические рекомендации по проведению всех видов практик в сроки, определенные учебным планом и деканатом гуманитарного факультета.

Все концептуальные вопросы, касающиеся содержания и структуры учебного процесса, решаются кафедрой по согласованию с советом Учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию. Этот совет осуществляет непосредственный контроль за учебно-воспитательным процессом по специальности «Профессиональное обучение». Представители кафедры традиционно участвуют в ежегодных пленумах Учебно-методического объединения. Кроме того, несколько методических мероприятий УМО были проведены в Московском государственном университете леса.

В 2010 г. на базе кафедры педагогики и психологии была проведена конференция УМО по профессионально-педагогическому образованию РФ, посвященная вопросам проектирования основных образовательных программ (ООП) в рамках ФГОС ВПО нового поколения. Участие принимали представители вузов всей России. А в **2014 г. в МГУЛ был проведен методический семинар «Усиление практической составляющей в подготовке педагогов профессионального обучения»**. Такие мероприятия оказали нам неоценимую помощь в организации перехода на новые образовательные стандарты (ФГОС 3 и ФГОС 3+ соответственно).

В составе УМО по ППО РФ кафедра реализует также близкое сотрудниче-

во с ведущими вузами, осуществляющими профессионально-педагогическую подготовку: Российским государственным аграрным университетом – Московской сельскохозяйственной академией (РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева), Пензенским государственным технологическим университетом (ПензГТУ), Брянским государственным техническим университетом (БГТУ), Оренбургским государственным педагогическим университетом (ОГПУ), Пермским национально-исследовательским политехническим университетом (ПНИПУ), Воронежским государственным аграрным университетом им. Петра I, Нижегородским государственным педагогическим университетом им. К. Минина и многими другими.

Еще одним важнейшим направлением сотрудничества кафедры является взаимодействие с профильными предприятиями и организациями. К ним относятся, в первую очередь, учреждения профессионального образования: Мытищинский машиностроительный колледж, Колледж космического машиностроения и технологии, Правдинский лесхоз-техникум, Московский областной профессиональный колледж инновационных технологий и многие другие, а также предприятия и организации лесного сектора экономики и взаимосвязанных с ним отраслей. Кафедра осуществляет работу по расширению географии баз практик (впоследствии мест трудоустройства выпускников): заключены договора о сотрудничестве с учебными заведениями, предприятиями и организациями Тверской области, Смоленской области, Республики Мордовия и других регионов России.

Одна из основных задач кафедры на текущий момент – сохранить положительный опыт работы и традиции, накопленные за время подготовки специалистов, в процессе работы со студентами, обучающимися по программам бакалавриата.

Библиографический список

1. Бахтигулова, Л.Б. Психолого-педагогическая мастерская как инновационная форма обучения / Л.Б. Бахтигулова // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – № 5 (97). – 2013. – С. 169–172.

2. Бахтигулова, Л.Б. Пути модернизации профессионального образования / Л.Б. Бахтигулова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. Сб. мат. XXI Международной научно-практической конференции. – Новосибирск, НГТУ, 2011.
3. Петров, А.Ю. Разработка структурной модели непрерывного компетентностно ориентированного инженерно-педагогического образования / А.Ю. Петров // Саморазвитие человека: инновации в образовательном пространстве: Мат. международной научно-практической конференции. Ч. 1. – Н. Новгород: ВГИПУ, 2007. – С. 84–93.
4. Соломахо, Э.П. Десять лет с Учебно-методическим объединением по профессионально-педагогическому образованию / Э.П. Соломахо, Л.Б. Бахтигулова // Вестник Учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию. Вып. 1(42). – Екатеринбург, 2008.
5. Соломахо, Э.П. Психолого-педагогическая составляющая системы подготовки преподавателя / Э.П. Соломахо, Е.В. Климачева, Н.М. Наретя // Психолого-педагогические исследования в системе образования. Мат. III Всероссийской научно-практической конференции. Сб.1, ч. 2. – Москва–Челябинск: Образование, 2005.

FIFTEEN GRADUATIONS FROM THE MOSCOW STATE FOREST UNIVERSITY
IN THE SPECIALTY “VOCATIONAL TRAINING”

Bahtigulova L.B., Prof. MSFU, Ph.D. (Pedagogical)

caf-pedagog@mgu.ac.ru

Moscow State Forest University, 141005, Moscow Region., Mytishchi, 1st Institutskaya str. 1 MSFU

This article contains the analysis of the main outcomes of education in specialty «Vocational Training» provided by the Chair of Pedagogy and Psychology, Moscow State Forest University. Crucial importance of the Educational and Methodological Association in the area of Teachers’ Vocational Education of the Russian Federation (UMO PPO RF) in solving organizational and scientific-methodological problems was shown. The aims and objectives of education in the specialty «Vocational Training» in connection with existing staff problems in the system of vocational education were highlighted. The characteristics of training in the specialty «Vocational Training» including the cycles of disciplines and practice were considered. The alumni employment was described. The analysis of department cooperation with other organizations was made.

Keywords: specialty «Vocational Training», the Educational and Methodological Association in the sphere of Teachers’ Vocational Education of the Russian Federation, the reorganization of vocational education, psychological and pedagogical training, economic training, alumni employment, teaching practice, educational standards, guidelines issues, educational programs.

References

1. Bakhtigulova L.B. *Psikhologo-pedagogicheskaya masterskaya kak innovatsionnaya forma obucheniya* [Psycho-educational workshop as an innovative form of training] Moscow state forest university bulletin–Lesnoy vestnik. №5 (97), 2013. pp. 169–172.
2. Bakhtigulova L.B. *Puti modernizatsii professional’nogo obrazovaniya* [Path of modernization of vocational training] *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* [Psychology and Pedagogy: methodology and problems of practical application] Collection of materials XXI International scientific and practical conference. Novosibirsk, NGTU, 2011.
3. Petrov A.Yu. *Razrabotka strukturnoy modeli nepreryvnogo kompetentnostno-orientirovannogo inzhenerno-pedagogicheskogo obrazovaniya* [The development of a structural model of continuous competence-oriented engineering and teacher education] *Samorazvitie cheloveka: innovatsii v obrazovatel’nom prostranstve* [Self-development: innovation in the educational space] Proceedings of the international scientific-practical conference. Part 1. N. Novgorod: VGIPIU, ch. 1. 2007. pp. 84–93.
4. Solomakho E.P., Bakhtigulova L.B. *Desyat’ let s Uchebno-metodicheskim ob’edineniem po professional’no-pedagogicheskomu obrazovaniyu (stat’ya)* [Ten years with educational and methodical association for vocational teacher education] *Vestnik Uchebno-metodicheskogo ob’edineniya po professional’no-pedagogicheskomu obrazovaniyu. Vypusk 1(42)* [Journal of Educational Methodology Association for vocational teacher education. Issue 1 (42)]. Ekaterinburg, 2008.
5. Solomakho E.P., Klimacheva E.V., Naretya N.M. *Psikhologo-pedagogicheskaya sostavlyayushchaya sistema podgotovki prepodavatelya* [Psycho-pedagogical component of teacher training] *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya v sisteme obrazovaniya* [Psychological and pedagogical research in the education system] Proceedings of the III All-Russian scientific-practical conference. Collection 1, Part 2. Moscow–Chelyabinsk: Obrazovanie, 2005.